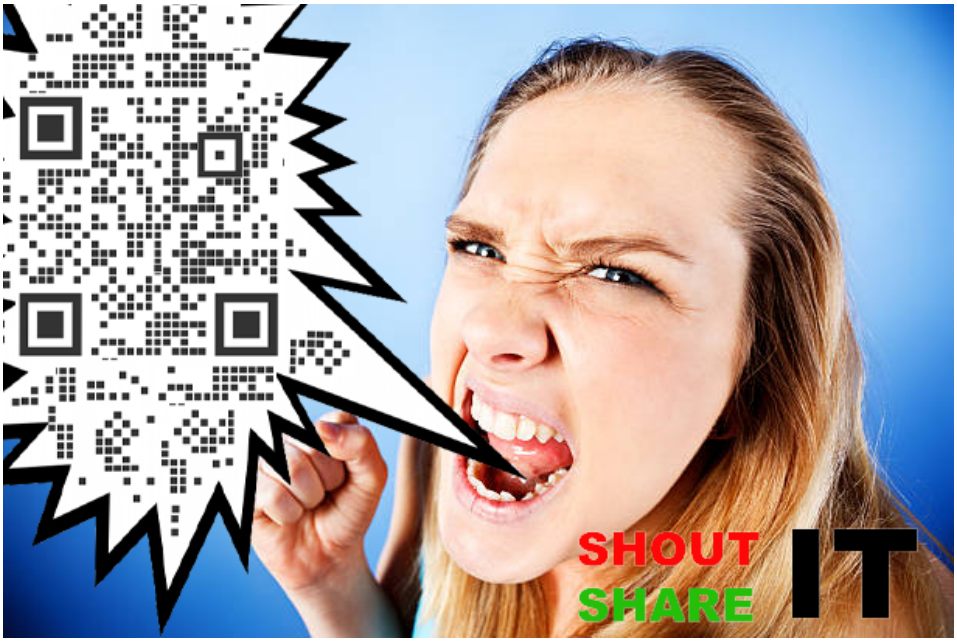
КОЛЛЕКЦИЯ / ТЕКСТ

Ивлин Во

ЧУВСТВУЮ СЕБЯ ГЛУБОКО ПОДАВЛЕННЫМ И НЕСЧАСТНЫМ

Из дневников 1911–1965


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

По аналогии с жанром «роман в письмах», эту публикацию можно было бы назвать «романом-дневником». Романом, в центре которого портрет художника в разные годы его жизни… Ивлин Во начинает вести дневник очень рано – с младших классов школы, и продолжает его – порой со значительными, бывает, многолетними перерывами – всю свою бурную жизнь, почти до самой смерти.

Итак, кто же смотрит на нас с портрета? В различные этапы жизненного пути школьник, студент, писатель, педагог, офицер, диверсант, ученый и т.д. и т.п. Одним словом, перед нами типичный англичанин: не склонный к откровенности, сдержанный, всеми силами ограждающий свой внутренний мир от внешнего… и одновременно ироничный, склонный рассматривать и себя и мир с позиций весьма «черного» юмора… Этот легко узнаваемый, типично английский юмор и составляет основное достоинство предлагаемых читателю дневников.

Перевод: Александр Ливергант

- Ивлин Во
  - Портрет сатирика в интерьере

Ивлин Во
Чувствую себя глубоко подавленным и несчастным. Из дневников 1911-1965

Портрет сатирика в интерьере

По аналогии с жанром «роман в письмах», эту книгу можно было бы назвать «романом-дневником». Романом, в центре которого – если воспользоваться названием знаменитой книги Джеймса Джойса – портрет художника в молодые годы. И в «старые», впрочем, тоже. Художника – в буквальном смысле, а не только в переносном: с детства Ивлин Во отлично рисовал, всю жизнь интересовался живописью и архитектурой, хорошо и в том, и в другом разбирался.

Начинает Во вести дневник очень рано – с младших классов школы, и ведет его – порой со значительными, бывает многолетними, перерывами – всю жизнь, почти до самой смерти. Однако регулярно Дневники велись, пожалуй, лишь до сентября 1939 года, до начала Второй мировой войны, в которой писатель, к слову сказать, активно и в разном качестве участвует.

Дневник – это всегда портрет в интерьере. Бывает, интерьер – окружение, эпоха – оттесняют портрет на второй план: дневник Лидии Чуковской, братьев Гонкуров. У Ивлина Во эпоха не составляет портрету конкуренции, зато окружение играет в его дневниках роль весьма существенную. Многие из окружения писателя переселяются со страниц его дневниковых записей на страницы его же книг: читавшие Ивлина Во узнают в близких школьных и оксфордских друзьях писателя, в светских приятелях, собутыльниках, подругах, собратьев по перу, случайных знакомых и литературных, театральных и политических знаменитостях прототипов его сатирических персонажей. А вот эпоха просматривается с трудом: об исторических событиях первых шестидесяти лет двадцатого века, за вычетом Второй мировой войны, говорится вскользь, между делом. Нет в Дневниках ни слова о русской революции, о Великой депрессии, почти ничего о приходе Гитлера к власти, о «холодной войне», Карибском кризисе, Берлинской стене.

Кто же смотрит на нас с портрета? Человек, безусловно, одаренный, но по-человечески не слишком привлекательный. Сноб: всегда кичился добрыми отношениями с аристократическими семьями. Как и полагается сатирику, мизантроп: «Худшей школы, чем Хит-Маунт, нет во всей Англии», «Чудовищно скучно», «Сегодня совершенно пустой день», «Нынешнее Рождество – сплошное разочарование», «Чувствую себя глубоко подавленным и несчастным», «Неделя получилась хуже некуда». Сибарит, эгоист, гурман. Обидчив, раздражителен, капризен, пренебрежителен, страдает резкими перепадами

настроения. Хорошо разбирается в литературе и живописи и ничуть не хуже – в людях, большинство из которых, прямо скажем, не жалует – черномазых и евреев в особенности. Да и собой доволен бывает редко – свои сочинения, впрочем, обычно хвалит. При этом инфантилен, очень любит строить планы на будущее, давать себе «крепкий», но редко выполняемый зарок: «С сегодняшнего дня бросаю пить», «На Пасху перестаю принимать снотворное», «Со следующего месяца начинаю писать иначе». С людьми сходится плохо (правда, если сходится, то надолго), не близок ни с родителями, ни – тем более – с братом, как и он писателем, раздражать его будут даже собственные дети.

Типичный англичанин, Во даже школьником не склонен откровенничать, неукоснительно, по-британски блюдет законы самоконтроля и сдержанности: известное дело, «дом англичанина – его крепость». Его внутренний мир скрыт за миром внешним. Чувства, эмоциональный и философский настрой, взгляды на политику, литературу, религию, да и на все то, что принято называть «личной жизнью», «творческой лабораторией», в его дневниках, как правило, – за семью печатями. В отличие от героя тургеневского «Дневника лишнего человека», герой Дневников Во редко «вдается в умозрение». Из всех чувств, заботливо припрятанных от читателя (а возможно, и от самого себя), исключение составляет разве что чувство юмора – нередко «черного». Вот им-то автор «Мерзкой плоти» и «Пригоршни праха» «делиться» готов всегда.

В этом – ироническом – отношении к себе и к миру (к миру больше, к себе меньше) и заключается, как кажется, главное достоинство Дневников Ивлина Во.

По дневнику писателя далеко не всегда узнаешь его творческую манеру. А вот сатирик Ивлин Во в своих дневниках узнаваем. Читая убористые, суховатые записи, нередко похожие на деловой отчет, на краткую сводку событий, будь то описание студенческих кутежей, или унылых будней школьного учителя, или будней не менее унылых находящегося в глубоком тылу офицера разведки, или странствий в джунглях Гвианы, или церковной службы: приняв католичество, Во исправно, где бы он ни находился, ходил к мессе, к причастию, – читатель проследит, как формируется сатирический метод писателя. Увидит наброски, «заготовки» к коллизиям его романов. Обнаружит в жизни автора дневников, в жизни «золотой» столичной молодежи 30-х годов абсурдно-безысходные ситуации, из которых сотканы сюжеты ранних книг Во. Узнает то, что лучше всего передается английским словом vortex (водоворот, хаос) и что является отличительной чертой и жизни молодого неприкаянного Во, и

поэтики его ранних книг, населенных, вслед за Дневниками 20–60-х годов, «сумеречными людьми», как назвал свой первый роман современник и приятель Во, другой известный британский сатирик Энтони Пауэлл. И не столько сумеречными людьми, сколько карикатурами на них. В записи от 15 марта 1920 г. Во пишет: «Если мои карикатуры будут столь же популярны и впредь, то надо… заняться карикатурой всерьез». Он и занялся. И получилось неплохо.

На русском языке Дневники Ивлина Во печатаются с некоторыми сокращениями. Первая публикация фрагментов из дневников (20–30 годы) – в журнале «Иностранная литература» (№ 2, 2013 г.) *А. Ливергант*

Школа Хит-Маунт [1]

Сентябрь, 1911 года

Моя история

Меня завут Ивлин Во я хажу в школу Хит-Маунт я в пятом класе наш класный рукавадитель мистер Стеббинг. Мы все нинавидим мистера Купера, нашево матиматика. Севодня сетьмой день зимнево симестра, а мой читвертый. Сегодня васкрисенье паэтаму я ни в школе. По васкресеням у нас всекда на зафтрак сасиски. Я сматрю как Люси их жарит когда они сырыйе у них ужасно смишной вит. Папа исдатель, он ходит в Чепмен-энд-Холл место ужасно скучнае. Я собераюсь в церкофь. Алек мой старший брат только што поехал в Шерборн. Дуит сильный ветер. Боюсь что кагда пойду в церкофь меня здует. Но меня не здуло.

18 августа 1914 года

Путешествие

Ехали под мостами, охранявшимися часовыми в будках, пока не добрались до Рэдинга, а там часовых не было ни одного.

Бат Поездка бы удалась, если б не пьяный в нашем купе: обменивался с сыном какими-то непонятными знаками. Вышли из поезда и пошли в римские бани, где отлично провели время. Экскурсовод, который водил нас по городу, оказался большим ослом, мы с папой [2] за ним не ходили, решили, что будем лучше смотреть в путеводитель, а не на этого болвана.

1914, зимний семестр

Школьные Мучения

Пришел к выводу, что худшей школы, чем Хит-Маунт, нет во всей Англии.

Сегодня было три урока латыни – страшное дело. Мистер Хинклифф с каждым днем все гаже. И с каждым днем нос у него все длиннее и длиннее. Весь первый урок обхаживал несчастного Спенсера – не повезло ему, что он у Хинклиффа в любимчиках.

1915

Брайтон

Первое полугодие, наконец, позади, и мы (я с мамой) отправились в Брайтон. Вечером пошли в церковь. Перекрестился и преклонил колени перед алтарем только я один.

Цеппелины Часов в одиннадцать вечера меня разбудил Алек [3] . Сказал, что прилетели цепеллины. Спускаемся вниз и видим: констебль носится по улице и кричит: «Свет долой!» Цеппелины, говорит, прямо у нас над головой. Услышали разрывы двух бомб, а потом забили пушки на Парламент-Хилл, и цеппы в клубах

дыма убрались восвояси – убивать других детей.

1916, весенний семестр Мы с Хупером шли домой, и тут какой-то парень лет десяти кричит нам: «Что пялитесь, желторотые?» Погнались за ним, а навстречу, как водится, его старший брат. «Что, – говорит, – давно не получали?» Я ответил: «Да», мы бросились друг на друга, в ход оба пускали и руки, и ноги, но победителем вышел я.

1916, летний семестр

Водяная крыса

Довели Кэмерона до белого каления – ни одного учителя так не доводили. В лицо называем его «Водяной крысой» и елозим партами. Один раз до того разъелозились, что он не выдержал и спрашивает: «Откуда такой скрип?» – «А вы сами, – говорит ему Браун, – сядьте и увидите, как они скрипят». Потом Нобел нашел тряпку и подбросил ее на учительский стол. Умора.

Понедельник, 14 августа 1916 года Утром мы с мамой ходили по магазинам; купила себе шляпку, а я, после долгих поисков, – блокнот и до самого обеда рисовал в нем нехорошие картинки. Перед обедом выкупались, вода оказалась холодней обычного, и волны; поплескался вволю. После обеда купался опять, вернулся голодный, как волк, а к чаю всего-то: крошечный кусочек хлеба с маслом да пирожок с мой мизинец. Зато ужин превзошел все ожидания. После ужина ходили на «Счастливую долину» – неплохое шоу, но с «Олимпийцами» не сравнится. Мужчины играли ничуть не хуже, зато дамы (женщины, я имею в виду) выглядели такими старыми, такими вычурными, к тому же так жутко размалеваны, что все шоу пошло насмарку. Песенка «Следом за сержантом» мне понравилась, но хором они пели кто во что горазд. Вечер все равно получился что надо.

Лансинг-колледж

Лансинг-колледж [4] .

Вторник, 23 сентября 1919 года Алек как-то сказал, что живет в «непроницаемом» мире. И был прав. Меня же словно выбросило в совершенно иной мир, у меня теперь совершенно другие друзья, другой образ жизни. Домашний уют куда-то подевался – но, по правде сказать, без него я не скучаю.

Воскресенье, 28 сентября 1919 года Вместе со всеми ходил на вторую службу. Скучно. Единственная отрада – смотреть, как падают в обморок ученики младших классов. После церкви все собрались в столовой на несъедобный воскресный завтрак. Это первое воскресенье, поэтому воскресного урока нет. На воскресное письмо тратить время нет смысла: из-за забастовки железнодорожных работников все равно дойдет вряд ли. Некоторые, воспользовавшись забастовкой, не пишут вообще. Потом пошли в библиотеку, где вывешен список тех, кому книги выдаются «на вынос». Мне не хватило одного балла, Апторп в список включен, и Саутвелл, а я, хоть и шел следом, в него не вошел. Обидно: отдал бы всё, чтобы в него войти. Что ни возьми, я во всем оказываюсь за бортом, причем в самый последний момент: сначала в сборную колледжа не попал, теперь в этот список. И когда умру, мне тоже не хватит всего одного балла, чтобы попасть на небеса, и золотые врата захлопнутся перед самым моим носом. <…>

Пятница, 10 октября 1919 года

Сегодня утром вырвал из тетради и уничтожил первую часть этого дневника, где писал про каникулы. Там было мало чего занятного, зато очень много такого, что для чужих глаз не предназначалось, – опасно и при этом не смешно. Поэтому оставил самую малость, только про колледж. На следующих каникулах надо будет вести себя осмотрительней, думать, что можно писать, а чего нельзя. <…>

Сегодня отец вернул эссе Молсона и отозвался о нем весьма положительно. Он вообще постоянно подчеркивает, что наше поколение лучше, чем его. Интересно, среди нас действительно появятся великие люди или, наоборот, – сплошные посредственности? Мы и в самом деле, судя по всему, развиты не по летам – но хороший ли это знак, еще вопрос.

Четверг, 16 октября 1919 года <…> Какое же мы все-таки удивительное поколение! В предыдущем никто до девятнадцати лет ни о чем не думал и, уж во всяком случае, – о книгах и картинах. Но только время покажет, чего мы действительно

стоим.

Пятница, 17 октября 1919 года

«Несносна жизнь, как выслушанный дважды, в унылый сон вгоняющий рассказ» [5] .

Сегодня совершенно пустой день. Не пришло ни одного письма, не произошло ничего интересного. Мне разрешили не присутствовать на утренней и вечерней линейке, и я весь день читал Марло и Конан Дойла, а в перерывах просматривал книги Гордона. Нашел у него красивое издание «Одиссеи» – иным, впрочем, оно бы показалось слишком манерным. Получил почтовым переводом 16 шиллингов 6 пенсов и отправил деньги в книжный магазин Дента за «Геро и Леандра» [6] . Читал ее в библиотечном дешевом издании – типичная елизаветинская поэма.

Мое эссе о сказках понравилось – получил 27 из 30. Вот только правописание у меня по-прежнему хромает: три или четыре раза написал «воображение» с тремя «о». Завтра «красный» день [7] , на время которого почти все покидают колледж – будет поэтому так же скучно, как сегодня.

Понедельник, 20 октября 1919 года Еще раз побывал на выставке гравюр. Утро ничем не примечательно. Во второй половине дня очередная тренировка, пришлось стоять на воротах и отбивать мячи. Ненавижу «Младших» [8] . «Геро и Леандра» до сих пор нет; надеюсь, письмо с деньгами не затерялось. Вышел приказ: за обедом есть свою собственную еду запрещается. А это значит, что кормиться теперь придется одним хлебом – это единственная съедобная пища, которой здесь в достатке.

Воскресенье, 26 октября 1919 года День, лишенный каких бы то ни было событий. Некий Темпл [9] (соображает он вроде бы неплохо) приехал читать проповедь, рассуждал, непонятно с какой целью, о социализме, чем вызвал раздражение у наших чистоплюев.

Среда, 5 ноября 1919 года Вчера вечером Фулфорд, Молсон, Кэрью [10] и я пошли к Дику [11] и допоздна просидели у него перед камином, обсуждая Общество. Договорились, что в Обществе будет три направления: политическое, литературное и художественное. От музыкального, ввиду ревности Брентера [12] , решено было отказаться. На сегодняшний день Молсон с помощью Кэрью взялся возглавить направление политическое, Фулфорд – литературное, а я – художественное. Наша задача – призвать в свои ряды достойных членов. Что же до названия Общества, то остановились в конце концов на «Дилетантах». Хочется надеяться, что наша затея будет иметь успех. Есть несколько тем, на которые я бы хотел сделать сообщения:

«Тенденции в современном искусстве», «Фиаско прерафаэлитов», «Лимерик как самая совершенная форма поэтической выразительности». Если меня выберут президентом или секретарем, то первая художественная дискуссия, которую я попытаюсь организовать, будет на тему: «В этом колледже бытует мнение, что возрождение готики в прошлом веке может быть оправдано строительством школьных зданий». В защиту этого тезиса выступит И. Дж. Картер, против – я. Сегодня мне уже удалось собрать небольшую группу, которой на первое время, думаю, будет достаточно. В первых двух-трех дискуссиях примут участие только Барнсли, Картер и я, но в самом скором времени, надеюсь, присоединятся и остальные.

Пятница, 7 ноября 1919 года

К нам присоединилось еще несколько новообращенных. Очень трудно отбиться от учеников, которые не бельмеса не смыслят. На днях в общество («Дилетантов». – А. Л.) хотел вступить парень, чей любимый художник – Лэндсир [13] .
Ленивец Вудард [14] до сих пор не проверил наши работы. Поторопился бы. Не терпится узнать, что этот обыватель думает о моем эссе.

Понедельник, 10 ноября 1919 года Сегодня эти гнусные «Младшие», прямо скажем, не ударили лицом в грязь. В отличие от нас. Обыграли нас 10–2, я играл плохо, о чем свидетельствует счет, но защита еще хуже: лучше б они вообще не играли. Разделали нас под орех. После горячего душа (мы мылись в директорской – у нас вода шла, как обычно, холодная) нам полегчало. В конце концов, спорт – это еще не всё в жизни, есть же и «Дилетанты», и многое другое. <…>

Вторник, 11 ноября 1919 года

Сегодня утром в учебном манеже Хилл поинтересовался, не хочу ли я принять участие в дебатах. Чем польстил. Думаю предложить тему: «В этом колледже считается, что переселение душ – самое разумное решение проблемы человеческого бессмертия». Разумеется, это не так, но кое-какие аргументы в пользу этого утверждения у меня имеются. <…>
Сегодня в 11 утра нам сообщили о предложении короля отметить прошлый год двухминутным молчанием [15] . По-моему, идея отвратительна: ханжеский вздор и сентиментальность. Если вы лишились сыновей и отцов, то вспоминать их следует всегда, ходите ли вы по зеленой траве парков или по залитой огнями Шафтсбери-авеню, – а не всего две минуты в годовщину постыдного дня общенациональной истерики. В прошлом году никто не вспоминал об убитых – к чему вспоминать сейчас?

Суббота, 15 ноября 1919 года Уиттолла побили за то, что он

спросил у О'Коннора, сможет ли тот изобразить кашель сопрано.

Вторник, 2 декабря 1919 года <…> Если когда-нибудь мне удастся нарисовать что-то по-настоящему стоящее, я соберу все свои предыдущие работы и распрекрасно сожгу их на огромном, веселом костре. А если потом нарисую еще лучше, то сожгу и то, что до этого считал стоящим. Мысль эта не нова. Кажется, она принадлежит О.Генри (и почему все пишут его имя не О.Генри, а О'Генри?). Господи, сегодня вечером у меня все мысли путаются. Да и работы сегодня больше, чем обычно. Настроение хуже некуда. «На небе и земле – извечное мученье…» [16] Откуда эта цитата? «Шропширский парень»? Бессвязно, ничем не лучше Уэллса. Черт, какую же чушь я несу?

Вторник, 16 декабря 1919 года

Последнее вечернее занятие в этом году! Жду каникул, как никогда раньше. Что может быть лучше рождественских праздников! Осталось всего два дня, благодарение Господу <…> По-моему, если хочешь, чтобы работа получалась на совесть, посвятить ей надо всю жизнь. И так – во всем. Для дилетантов на свете места нет.

Хэмпстед,

пятница, 19 декабря 1919 года

Встал в шесть утра и на такси в Брайтон. Из окна машины поприветствовали Хоув. В ожидании поезда скучать не пришлось, сели в пуллмановский вагон и в 9.30 были на Виктории, где позавтракал – съел невообразимо много. Лондон неописуемо хорош. Как всегда. Поехали домой и после обеда рыскали по шкафам – искали, что бы надеть. <…> После ужина отец с выражением прочел [17] мне первые две главы своей автобиографии [18] . Ужасно жалко, что получается она у него такой куцей. Очень сентиментально, но здорово. Хочется надеяться, что эти каникулы удадутся. Прошлогодние были самыми в моей жизни лучшими. Война тогда только кончилась, Алек вернулся, и деньги текли сквозь пальцы, как в 1913-м. Сегодня получили несколько приглашений на ужин – но не много.

Суббота, 20 декабря 1919 года Сегодня утром ходил на выставку Матисса в галерею на Лестер-сквер. Был разочарован. Не могу ничего с собой поделать: его грубые, дурно нарисованные вещи меня не вдохновляют. То ли дело Шеррингем [19] – вот его выставка отличная, не жалею, что пошел. Цвет и форму он чувствует безукоризненно. <…>

Четверг, 25 декабря 1919 года Нынешнее Рождество – сплошное разочарование. Утром, правда, ходили к великолепной службе в церковь Святого Иуды [20] , слушали Messe Solennelle

[21] . На этом, собственно, праздник кончился. Вчера пришло письмо от бедного дурня Дика – звал приехать к нему на праздники. Договорились, что приеду в воскресенье. К чаю явилась Стелла Рис – играли в игры. Рождество не удалось. Как и дни рождения, рождественские праздники с каждым годом становятся все скучнее и скучнее. Скоро Рождество станет попросту днем закрытых магазинов.

Суббота, 27 декабря 1919 года После обеда мы с Филом отправились в «Валгаллу» на Thé dansant [22] . Было весело, отличный джаз. Thé, правда, был не слишком хорош, но пить можно. Сначала с танцами у нас не ладилось, но потом, попривыкнув друг к другу, стали двигаться в такт. Смотреть, как танцуют танго, – сплошное удовольствие. Вот бы самому научиться. По-прежнему смущаюсь – ничего не могу с собой поделать.

Среда, 31 декабря 1919 года Утром долго гулял, а потом танцевал в Ист-Хит-Лодж на новогоднем празднике. Танцевал от души. Коротко стриженная девица Маклири танцует средне, зато собой хороша, очень даже.

Воскресенье, 4 января 1920 года Чудовищно скучно. Лан конечно же все время читала и от книги оторвалась всего на пару минут. Вскочила, чтобы познакомить меня со своими распроклятыми дедом с бабкой и с этой ее гарпией-тетушкой.

Четверг, 22 января 1920 года После обеда ходил с мамой в кино на довольно унылый фильм. Вернувшись, переоделись, раньше обычного поужинали и отправились в Сент-Джеймс [23] на «Юлия Цезаря» в постановке Эйнли [24] . Великолепный спектакль. Последние две сцены игрались, пожалуй, в слишком быстром темпе, но все остальное – превосходно. Сцена перед палаткой Брута [25] – выше всяких похвал. Каска появляется очень часто – при чтении его роль казалась мне менее значительной. Строки, касающиеся характера Антония, равно как и сцена, где Октавий рассуждает о Лепиде, в спектакле отсутствуют, что, с моей точки зрения, – вольность.

Понедельник, 2 февраля 1920 года <…> Во второй половине дня отправился – пренебрегая всеми условностями – на длинную прогулку с Молсоном. Большую часть пути говорили о религии. По-моему, двум шестнадцатилетним парням обсуждать подобные вопросы нелепо, но спор получился ужасно интересным, к тому же, когда облекаешь мысли в слова, мозги прочищаются здорово. До того как мне пришлось отстаивать свою точку зрения, мне и в голову не могло придти, что я такой индивидуалист. До чего же бессознательно формируются наши убеждения! Прелесть споров в том, что узнаёшь не взгляды других, а свои собственные.

Суббота, 14 февраля 1920 года Сегодня после обеда опять ездил к Кризу [26] – продемонстрировать плоды своей усидчивости. Пронять его, однако, не удалось – разругал меня в пух и прах. Таков вообще его метод: сначала всячески поощрит, а стоит чего-то добиться, хоть немного поверить в себя, – и не преминет указать тебе на многочисленные огрехи. Это обескураживает и немного расхолаживает, но я-то знаю: теперь у меня получается лучше, чем раньше, я многому научился. Разговаривали мы долго, он раскритиковал мой вкус, сказать же мне ему в ответ на его едкие и справедливые замечания было нечего. А впрочем, он был, как всегда, мил – вот только работы мои ему не нравятся. Говорили об искусстве. Хочу попробовать сделать набросок открывающегося из его окна вида – но задача эта мне едва ли под силу.

Среда, 18 февраля 1920 года Сегодняшнюю службу директор назвал «монотонной, бессвязной, мрачной». Сидевшему рядом со мной Нэтрессу в чувстве юмора не откажешь. Вошел в часовню, уселся и громко, чтобы все слышали, изрек: «Не дождетесь, чтобы я играл в ваши игры!» Сказал и лениво откинулся на спинку скамьи. <…>

Понедельник, 15 марта 1920 года В воскресенье вечером дорисовал карикатуру на Паттока и продал ее Саутвеллу за четыре пирожка с кремом и четыре почтовых марки по полпенни. Карикатура имела огромный успех, никоим образом не соответствующий своему предмету, расхваливала ее вся школа, даже Роксберг [27] . Если мои карикатуры будут столь же популярны и впредь, то надо перестать тратить время на каллиграфию и заняться карикатурой всерьез. Буду, по крайней мере, сыт.

Воскресенье, 21 марта 1920 года «Дилетанты» активизируются. Сегодня мы собирались трижды. Утром состоялась до крайности бестолковая дискуссия политиков, после обеда – неплохая встреча интересующихся искусством, а после службы встречались – и очень успешно – литераторы. На встрече любителей искусства Барнсли прочел свое сочинение под названием «Аполлониада», его он якобы «обнаружил» в библиотеке колледжа. Этот псевдоперевод представляет собой, на что я сразу же обратил внимание, тонкую сатиру на нас, но касается она и всех остальных «Дилетантов». Просто поразительно, какие же «Дилетанты» тупицы, все до одного. Не в бровь, а в глаз. На литературном же сборище Кэрью прочел отличное эссе «Характер Гамлета». Поскольку с пьесой знакомы только мы с ним, дискуссия вылилась в спор между нами, но удовольствие я получил огромное.

Четверг, 8 апреля 1920 года Во второй половине дня отправился в кафе «Будьте как дома». Некто Соломон, жуткий маленький еврей и великий музыкант, играл нечто несусветное. Каким же варваром в музыке надо быть! Пока он играл, я весь истомился от скуки, Стела же дрожала всем телом и раскачивалась в экстазе. Вечером Барбара [28] и Алек повели меня на еженедельную встречу в клубе «Завтра». Обаятельный еврейский умник прочел эссе «Ситуэллизм [29] и поэтический застой» – статью довольно глубокую и бойко, по-журналистски написанную.

Вторник, 20 апреля 1920 года <…> Обнаружили магазинчик с вывеской «Старые мастера». К раме одной из картин приколото объявление: «Если до конца недели у меня не будет 100 фунтов, эту картину увезут в Америку. Будет обидно, если эта страна лишится такого великолепного портрета, но Guadeamus dum iuvenes sumus [30] . Мне сейчас двадцать лет». Какая прелесть!

Суббота, 24 апреля 1920 года Очень веселый пикник в Стратфорде у Буллидзов. Взяли с собой всё для рисования, но вместо того чтобы рисовать, отправились смотреть дом с привидениями. Вечером ужинал с тетей Трисси [31] у Буллидзов. Ужин был превосходный, но после ужина допустил одну из самых своих постыдных faux pas [32] . Мадемуазель сидела в стороне и с напряженным видом вслушивалась в наш разговор, пытаясь заучить английские идиомы. Я же, совершенно про нее позабыв, принялся рассуждать о том, какая опасность для всей Европы исходит от французов. Как вспомню, так холодный пот прошибает.

Четверг, 29 апреля 1920 года Утром долго гулял с Буллидзами. <…> Вернулись рано: у тети Конни была назначена политическая сходка. Тетя Трисси возглавляет здешних консерваторов, и они с сестрой в перерыве между прениями распивают чай с местными жителями, чтобы заручиться на выборах их голосами. На вопрос, будет ли она голосовать за консерваторов, одна старуха крестьянка ответила: «Да, мисс, пожалуй что, буду. Соседка моя – лейбористка, а ее куры всю мою зелень выклевали». Вот, если вдуматься, от чего зависят министры и министерства. Это и есть настоящая демократия.

Среда, 5 мая 1920 года С окончанием каникул кончается и тетрадь, в которой веду дневник. Последние страницы своего скупого повествования растягивать не буду; дневник, как «Жан Кристоф» [33] , – не кончается никогда. Следующий семестр обещает быть решающим: мы получаем аттестат, а от него зависит очень многое.

Суббота, 8 мая 1920 года Когда ехал к Кризу, лил дождь, а

когда возвращался, ярко светило солнце. Утро было печальным, каким-то беспросветным. Поскольку дождь шел сильный, в теннис поиграть не удалось. Сидел в библиотеке, было одиноко. <…> В этот раз Криз превзошел самого себя. Чудесно провел у него время. Мои «Розы» он понял досконально; восхищался ими и их же ругал. Предлагает написать двойной портрет язычества: неземной красоты златокудрый Аполлон, трогательно не готовый к мелочности жизни, и – по контрасту с ним – устрашающий лик похоти и распутства. Получится ли? Пили чай из чашек без ручек «Краун Дарби». Потом вновь отправились бродить по холмам, отчего на сердце стало вдруг легко. Что ни говори, а с эстетическим удовольствием физическое не сравнится. Если Лансинг чем и запомнится, так только благодаря Кризу.

Пятница, 21 мая 1920 года <…> Чувствую себя глубоко подавленным и несчастным. Криза не будет целый месяц, а он здесь – мой единственный друг. Впервые за три года соскучился по дому. <…> Понимаю, как мало все это значит, – и в то же время как ужасно много. Все мы плывем по воле волн; цели, которые мы перед собой ставили, давно позабыты. Мы все, в сущности, живем ради каникул и одним этим вполне счастливы. Однако бывают дни, подобно сегодняшнему, когда мы настолько физически и морально истощены, что не задумываться не можем. А ведь «только мысль – дорога в ад прямая» [34] .

Пятница, 28 мая 1920 года <…> Читаю «Нового Макиавелли» [35] – нравится мне куда меньше, чем ожидал. Герберт Уэллс помешан на сексе. Сначала от этой одержимости испытываешь шок, потом она начинает действовать на нервы. Равно как и его хладнокровный самоанализ. Завтра, слава Богу, – в Личпоул.

Четверг, 10 июня 1920 года Завтра наша сборная сыграет в крикет со сборной Тонбриджа [36] . Нелепое благоговение школы похуже перед школой получше – отвратительно! Среди прочего, нам предписано в субботу утром в присутствии тонбриджцев усердно распевать гимны в часовне. Снобизм – вещь здоровая, но всему же есть предел.

Суббота, 12 июня 1920 года Мы все либо пишем, либо рисуем наши жизни. Одни рисуют ее карандашами, вяло и робко, карандаш то и дело ломается, и приходится брать другой или же стирать нарисованное, отчего на бумаге остаются грязные пятна. Другие рисуют тушью – твердой, уверенной рукой; их работа часто никуда не годится, нередко выглядит нелепо, смехотворно, но всегда закончена и целенаправленна. Третьи пишут в цвете, краски – яркие, богатые – кладут их мощными, размашистыми мазками. У одних композиция беспорядочная, случайная, главная

тема теряется, растворяется в ненужных и бессмысленных деталях. Картина в целом представляет собой запутанный и бессвязный лабиринт. У других же – немногих избранных – композиция выстроена и продумана до мелочей. В ней нет ничего лишнего. Все самые незаметные изгибы причудливой конструкции составляют единое целое, «работают» на главную тему, в такой картине слабых мест нет.

Вторник, 15 июня – суббота 19 июня 1920 года

Любя себя, человек создал Бога по своему образу и подобию. Он счел себя безупречным существом – и придумал идеального гения, который мог бы его создать. Он обнаружил, что слаб, – и придумал идеального гения, чьей мощи он мог бы вверить себя и сказать: «Господь – на небесах, и с миром, стало быть, все в порядке» [37] .

Вот какая мысль посетила меня на днях. <…>
Хотелось бы написать оду «О бессмертии». Могло бы получиться забавно, но я с искушением справлюсь.

Пятница, 25 июня 1920 года Приезд с инспекцией «вселяет оптимизм». Было жарко, утро тянулось бесконечно, скоблили полы, пахло «Брассо» [38] . В заключение лорд Хорн произнес речь – олицетворение всего того, что отличает «старую школу». Приятный старикан, настолько искренний, что трудно воздержаться от дешевого цинизма. Его речь воспринималась пародией Алека. Он говорил о значении дисциплины и боевого духа, о мощи ведущих политиков, которыми может стать лишь тот, кто родился истинным джентльменом и учился в закрытой школе. Сообщил нам, что из нас готовят офицеров, напомнил о наших обязательствах перед государством в связи с нехваткой после войны мужского населения. А также о том, чем чревато нынешнее положение в мире и что в любую минуту нас могут призвать сражаться с турками, или с индийцами, или с шинфейнерами [39] , или с большевиками, или с валлийскими шахтерами. Речь и впрямь получилась отличной и, в общем, верной – и это при том, что все его идеалы умерли вместе с Пальмерстоном и Дизраэли [40] . Невозможно было не восхищаться его словами о том, что от нас потребуется куда больше, чем от его поколения. Ведь они любят рассуждать о том, что в молодости им приходилось делать намного больше, чем нам.

Четверг, 1 июля 1920 года Дождь – никаких спортивных соревнований. Отпра вился в библиотеку с благородным намерением как следует поработать, однако подшивка старых «Панчей» благополучно благородные намерения развеяла.

Суббота, 7 августа 1920 года После обеда мы с Барбарой

некоторое время катались на автобусах, потом пили чай в «Чертополохе», после чего вернулись домой. На обратном пути купили билеты в местный мюзик-холл. Шоу абсолютно непотребное. Привычные шутки о безнравственности и проституции; отталкивающего вида комик развлекал нас историей про венерические заболевания. Кое-какие номера, впрочем, были забавными; одна неплохая шутка: «В опочивальне царь Соломон мог наслаждаться с любой из тысячи своих жен, но этот болван предпочел опочить с отцами своими» [41] . Отец очень напуган смехотворной капиталистической войной в Польше [42] . Похоже на то, что мы в нее ввяжемся, и тогда Алека могут призвать.

Пятница, 13 августа 1920 года Утром – к моему портному. Костюм превосходен. Лучшего не сшили бы и за 18 гиней в Сэвил-Роу [43] . После раннего обеда ходили с мамой в театр: из последних рядов партера смотрели «Мошенничество» [44] в театре «Сент-Мартин». Места, впрочем, оказались очень хорошие. Впервые вижу такую жуткую пьесу и такую превосходную игру актеров. За ужином отец обронил остроумное замечание. Пока мы ели, наш щенок тоскливо выл в ванной, и отец сказал: «Он несчастлив и хочет нам об этом дать знать. Ну чем не писатель!»

Вторник, 24 августа 1920 года После обеда мама, Марджори, Барбара и я отправились на фильм по «Крошке Доррит». Очень плохо. В кино Диккенс какой-то неузнаваемо нелепый. Откуда только берутся трясущиеся старики и неисправимые дурни? Да и сценарий тоже совершенно несообразен и безвкусен.

Понедельник, 6 сентября 1920 года <…> Какая, в сущности, пустая вещь, этот дневник! Ведь я почти не записываю в нем что-то стоящее. Все по-настоящему важное лучше, думаю, хранить в памяти; дневник же в основном состоит из «Магазины – утром, кинематограф – днем». Надо постараться сделать его более… [45] Но это небезопасно.

Вторник, 19 октября —
понедельник, 25 октября 1920 года

Дел никаких. Во вторник вечером собиралось наше Общество чтения современных пьес. Читали «Кандиду» [46] , время провели превосходно. Решил на каникулах начать писать свой первый роман. Общий план уже намечен: один брат изучает противоречивый характер другого. Мне и в голову не могло прийти, каких роман потребует трудов. Подсчитал, сколько времени уйдет на каждую главу.

Вторник, 26 октября —
понедельник, 1 ноября 1920 года

На дневник времени не остается. Все силы трачу на роман –

продвигается, в общем, неплохо.

Пятница, 3 декабря – вторник, 21 декабря 1920 года

В понедельник 6 декабря отец написал мне, что мама попала в больницу и ей сделали операцию.

Домой приехал в прошлую пятницу. Наконец-то семья начинает проявлять интерес к моему роману. Алек относится к нему не без ревности, мама боится, что прославлюсь я слишком рано. Отцу нравится. Я же тем временем корплю над ним целыми днями, пытаюсь придать ему хоть какую-то форму. Пока же, по-моему, роман – не более чем набор довольно забавных разговоров. И все же мне кажется, он не плох, не сомневаюсь, что удастся его напечатать. Но сил, черт возьми, уходит масса. <…>

Понедельник, 24 января 1921 года Избавиться от привычки вести дневник ничего не стоит [47] . В прошлом семестре, когда я сел за роман и дневником занимался мало, охота его вести пропала, на прошедших же каникулах решил его и вовсе забросить. Незаконченная тетрадь осталась лежать дома в бюро – записи вялые, необязательные. Но теперь, вновь окунувшись в затхлую атмосферу Лансинга со всеми его взлетами и падениями, стоит, пожалуй, вернуться к дневнику опять.

Пятница, 28 января 1921 года История, линейка, тренировка, строевая подготовка, чай, история.

Вторник, 1 февраля 1921 года Вечером состоялась встреча Шекспировского общества. Присутствовали в основном аристократы; не считая меня, незнатного происхождения было всего двое. Читали по ролям «Лира» – и очень недурно. Миссис Б. блеснула великолепной формой. Действие всех трагедий после реплик вроде «Не дайте мне сойти с ума, о боги» [48] развивается безысходней некуда. После чтения пили чай с пирожными.

Суббота, 5 февраля 1921 года Футбольный матч в целом прошел «очень славно» [49] . Перед игрой мы все ужасно волновались, болтались по колледжу небольшими трясущимися группками и, чтобы не унывать, рассказывали друг другу похабные анекдоты. Игра с первых же минут пошла очень быстро. Меня, как бывает, когда снится, что со всех ног бежишь за поездом, вдруг охватила какая-то вялость. Должно быть, перетренировался. Играл плохо, то и дело упускал мяч. Проиграли 1–2. Хейл, Стретфилд и Бутби играли хорошо. После матча съели с Мэллоувеном по огромному бутерброду, напились чаю и весь вечер без дела провалялись на кровати.

Понедельник, 7 февраля 1921 года Бездельничал. Занял фунт у Бивена. Пригласил на чай Джона Вудворда, рассказал Кэрью, как пишется роман, и написал традиционное «воскресное письмо».

Пятница, 11 февраля 1921 года Чем больше я узнаю Лансинг,

тем больше убеждаюсь, что наше поколение – то есть все те, чей возраст колеблется между возрастом Фулфорда и моим, – поколение исключительное. Надо будет как-нибудь попробовать разобраться, чем эта исключительность объясняется. Думаю, во многом – войной; впрочем, последнее время меня не покидает страх, что из колледжа мы уйдем бесследно. Боюсь, что «система», как назвал бы порядки в Лансинге Криз, сильней, чем мы. Дилетантизм, который всех нас прежде всего отличает, с нашим уходом наверняка исчезнет, но вот озорство, наша сильнейшая черта, передастся тем, кто придет после нас <…>

Вторник, 15 марта 1921 года Конфирмация – нет ничего абсурднее. Никогда раньше не замечал, какая в этом церковном ритуале таится угроза. Несколько маленьких, перепуганных детей, разодетых, как на рисунках Дюлака [50] , в окружении угрюмых и грозных наставников и настоятелей дают клятвы, которые никогда в жизни не сдержат. Хотя бы этот ужас меня здесь миновал [51] . Выиграл забег на четверть мили.

Суббота, 26 марта 1921 года Бег с препятствиями. Пришел третьим с конца.

Четверг, 31 марта 1921 года

Пришлось идти к Вударду. Просил меня зайти после завтрака, и я сразу догадался, что речь пойдет о моем «большевизме» и о том, готов ли я стать старостой [52] . Сразу же перешел к делу:

– А, это вы, Во. Да, вызывал, садитесь. В следующем семестре нам понадобится новый староста, и, разумеется, вы – кандидатура самая подходящая. В своем отделении вы пользуетесь огромным влиянием, но учтите: если окажется, что взяться за дело всерьез вы не готовы, мне придется просить ваших соучеников вас отозвать. Мне известно, что во многое из того, что вы пишете и говорите, сами вы не верите. Что скажете?

Я заговорил о бреши в поколениях, которую проделала война, о «небожителях» и о нашем поколении. Он вел себя очень разумно. Я подтвердил, что готов – и даже вознамерился – вести жизнь более правильную и следить, чтобы законы колледжа неукоснительно выполнялись, однако подводить друзей отказываюсь и вообще не желаю драть нос. И еще сказал, что играть в крикет не собираюсь. Все это он выслушал с поистине ангельским терпением, и мы расстались друзьями <…>

Суббота, 2 апреля 1921 года

Пишу в 10.55 у себя в комнате, прежде чем засесть за поэму. Хочу попробовать научиться работать по ночам. Во-первых, это распаляет воображение, во-вторых, это единственное время, когда в колледже воцаряется полная тишина. Думаю, что научусь, ведь

ночь для работы лучше дня. Пишу уже вторую ночь подряд. Прошлой ночью продержался полтора часа. Сегодня надеюсь поработать столько же, а во вторник – еще дольше. Завтра кучу в «Опере нищих». Сегодняшний и вчерашний дни ничем не примечательны. Вчера после обеда ходили с Бобби на отличный спектакль в «Столл» [53] . Мне Бобби ужасно нравится, хотя он тугодум и болван. Сегодня ходил в Гильдию святого Августина на лекцию отца о женщинах Диккенса. Лекция хорошая, но отец неисправим – рисуется, как обычно.

Когда прогуливаешься в центре Лондона, иногда тебя вдруг охватывает желание пуститься бежать со всех ног. Точно так же и меня, ни с того ни с сего, охватило непреодолимое желание писать прозу. Часа два в раздумьях грыз перо – и не засну, пока что-нибудь не надумаю. Выражать мысль Спенсеровой строфой все равно что писать картину на обрывках бумаги, а потом приставлять один обрывок к другому, как будто это паззл.

Ничего не получается. Сочинил всего-то полдюжины стихов, и почти все – полная чушь. Рифмую бог знает как.

Воскресенье, 10 апреля 1921 года

Похоже, что договоренность с забастовщиками [54] может все-таки быть достигнута. Они, вероятней всего, увидели, что вся страна против них, и испугались.

Накропал еще пару строф в своей конкурсной поэме. Никакого удовольствия от нее не получаю.

Понедельник, 18 апреля 1921 года Опять пишу ночью. На эссе убил никак не меньше двух часов. Выбрал тему «Деньги», мне есть что сказать на этот счет, но получается неважно – отсыревший фейерверк. Сегодня утром Урсула Кендолл пригласила меня в субботу на танцы. Мои родственники продолжают мне досаждать. За бриджем болтают без умолку. Эрик впился в меня, точно пиявка, но держаться с ним я должен по-дружески. Пора спать – холод собачий.

Суббота, 23 апреля 1921 года

Неделя получилась хуже некуда. Сегодня вечером удалось, слава Богу, отделаться от родственников и пойти потанцевать. Отец все каникулы вел себя чудовищно глупо. Поразительно: чем больше я узнаю отца, тем больше ценю мать. Мне кажется, я нахожу в нем все новые и новые черты и понимаю, что мама-то знает о них давным-давно. Удивительная она женщина.

Вчера вечером ходили на «Бульдога Драммонда» [55] . Был во второй раз – но понравилось не меньше, чем в первый.

Понедельник, 13 июня 1921 года

Как я и ожидал, премия «Скарлин» досталась мне. Жаль Сэнгара – он не занял даже второго места. Как бы то ни было, три

фунта не помешают. И эссе, и поэму хочется, однако, завершить.

Пьеса [56] пишется недурно, но не так хорошо, как бы хотелось – спектакль ведь уже совсем скоро. В субботу вечером мы с Гордоном распечатали приглашения, и я перед сном их разослал. Приходят ответы, приглашения приняли все, кроме Вудворда. По-моему, он меня недолюбливает.

Мейнелл написал мне с предложением ее напечатать. Я ответил, что распродать экземпляры не смогу, но за предложение очень ему благодарен. Он показал пьесу Сквайру, который может пристроить ее в «Меркьюри». О таком я не мог даже мечтать. Тем не менее из дружеских чувств он бы это сделал, вот только боюсь, что такой, как он, мастер пародии начнет с того, что изучит ее досконально.

Всего за несколько недель я перестал быть христианином (то же мне, сенсация!); за последние два семестра я превратился в атеиста во всем, кроме мужества признаться в этом самому себе. Я уверен, это ненадолго, и не слишком по этому поводу беспокоюсь – вот только с Лонджем мы разошлись. Не мог себе этого представить. Знай я, что этим кончится, поверил бы во все, что угодно, ведь он – один из тех, ради кого стоит здесь находиться. <…>

В этом семестре я вдруг заметил, что заразился официальной атмосферой, и это самое худшее. Убежден – это неправильно. Лондж, который исключительно добр ко мне во всем остальном, ведет себя со мной с еще большей gravitas [57] . Я же почти во всем его слушаюсь, держусь с ним кротко – пожалуй, даже слишком. Надо же так подпасть под влияние – особенно после всего, что творилось в прошлом семестре.

Воскресенье, 26 июня 1921 года

В настоящее время, что бы я ни делал, говорю себе: «Через три года я полностью утрачу к этому интерес», но ведь в конечном счете наступит время, когда окажется, что делать я в состоянии чуть меньше, заглядывать вперед – чуть хуже. Придет время, когда мышцы станут дряблыми, зрение затуманится, мозг ослабеет. Я утрачу хватку, мне станет сложнее сконцентрироваться, чувства и память утратят былую остроту. А между тем с победным видом утверждают, что душа – средоточие нашей личности – останется, несмотря ни на что, неизменной. Боже правый! Я не требую от жизни многого, если я что и требую, то лишь от себя самого, – но тут я считаю свое требование законным. Когда Ты заберешь у меня мои тело и мозг – забери и все остальное. Не дай моей душе жить, когда всё, ради чего она существует, исчезнет. Пусть она ослабеет вместе с моим телом и пусть с моей смертью умрет и она.

Пьеса («Обращение». – *А. Л.*) имела в понедельник огромный успех. Ученики приняли ее на ура, куда лучше, чем наставники; наговорили мне много теплых слов. <…>

Вторник, 19 июля 1921 года

<…> Много думаю о самоубийстве. У меня перед родителями определенные обязательства; не будь у меня родителей, я бы и в самом деле убил себя. «Тот жил хорошо, кто умер, когда пожелал». Прошлой ночью я просидел до часа у окна, сочиняя прощальные письма. Вот что я написал Кэрью: «Мой дорогой Кэрью, прости, что моя биография не получилась длинной, можешь, впрочем, если хочешь, напечатать ее целиком и даже что-то присочинить. Что бы там ни случилось, присяжные, надеюсь, не вынесут вердикт “в состоянии умопомрачения”. Высшее проявление тщеславия у живых – воображать, что человек безумен, если он по собственному опыту приходит к мысли, что самое лучшее – не родиться на свет. В настоящее время я нормальнее, чем когда бы то ни было. Возможно, я немного взволнован, как бывает, когда собираешься встретиться с новыми друзьями, зато сейчас я все вижу яснее, чем раньше. Когда умираешь молодым, уносишь в могилу мозги, не затуманенные возрастом. Конкретной причины лишить себя жизни у меня нет. Вовсе не страх потерять родных побуждает меня совершить этот шаг. Речь скорее идет о страхе потерпеть неудачу. Я знаю, кое-что во мне заложено, но я ужасно боюсь, что эти задатки уйдут в песок. Пойми, самоубийство – это ведь на самом деле трусость. Уверен, если у меня есть дар, он себя окажет; если же нет – какой смысл жить. Nox est perpetua una dormienda [58] . Не вешай носа, *Ивлин* ».

А вот что – Лонджу: «Понимаю, Джон, моя мягкотелость тебе не по нутру. Верно, веду я себя не по-христиански. Ты здесь единственный человек, который значил для меня чертовски много. Передам от тебя Господу привет, если Его увижу, но мне почему-то сдается, что, если Он твой Бог, Он и без того уже все о тебе знает, а если мой, – Ему безразлично. Еще увидимся в лоне Авраамовом. Не сомневаюсь, ты первым проникнешь сквозь вечный мрак, дабы каплей влаги увлажнить мой пересохший язык. Привет, *Ивлин Во* ».

Увы, вкус меня явно подводит.

Всемогущество абсурдно. Невозможно быть всемогущим, не будучи всеведущим, а ведь всеведение ограничивает всемогущество. То есть, если знаешь, что произойдет, – сделать ничего не сможешь, кроме самого очевидного. Знание контролирует действие и ограничивает возможности. Но, как сказал Добсон, в действиях человека, если он всемогущ, логика

напрочь отсутствует.

Воскресенье, 24 июля 1921 года

<…> В этом семестре, когда мне действительно сопутствует успех, неудачи, одновременно с этим, подстерегают меня на каждом шагу. Все, чего я добиваюсь, я получаю второсортным, утратившим товарный вид. Лондж и Хейл, единственные мои соученики, которых я люблю больше себя самого, предложили мне третьестепенную дружбу с массой несуразностей и недоговоренностей. В качестве старосты я потерпел полное фиаско. Я не оправдал доверие Форда – и умыл руки; я то и дело изменял самому себе. Я трудился в поте лица, а отметки в аттестате стоят весьма посредственные. Я вел нездоровую жизнь. Я сделал многое, за что мне теперь стыдно. Вел себя мелочно, глупо, гнусно. В прошлом семестре я был всем недоволен и вел себя по-большевистски [59] – обычная история. В прошлом семестре я подчинил себе всю «скамью» [60] . И распустил соучеников. Когда же нарушения дисциплины перешли все границы, я вмешался; кончилось же все постыдной капитуляцией руководства. Когда семестр начался, на моей стороне было всё – я же вел себя бестолково и безынициативно; ко мне относились с симпатией, но без уважения. Я оказался в тени Форда и «небожителей».

В этом семестре Форд и «небожители» покидают колледж. В сентябре все будет совсем по-другому. А пока придется держать себя в узде. Моя цель – Оксфорд и Париж. Работать буду с утра до ночи, получу стипендию, хочу основать порядочный дискуссионный клуб и отличный журнал, который должен понравиться благонравным старшекурсникам. Перспектива – хуже не бывает; уж лучше жариться в преисподней.

Хэмпстед, воскресенье, 7 августа 1921 года

<…> Утром – в Национальную галерею. По-моему, Лонджу понравилось. Мы с Барбарой сделали очередное открытие: леди и джентльмен в чем-то вроде колесницы. Типичный английский восемнадцатый век – прелесть! Перекусили в «Грейвзе»: мусс из лососины, безе и кофе со льдом, и отправились в Блумсбери смотреть греческую скульптуру. Оттуда на Ливерпуль-стрит [61] проводить Лонджа. Потом – в кино, а после ужина в «Куинз» [62] на Шоу. Великолепно. Сначала показали чудесную неприличную сценку из Шницлера [63] , а потом «Смуглую леди сонетов» и «Разоблачение Бланко Поснета» [64] . Всё выше всяких похвал. Шоу в своем роде недосягаем. (Замечание тривиальное, прошу будущего редактора это замечание при публикации выбросить.)

Сегодня утром – в церковь, где думал о богохульном видении Страшного суда, о чем еще напишу. После обеда с Барбарой – к

Баррету. Надо снова садиться за историю [65] . Или я получу стипендию, или буду проклят. Или – и то и другое.

Понедельник, 22 августа 1921 года

Кэрью всю неделю в Лондоне. На «Овале» [66] подцепил девицу, целыми днями с ней. Пока он проводил с ней время в «Лордз» [67] , отец, мама, я и миссис Марстон ходили в «Столл» на новый фильм Чарли Чаплина «Малыш». Остался, по правде сказать, разочарован. Слишком броско и сентиментально. Больше всего Чаплин мне понравился в привычной роли эдакого сорванца – как в своих старых фильмах. Сцена, где он дерется кирпичом, смешней некуда.

Весь четверг провел за чтением. Над кембриджской «Современной историей» засыпаешь, даже когда читаешь про Французскую революцию. По сравнению с «Историей», «Богатые родственники», новый роман Комптона Маккензи [68] , первый, что я прочел за последние месяцы, – самая смешная вещь, попавшаяся мне в последние годы. Безумный принц Адельберт, а также Иосиф II и Леопольд доставили мне огромное удовольствие. Все говорят, что книга очень забавная, хотя и надуманная.

В пятницу вечером ходили в «Лицеум» [69] на «Авраама Линкольна». Не могу сказать, что остался в восторге. Хор ужасно многословен, многое – слезливо и банально. Безусловно, лучшими получились две сцены заседания кабинета министров. Отец, конечно же, счел, что истинным драматизмом отличается только одна сцена – смертный приговор часовому!

Среда, 24 августа 1921 года <…> Занимались с утра до вечера. В воскресенье во второй половине дня поехали в Кентербери. Город понравился, а вот собор разочаровал. Авторитет епископа оставляет желать лучшего. В собор нас не пустили, заявив, что идет служба. Мы вернулись через полчаса; собор был закрыт – служба кончилась. Дважды выкупались и несколько раз обошли окрестные деревни. В следующее воскресенье побывали на чудесной службе в церкви Святого Николая. Осмотрели старую церковь и увидели поблизости коттедж со смешной маленькой пристройкой. Прочли объявление на двери:

…

Воскресное благословение хлебов
в 11.00. Каждую субботу в 6 вечера
проповедь Евангелия. Посетителям

всегда рады.

Молсон тут же решил, что надо пойти. Мы немного опоздали и вошли в уютную комнатку с низким потолком, стульями с красной выцветшей обивкой и книгами на столе. За столом, вместе с проповедником, сидело человек десять. Они по очереди читали какой-то отвратный гимн, а потом хором его распевали. Никогда не слышал, чтобы пели так, как они, да еще так громко; Господь – их Господь – наделил собравшихся совершенно уникальной способностью не слышать самих себя. Затем один из них прочел молитву: «Отец наш, спасибо Тебе за все, что Ты делаешь для нас, за то, что даруешь нас Своей милостью. Мы благодарны Тебе, что соединил нас, и мы молимся за всех, кто, как и мы, собрался сегодня вместе. И за то, что Ты прислал сына своего Иисуса спасти нас…» – и в том же духе еще минут десять. А потом снова запели гимн, который, как и в первый раз, сначала хором прочли. Молсон покатывался со смеху, я же сдерживался изо всех сил. Потом они прочли главу из Библии, после чего принялись обсуждать каждый стих в отдельности. Наиболее вдумчивыми показались мне два главных человека – некий мистер Коул и пастор. На то, чтобы мыслить последовательно, остальные были явно неспособны. Молсон счел возможным вступить с ними в спор и отпустил какое-то дурацкое замечание, над которым они надолго задумались. По счастью он рассмеялся, и вопросов больше не последовало. Потом они запели опять. Когда молитва подошла к концу, пастор подошел и заговорил с нами. Сразу видно, к посетителям они не привыкли. <…>

Лансинг,

суббота, 17 сентября 1921 года

В пятницу собрался было ехать к Фулфорду, но в результате лихорадочного обмена телеграммами поездка отложилась, и вместо Бэри мы с отцом отправились в «Столл». Посмотрели два на редкость удачных фильма – даром что английских. В Бэри же – на следующий день.

Семейство Фулфорда состоит из четырех человек. Каноника – добродушного, обходительного дурака. Миссис Фулфорд – добропорядочной, старомодной женщины, от чьих способностей к игре в бридж впору было на стену лезть; доверять женщине в бридже не менее опасно, чем в любви. Брата, показавшегося мне большим чудаком. И хорошенькой, хрупкой, робкой сестренки по имени Моника. Я приехал с расчетом в нее влюбиться – но Бог миловал. Живут они неподалеку от Бэри в чудесном старом доме приходского священника; часть дома строилась при Эдуарде I, часть при Генрихе V, во всем же остальном здание георгианское.

Внутри сплошные лестницы. В первый день ощущалась нехватка воды: три из четырех имевшихся в наличии колодца высохли, а четвертый работал всего несколько минут в день. Кормили отменно. По вечерам, кроме воскресенья, играли в бридж. Воскресенье соблюдалось в полном согласии с традицией. Ощущалась традиция во всем: жители деревни играли на зеленых лужайках в «кольцо» со Страстной пятницы до сбора урожая. Каждый вечер, примерно в половине десятого, в гостиную вместе с кофе вносили будильник для слуг, вручали его канонику, и тот торжественно его заводил, после чего возвращал служанке. У служанок были необычные имена вроде Бесси и Рейчел. Единственный недостаток трогательного домашнего уклада – в их доме нельзя было не чувствовать себя существом чужеродным. Все разговоры за столом касались исключительно местных новостей, и слушать их было нестерпимо скучно. <…>

Воскресенье, 16 октября 1921 года

<…> Сегодня послал отцу кое-какие официальные бумаги, чтобы обсудить создавшуюся ситуацию. Дал ему знать, что уже одна мысль о том, чтобы задержаться в Лансинге еще на семестр, внушает мне ужас и что если я не получу стипендии, то готов ехать учиться в Оксфорд за минимальную плату. Попросил у него также разрешения найти в Лондоне работу с Рождества до экзаменов.

Этот семестр мне ненавистен – как ненавистен самому себе я. Удивительно, что Лонджу еще хватает терпения меня переносить. От бесконечного сидения за учебниками нервы у меня расшатались окончательно. Веду себя, как последний хам, – и отдаю себе в этом отчет. И деру нос – в соответствии с тем положением, какое занимаю в колледже; хуже всего то, что проникся официальным духом. Если же все мои старания пойдут насмарку и стипендии мне не дадут – возненавижу себя окончательно.

Сам толком не знаю, чего хочу. Знаю одно: в создавшемся положении здесь мне больше делать нечего. Уж лучше, как Фулфорд или Нэтресс, идти учителем в начальную школу.

Для всех, кому все до смерти надоело, мы с Кэрью создаем Клуб мертвецов. Президентом клуба буду я.

Среда, 19 октября 1921 года

Я помилован. Вчера вечером получил ответ от отца. Сочувствует и согласен, чтобы я ушел в этом семестре и либо ехал прямо в Оксфорд, либо во Францию. Настроение заметно поднялось. Но чтобы заработать стипендию, трудиться придется до умопомрачения. Оценить свои шансы я совершенно не в состоянии. Чувствую только, что, если стипендию получу, буду

абсолютно счастлив; если нет – глубоко несчастен. Логики в этом рассуждении явно не хватает.
Клуб мертвецов процветает. Решили, что члены клуба будут носить в петлице черную шелковую ленточку. <…> Во что превратился мой почерк! Последние несколько дней совершенно бессмысленны. Вчерашнее заседание Шекспировского общества – скучней некуда. Уходить – самое время. Не уйду – окончательно замкнусь в себе или, чего доброго, влюблюсь черт знает в кого.

Воскресенье, 30 октября 1921 года

Еще один беспросветный день. Довольно славный новый пастор – ножки тоненькие и кривые. Распеваем в духе церковного гимна: «Сколь прекрасны ноги твои, о проповедник Святого Евангелия!»
Пришел к выводу, что все сказанное мне ректором – полная чушь. Возвращаться сюда не имеет никакого смысла.

Пятница, 11 ноября 1921 года

Пребываю в тоске – как обычно. Вчера какая-то мелкая сошка из Оксфорда вернула мое заявление: неправильно, дескать, составлено, к тому же от кандидатов на стипендию по истории требуется знание двух языков. Будем надеяться, что это не более чем сатанинская секретарская шутка. В противном случае сдавать на стипендию – пустое дело: французский язык – в том виде, в каком он у меня сейчас, – постыдный фарс, не более того. <…>
Отец отказывается обсуждать мои планы на ближайшие полгода. Жизнь меж тем скучна и невыразительна.
Сегодня утром состоялось двухминутное молчание в память о погибших за родину. Во второй половине дня будет торжественная линейка. Здесь я зря трачу время – на этот счет у меня ни малейших сомнений. Интереса к истории у меня по-прежнему никакого. Академическая карьера не для меня. Не уверен даже, что мне так уж нужен Оксфорд. Но ничего не попишешь – обратного пути нет.

Понедельник, 21 ноября 1921 года <…> На днях произошел забавный случай, лишний раз подтвердивший, какая у меня в колледже репутация. Ректор отозвал меня из зала, чтобы расспросить о моих премиях и узнать, написал ли я некролог памяти Перси Бейтса [70] . Лондж поинтересовался, что случилось, и я ответил, что меня выгоняют за аморалку. Он, естественно, не поверил, однако не преминул сообщить об этом Дэвису, и тот, приняв сказанное за чистую монету, сообщил о случившемся не только старшеклассникам, но и вообще всему колледжу. «Я, если честно, нисколько не удивился, ожидал, что нечто подобное рано или поздно произойдет». В результате, последние несколько дней ко мне то и дело подходят соученики

со словами сочувствия: «Да, не повезло, старик. И с кем же ты спутался?» Многие поверили, Кэрью в том числе. Мне-то, разумеется, наплевать, просто забавно, ведь жизнь я здесь веду поистине праведную, если не считать, конечно, разговоров. А впрочем, я давно заметил: тот, кто избегает дурных слов, способен на дурные дела.

Среда, 23 ноября 1921 года

Через три недели, если только я не провалился, мне станут известны результаты экзаменов на стипендию.

Из нашей жизни, мне кажется, ушло главное – дружба. Никто, по-моему, не заводит больше настоящих друзей – об увлечениях не говорю. Если дружба и сохраняется, то единственно в нашей памяти.

Сегодня вечером – стоя, как всегда, на коврике перед камином – Кэрью излил мне душу. Теперь я понимаю: с моей стороны было ошибкой пытаться переделать своих друзей под себя.

Вторник, 6 декабря 1921 года

Сегодня утром в 9.30 сдавал общий экзамен. Мне он понравился – как, впрочем, и всем остальным. Всего сдающих собралось человек пятьдесят – шестьдесят: все как один – разбойники с большой дороги, но разбойники-интеллектуалы. Я отвечал на четыре вопроса. Первый – моя любимая биография. Я выбрал «Бердслея» Артура Саймонса [71] и написал вроде бы неплохо, во всяком случае, довольно живо. Затем, сильно рискуя, ответил на вопрос: «Внес ли девятнадцатый век свой оригинальный вклад в живопись и архитектуру?» Исписал страниц пять – в общем, остался собой доволен. Затем последовал каверзный вопрос о Таците – является ли он самым «актуальным» античным автором, а также вопрос о том, «существуют ли темы, совершенно непригодные для поэзии». На последний вопрос ответ я дал довольно расплывчатый, вылившийся в панегирик Руперту Бруку [72] . В целом же, думаю, впечатление я произвел благоприятное.

С переводом с листа Ливия я справился, но не более того – впрочем, это ведь еще только предварительный экзамен. Сегодня вечером переводим с французского – и тоже с листа. Вот где будет комедия! А завтра начнется самое серьезное: английская история и эссе.

Лансинг, суббота 10 декабря 1921 года

Прошлая неделя выдалась самой в моей жизни счастливой. Как я сдал экзамен, мне, правда, пока неизвестно. Не буду удивлен, если я получил положительный балл, или огорчен, если провалился. Французский текст я переводил лучше, чем ожидал, а английскую историю ответил и вовсе не плохо. Мне попались

английская Реформация и младший Питт [73] . Хуже всего получилось эссе – тяжеловесное, многословное, претенциозное. Viva [74] сдал превосходно. Гоняли меня по сельскому хозяйству восемнадцатого века, но при этом были со мной очень обходительны, я же, по-моему, – умен. <…>

Обедал с Алеком в испанском ресторане на Дин-стрит. Было вкусно. С ним явилась некая мисс Ричардс, которую он называет «мое золото». В каких они отношениях, сказать не берусь. Вряд ли она его любовница, но знакомы они близко. Как бы то ни было, женщина она обворожительная. «Мне кажется, все матери боятся меня, как огня, – заявила она мне. – Вы же не находите меня опасной, не правда ли, мистер Во?»

«Если честно, – нахожу», – подмывало меня ответить. По всей вероятности, в настоящее время она живет с Клиффордом Баксом и вскоре собирается в Швецию, где выйдет замуж.

Четверг, 15 декабря 1921 года Сегодня утром, спустившись к завтраку, обнаружил на столе два письма из Оксфорда. Одно – официальное, где сообщалось, что я получил Хартфордскую стипендию [75] в сто фунтов. Другое – частное, в котором содержалось поздравление от проректора [76] . Нельзя сказать, чтобы оно меня очень уж порадовало. Сей милый человек писал, что стипендии я удостоен главным образом за умение хорошо писать по-английски и что общий экзамен и английскую историю я сдал лучше всех, а вот европейскую – хуже всех.

Очень унылый день тут же превратился в самый радужный. Все меня от души поздравляли. Брент-Смит написал мне письмо. Лучше всего то, что теперь я могу уйти с чистой совестью. Сто фунтов на земле не валяются. <…>

Последний вечер прошел чудесно. Все радовались – по-моему, еще больше, чем обычно в конце семестра, и я допоздна веселился вместе со всеми, играл в «стулья с музыкой» [77] , после чего пошел проститься с ректором. Говорил он долго и серьезно, при этом вполне разумно. Речь зашла о философии и религии, и он всучил мне два богословских труда.

Один из самых трогательных комплиментов сделала мне миссис Невилл-Смит, с которой я ни разу раньше не разговаривал. Мы встретились вечером на лестнице. «Поздравляю вас со стипендией, Во. Теперь вы можете, я полагаю, немножко расслабиться. И все остальные – тоже». «Как это мило», – подумал я.

Напоследок пошли с Бивеном выпить с мистером Лоу. Он был немного навеселе и ужасно сентиментален. «Ну, джентльмены, – напутствовал он нас. – Здесь вы всегда вели себя пристойно, ничего не скажешь. Позвольте пожелать вам всяческих успехов в

жизни. Надеюсь, когда уедете, будете хоть изредка вспоминать о нашей берлоге. Согласитесь, не самое ведь плохое место на свете?»

Двадцатые годы [78]

Хэмпстед,
суббота, 21 июня 1924 года

В двенадцать ночи, если память мне не изменяет, оказался в комнате бедного Майкла Лерой-Болье в Бейллиоле [79] . Большую часть вечера он провел в слезах – его до смерти напугал Питер, разбив у него на глазах тарелку. Народу набилось столько, что дышать было нечем. После двенадцати остались только выпускники Бейллиола и мертвецки пьяные. Пирса Синотта уложили в постель, и около часа ночи Бенуа и Патрик Балфур спустили меня на веревке из комнаты Ричарда. Выбрался через туалеты в Нью-Куод, что не могло не сказаться на качестве моего костюма, и проспал несколько часов.

После безумного утра, чехарды бутылочных этикеток и таксомоторов в 1.45 очутились в вагоне-ресторане [80] , за соседним столиком – бедный Брайен Ховард [81] . Ничего съедобного, кроме хлеба с сыром, не нашлось, зато выпили шерри, шампанского, много чего еще покрепче, выкурили по сигаре – и вышли в Паддингтоне с твердым ощущением, что перекусили отлично.

Родители в прекрасной форме. Отец с увлечением рассказывает, где они побывали во Франции; обнаружил непристойность на гобелене в Байё, от чего пришел в восторг.

Понедельник, 23 июня 1924 года <…> Заказал себе новую трость – главное событие первой половины дня. Хотелось по возможности приобрести похожую на старую, но другой такой красавицы не нашлось, да и неприлично было бы ходить с точно такой же. Та, которую я выбрал, – тоже из английского дуба, но полегче и подлиннее. На набалдашнике маленькая золотая пластинка размером с шиллинг с выбитыми на ней моими именем и гербом. Будет, думаю, иметь успех. Дома меня ждала телеграмма от Аластера [82] : звал поужинать в «Превитали». Отменно поели и отправились, заходя по пути в пабы, на набережную, а потом тем же путем обратно в «Кафе Ройяль». Встретили там трогательного, вдрызг пьяного Вилкинсона, который учился в Рэдли [83] . Вскоре к нам присоединилась непотребная Таша Гилгуд, а с ней – какая-то развязная, по-мужски одетая девица. Крепко выпили, обе девицы вели себя вызывающе, чем привлекли всеобщее внимание. Избавиться от этих лесбиянок удалось, только запихнув их в такси. Засим домой [84] .

Четверг, 26 июня 1924 года Ничего, сколько помню, не делал.

Воскресенье, 29 июня 1924 года Ходили с Аластером в эмигрантскую церковь на Бэкингем-Пэлес-Роуд. Русская служба понравилась необычайно. Священники скрывались в маленькой комнатке и изредка появлялись в окнах и дверях, точно кукушка в часах. Им принесли огромное блюдо сдобных булок и привели целый выводок маленьких детей. Все это время хор, тоже где-то припрятанный, распевал что-то заунывное. Длилась служба бесконечно долго. В одиннадцать, когда мы пришли, она уже была в самом разгаре, а в 12.30, когда уходили, конца еще не было видно. Собравшиеся – в основном изгнанные из России великие князья и странного вида жалкие женщины, якобы любовницы императора, – молились с большим чувством. Запомнился бедный старик в изношенной офицерской шинели. <…>

Понедельник, 30 июня 1924 года

Убили с Аластером уйму времени на магазины, пошли к архитекторам [85] , где были с нами очень милы. Обедали в «Превитали», взяли в долг 1 фунт у Чепмен-энд-Холла [86] , а во второй половине дня нас занесло на Выставку империи в Уэмбли [87] . Отправились во Дворец искусств, где сначала погрузились в нескончаемый кошмар колониальной живописи, но потом, выбравшись из него, попали в залы, обставленные прелестной старинной мебелью. Зал сороковых годов прошлого века обставляли преподаватели Аластера. Лучшим же, по-моему, был зал Уильяма Морриса [88] . Разглядывал скульптуру – и всем сердцем хотел стать скульптором, потом – ювелирные украшения – и хотел стать ювелиром, а потом – всякого рода нелепые вещицы, выставленные во Дворце промышленности, – и ужасно захотелось посвятить жизнь изготовлению подобных вещиц.

Тут произошла удивительная вещь. Примерно в 6.30 мы выпили, после чего отправились в индийский театр. Полюбовавшись на редкость беспомощными тибетскими танцорами и каким-то бородачом, который показал несколько самых незамысловатых фокусов, из тех, что способен показать на детском празднике любой говорящий на кокни фокусник-любитель в маскарадном костюме. Из шатра вышли крайне разочарованными. И, только обнаружив, что уже восемь и мы оба опоздали, каждый на свой званый ужин, убедились в недюжинных магических способностях смуглого человека с бородой. По счастью, когда я явился к Болдхэду, все уже крепко набрались. Выпив все, что еще оставалось, я очень скоро почувствовал, что не отстаю от остальных, чему не мог не порадоваться. Адский шум за окном возвестил о прибытии Тони Бушелла: был неописуемо пьян, в одной руке держал шляпу, в другой – зонтик, размахивал и тем и

другим и зычным голосом воспевал непреодолимое желание изнасиловать леди Колтроп. Успех в этом начинании ему не сопутствовал, однако, готовясь произвести желаемое, Тони обнажился у всех на глазах. Аластер уложил его спать на стульях. Домой вернулись очень пьяные и тут же погрузились в сон. И Крис – тоже [89] .

Суббота, 5 июля 1924 года Ходил на утренний спектакль «Святой Иоанны» [90] . Вконец обеднев, вынужден был подниматься на галерку, где сначала простоял в длинной очереди, а потом сидел на местах, неудобней которых не бывает на всем белом свете. Пьеса, впрочем, очень хороша, а костюмы – куда лучше тех, на какие был всегда способен Рикеттс.

Воскресенье, 6 июля 1924 года

Встали поздно и отправились в Вестминстер на проповедь Ронни Нокса [91] . Собор заполнен до отказа, и стоять пришлось в боковом пределе. Проповедь очень забавна. Обедал tête-a-tête с Гвен Оттер; принесла с собой сборник мне неизвестных статей Уайльда: его предисловие к стихам Реннелла Родда [92] и переписку с Уистлером [93] . «Вульгарность, мой дорогой Джеймс, начинается дома и закончиться должна там же». <…> Помчался домой переодеться – и в «Корт» [94] . Пьеса Ричарда Хьюза [95] чудовищна. Оттуда – на вечеринку к миссис Джеффри Уинтворт, где пришлось спектакль расхваливать. А оттуда – к Элзе в ночной клуб [96] , где Эрнест Милтон играл в пьесе Пиранделло «Человек с цветком на губе». Великолепно – не то что жалкое бормотание в «Корте». Был Г.Дж. Уэллс; искусственное дерево, упавшее со сцены ему на голову, чуть было не лишило его жизни.

Понедельник, 7 июля 1924 года Пробудившись, обнаружил, что нахожусь на Эрлз-Тэррес [97] и что 6.30 утра. Пришлось вновь влезать в вечерний костюм и тащиться понурым утром домой в Голдерс-Грин. Умылся, переоделся – и к дантисту: обращается со мной безжалостно.

Пятница, 11 июля 1924 года <…> Утром явился Крис и рассказал отличную историю. Слушалось дело о мужеложестве, и, усомнившись в справедливости своего решения, судья Филмор решил проконсультироваться у Беркенхеда [98] . «Простите, милорд, не могли бы вы сказать мне… Сколько, по-вашему, следует дать мужчине, который позволил себя… поиметь?» – «От 30 шиллингов до 2 фунтов – сколько найдется в кармане».

Четверг, 29 июля – суббота, 30 августа 1924 года <…> Из Стратфорда поездом в Холихэд, оттуда пароходом в Кингстаун и поездом в Дублин. На пароходе, в первом классе, куда просочились без спросу, встретили Л.А.Г.Стронга [99] ,

возвращавшегося в Ирландию после десятилетнего отсутствия. Плавание прошло гладко, пароход забит торговцами лошадей, следующими на ярмарку. В Дублин прибыли в сумерках и на такси – в «Джеммет», эту гостиницу порекомендовал нам Билли [100] . Оказалось, что это не гостиница, а всего лишь ресторан; за последующие несколько недель мы убедились, что все, сказанное Билли про Ирландию, совершенно не соответствует действительности. Заказали столик и поехали в большой, претенциозный, бестолковый и невероятно дорогой отель «Джури». Дали нам микроскопический номер на двоих на чердаке, в котором, как показал нехитрый подсчет, провести мы сможем никак не больше одной ночи. Прошлись по Дублину и то ли от голода, то ли от дурного настроения сочли его крайне непривлекательным: повсюду колючая проволока, руины, солдаты, безработные. Нашли погребок, выпили шерри, потом отлично поужинали – и немного повеселели. «Джеммет», надо сказать, очень мне полюбился – давно так вкусно не ел. Внутренняя отделка безвкусна, но сам ресторан очень приличный – восемнадцатого века, с балконом. Столы прочные, отстоят друг от друга на почтительном расстоянии, официанты в возрасте, повар очень хорош. И посетители тоже приличного вида, чего в «Джури» не увидишь. В пабе в девять вечера стал вдруг мигать свет: то выключится, то опять включится. Мы спросили, как это понимать, и нам объяснили, что в Дублине пабы в девять закрываются (Билли говорил – не раньше двенадцати). Думаю, это потому, что все политические движения начинаются с пабов. Вышли на улицу и еще раз, уже более благожелательно, огляделись по сторонам. Но и теперь от города я остался не в восторге. Отправились к себе в номер, легли, но спали дурно. Всю ночь под окнами раздавался стук шагов и звон копыт по брусчатке, внутри же переругивалась прислуга, и однажды, среди ночи, кто-то даже рвался к нам в номер. <…>

Хэмпстед,

Понедельник, 1 сентября 1924 года

Почти весь день вел дневник. После обеда – в кино. Дал себе *зарок* – не ходить в кинематограф на что попало.

Четверг, 4 сентября 1924 года Ночью плохо спал – а все из-за переизбытка кинофильмов. Вчера побывал на двух, на первом – один, чтобы убить до ужина время, на втором, после ужина, – с Адрианом. Адриан позвал меня в гнусный ресторан на Шарлотт-стрит, где полно черномазых. Да и еда оставляет желать… После ужина выпили в «Кафе Ройяль» желтого шартреза, отчего Вселенная вновь обернулась ко мне своей радужной стороной.

Воскресенье, 7 сентября 1924 года По-прежнему тружусь над

«Храмом» [101] . Подозреваю, что закончен роман так и не будет.

Вторник, 9 сентября 1924 года

В доме появилась некая Эмма Рейбен, единокровная сестра матери, отчего жизнь сразу же сделалась совершенно невыносимой. Не могу ни писать, ни думать, ни есть – так ее ненавижу.

Вчера из-за настойчивости матери подвергся тяжкому и унизительному испытанию – был сфотографирован. В офисе на Нью-Бонд-стрит под вывеской «Свейн» предлагалось сфотографироваться бесплатно. Худшей фотографической конторы не сыскать, думаю, во всем Лондоне. Сначала пришлось полчаса ждать в приемной с гигантскими снимками королевской семьи по стенам. Затем завели в студию, где отталкивающего вида человечек из кожи вон лез, чтобы быть со мной ласковым, а двое его подчиненных устанавливали тем временем свою дьявольскую аппаратуру. Ни минуты не сомневаюсь, что фотография получится устрашающей.

Поужинал с Дадли Кэрью за его счет в «Превитали» и вместе с ним пошел на галерку в «Ковент-Гарден» на премьеру сезона Анны Павловой. Места – хуже не бывает: чтобы хоть что-то увидеть, смотреть приходилось стоя. Сама мадам Павлова была, разумеется, выше всяких похвал, балет же «Дон Кихот» большого впечатления не произвел. Огромное удовольствие получил от совсем короткого китайского танца; имена исполнителей, увы, забылись.

Забавно: среди посетителей галерки никогда еще не видел столько отталкивающих лиц. В баре мне попался какой-то юный иудей в сандалиях, о его внешности впору сочинить целый роман.

Пятница, 19 сентября 1924 года Сегодня начинаю новую жизнь: бедность, целомудрие, послушание [102] . Мать покупает собаку.

Воскресенье, 21 сентября 1924 года

Материнский пудель и в самом деле обворожителен. Он в центре внимания всей семьи. Сегодня утром вместе с родителями причастился в церкви Святого Албана. Перед началом церемонии отец суетился и то и дело рыгал.

Последние два дня работал над книгой. Едва ли она очень уж хороша.

Понедельник, 22 сентября 1924 года

Сегодня первый раз ходил в Хитерли. Географию всей школы я пока еще не изучил, но побывал в двух студиях, конторе и коридоре, где вешают пальто и шляпы. В отличие от Слейда [103] , атмосфера здесь куда менее официальная, что отрадно. По стенам обеих студий развешаны скелеты, картины и доспехи. Мне

вручили альбом с папиросной бумагой и (к моему удивлению) карандаш ВВВ и отправили в студию на первом этаже рисовать худого, абсолютно голого, если не считать сумки на гениталиях, мужчину, сидевшего на стуле нога на ногу. Сделал небольшой любительский набросок, за который добросердечный Мэсси меня похвалил. Он – директор школы и, безусловно, не враг бутылки: нос над белой бородкой у него лилового цвета, да и рука дрожит так, что, когда он что-то рисует, мел у него в пальцах крошится. И тогда девушки начинают хихикать.

Девушек здесь полно – в основном это дурно воспитанные гурии в цветастых комбинезонах. Рисуют очень плохо и куда больше интересуются молодыми людьми, те же помешаны на заработке, а потому мечтают об иллюстрациях в «Панче» или заказах на рекламу. Что-то сомневаюсь, чтобы я с кем-нибудь из них сошелся.

Пообедал в «Превитали», ел минестроне и сыр, ощущая на себе откровенно презрительный взгляд нового официанта, после чего вернулся в школу, где уже началось занятие по «быстрому наброску», – необычайно забавно. Моделью служила совсем еще юная девица с очень изящным телом и выражением лица, какое бывает у Хью Лайгона [104] , когда тот мертвецки пьян. Не вертись она, цены бы ей не было.

Рабочий день завершился в четыре часа пополудни.

Вторник, 30 сентября 1924 года

Утром рисовал с таким наслаждением, что после обеда решил в школу не возвращаться. Вместо школы отправился в музей Соуна в Линкольнз-Инн-Филдз, где увидел немало интересного. Куратор, судя по всему, больше всего гордится выставленным в цоколе старинным саркофагом, мне же куда больше понравилось освещение в залах, а также такие нелепые экспонаты, как Ковчег Шекспира на втором этаже и Ковчег Английского банка в кабинете. Есть у них несколько подлинных Тёрнеров и Хогартов; серии «Путь повесы» и «Выборы» подкупают продуманной композицией, но как живопись и та и другая никуда не годятся. Вместе со мной ходила по музею какая-то пара из Доминионов – что он, что она как в воду опущенные. Интересовали их исключительно подписи под картинами. Они прониклись славой Уэмбли, однако, уходя, мужчина обронил: «Как это ни удивительно, но здесь очень много такого, что ничуть не лучше нашего». Чему-то он, стало быть, научился.

В тот же вечер с отцом – на «Горбуна собора Парижской Богоматери». Пышность, садизм. Засим домой.

Барфорд [105] *,*

воскресенье, 9 ноября 1924 года

Приехал в пятницу к ужину. День перед отъездом провел довольно бессмысленный: писал письма, укладывал чемодан, ходил с Шелковым Биллом в кино. Дом такой же, как был, по комнатам снуют привидения. Миссис Грэм стоит посреди спальни отсутствующего сына и с лицом озадаченного архангела в благородном гневе понапрасну бьет гигантскими крылами. Нора (миссис Фентон) воцарилась в доме на правах компаньонки на то время, пока ее друг не получит высочайшего соизволения на брак от его святейшества епископа Рима. В субботу утром свозила меня на рынок в Лимингтон, и по дороге я не без грусти взирал на пабы, в которых нам с Аластером не раз доводилось выпивать. Вчера, в семь утра жена садовника была призвана на небеса и без всякого предупреждения преставилась. Как следствие, возник некоторый переполох: внезапная смерть требует вскрытия, расследования и прочих подобных ужасов. Тела нельзя трогать, а поскольку в коттедже всего одна кровать, бедный садовник подвергся чудовищному соблазну некрофилии. Сеттер Аластера вытянулся в длину и заметно растолстел; мил, однако, по-прежнему.

Воскресенье, 30 ноября 1924 года

Неделя выдалась тихой: каждый день ходил в Хетерли, вечерами сидел дома. Почти каждый день, не пожалев 6 пенсов за вход, посещал Национальную галерею, где мне нравятся все больше и больше картин. «Открываю для себя» Веласкеса, Рубенса и Пуссена. Пуссена, впрочем, – в наименьшей степени.

С Теренсом – он вдруг объявился в «Восходе солнца» – ходили вчера на «Грозные тени». Фильм великолепный.
Громкий скандал: некая миссис Робинсон изменила мужу с персидским шахом. Замешанные в этом скандале – подлецы все до одного. У Робинсонов даже свидетелем на свадьбе был карточный шулер.

Понедельник, 8 декабря 1924 года <…> Прихожу в себя после крупной пьянки. Вечером того дня, о котором уже писал, выпивал с Алеком, Теренсом и Ричардом Грином [106] . Спустя ровно неделю вдруг сорвался и поехал в Оксфорд; поезд – хуже некуда: останавливался на всех станциях без исключения. Прибыл в 10.30 и на такси на Сент-Олдгейт 31. Когда приехал, веселье было уже в самом разгаре. Мы с Билли достали ремень и выпороли Тони. Все были пьяны в стельку, за исключением, как ни странно, меня. Назавтра переехал на Бьюмонт-стрит 40, где сделал искрометную алкогольную карьеру. День тихо просидел в кинематографе, зато вечером ужинал с Клодом, Элмли, Теренсом, Кристофером Холлисом и жалкой пьянчужкой Макгрегором, а до этого осушил с Клодом в «Джордже» целое море коктейлей. Не доужинав, Клод,

Холлис и я сначала нанесли визит многочисленным пабам, а потом, после разнообразных, мало пристойных похождений, «приземлились» в «Лицемерах», где шла еще одна пьянка. Бедняга Макгрегор, переспав с какой-то девицей, рухнул навзничь с лестницы, с самого верха, – я уж думал, костей не соберет. На следующий день сначала все утро пил, переходя из паба в паб, а потом пригласил пообедать в «Клуб новой реформы» [107] Джона Сатро, Холлиса, Клода и Альфреда Даггена. Может, и кого-то еще – не помню. Ничего не ел, зато пил вволю и, в конце концов, сцепился с президентом клуба («Клуб святош». – *А. Л.*) – нелепым существом по имени Коттс, и тот исключил меня из числа членов клуба. Потом мы с Альфредом взялись за двойное бренди и надрались так, что ноги перестали меня слушаться. Отнес меня в Вустер, где я вывалился из окна, а потом впал в беспамятство, приходя в себя, только когда начинал блевать; блевал часто, но целенаправленно. Ужинал четыре раза в разных местах; в Вустере, помню, пил в какой-то комнате – не знаю в чьей. Протрезвел только в среду. <…> А на следующий день, совершенно разбитый, спустив столько, что и за два месяца не заработаешь, вернулся в Лондон. <…>

Среда, 17 декабря 1924 года По-прежнему пишу письма в частные школы, где морочу голову директорам, себя же превозношу. И по-прежнему пытаюсь переделывать «Храм». Директор школы «Арнолд-хаус» в Денбишире и еще один – из Плимута вроде бы проявили ко мне некоторый интерес – остальные же молчат. В пятницу собираюсь в типографию «Пэр-Три пресс». <…>

Среда, 24 декабря 1924 года Послал Оливии (Планкет-Грин. – *А. Л.*) принадлежащий Алеку экземпляр «Ираиса» [108] . Уж не влюбился ли я в эту женщину? Ходил с Теренсом в «Нибелунги», после чего посадил его на оксфордский поезд. Завтра Рождество.

Рождество 1924 года Решил отрастить усы – обзавестись новыми туалетами я не смогу еще несколько лет, а ведь так хочется видеть в себе какие-то перемены. К тому же, если мне предстоит стать школьным учителем, усы помогут произвести на учеников должное впечатление. Сейчас я так непристойно молод, что вынужден перестать регулярно напиваться. На Рождество мне всегда немного грустно – отчасти потому, что немногие мои увлечения приходились, как ни странно, именно на рождественскую неделю; так было с Лунед, с Ричардом, с Аластером. Теперь же, когда Аластер находится от меня на расстоянии тысячи миль, когда мне тяжело на сердце и нет никакой уверенности в завтрашнем дне, – всё не так, как было раньше. <…>

Среда, 31 декабря 1924 года <…> В понедельник заказал себе новый плащ у нового портного Готлопа, которого мне порекомендовал Тедди Стил. Вечером ходили с матерью на дебют Тони в «Дипломатии». Смотрелся он превосходно, да и играл неплохо. Пьеса не дурна. Глэдис Купер неподражаема. Вчера утром звонила Оливия, пригласил ее позавтракать в баре «Восход солнца». Опоздала минут на двадцать пять. В ожидании пил джин с тоником. Наконец явилась: разодета в пух и прах, туалет совершенно несообразный. Бедные завсегдатаи бара выпучили на нее глаза, перестали сквернословить, впопыхах осушили стаканы и убрались восвояси. Мы же съели по куску пирога с телятиной и ветчиной, выпили джина и запили его бенедиктином. <…> Из частных школ новостей по-прежнему никаких. Сбрил усы, которые начал было отращивать. <…>

Пятница, 2 января 1925 года От мистера Бэнкса из Денбишира пришла телеграмма; предлагает встретиться в понедельник. Молю Бога, чтобы эта встреча принесла мне работу и деньги. Вечером танцы у леди Парес; скучал ужасно. Урсула Парес – прелестное дитя.

Понедельник, 5 января 1925 года Написал Оливии, что накануне вечером [109] был трезв (неправда) и искренен (полуправда). В 4.30 неожиданно явился Аластер: по дороге домой несколько недель ничего не ел и не мылся; в отвратном французском готовом плаще вид у него – хуже не придумаешь. Помылся, побрился – и похорошел. Пришлось идти пить чай с мистером Бэнксом из школы «Арнолд-хаус» в Денбишире. Оказался высоким стариком с глупыми глазами. Остановился в отеле «Бернерз». Дает мне 160 фунтов, за эти деньги мне надлежит целый год учить маленьких детей. Перспектива, что и говорить, незавидная, но в моем бедственном положении – лучше не бывает. Школа, насколько я понимаю, находится в такой глуши, что потратить деньги на что бы то ни было не представляется возможным. Вечером пришел выпить Ричард. У Чепмен-энд-Холла ангина.

Воскресенье, 11 января 1925 года

Купил уродливый джемпер с высоким горлом – выгляжу лет на десять, никак не старше.

В новом джемпере и в самом непроглядном тумане, какой мне приходилось видеть, отправился на завтрак к Гвену Оттеру. Дом нашел с большим трудом – на углу Кингз-роуд и Ройял-авеню. Врезался головой в стену, на которой прочел написанное мелом: «ТЫ ОМЫЛСЯ КРОВЬЮ АГНЦА?» Ужас. <…>

Обещал выпить чаю с Оливией и, проплутав в тумане несколько миль, часов в пять явился на Ганновер-Террас. В одиночестве

пили чай перед газовым камином, вяло переругивались. «По-моему, ты меня больше не любишь», – твердила она, а когда я попытался доказать, что люблю, проявила полное безразличие.

Хэмпстед,

вторник, 20 января 1925 года

<…> Подозреваю, что вчера вечером был ужасно утомителен. Отказывался идти, пока Оливия не встанет передо мной на колени и не извинится [110] . Отказалась – и правильно сделала. В довершение всего уронил на пол пластинку.

Проснувшись утром, с ужасом вспомнил, что спустил все деньги, с которыми собирался ехать в Денбишир. Пришлось заложить кольцо, табакерку и часы Одри в ломбарде вроде того, который принадлежит мистеру Аттенборо. Выручил 4 фунта. Ростовщик был мил. Злобный и неопрятный еврей, оскорбляющий меня и измывающийся над моими вещами, которого я нарисовал в своем воображении, на поверку оказался обаятельным и красивым джентльменом, похожим на крупного чиновника. Он с восхищением отозвался о моей камее и, кланяясь, проводил нас, Одри и меня, до дверей, так, словно мы приобрели у него жемчужное ожерелье. <…>

Среда, 21 января 1925 года В мой последний день в Лондоне мы с Оливией стали друзьями. Звонила мне и сказала, что хочет меня видеть. Ее родители должны были прийти пить чай, поэтому я позвал ее позавтракать. Явилась на пять минут раньше времени и была очень мила. Сидели под книжными полками, и она твердила мне, что я – великий художник и что мне нельзя быть школьным учителем.

Пятница, 23 января 1925 года

«Арнолд-хаус», Лльянддулас, Денбишир. Уложил свои рисовальные принадлежности, одежду, отрывки рукописи «Храма», а также Хораса Уолпола [111] , «Алису в стране чудес», «Золотую ветвь» [112] и еще несколько книг и отправился на вокзал Юстон. В Юстоне и Честере ко мне присоединились небольшие унылые группы учеников в красных фуражках и в слезах. В вагоне они съели немыслимое количество конфет; когда же за вторым завтраком осушили вдобавок кварты имбирного пива и лимонада, можно было поручиться, что кому-то из них в самое ближайшее время станет плохо. Слава Богу, до Лльянддуласа мы доехали без приключений, и, несмотря на телеграммы мистера Бэнкса, поезд на станции остановился. Крошечное такси доставило меня и две сотни чемоданов до места. Стоит школа на такой крутой горе, что испытываешь странное чувство: поднимаешься на третий этаж, выглядываешь из окна – и кажется, будто остался на первом. Внутри три крутых

лестницы из соснового дерева, одна выстлана ковром, две другие – нет, и несколько миль коридоров с отполированным до блеска линолеумом под ногами. Имеется учительская, где мне предстоит проводить большую часть времени. В учительской линолеум отполирован еще лучше (или, как шутит Алек, «лучшéе»), стены красные, на стенах тошнотворные картины, несколько кресел, из них два – мягких, ацетиленовая лампа, горит еле-еле, камин и проигрыватель. И четыре молодых человека. Одного зовут Чаплин, он учился в Сент-Эдмундс-Холл [113] , где жил в одной комнате с Джимом Хиллом. Чаплин обожает Флекера [114] и является племянником мистера Бэнкса. Из четырех молодых людей он – самый лучший. Второй – Гордон – унылый зануда в пенсне, с учениками не церемонится. Чаплин, Гордон и я живем в домике под названием «Санаторий», куда круто поднимается тропинка, петляющая между лепешками навоза, кустами крыжовника и каменными стенами. Имеются в наличии и два новых учителя. Один – очень высокий, величественный и пожилой, зовут Уотсон, учительствовал в Стоу [115] и в Египте. Уотсон – обладатель орлиного носа и шотландского акцента; собирается в скором времени приобрести собственную школу. Другой новый в школе человек – Дин: очень неопрятен, сиреневый подбородок, бесцветные щеки, говорит на кокни и все время сморкается. Этот – хуже всех. У мистера Бэнкса есть жена, своим внешним видом она заметно уступает леди Планкет (леди Планкет-Грин. – *А. Л.*) или миссис Херитедж. Есть у него также женатый сын; самого сына я никогда не видел, но не раз слышал в коридоре его голос, и голос мне не понравился. Таковы обитатели моей школы, если не считать целой армии горничных, что суетливо мечутся по коридорам с полными мочи ночными горшками. А также – учеников. Пока что встретил лишь нескольких; некоторые на вид вполне славные.

Порядки в школе весьма странные. Нет ни расписания, ни поурочных планов. Директор школы Бэнкс входит в учительскую с отсутствующим видом и говорит: «М-м, вот какое дело… в последней классной комнате на этаже сидят какие-то ученики. Понятия не имею, кто они. То ли это историки, то ли четвертый класс, а может, у них урок танцев. С собой у них – непонятно зачем – учебники латыни; было бы хорошо, если бы кто-то из вас провел с ними урок английского».

Тогда кто-то из нас, кому не лень, идет в класс в конце коридора, я же остаюсь в учительской и вырезаю для Оливии гравюру на дереве. Бедный мистер Уотсон из-за отсутствия расписания скрежещет зубами, а меня это вполне устраивает. Сегодня просидел без уроков все утро.

После обеда давал свой первый урок в классе под названием «исторический “Б”», и рассказывать мне предстояло про Вильгельма и Марию [116] . Ученики ходили на голове, и назвать свой дебют успешным я, пожалуй, не могу. Через три четверти часа перешел в соседний класс «А», эти ученики, не без посредства несравненного Уотсона, вели себя примерно. Оказалось среди них и несколько очень умненьких ребят, особенно понравился мне мальчик из Гэлуэя. Рассказывал им про Генриха VII и Генриха VIII [117] – то немногое, что знал сам.

Воскресенье, 25 января 1925 года

Вчера утром прозвонил звонок, и все, в том числе и учителя, с шумом и криками заполнили коридоры. Вскоре со списком в руках явился Бэнкс и принялся распределять учеников по классам. Мне учеников не досталось, я спустился в учительскую и до перемены резал гравюру на дереве для Оливии. Когда перемена кончилась, вновь поднялся наверх, и, поскольку Дин проработал все утро, Бэнкс вызвал меня, и я пятьдесят минут изводил четвертый класс латинскими глаголами. После чего перешел в пятый класс и без особого успеха пытался втолковать ученикам, что такое «метр».

После обеда отправился на прогулку и обнаружил, что помимо моря, железной дороги и каменоломни имеются в этих краях еще и горы. Места здесь в высшей степени геологические. В Уэльсе все всё время сплевывают; когда вам встречается валлиец, он говорит «борра-да» и сплевывает. Первое время я пугался, но потом привык. Выяснилось также, что валлийцы настолько хорошо воспитаны, что на вопрос: «Эта дорога на Лльянддулас?» всегда отвечают утвердительно. Эта их вежливость обошлась мне в десятки лишних миль. За чаем я дежурил, ученики вели себя ужасно, и я расстроился.

После ужина отправился в бильярдную, где сидел и думал о том, что сегодня ведь у Ричарда вечеринка. Дин тем временем ухитрился сделать несколько карамболей подряд, а Чаплин – сжевать целый кулек конфет.

Сегодня утром проспал, опоздал в часовню и пришел, когда завтрак уже подходил к концу. Закончил резьбу по дереву и отправился с учениками на унылую службу в местную сектантскую молельню. После обеда повел нескольких очень шумных учеников на прогулку и доигрался с ними до того, что вернулись все с разбитыми коленками.

Думаю, нам предстоят веселые времена: бедный мистер Уотсон стремится наладить дисциплину и готовит бунт против милейшего Бэнкса. Он только что произнес в учительской страстный монолог на шотландский манер; призывает нас

прибегнуть к розгам, дополнительным занятиям и окрику; ему вторит на своем кокни маленький Дин. Скандала, будем надеяться, не миновать.

Некоторое время назад налил в чайник для заварки молоко вместо кипятка и выругался. Сидевшие рядом два мальчика из младших классов сначала до смерти перепугались, а потом зловеще захихикали.

Понедельник, 9 февраля 1925 года Сегодня поколотил шлепанцем двух мальчиков – правда, не сильно. Здорово мне досадили. Чтобы поднять настроение, заказал себе новую пару туфель.

Среда, 18 февраля 1925 года

<…> В понедельник узнал, что за страшная штука недельное дежурство. Это значит, что с рассвета до заката у меня не будет времени даже для того, чтобы прочесть открытку или побывать в ватерклозете. Уже во вторник, последний вторник перед Великим постом, мои нервы были напряжены до предела. Вчера побил прелестного мальчишку по имени Клегг, а Кука отправил к директору. Вчера же, во второй половине дня, у меня состоялся первый урок верховой езды – понравилось ужасно. Вид спорта это не легкий и не дешевый, но исключительно приятный. От Оливии ни одного письма.

Вчера в сочинении по истории учащийся Ховарт написал: «В этом году Яков II [118] родил сына, однако многие отказывались этому верить и говорили, что сына принесли ему в грелке».

Воскресенье, 15 марта 1925 года

<…> Последнее время ссорюсь с Крэмзи и Персивалем – единственными двумя учениками, которые мне по-настоящему нравятся.

Мистер Бэнкс часто выражает недовольство тем, как я работаю. Допускаю, что основания у него для этого есть.

Уотсон большую часть времени скверно себя чувствует, и обстановка в учительской не самая дружелюбная. Мои усы наконец-то дали о себе знать.

Возникла идея написать книгу о Силене [119] . Как знать, напишу ли? Ричард и Элизабет скоро поженятся, и это будет последняя страница сей печальной истории.

День св. Патрика 1925 года Проспал, опоздал в часовню и, спустившись к завтраку, обнаружил в столовой нечто вроде масонского праздника. Все ученики давно встали и, нацепив на себя красные, белые, синие, зеленые и оранжевые розочки и ленты, чем-то напоминали майское дерево [120] . Мистер Дин накинул на плечи красную занавеску, отчего вид имел престранный. Мальчики постарше и побогаче нарядились в

зеленые рубашки и чулки. Дьявольский карнавал. После обеда состоялся футбольный матч, легкую победу одержали ирландцы. Не дождавшись конца игры, пошел в Колвин-Бей, где местный парикмахер за четыре шиллинга постриг меня и помыл мне голову. Вечером ходили в пивную мистера Робертса, где какой-то евнух научил меня новому валлийскому тосту; тост я записал на конверте, а конверт потерял. Звучит тост так: «За воздержание!»

Среда, 8 апреля 1925 года Вечеринка в понедельник оказалась неудачной – для меня, во всяком случае. Паника началась еще за чаем: мы с Оливией обнаружили, что чемодан с выпивкой из Оксфорда в Лондон не прибыл. После многочисленных и лихорадочных телефонных разговоров чемодан отыскался в отделении посылок на Аддисон-роуд, и мы вместе с Мэттью Понсонби на его семейном «форде» отправились за ним. Оливия настояла, чтобы к вечеру я переоделся, и мы решили по дороге в Голдерс-Грин пройтись по пабам. Прошлись – и не один раз, и часов в десять были задержаны на Оксфорд-стрит двумя ражими полисменами. Все мои попытки доказать, что я трезв, ни к чему не привели, и пришлось часа четыре просидеть в гнусной, крошечной, величиной с нужник камере, откуда в результате возникшей путаницы Оливия не сочла возможным освободить меня под залог. Своего сына Артур Понсонби [121] вызволил, а вот помочь мне почему-то отказался – поступок с его стороны, по-моему, не вполне дружеский. В конечном счете выпустили и меня, и я понесся на Ганновер-террас, где вечеринка уже подходила к концу, а оттуда – домой. Наутро был суд, и меня оштрафовали на 15 шиллингов 6 пенсов, бедняга же Мэттью почти наверняка отправится за решетку. У него блестящий адвокат, который заявил, что «подойдет к делу со всей серьезностью». Пообедали у Оливии, а потом, прихватив Тони, отправились в «Альгамбру» [122] . После чая с Оливией – домой к своей несчастной семье.

Среда, 15 апреля 1925 года [123]

В целом, за вычетом постоянной тоски, которую я испытываю из-за неразделенной любви, пребывание на острове доставляет мне удовольствие. Весь день болтались без дела. Иногда леди Планкет читает нам вслух, иногда играем в неприличные бумажные игры. Иногда Ричард, Элизабет и я ходим гулять и карабкаемся на скалы. В понедельник в местном трактире были, как выражается мисс Сейдж, «пляски». Мы с Ричардом приготовили гигантский кувшин глинтвейна, и все крепко выпили. У адмирала Стипа одежды с каждым часом становилось все меньше, а потного тела все больше. Теренс, как всегда, начал за здравие, а кончил за упокой: бубнил что-то себе под нос, рыгал. Мартин разошелся, выпил два стакана вина и визжал.

Потом все улеглись, мы же с Оливией просидели в темноте до четырех утра; я расчувствовался, конечно же занудствовал, однако она была со мной добра. <…>

Вчера имела место постыдная сцена. После тихого вечера в трактире я побывал на вилле, где проболтал с Элизабет до одиннадцати. По возвращении же стал свидетелем немыслимой оргии. Все напились или притворились пьяными, кроме… Она сидела посреди комнаты и была, против обыкновения, совершенно спокойна. Раздетую почти догола… шлепали по ягодицам, а она визжала от восторга. Каждые две минуты она бегала в уборную, а когда возвращалась, все говорили: «И кто бы мог подумать?!» Все это было очень жестоко. Вид у нее был ужасный: огромные, белевшие в темноте ноги, на ногах кровь, ягодицы порозовели, глаза от желания лихорадочно блестят. Вещи говорит совершенно непотребные – уж не знаю, сознательно или бессознательно – про кровь, про жир; больше же всего меня поразило, что Оливия все это видела. Между собой эти девицы говорят, должно быть, бог знает что. В конце вечера Дэвид распустился окончательно и вел себя совершенно непристойно. Я же лег спать, как всегда, с камнем на сердце.

Суббота, 18 апреля 1925 года Никак не могу излечиться от любви к Оливии, и это из всего, что было на острове, самое грустное. Быть может, единственно грустное. Мое чувство мучительно для нас обоих. Пока я был в Денбишире, хотелось думать, что люблю ее лишь как олицетворение всех тех радостей, которых в школе лишен. Но вот я здесь. Теренс за кружкой пива цитирует Канта, Дэвид отпускает бесконечные шуточки про Лесбос и нужники, Ричард носится по волнам в утлых лодчонках и непромокаемых штанах, а леди Планкет на все это безмятежно взирает. Я же, стоит мне оказаться рядом с Оливией, грущу, нервничаю, мне не по себе. А Оливия нисколько не скрывает своего чувства к Тони, отчего мои шансы тают на глазах. Что же до Одри, то свою жизнь она связала с человеком, который, скорее всего, нравится ей не слишком. Аминь. Будет как будет.

«Арнолд-хаус», Денбишир,
пятница, 1 мая 1925 года

Вчера прибыл сюда в глубочайшей меланхолии, которая отступила лишь под напором беспробудного сна. Наступившее утро, однако, оставило меня один на один с унылой перспективой четырехмесячной ссылки. <…>

Вместо Уотсона здесь новый человек – Янг. Никогда еще мои финансы не были в столь бедственном положении, а сам я никогда еще не падал духом так низко.

Утро вторника, 5 мая 1925 года Последние три дня пребываю

в апатии. Всю эту неделю в школе проходят спортивные состязания, и работы у меня немного. Стараюсь, чтобы то, что неинтересно мне, было точно так же неинтересно и ученикам, отчего испытываю особое, извращенное удовольствие. Из шестого класса в пятый перешла целая толпа сорванцов, которые ничего не знают и знать не хотят; не желают слушать то, что им говорится. Целыми днями заставляю их зубрить грамматические определения: «Слог – это отрезок речи… являющийся естественной единицей речевого потока», и т.д. – и так ad nauseam [124] . Энн прислала мне фотографии нашего пребывания в Ланди. Купил модель королевской яхты, которая постоянно напоминает мне об острове. Читаю сборник эссе Бертрана Рассела, который купил на прошлой неделе в «Блэкуэллс» [125] . Одновременно с этим обдумываю парадоксы, заложенные в стремлении к самоубийству и достижению успеха, планирую взяться за еще одну книгу, а также приобрести у Янга револьвер по сходной цене.

Четверг, 14 мая 1925 года Седьмая часть семестра позади, и, излечившись от отравления кофеином, от которого я последнее время страдаю, могу теперь смотреть в будущее с невозмутимостью – и это несмотря на то что с каждой почтой приходят горы счетов, а Оливия хранит молчание. Янг, наш новый швейцар, не скрывает своих педерастических наклонностей: только и разговоров что о красоте спящих мальчиков. По вечерам мы с Гордоном почти каждый день ходим стрелять галок, однако производим больше шума, чем кровопролития. На днях купил бутылку портвейна «Доу» 1908 года. Дин смешал портвейн с лаймом и содой, когда же я предложил ему еще и сахар, сказал, что портвейн предпочитает «сухим». Эта история не вполне соответствует действительности, но я пересказал ее в таком количестве писем, что сам в нее поверил. Началось лето, и работы у меня будет меньше. Купил альбом для рисования; теперь, когда у меня в комнате в «Санатории» стало теплее и светлее, собираюсь заняться рисованием всерьез. <…>

Среда, 1 июля 1925 года Последние несколько недель стало повеселее. Уж не помню, как давно, наверно с месяц назад, Алек написал, что Скотт Монкрифф готов взять меня в Пизу своим секретарем. Я тут же сообщил Бэнксам, что ухожу, Гордона же, Янга и самого себя напоил на радостях в отеле «Куинз». И до вчерашнего дня жил в сладостном предвкушении года за границей, воображал, как буду сидеть под оливами, пить кьянти и слушать споры всех самых прославленных европейских изгнанников. Я даже увлекся своей работой в школе – ввиду

скорого от нее избавления, и самым трогательным образом привязался к нескольким ученикам. Прекратил работу над романом, вторую половину дня проводил, нежась на солнце с трубкой и кульком конфет, после ужина купался, а по ночам грезил Рисорджименто. Стал даже испытывать теплые чувства к отцу и договорился с ним, что он оплатит мои счета, а денежное содержание впредь платить не будет. Однако вчера пришло сообщение, что Скотт Монкрифф во мне не нуждается. Вот тут-то я и почувствовал, что дошел до точки. Помощи теперь ждать неоткуда. Решил было отправиться с мальчиками на автобусную экскурсию, рассудив, что тем самым привяжу их к себе, – по крайней мере, тех учеников, кто мне симпатичен. Думаю, директор не захочет брать меня обратно – даже если я и надумаю вернуться. Рассчитывать, что мой бедный отец будет и впредь давать мне деньги, не приходится. Выражение «дойти до точки» преследует меня целыми днями [126] .

Пятница, 3 июля 1925 года <…> На днях мы с Янгом напились, и он рассказал мне, как складывалась его карьера. Его исключили из Веллингтона [127] , выслали из Оксфорда и заставили уйти из армии. От его услуг отказались четыре школы, три – в середине семестра из-за мужеложества, а четвертая – потому что он пил шесть дней подряд, не переставая. И при этом он без труда устраивается на новое место, которое лучше предыдущего. Брюс и паук [128] .

Пятница, 10 июля 1925 года План с Хит-Маунт провалился – в крикет я не играю. Все здесь пребывают в унынии. Дин действует на нервы директорше и должен уйти, однако места пока найти не может. Отец Гордона при смерти, его мать и сестра остаются без средств к существованию. Янгу кажется, что он постарел, а Чаплину надоел дождь. Что до меня, то на сердце у меня свинец, а по нервам бежит электрический ток. Надеяться мне не на что. <…>

Среда, 5 августа 1925 года Все утро провел в поисках работы. Коллега Ричарда [129] ищет очередного младшего преподавателя. Вот бы получить это место.

Воскресенье, 16 августа 1925 года Получил-таки работу в Астон-Клинтон. Забавно, что эта новость пришла в пятницу вечером, незадолго до прихода Ричарда, Элизабет, Оливии и Аластера. По идее, ужин должен был получиться веселым, но почему-то этого не произошло – мне, во всяком случае, было невесело. Я устал, был не в своей тарелке – как, впрочем, и всегда в присутствии Оливии, да и балагурство отца действовало мне на нервы. <…>

Понедельник, 17 августа 1925 года В кинематограф с матерью.

Покупаю брюки в клетку – выглядеть в них буду забавно. В банке в очередной раз перерасход.

Среда, 26 августа 1925 года

Писать красными чернилами – хуже нет, но черные у Аластера высохли. Миссис Г. (Грэм. – *А. Л.*) узнала, что Аластер поручился за меня в банке, и пришла в ярость. Вчера отбыла в Ист-Хэддон. Мы с Аластером отвезли ее, набив машину доверху чемоданами, собаками и горничными, вернулись домой и, в тишине и покое, сели пить чай. В Ист-Хэддоне полно стариков, впавших в детство. Слугам, всем без исключения, – за шестьдесят. Во всех комнатах толкутся престарелые гувернантки или сиделки. Миссис Гатри приняла меня за Аластера. В таком доме Хэмишу и его жене будет не сладко. Прическа у нее – лучше не бывает. Дописал рассказ, который назвал «Равновесие», и отдал печатать. Рассказ необычен, но вроде бы совсем не плох.

Все утро писал письма, почитал Бергсона, а в двенадцать поехал на автобусе в Стратфорд – пообедать с Аластером. Зашел к его виноторговцу купить нам с ним рейнвейнского, однако в результате, соблазнившись названием – «Мутон де барон де Ротшильд», купил бордо. Оказалось отличным. Выпили по коктейлю в отеле «Шекспир», после чего пообедали в ресторане «Арден». Потом Аластер отправился к себе в типографию, а я – на «Двух веронцев» – пьеса ужасно глупая. Внутри у театра вид не такой устрашающий, как снаружи, но выстроен он плохо и неуютен. Зал насквозь «прошекспирен»: самые нелепые шутки вызывают у зрителей благоговейный смех. Выпили с Аластером чаю и вернулись в Барфорд, где, облачившись в свитера с высоким горлом, поужинали, после чего совершили многое из того, чего бы никогда не сделали, будь миссис Грэм на месте.

Среда, 16 сентября 1925 года Утром взялся за «Республику» Платона. После обеда – в кинематограф. Как же я его ненавижу! Вечером к ужину – Джойс и Дадли. У меня брюки в клетку.

Четверг, 17 сентября 1925 года Опять читал Платона. Вечером с матерью в «Кингсвей» на «Гамлета» в постановке Барри Джексона [130] . Современные костюмы ничуть бы меня не смутили, не будь они очень уж изношенными, у женщин особенно. Гамлет плох, Горацио жалок, зато король и Полоний превосходны. Сцену «гонцов» с Розенкранцем и Гильденстерном почему-то выбросили – а жаль. Зато сцена дуэли поставлена безупречно. <…>

Четверг, 24 сентября 1925 года Надоело укладывать вещи. Вот-вот приедут Элизабет и Ричард и увезут меня в Астон-Клинтон.

Пятница, 25 сентября 1925 года Расписание еще не готово, и

живу пока привольно. В своей речи перед учениками директор сказал, что он нисколько не похож на других директоров, которые, если ученик что-то разбил, его побьют; он же будет обращаться с учениками как с джентльменами и брать с них слово, что проступок больше не повторится. Говорилось все это в крайне неприятной, показной манере. После этого дал урок английского вялым, апатичным и абсолютно невежественным ученикам. После обеда мы с Ричардом до чая уныло слонялись без дела. После чая принимал экзамен, а потом учил мальчиков английскому. Ужин. Выяснилось, что ученик, сидевший за столом рядом со мной, уволен из моего Лансинга. Ричард готовился к занятиям. Купил ему в «Колоколе» пива, и мы его выпили у него в комнате.

Понедельник, 28 сентября 1925 года Опять ужинал и пил пиво в «Чайна-Харри». Клод дал мне почитать роман Вирджинии Вулф; что-то не верится, что он хорош.

Пятница, 2 октября 1925 года

Учил обезумевших детей. Играл в регби. Выпивал в «Колоколе».

Читал «Братьев Карамазовых».

Пятница, 23 октября 1925 года Все надоело; тоска. Келли играл под дождем в футбол. Класс, где я преподаю рисование, никогда рисовать не научится. У них нет ни вкуса, ни мастерства, ни усидчивости.

Вторник, 27 октября 1925 года Опять ужинали с Ричардом в «Колоколе». Депутация от учеников явилась к директору с конвертом, а в конверт засунули вонючий кусок мяса, – но директор их не принял. Начал рисовать портрет Хью Лайгона – мой ему подарок ко дню рождения.

Среда, 28 октября 1925 года

Чепмен-энд-Холл прислал мне два фунта, мой плешивый брат – один, поскольку сегодня у меня день рождения. Мои тетушки прислали необычайно уродливый кисет. А из магазинов пришли счета. День выдался невеселый. Пошел было поиграть в футбол, но вернулся – уж очень устал. Ричард пошел купить крутых яиц – чтобы было чем ужинать после подготовки к занятиям.

Знай я в прошлом году или в позапрошлом, как пройдет мой день рождения, – ни за что бы не поверил. У Ричарда новый костюм.

Четверг, 5 ноября 1925 года Какие-то гомики гонялись по парку за лисой, и мои безумные ученики нервничали. По словам Энн, она всегда немного боялась, что Ричард и Лиза сочтут ее дурочкой.

Пятница, 13 ноября 1925 года Вместо дивана в Голдерс-Грин – диван в Астон-Клинтон. Вовсю занимаюсь прерафаэлитами.

Суббота, 14 ноября 1925 года <…> По-прежнему увлечен прерафаэлитами. Могу без преувеличения сказать, что всю последнюю неделю живу с ними с утра до ночи. Утром – с Холменом Хантом, единственным прерафаэлитом, которого можно назвать неустанным, бесстрашным и добросовестным. Первую половину дня – с Миллесом, но не с ним самим, а с его модной биографией, написанной Литтоном Стрэчи [131] . Как же Миллес светится сквозь дотошные портреты кисти Холмена Ханта! А вечером, когда огонь в камине, ром и одиночество сделают свое тлетворное дело, – с пропитанным хлоралом Россетти [132] , о коем Филипп Марстон [133] сказал: «И почему только он не какой-нибудь великий король в изгнании, за возвращение на трон которого мы могли бы отдать свои жизни?!»

Понедельник, 16 ноября 1925 года Ничего.

Понедельник, 23 ноября 1925 года Элизабет весь день провела в «Колоколе»; обедали вместе. Вечером детям разрешили послушать радио – передавали концерт; пел отец Ричарда. Лишний раз убедился, что на дух не переношу это изобретение.

Понедельник, 30 ноября 1925 года

Лед и снег.

Вторник, 1 декабря 1925 года Лед.

Понедельник, 14 декабря 1925 года <…> Купил себе брюки в Эйлсбери, а Ричард купил мне довольно симпатичный жилет. Надоели школа и ученики – почти все. Некоторые, впрочем, милы. Обычно хожу к ним поболтать по вечерам, и это самое лучшее время дня. Репетирую с ними сцену из «Бури». Играют отвратительно. Планы на следующие каникулы крайне расплывчатые. Боюсь, что от идеи ехать в Париж придется отказаться.

Вторник, 22 декабря 1925 года

<…> Вчера состоялась свадьба Ричарда и Лизы. Мы с Ричардом обедали в Беркли и в церковь явились с опозданием. Служба прошла благополучно – правда, Мэтью нарядился в клетчатые брюки, Джоан Тэлбот застукали в ризнице пьяной, а священник называл Ричарда Робертом. Лиза пообещала, что меня поцелует, и не поцеловала. Потратил уйму времени и Ричардовых денег, раздавая служкам чаевые, чуть было не дал пять шиллингов за уборку церкви престарелой Лизиной тетушке. <…>

Сегодня все утро помогал леди Виктории с подарками; устал как собака. Вечером зван в гости, но пойду вряд ли. Завтра собираюсь в Париж третьим классом – об удобствах, боюсь, придется забыть. Как же я устал. Стоит только начать беспокоиться о деньгах, как чувствую, что заболеваю.

Рождество 1925 года

В гости все-таки отправился и в результате ехать утром в Париж не в силах. А ведь никакого разгула не было – ровно наоборот. Мы с Оливией явились одетые, как придется, – все же остальные разоделись в пух и прах и встретили нас с бокалами шампанского. Бóльшая часть гостей – русские эмигранты. Оливия – она в буквальном смысле слова помешалась на чарльстоне – была безутешна, пока не обнаружила после ужина пустующую комнату, где можно было потанцевать, а потом, когда все стали хором петь русские песни, впала в пьяную меланхолию.

Утром мне позвонил мой старый знакомый, модный актер и театральный деятель Билл Силк, мы пошли пообедать, и в минуту слабости, о которой потом пришлось пожалеть, я согласился подождать до завтра и поехать в Париж вместе с ним. Ужинали мы тоже вместе, а после ужина отправились на «Белый груз», пьесу про белого мужчину, черную женщину и неразбавленный виски. Из театра пошли в «50–50», где столики подсвечиваются изнутри – вид преотвратный. Биллу там нравится – но он мало что в этом смыслит.

Вчера, если не считать недолгого пребывания в конторе Кука, весь день просидел дома и немного пришел в себя.

Сегодня на два дня едем в Эрлз-Террас.

«Hôtel des Empereurs» [134] *, Париж,*

воскресенье, 27 декабря 1925 года

<…> В 8.20 мы с Биллом Силком доехали на поезде до Нью-Хэвена, а там пересели на пароход «Брайтон», который качало не приведи Господи. Но ни Силка, ни меня не вырвало, да и пароход, по счастью, был почти совсем пуст. Пока Билл выпивал с каким-то смазливым морячком, я лежал в каюте и боролся с тошнотой, предаваясь сексуальным фантазиям. В Дьеппе заказали омлет, от которого Биллу стало плохо, и сели в парижский поезд – тоже, по счастью, пустой. Лил дождь, таксист в шубе отвез нас в гостиницу «Регина» неподалеку от бульвара «Бонн Нувель», где за номер, в котором нечем было дышать, с нас взяли 65 франков. Проспали до одиннадцати; после завтрака прошелся по Рю-де-ля-Пэ. Отлично пообедали в ресторане «Маргери», я заказал икру, консоме, камбалу «Маргери», омлет с трюфелями и бутылку шампанского – и всё за 60 франков. После чего отправились на поиски другой гостиницы и нашли эту; она и гораздо дешевле, и лучше «Регины», и к тому же ближе к Лувру и к реке. Дождь такой сильный, что вечером вряд ли куда-нибудь пойдем. Одеты парижане ужасно – за исключением мужчины в ярко-зеленом джемпере с огромным воротником.

Вторник, 29 декабря 1925 года

Вчера на свою беду обнаружил, что Лувр и все остальные музеи закрыты. Утром пошел в Нотр-Дам и, пока Билл не пробудился, был совершенно счастлив. Потом опять зарядил сильный дождь, и делать было решительно нечего. Прошлись по Елисейским Полям, у реки пропустили несколько стаканчиков и завалились спать. Часов в шесть пошли в «Чатэм-бар», выпили по коктейлю, Билл разузнал у официантов адреса борделей, и мы направились в «Кафе де ля Ротонд», выпили еще по коктейлю и поехали ужинать к Прунье, где я заказал моллюсков, Homarde Americaine [135] , артишоки и выпил белого вина. Потом – в «Кафе де ля Пэ» пить коньяк. А оттуда – в бордель. Швейцар в «Чатэме» ошибся номером дома, но улицу – кажется, Рю-де-Урс – назвал правильно, и нам показали на довольно гнусного вида забегаловку под вывеской «Ролан», находившуюся поодаль. Вошли и выразили желание развлечься. «Montez, messieurs, des petits enfants» [136] . Поднялись в душную комнатку с несколькими столиками, где нас поджидал официант, как две капли воды похожий на лорда Суинфена – едва ли это был он. Выпили дорогого – 120 франков бутылка – шампанского, и тут к нам с громкими криками сбежали сверху petits enfants в аляповатых маскарадных костюмах. Внимание Билла привлек неуклюжий, крестьянского вида парень, и они просидели, о чем-то болтая, весь вечер. Остальные же члены «труппы» голосили и танцевали, тыкая себя пальцами в ягодицы и гениталии. Юноша в наряде египтянки подсел ко мне, притворившись, что понимает мой французский. Сделав вид, что пришел в восторг от моих клетчатых брюк, стиснул мне ноги, после чего, нисколько не смутившись, обнял меня за шею и принялся лобызать. Сказал, что ему девятнадцать и что в заведении уже четыре года. Мне он приглянулся, но 300 франков, которые запросил за него хозяин, в высшей степени любезный молодой человек во фраке, я мог бы потратить с большей пользой. Билла, уже сильно поднабравшегося, как видно, тоже не устроила цена за деревенского парня, и он на своем отвратительном французском начал с пеной у рта торговаться. Я предложил, чтобы мой парень у меня на глазах развлекся с громадным негром, тоже находившимся в комнате. Однако, когда мы втроем поднялись этажом выше и мой молодой человек улегся в предвкушении негритянских авансов на потрепанный диван, – выяснилось, что стоимость и этого аттракциона сильно завышена. Присутствовать при затянувшемся споре Билла с хозяином мне вскоре надоело, я взял такси, вернулся в гостиницу и улегся в постель непорочным. И нисколько об этом не жалею.

Сегодня утром, пока Билл отсыпался после вчерашнего, ходил в

Лувр. Ника Самофракийская выше всяких похвал, да и Венера Милосская немногим хуже. Египетские залы еще не исследовал. Что же до живописи, то мне довольно скоро сильно наскучили Лебрен и Лесюэр, и даже Пуссен, которого я насмотрелся до одури. Зато я открыл для себя Филиппа де Шампеня [137] . Мантенья превосходен. Люблю древо познания в «Sagesse Victorieuse» [138] . Билл вот-вот пробудится. Пора возвращаться.

Норт-Энд-Роуд 145, пятница, 1 января 1926 года

Только и разговоров что о Новом годе. Хочется надеяться, что он будет успешнее прошлого.

В Лондон вернулись вчера в седьмом часу утра – проспал весь день.

На следующий день после развлечений на Рю-де-Урс мы спустились к реке и поужинали в «Ля Тур д'Аржан», наслаждаясь великолепным видом на Нотр-Дам, а также великолепной уткой «caneton à la presse» [139] , для которой нам подали нумерованные карточки. Запили утку двумя бутылками шампанского в кафе «Прадо», Билла развезло, и он несколько часов подряд говорил про Тони.

Наутро я отправился пешком в Сен-Сюльпис, шел по красивым улицам, а затем опять побывал в Лувре; хотел посмотреть рисунки Энгра, но было слишком темно. Вечером ужинали в «Вуазен»; после утки в «Ля Тур д'Аржан» на картофель «Анна» не хотелось даже смотреть. А вот вино было превосходным – свой, правда, я почти все разлил. Выпили в «Прадо» по шартрезу и вернулись.

Утром пошел в Люксембургский сад и в музей Родена, где меня больше всего интересовали рисунки, поднялся на Эйфелеву башню и к обеду вернулся. Билл, по обыкновению, еще спал. Во второй половине дня пил чай с Тамарой Эйблсан: она постриглась, умылась, красиво оделась, отчего сильно выиграла. С нами был англичанин Бернс, он, кажется, со мной знаком, и некая графиня, которая в несусветных количествах поедала вишневое варенье и злословила на четырех языках. Поужинали в «Крийоне» – еда превосходная, а вот обслуживание – худшее в Париже, а оттуда – на вокзал Сен-Лазар. Путешествие получилось хуже не придумаешь; очень сомневаюсь, что я его забуду, а значит, и писать про него нечего.

Барфорд-Хаус,

среда, 13 января 1926 года

<…> По пути остановились в Оксфорде, и я купил себе жилет и несколько книг, в том числе стихи Т.С.Элиота [140] – они на удивление прекрасны, но малопонятны; есть в них что-то неуловимо пророческое.

Миссис Грэм с веселым шумом отбыла в Лондон, и в доме – если не считать громкого стука молотков, жалобного скрипа передвигаемой мебели и болтовни прислуги – воцарился покой.

Бал оказался еще хуже, чем можно было ожидать, и продолжался до половины пятого утра. Аластер пил шампанское и обратно вел машину по берегу.

Вчера отдыхали. Стихи Т.С. Элиота неправдоподобно хороши.

Понедельник, 15 марта 1926 года Вчера провалялся в постели все утро и в церковь не пошел. Утром зашел к Клоду, а после обеда неожиданно в своем красном автомобиле прикатили Лиза с Робертом <…>, и я решил, о чем сейчас очень жалею, поехать в Лондон повидать Оливию. Застали ее в спальне, заваленной чулками и газетами. Укладывала в сумку бутылки. Раздалась, стала еще толще, говорит исключительно о себе, причем как-то отстраненно и бессвязно. Некоторое время сидел на ее постели и пытался, чувствуя, как падает сердце, ее разговорить, а потом пошел вместе с Ричардом пить коктейль <…> Вернулся на поезде в ужасном настроении – уже несколько недель не было такого. На обратном пути подумал, что надо бы написать роман, – но ничего подобного я конечно же не сделаю.

Хэмпстед, понедельник, 3 мая 1926 года

В субботу, когда мы вышли из кинотеатра, где смотрели самый худший на свете фильм, вечерние газеты пестрели заголовками, подтверждавшими самые мои мрачные предсказания. Работники транспорта и другие большие профсоюзы объявляют забастовку сегодня, с двенадцати ночи. Вчера ходил на митинг в Гайд-парке; революционные речи встречались одобрительными возгласами. Только и разговоров, что вот-вот начнется стрельба.

Сегодня утром забастовала типография, где печатается «Дейли мейл»; отказываются набирать передовицу «За короля и отечество».

Вторник, 4 мая 1926 года <…> Сегодня Крофорд телеграфировал, что семестр начнется в положенное время. Ездил на велосипеде посмотреть на бастующие районы; улицы забиты транспортом. «Таймс» сегодня утром вышла – правда, с меньшим, чем обычно, количеством страниц. А вот остальных газет нет – ни утром, ни вечером.

Астон-Клинтон, вторник, 11 мая 1926 года

В четверг вернулся в Астон-Клинтон. Утром – в Лайм-Хаус с Алеком; с той же неукоснительной верностью общепринятым обычаям, в соответствии с которыми рубашки следует покупать на Джермин-стрит, а прелюбодействовать – в Париже, он записался в спецотряд констеблей. <…>

В среду из всех больших городов начала поступать информация о возмущениях. Продолжаются и по сей день. Мы с Ричардом отправились в Хаммерсмит посмотреть, что там делается, но приехали поздно, полиция уже разогнала дубинками бастующих и отбила у них шесть автобусов, которые бастующие поломали.

В Астон-Клинтоне осталось пять учеников – самые тупые и неказистые. Крофорд уехал в пятницу утром. День прошел хуже некуда. К вечеру явились капитан Хайд-Апуорд и кое-кто из учеников; в субботу, которую я по большей части провел в Лондоне, – еще несколько.

К воскресенью (день выдался пасмурный, промозглый) в школу съехались в общей сложности человек пятнадцать. Призывы записываться в констебли становились день ото дня все настойчивей, и я, сам не знаю зачем, решил под знаменем гражданского долга развеять скуку (о чем Крофорд наверняка догадается) и отбыл в Лондон.

В понедельник вечером Королевская служба констеблей направила меня в Скотленд-Ярд, где мне надели на рукав повязку, привели в качестве мотоциклиста связи к присяге и отправили в Скотленд-Хаус, откуда после долгих проволочек послали, вместе с тремя прыщавыми юнцами, в отделение полиции Ист-Хэма. Ехать туда по мокрым трамвайным путям было невесело, один из нас по пути куда-то подевался. В Ист-Хэме инспектор Джеймс сказал, что мы ему не нужны. Обратно в Скотленд-Хаус, где творилась полнейшая неразбериха. Отпущены домой до утра.

Сегодня утром из вчерашних трех юнцов прибыл только один. Прождали целый час в коридоре, где мимо нас бегали какие-то перепуганные люди в штатском и время от времени выкрикивали чьи-то имена, на которые никто не отзывался. «Сейчас свободны. Явиться через полтора часа». Пинта пива. «Свободны. Явиться через два с половиной часа». Полпинты пива. <…> Час в коридоре. Отпущены до утра. Алек сдал дежурство; купил шампанского и билеты в театр.

Наутро я счел, что стоило бы найти более эффективный способ послужить отечеству, и отправился в Кемден-Таун, в казармы Гражданского резерва полицейской службы. Состоял «гражданский резерв» частично из таких же прыщавых юнцов, которых я повстречал в Скотленд-Ярде, а частично из тех, кого принято называть «отбросами общества» – невзрачных людишек средних лет. Жалкие, одетые в обноски, они вечно всем недовольны, ворчат, отказываются рано вставать, переговариваются в строю, отчаянно воюют за каждый кусок, а

вечером напиваются в столовой наверху. Офицеры-резервисты – клерки из адвокатских контор в военной форме. Все утро мы заправляли постели, начищали защитные шлемы, собирали перевязочный материал – учились воевать, иными словами. К обеду стачечный комитет без всяких требований и условий забастовку прекратил. Нас продержали в казарме «в полной боевой готовности» часов до десяти, после чего я вернулся домой и завалился спать, а на следующий день получил увольнение из отряда добровольного содействия полиции и вернулся в Астон-Клинтон, где директора по-прежнему замещает Хайд-Апуорд, о Крофорде же ни слуху ни духу.

Суббота, 24 шюля 1926 года

<…> В воскресенье устал. Ездили с Аластером ужинать в Виндзор. Предложил, чтобы я что-нибудь написал, а он напечатает. И вот всю неделю пишу эссе о Прерафаэлитском братстве. Пометки делал еще в прошлом году, когда растянул связку на ноге и сидел дома. Вроде бы получается. Допишу дней через пять, когда буду проверять экзаменационные работы. Во вторник водил миссис Во на спектакль с участием Тони. <…>

Вчера вечером поставил точку. Ник Келли любезно согласился перепечатать эссе на машинке.

Семестр бесславно завершился 28 июля. Вернулся в Лондон на мотоцикле. <…> Напросился поехать в Шотландию с Аластером и миссис Грэм. Боюсь, она не в восторге. А вот я наверняка получу удовольствие. Сегодня днем, в субботу, уезжаю в Барфорд. <…>

Отцу мое эссе очень нравится. <…>

Хэйем, озеро Бассентуэйт, Кокермаут, Камберленд, среда, 4 августа 1926 года

Приехали сюда вчера вечером после путешествия, в целом вполне удавшегося. Поначалу миссис Г. неистовствовала; на каждом перекрестке ее охватывал панический страх, что Аластер свернул не туда. Но в целом, повторяю, путешествие прошло гладко. В середине дня пообедали хлебом и цыпленком, остановившись на обочине, и в Карлайл прибыли часов в пять. Дом сэра Ричарда Грэма мал и уродлив; повсюду висят огромные портреты маслом, имеется чучело барсука. Уборная царская. Вскоре после приезда Фишеры прислали за мной большой красный автомобиль и привезли сюда. Готическое здание с зубчатыми башенками и совершенно неотразимым видом на озеро и гору Скиддо. За ужином недостатка в спиртном не было, как не было и всяких глупостей вроде «дамы встают из-за стола». Познакомился с некоторым числом странного вида женщин, почти всех зовут «тетушка Эффи». После ужина они исчезли

бесследно. Мы же перешли в библиотеку, курили сигары и пили виски. Младший брат похож на Алана, у него свинка, но вид – здоровей некуда.

Назавтра, после обильнейшего завтрака, отправились в семь утра охотиться на выдру. Мистер Фишер был в бриджах и в костюме из фланели с медными пуговицами и розовым воротником. Он, я и все остальные мужчины вооружились длинными, заостренными на конце палками, женщины – фотоаппаратами. На мосту мы встретились с несколькими косматыми собаками, и охота началась. Дело было поставлено ничуть не лучше, чем у бедного мистера Глида в Астон-Клинтоне. Первостепенную роль играли два человека – очень толстый старик, одетый в точности так же, как мистер Фишер, плюс розовый жилет, и молодой человек по имени Джек с трубой и хлыстом. Джек не желал делать то, что ему говорил старик, а собаки не желали делать то, что им говорил Джек. Некоторое время мы шли вдоль реки (называется Дервент), как вдруг собаки захрюкали, как морские львы, и все мужчины бросились в реку, за исключением Мастера, который, пританцовывая на берегу, кричал: «Запускайте собак!» Джек попытался выкопать яму, но, пока он копал, собаки, сгрудившись вокруг, забрасывали лапами яму быстрей, чем он ее выкапывал. Потом наступила долгая пауза, и мы опять двинулись по берегу реки. Затем раздался еще один резкий звук, и Джек зашел в воду так глубоко, что виден был только конец его трубы. К величайшему восторгу дам с фотоаппаратами, выдра была поймана, после чего дамы «засняли» самые варварские подробности и, вслед за собаками, были вознаграждены кусками мяса окровавленной выдры. Потом мы двинулись дальше, пока Мастер не устал, а Джек не свалился в реку, повредив колено. Тогда мы сели в «форд» и, промокшие до нитки, пустились в обратный путь, подобрав по дороге глухого терьера.

После обеда поехали кататься на автомобиле; я, мистер Фишер, одна из «тетушек Эффи», брат, тот, у которого свинка, и шофер по имени Томас. Повидали много озер, место, где творил Вордсворт, и очень валлийское озеро с пирсами, дамбами, променадами и тележками с мороженым с надписью «Уиндермир». По возвращении играли в теннис; и Алан, и его отец играют хуже, чем я. Ужин, сигары, сон.

На следующий день отправились в гости к неким Колландерам, жившим под Эдинбургом в доме под названием «Престон-холл». Миссис Г., по не вполне понятной причине, настояла, чтобы мы выехали как можно раньше, и, пренебрегая причиненными Фишерам неудобствами, в Карлейль меня отвезли

в девять утра. Всего несколько минут пообщался с сэром Ричардом Грином; славный старичок. Путешествие прошло беспокойно; миссис Г., подобно любителям оперы, что открывают партитуру на странице, предшествующей нужной, держала на коленях карту вверх ногами и последними словами ругала Аластера за то, что тот в очередной раз сбился с пути.

По пути мы остановились в Низерби, дабы побывать на свежей могиле некоей дамы по имени леди Цинтия Грэм, и повстречали церковного сторожа, которого отец Аластера некогда бил по голове. Лицезрел я также угрей с моста и прелестную башню, где Аластер намеревается жить. Из-за того, что в путь мы пустились рано, и, несмотря на то что Аластер не знал дороги, – в Престон-холл мы прибыли намного раньше времени. Это совершенно чудесный дом, построенный и обставленный братьями Адам [141] . Миссис Колландер своими туалетами напоминает леди Куиллер-Коуч; говорит резким, веселым голосом; ее дочь Рут – девочка-скаут и похожа на принцессу Мэри. Рут повела нас в восьмиугольную башню, обставленную наподобие антикварной лавки, и там рассказывала про Грецию. После чая гуляли по парку – большому и местами довольно красивому. Спиртного за ужином было маловато; Колландеры – трезвенники, питаются в основном фруктами. После ужина до десяти часов проговорили про Грецию, до половины одиннадцатого читали газеты, после чего разобрали свечи и разошлись по комнатам.

Утром, после завтрака, с час говорили про Грецию, а потом вместе с Аластером поехали на машине миссис Г. в Эдинбург. Совершенно обворожительный город, раскинулся на противоположных сторонах долины, а посредине, внизу, проходит железная дорога. На одной стороне находится замок и древние развалины, на другой протянулся ряд нарядных магазинов, образующих Принсес-стрит, у которой есть что-то общее с Бонд-стрит и одновременно с оксфордской Хай-стрит. Я пообедал, купил Эдмунду обломок эдинбургской скалы, а себе – длинный, кривой пастушеский посох, а также новую ленту на шляпу, к которой внезапно испытал отвращение, а заодно пропустил несколько стаканчиков в различных питейных заведениях города. Аластер купил мне отличную трость из утесника с набалдашником, напоминающим череп. Мы покатались по городу, побывали в Национальной галерее, где половина всех картин – кисти Ребёрна [142] , а директор носит пелерину и треуголку. Встретили крошечную девушку, которая заговорила с нами на эсперанто.

Поужинали, до десяти вечера проговорили о Греции и об

угольщике мистере Куке, до половины одиннадцатого читали газеты, после чего разобрали свечи и разошлись по комнатам.

Забыл сказать, что в тот день мы с Аластером проявили себя с лучшей стороны. Когда мы вернулись из Эдинбурга, шел сильный дождь. Нам сказали, что дамы в саду, и мы, вооружившись зонтиками, бросились под дождем в сторону восьмиугольной башни их спасать. Увы, дворецкий решил сделать то же самое и нас опередил.

Мы переправились на пароме неподалеку от Форт-бридж и поехали в Макхоллз, где живет старая няня Аластера. По пути заехали в дом под названием «Тэннадайс» повидать леди Н. У нее густая борода, лысая собака, пьяный муж и педераст сын. С виду Макхоллз типичный валлийский город. Остановились в бывшем замке, а теперь пансионе, где не нашлось ни капли спиртного. Пансион забит гнусными маленькими мальчиками и девочками. Кормят преотвратно. В деревне только один паб, да и в том бармен – хам.

В воскресенье пообедали в машине сыром и шоколадом, покатали няню Аластера и выпили с ней чаю в ее коттедже.

Понедельник, 9 августа 1926 года

Загрузили машину и долго ждали почтальона, когда же он наконец пришел, писем нам не оказалось. В Стоун-Хэвене свернули не туда, и пришлось долго ехать по бездорожью в гору, отчего мотор перегрелся, а миссис Грэм пришла в бешенство. До Стрэтдона добрались только к четырем. <…>

Во вторник под присмотром миссис Г. мыли машину. Занятие не из приятных: пришлось пользоваться кистями, губками и шлангом и, в довершение всего, выслушивать отборные ругательства, слетавшие с языка миссис Г. Обедали у Форбсов. Было очень вкусно, но больно уж хлопотно: все по цепочке передавали друг другу тарелки. Сэр Чарльз (дядя Аластера. – *А. Л.*) – довольно бессмысленный человечек крохотного роста; он еле жив; такие, как он, обычно в последнюю минуту лишаются наследства. Он все время что-то изобретает: то треугольные громкоговорители, то приспособление для зажигания спичек. Леди Форбс туповата, а сестра ее глуха, как пень. А вот дочери Форбсов у себя дома оказались симпатичнее, чем в Лондоне. После обеда таскали огромные камни, а потом нас повели осматривать замок, сад, за два года превратившийся в джунгли, и мрачного вида дом. Поднялись на башню, шли длинными, гулкими коридорами и вышли на воздух, продрогнув до костей.

Чай пили в доме под названием «Кандакрэг», его хозяин, Фолкнер Уоллес, – человек не бедный. У его жены вид чрезвычайно странный: очень высокая, нескладная, у нее

веснушки и короткая стрижка «под фокстрот». Играет в теннис и одновременно танцует чарльстон; и то и другое получается плохо. Чего только в доме нет: красивые панели, есть хорошая мебель и много забавных безделушек, которые миссис Уоллес считает современными. Утверждает, что не любит шотландцев и бедных.
Ужинали у Форбсов; к этому времени сэра Чарльза уже уложили в постель. И опять – вкусно и суматошно. После ужина Китти Форбс должна была петь на собрании матерей, и мы отвезли ее туда на машине. Когда собрание кончилось, водили шотландские хороводы; научиться танцевать рил – дело непростое.

Среда, 11 августа, 1926 года Сегодня утром видеть миссис Г. почему-то не хотелось, и мы, запасшись бутербродами, отправились на прогулку в горы. Почти все время шел дождь. В коттеджах никто не живет, окна выбиты, крыши провалились.

Ле Мортье, Сен-Симфорьен, Тур,
среда, 25 августа 1926 года

Забыл, что за чем следовало в последние две недели. На следующий день после моей последней записи (четверг, 12 августа. – *А. Л.*) мы присутствовали на празднике в Лонаке. Нас, как могли, пытались уверить, что до отъезда Форбсов из Нью праздник отмечался иначе. Начался он с марша шотландских горцев. Раньше, насколько я понимаю, лаэрд [143] шел на Страту и, останавливаясь выпить в каждом доме, собирал своих людей, после чего вел их обратно в Нью обедать. В этом году участвовать в марше у сэра Чарльза не было сил, и он довольствовался тем, что сидел дома, тыкал пальцем в огромный дымчатый топаз и приговаривал: «Мистер Фолкнер Уоллес с удовольствием бы в нем сегодня покрасовался». Человек десять шотландских горцев, среди которых не было ни одного моложе пятидесяти, а многим перевалило за восемьдесят, прошли пешком от здания ратуши в Лонаке до паддока в Беллабеге. Они уныло тащились по дороге, волоча за собой копья. Все молодые люди, которые еще не эмигрировали в Америку и не подались в города, предпочитают вместо килтов носить дешевые, плохо сидящие костюмы из саржи. Продолжался праздник очень долго. Играли на свирели, пускались в пляс; танцевали в основном отвратительного вида дети, обвешанные медалями. В спортивных соревнованиях участвовали профессионалы из Абердина. Я видел, как они метали бревно [144] , но не видел, что бы кто-то его подхватывал. Сын Уоллесов, Аластер и я решили принять участие в беге с препятствиями, но перед самым забегом раздумали. Ужинать пошли к Форбсам, а оттуда отправились на бал в Лонаке, где я танцевал танцы, которым успел научиться. Было ужасно жарко. Миссис Ф.У. (Фолкнер Уоллес. – *А. Л.*) лежала в шезлонге под

пледом с верзилой по имени Ламсден из Болмеди. Танцуя чарльстон на теннисном корте, она растянула себе связки. <…>

В понедельник выехали рано. Все время шел дождь. В дороге Аластер и миссис Г. ссорились больше обычного, и мне хотелось только одного: выпрыгнуть из машины и вернуться домой на поезде. Доехали до гостиницы в местечке Киллин, где уже останавливались. Дождь шел по-прежнему. Пошли под дождем на какие-то твидовые фабрики; закрыты. Ужин. Сон. Беспросветный день. <…>

Оттуда (из Глазго. – *А. Л.*) поехали в Йорк и по дороге пообедали с сэром Ричардом Грэмом и Вайти, герцогиней Монтрозской. Йорк чудесен. Кафедральный собор видел дважды – в сумерках и при дневном свете. При свете дня он что-то теряет. Остановились в огромном «Станционном» или, как его еще называют, «Железнодорожном» отеле. Миссис Г. все время пребывает в лютой ярости и, по-моему, крепко выпивает. Столько шлюх, как в Йорке, не видел нигде. Ходил в собор к причастию. Всю дорогу от Йорка до Барфорда миссис Г. неистовствовала и была непристойно груба не только с Аластером, который ее провоцировал, но и со мной, хотя я не сказал ей худого слова. В Барфорде она продолжала на меня нападать: я, видите ли, грубил ей весь месяц, – и я решил, что ноги моей у нее в доме больше не будет. <…>

В воскресенье поехали в Париж. Море было спокойным. Пару часов провели в Булони – Аластер этот город любит, и до Парижа добрались часов в девять. Нашли отель под названием «Суэц» на левом берегу, в нескольких милях от реки, оставили вещи, много чего выпили, а потом отправились в гнусное кабаре на Монмартре, где женщины делали мне неприличные предложения. Поужинали, выпили скверного шампанского и пошли в «Жокей», паб получше, где танцевал какой-то черномазый, после чего легли спать в душном и шумном номере. Спал мало.

В понедельник собирался поехать в Тур, но не тут-то было. Встретил Хьюго Лайгона и Элмли, провел вечер с ними. Поужинали в ресторане «Ля Рю», оттуда поехали в луна-парк. Весть день пили коктейли из шампанского. С Аластером почти не виделся, и слава Богу. В Париже и французах он, как это неудивительно, мало что смыслит. Последнее время вижусь с ним, пожалуй, слишком часто.

Сюда приехали вчера, во вторник, к обеду. Прелестный старый дом. Мсье Брикуан – выше всяких похвал. Здесь остановились какие-то довольно несносные английские студенты, но мы их не видим. Вчера днем ездили в замок в Вилляндри, смотрели картины, большей частью фальшивые. На обратном пути машину

вел я и сбил собаку. Собака, по-моему, пострадала не очень, но лапу я ей отдавил. Отличное начало! После ужина выпили eau de vie [145] нашего хозяина; на вкус – как водка. Играли в кункен. Спал превосходно.

Понедельник, 30 августа, 1926 года По-прежнему жарко, но терпимо. Ведем ленивую, приятную жизнь: встаем поздно, сытно обедаем, бывает, отправляемся в château [146] или ходим в Type по магазинам, пьем чай у Масси и идем в кино в Café de Commerce, вечером крепко выпиваем, а потом крепко спим. Перечитываю «Принципы литературной критики» Ричардса [147] . Мой французский лучше не становится. В субботу ездили обедать в Шенонсо; paté de maison [148] превосходен. Ходить по châteaux особого удовольствия не доставляет. Еще ездили в Шомон, в Амбуаз же прибыли поздно и в château не попали. Зато выпили вина в ресторане, куда направил нас какой-то назойливый мальчишка. Готовят у нас отлично, поэтому ужинать в ресторанах особого желания нет. <…>

Норт-Энд-Роуд 145,

понедельник, 13 сентября 1926 года

Провели две ночи в Шартре, в гостинице «Grand Monar que» [149] . Перед собором проходил какой-то праздник: вокруг толпы людей, продаются пряничные поросята, дети мочатся на колонны, женщины либо спят, либо сплетничают, либо едят. И бессчетное число маленьких процессий с покровами, свечами и непрерывными денежными поборами. В самом же городе ярмарка; Джулия купила розового цвета целлулоидные рамки для картин, а я выиграл живого голубя, из-за которого пришлось перелезать через ограду в сад собора.

Из Шартра по очень плохим дорогам поехали в Руан. Мы с Элизабет прокололи колесо, а Ричард переломал себе все рессоры. Остановились в гранд-отеле «Poste» с многотысячной прислугой. Были там леди Ишэм и Джайлз. Из Руана – в Гавр; гнусный городишко. Напившись, Ричард влюбил в себя всех носильщиков и докеров и сумел добыть нам билеты на пароход. Я плыл вторым классом и всю ночь просидел без сна в одной из наших машин. В Саутгемптоне Элизабет заболела, и возникли сложности с таможней и автомобильными номерами. Мы с Элизабет прошли через таможню первыми и до Лондона добрались около трех. Остаток дня проспал. У нас остановилась Стелла Рис. Сегодня от Аластера пришла хорошая новость – он взялся за мою книгу. («Прерафаэлитское братство». – *А. Л.*)

Среда, 22 сентября 1926 год

Провел несколько тихих дней – но не много. <…>

В понедельник приехал Аластер. Вторую половину дня

проходили по магазинам – большую часть времени выбирали галстуки в «Салка» [150] . На Кинг-стрит ели устрицы. Вечером пошли в «Альгамбру», а оттуда – на вечеринку к лесбиянкам; познакомился с ними на днях. Вечеринка что надо. Сэр Фрэнсис Лейкинг – сначала в женском платье, а потом в чем мать родила – пытался танцевать чарльстон. Какой-то русский играл на пиле, как на скрипке. Явился Лулу Уотерс-Уэлч – живет в грехе с Эффингемом. <…> Мы с Аластером сильно напились. Помнится, я нагрубил Бобби. Двое мужчин подрались. Женщина-полицейский всех перепугала, Джоан полезла на нее с кулаками.

На следующий день Аластер и я обедали в пабе «Стоунз» с Тони Бушеллом, а потом смотрели новый фильм Гарольда Ллойда «Ради Бога». Отзывы на фильм неважные, а вот мне он понравился, даже очень. Вечером пил коньяк в клубе «Кит-Кэт».
Последние дни, если перечитать эти сумбурные записи, получились лихие – но на этом лихая жизнь, которую я вел, закончена. Подвожу под ней черту – во всяком случае, принял такое решение. Мать подарила мне 150 фунтов, чтобы я расплатился с долгами, и теперь в следующем семестре я еще раз попробую вести жизнь правильную, трезвую, целомудренную. И на этот раз – на куда более прочной основе.

Астон-Клинтон,
суббота, 2 октября 1926 года

Во вторник собрал все свои дневники за год и отдал в «Молтби» переплести. Со вторника мало чего произошло. Расплатился в Оксфорде с долгами: ходил из магазина в магазин в широких брюках, с записной книжкой, куда были вложены пятифунтовые банкноты. В большинстве своем лавочники и рестораторы радовались, что я им больше не должен. За исключением Холла; к Аластеру и ко мне он, мне кажется, питает теплые чувства. Расплатился и с портным в Эйлсбери; послал чеки Крису и Ричарду.

Аластер прислал мне гранки «ПБ» [151] . Набрал, по-моему, очень хорошо – лучше, чем рукопись того заслуживает. За время, которое прошло между сочинением эссе и чтением корректуры, я потерял к нему всякий интерес.

В Астон-Клинтон не слишком весело. После двухмесячного пребывания в относительно цивилизованном обществе привыкать к детскому гомону очень нелегко: «А Кобхэм [152] , сэр, считает, что автомобиль движется не быстрее черепахи. Это правда, сэр?».
Боюсь, они обижаются на меня за то, что я уделяю им не слишком много времени, – поэтому решил напоить их чаем. Сомневаюсь, что получу от этого чаепития удовольствие.

Четверг, 7 октября 1926 года <…> В четверг опять

отправился в Лондон поискать Дэвиду свадебный подарок. Постригся, сходил на выставку таможенника Руссо [153] , примерил костюм, который мне шьют у Андерсена и Шеппарда. Сидит, разумеется, хорошо, но не могу сказать, что я доволен: гляжусь в нем каким-то записным щеголем. Встретился с переплетчиком, неким Бейном. Договорились, что переплетет мне «ПБ». Поужинал дома куропатками, выкурил отцовскую сигару и вернулся на поезде.

Суббота, 30 октября 1926 года

В четверг мне минуло двадцать три года. Отец подарил, помимо очень дорогого белья, 1 фунт на праздничный ужин. Эдмунд и Чарльз подарили перочинный нож с разноцветной ручкой, тетя – кисет, повар в «Колоколе» – торт, а Джон Сатро прислал телеграмму. Весь день шел дождь. Обедал и ужинал в «Колоколе», очень много выпил, курил сигары, пил в конюшне чай с Эдмундом и Чарльзом. Ник Келли подарил мне книгу Хюффера [154] и Конрада.

Несколько дней назад послал издателям книжной серии «Сегодня и завтра» письмо с предложением написать книгу «Ной, или Будущее алкогольного опьянения». К моему удивлению и радости, идея была воспринята с энтузиазмом.

Автор очень глупой рецензии в «Манчестер гардиан» расхвалил мой рассказ из сборника «Георгианские рассказы» [155] – правда, доводы приводит предельно нелепые.

Бейн – молодец: переплел «ПБ» в кратчайшие сроки.

С углем перебои; сыро и холодно. Кормят с каждым днем все хуже. Работы невпроворот, а я постыдно бездельничаю. Теперь, когда Глид покидает школу, отзывается он о ней язвительно, да еще во весь голос. Ученики издеваются над ним все больше. А он вдобавок играет в футбол все хуже.

Каким скучным стал этот дневник. Наверно, вести его надо каждый день, что-то записывать каждый вечер. Попробую.

День Гая Фокса [156] *1926 года* Получил от «Габбитас и Тринг» сообщение: некая дама из Голдерс-Грин ищет своему сыну частного преподавателя; занятия на каникулах. Это означает, что про поездку в Афины придется забыть. Тем не менее урок, если получится, возьму. Четырьмя гинеями в неделю не бросаются.

Воскресенье, 7 ноября 1926 года

От мысли, что на предстоящих каникулах буду работать, вместо того чтобы сорить деньгами, я становлюсь ханжой, что дает мне право тратить деньги с чистой совестью. Вчера и позавчера ужинал в ресторанах и пил ром. Вчера вечером – с Чарльзом Пулом, он приехал из Кембриджа всего на один день. Напился и с энтузиазмом рассуждал о прелюбодеянии.

Уже написал 2000 слов «Ноя»; кое-что совсем недурно.

Среда, 10 ноября 1926 года

<…> Вчера кончил первую главу «Ноя».

Из-за дурного питания и собственной нечистоплотности у многих детей появились на коже гнойники. Все спортивные соревнования отменены.

Сегодня утром сестра-хозяйка в приступе гнева покинула школу с обитым жестью чемоданом на голове.

Вчера утром ужинал с Глидом и по дороге домой свернул на берег канала. Домой вернулся за полночь.

Дождь льет с утра до вечера.

Еще две рецензии на «Георгианские рассказы»; обо мне ни слова. Бейн и не думает слать «ПБ». Дама из Голдерс-Грин не ответила на мое письмо, где я пишу, что готов заниматься на каникулах с ее сыном.

В четверг ездил в Лондон. Дама из Голдерз-Грин не нанимает меня учителем к своему сыну. Отец пребывает в еще более приподнятом настроении, чем обычно. Из Вендовера я вернулся на велосипеде.

Пятница, суббота и воскресенье прошли хуже некуда, и у меня нет ни малейших сомнений: и сегодняшний день будет ничуть не лучше. Ученики по-прежнему гниют заживо и ведут себя соответственно.

Пришло письмо от Элизабет: собирается ко мне на выходные. «Ной» спорится. Получается манерно и «литературно».

У Глида сдали нервы, в субботу он высек ученика, и высек на совесть. К Чарльзу и Эдмунду подселили ученика по фамилии Блэкберн, и больше я к ним не хожу. Стал замечать, что покрикиваю на детей, не проверяю их работы, то и дело теряю журнал с записями. Читаю Эдгара Уоллеса и совершенно не в состоянии вникнуть в эссе Герберта Рида [157] . А до конца семестра еще почти пять недель.

Среда, 17 ноября 1926 года

Пришли экземпляры «ПБ» – одна ошибка осталась неисправленной. Заметил ее, но включить в список опечаток забыл.

Весь день был груб с учениками – стыдно.

Пятница, 19 ноября 1926 года Все надоело.

Вторник, 23 ноября 1926 года Устал. Все надоело.

Среда, 24 ноября 1926 года Вместе с учениками колол дрова.

Четверг, 25 ноября 1926 года <…> Сломалась ручка от двери в учительскую, и приходится выбирать: либо сидеть на сквозняке, либо вскакивать на каждый стук.

Рождество 1926 года,

суббота, «Патрис II», Средиземное море

Прежде чем уехать из Лондона, закончил «Ноя» – впрочем, наскоро, и послал рукопись Кигану Полу. Криз приехал в четверг вечером. Рад был увидеть его перед отъездом.

Вчера после завтрака пустился в путь с минимумом вещей. На пути в Кале была сильная качка, но я, против ожидания, перенес ее неплохо. Мой печальный опыт морской болезни вызван, по всей видимости, алкоголем. Путешествие из Кале в Марсель удовольствия не доставило. Вагон был переполнен. Рядом сидела женщина с маленькой девочкой и всю ночь, каждые двадцать минут, кормила ее шоколадом, пирожными, фруктами и поила водой со слабительным. Ужасно хотелось пить; спал мало.

В Марселе ни одного честного человека. Все, кому придется, пытались меня облапошить и справлялись с этой задачей выше всяких похвал. Превосходно пообедал в ресторане «Бассо».

Пароход оказался куда красивее и чище, чем можно было ожидать. Пассажиры интересуют меня мало. Сижу за столом с юным греком – очень смуглым, и с американцем средних лет, чудовищным провинциалом. Своего соседа по каюте еще не видел. Качка становится все сильнее, капитан же мертвецки пьян и кричит не своим голосом. Больше всего боюсь, что, если лягу, начнет тошнить.

Воскресенье, 26 декабря 1926 года

Путешествие, как я и ожидал, оставляет желать лучшего. Морской болезнью я пока не заболел, но качает здорово, в каюте нечем дышать, вентиляция никуда не годится. Только и разговоров что о еде, длинные французские названия блюд, много перемен, официанты в белых перчатках, подаются чашки с водой для ополаскивания пальцев и т.д. Между тем еда, как таковая, совершенно безвкусна. К столу подают отвратительное греческое вино – отдает лаком и тростниковым сахаром. А вот кофе по-турецки очень неплох.

Сижу либо на корме в водяной пыли, либо прячусь от жары внизу, дремлю, читаю «Многообразие религиозного опыта» [158] и набрасываю рисунки к «Анналам конституционной монархии», книге, которую собираюсь написать.

Только что поужинал с двумя американцами; юный же грек отправился спать. Один из американцев – пошляк, хвастун и богохульник, зато Грецию знает хорошо, поездил по Европе и ко всему прочему запойный пьяница. Другой (я сидел с ним в первый вечер) до смешного невежествен и ограничен. Думал, что такие экспонаты водятся только в Уэлсе.

Грек, который живет со мной в одной каюте, очень мил. Целый день лежит в постели. Как, впрочем, и большинство пассажиров.

Поговаривают, что прибудем не раньше среды.

Понедельник, 27 декабря 1926 года Великолепное солнце и спокойное море. Сегодня утром из своих кают вышли и поднялись на палубу диковинного вида, надушенные дамы. А с ними – щеголеватые маленькие мужчины. А еще – целая армия дикарей: пугливо семенят по палубе и жуют сухой хлеб.

Афины, суббота, 1 января 1927 года

В среду сошли с парохода только в восемь. Прежде чем разрешили пристать, ждать пришлось почти два часа; все это время полиция изучала наши паспорта. Аластер и слуга Николас приплыли за мной на маленькой лодчонке. В отеле «Grande Bretagne» [159] , точно таком же, как «Крийон», выпили по коктейлю. В целом Афины гораздо современнее и красивее, чем я ожидал: трамваи, коктейль-бары, многоэтажные дома. Квартира, в которой Аластер живет вместе с Леонардом Боуэром [160] , – со всеми удобствами: ванные, уборные, электричество. Мебели, за исключением нескольких objets d'art [161] , нет; сильно пахнет штукатуркой. Есть приходится в разных ресторанах; обычно обедаем в «Кости» и ужинаем в «Тасэрве». В первый же вечер я сильно перебрал в кабаре, который содержит одноногий мальтиец. Усердно потчевал меня какими-то вредоносными коктейлями, отчего я напрочь лишился разума и весь следующий день ходил разбитый.

Николас приносит нам суп в половине десятого, но ванну мы принимаем гораздо позже: Леонард торопится в посольство, и раньше одиннадцати мы не одеваемся. В Греции на все уходит в два раза больше времени, чем где-нибудь еще. В деревнях время и вовсе стоит на месте. В Афинах каждое блюдо приходится ждать не меньше четверти часа, и все разговоры длятся бесконечно. Никто не ужинает раньше девяти, спать же ложатся, по-видимому, под утро. Для суетящегося европейца эта система несовершенна. Ко всему прочему у них, как правило, каждый день праздник.

Есть здесь и еще один англичанин по имени Р. Я познакомился с ним в 1917 году, когда жил на Грейт-Ормонд-стрит. Хочет соблазнить Аластера и говорит – как, впрочем, и все в Афинах – исключительно о мужской проституции. В его квартире толкутся сомнительные типы со смуглой кожей и героическими именами вроде Мильтиада и Агамемнона; у них сизые подбородки и грязные рубашки. За 25 драхм за ночь они спят со всей здешней английской колонией.

Есть здесь английский клуб с очень удобными стульями. Ходим из кафе в кафе: все напитки пахнут либо камфарой, либо лекарством, а все вокруг пахнет отбросами.

Побывал в Дафни в очень красивой церкви с мозаикой. А

также – в заброшенном монастыре. Поехали было в Парфенон, но он оказался закрыт.

Вчера вечером обедали в «Grande Bretagne», а потом выпивали с двумя игривыми старыми девами из Англии. Просидели с ними до четырех утра. Я привел с собой знакомого полицейского; ему несколько раз подряд предсказывали судьбу, и он, в конце концов, напился.

Сегодня днем поездили по окрестным деревням. Ехали в автомобиле с британским флагом и могли поэтому безбоязненно давить сколько угодно людей, а также не включать фары.

Только что расстался с Аластером и Р. Они сидят в кафе, очень напоминающем приходскую церковь. Афинские кафе либо похожи на церковь, либо на мастерскую, где обжигают гончарную посуду.

Вторник, 4 января 1927 года Утром ходили в Национальный музей, после обеда гуляли. Куда бы ни шли, перед нами, как из-под земли, вырастали греческие солдаты. Зашли в симпатичное кафе в полуподвале – называется «Сосны», там танцуют пирриху [162] . Надоело ходить по ресторанам. Боюсь, я такой же домосед, как и мой отец. По правде сказать, не очень-то люблю ездить по заграницам. На этих каникулах хочу посмотреть как можно больше, с февраля же, на всю оставшуюся жизнь затворюсь на Британских островах. Похоже, Греция мне понравится. Из того, что я видел в Вари, могу сказать, что здешние крестьяне прелестны, они – сущие дети. <…>

Итэа-Олимпия,

четверг, 6 января 1927 года

Ночь прошла лучше, чем я ожидал. Когда мы в 6.30 прибыли в Итэа, выяснилось, что на следующий день парохода на Патрас не будет – так, по крайней мере, мне сказали. А потому, не повидав Дельфы, пришлось плыть прямо на Патрас. Закат над Икеей красив необычайно. Когда плывешь в эту сторону, на пароходе менее людно; вчера же вечером шум стоял ужасный.

Ссадили меня в городке Аийон: останься я на пароходе, пока он будет заходить во все маленькие порты, – и в Патрасе я бы опоздал на поезд. Познакомился с немцем и его женой, а также с какой-то русской – вместе пообедали. По-французски они говорили еще хуже меня, и поддерживать разговор было непросто, но их обществу я был рад.

В 1.30 подали мой поезд на Пиргос. Путешествие оказалось невыносимо долгим, но обошлось без происшествий. Какой-то грек дал мне свою карточку, сказав, что обязательно мне напишет – очень любит англичан. Мальчишка в ярости порвал банкноту в пять драхм – счел эту сумму недостаточной. В Пиргосе, примерно в половине восьмого, пересел в другой вагон, освещенный

крошечной масляной лампой и смахивающий на каюту очень маленького парусника. Сидевший напротив молодой человек в бабочке на безупречном французском порекомендовал мне остановиться в гостинице «Hôtel de Chemin de Fer» [163] . Со временем, далеко не сразу, я сообразил, что он – гостиничный официант или же сын хозяев этого заведения. Позднее выяснилось, что в тот день он ездил в Пиргос на рынок, а живая птица, которую он держал под мышкой, предназначалась мне на ужин.

В Олимпию мы прибыли примерно в половине девятого и минут десять, ведомые молоденькой крестьянкой с фонарем, карабкались по скалам. По пути у меня закралось подозрение, что хваленая гостиница окажется на поверку второразрядным трактиром с клопами, сквозняками и козами в номерах. Я не угадал: мы прибыли в огромное здание на горе, с высокими дверями и разбегавшимися во все стороны, очень плохо освещенными, затянутыми коврами коридорами. Меня встретил и отвел в номер такой же громадный, как и гостиница, весьма обходительный старик. Постояльцем я был единственным, но не прошло и нескольких минут, как мне предложили превосходный ужин – среди прочих блюд имелась и птица, с которой я ехал в поезде. Засим в постель.

Олимпия,

пятница, 7 января 1927 года

Проснувшись, обнаружил, что ощущение величия исчезло, а вот удовольствие осталось. Отель большой, но совсем ветхий. Мне подали французский кофе и лепешку, и я отправился в музей. Он тоже почти что лежит в руинах. Этот музей, а также и настоящие руины, протянувшиеся на километры по склону горы, курирует всего один человек. Работа у него, казалось бы, не сложная, однако мое появление его, судя по всему, не обрадовало. В музее много очень интересных скульптур, и я их разглядывал до самого обеда. Обед и на этот раз был превосходен. После обеда ходил смотреть Гермеса Праксителя (или, как называет его Р., – Праксилита), которого держат в специальном сарае на бетонной подставке, за серой плюшевой занавеской и за которым надзирает деревенский дурачок. Пракситель великолепен, и я нисколько не жалею, что приехал сюда специально ради него. Потом погулял среди коз и оливковых деревьев, дважды неудачно наведался на почту в надежде получить от Аластера телеграмму относительно его дальнейших планов и вернулся в отель.

Сегодня вечером ожидается приезд некоей американки, в связи с чем молодой человек в бабочке весь день провел на рынке

в Пиргосе. Не исключено, что Аластер приедет сегодня – хотя вряд ли.
Завтра опять пускаюсь в путь. Успеть бы на пароход – отходит в Бриндизи в пять утра в воскресенье.

Олимпия – Бриндизи,
суббота, 8 января 1927 года

Аластер не приехал. Американка оказалась одинокой старой девой, совершающей трехнедельное путешествие по Греции. Выкрикивала проклятия в адрес американских туристов. Я уехал после обеда. Глухонемой мальчик отнес мой чемодан на станцию и почему-то не захотел взять деньги; пришлось отдать ему завалявшийся в кармане перочинный нож. Дорога в Патрас, если б не веселые, несуразные «americanos», была бы очень тягостной. На каждой станции все пассажиры выходят из вагонов и пускаются в разговоры, потом звонит колокол, кондуктор трубит в трубу, паровоз свистит, и тут все принимаются что-то наперебой кричать, снова прощаться, а поезд тем временем отползает от перрона с черепашьей скоростью. В Патрасе на ужин у меня был плохой, зато дешевый табльдот. Услужливый портье в отеле с кем-то договорился, что мой чемодан отнесут на пристань и предупредят о приходе парохода. Меня одолел безумный переводчик, изъяснялся он на каком-то никому не ведомом языке. Чтобы от него отделаться, пришлось его напоить. Уходя, пообещал на чудовищной смеси французского и английского, что пароход «приедет за мной в кинотеатр». Этого не случилось, но все прошло гладко: я уже преодолел три четверти превосходного немецкого фильма «Пожар», когда за мной пришли и отвели на пароход. Преодолев паспортные препоны, я поднялся на палубу и отыскал пустую каюту во втором классе. Пароход невелик и конечно же грязен, но в любом случае лучше, чем тот, на котором я плыл в Итэа.

Бриндизи – Рим,
понедельник, 10 января 1927 года

В поезде; до Рима час. В Бриндизи приплыли сегодня в четыре утра и после тщательных проверок военными и медиками были, в конце концов, выпущены на берег. Мой поезд отходил в девять. Нашел славного переводчика из Измира; отвел меня позавтракать, поменял мне деньги и до отхода поезда водил по Бриндизи. С девяти вечера сижу в этом купе – то совсем один, то в вагон набиваются пассажиры. В какой-то момент ввалилась целая семья: кашляли, сморкались в один – общий – носовой платок и без зазрения совести громогласно рыгали. На следующей станции вошла женщина с улыбкой Джоконды и голосом попугая. В Италии мы, судя по всему, останавливались

на каждой станции; на всех без исключения – одинаковые портреты дуче; впечатление такое, что рекламируется художественная школа «Хэсселз-пресс».
У всех итальянок из простонародья голоса, как у попугаев.

Рим,

вторник, 11 января 1927 года

Вчера вечером прямо с вокзала поехал в «Hôtel de Russie» [164] , однако ни Аластера, ни Леонарда там не обнаружил. Тем не менее снял относительно дешевый номер, принял ванну и, очень собой довольный, отправился спать.
Сегодня встал часов в десять, отбил отцу телеграмму с просьбой прислать 5 фунтов и поехал в собор Святого Петра. По пути на каждом углу попадалось что-то красивое. Точно крестьянин, глазел, разинув рот, на громаду Святого Петра; фрески, однако, не идут ни в какое сравнение с теми, что я видел в Дафни. Забрался под самый купол. За 11 лир пообедал в маленьком ресторанчике напротив собора. Взял такси и поехал на Форум, где расхаживал среди руин, бесстыдно сверяясь на каждом шагу с туристическим справочником. Вернулся в отель, где попал на вечеринку с чаем и танцами. Выпил две порции джина, каждая ценой в мой обед, и стал смотреть на танцы; в «Беркли» или «Крийоне» абсолютно то же самое. Сегодня вечером здесь поужинаю, а завтра вечером уеду.

Пятница, 14 января 1927 года

И опять в поезде – из Рима в Париж. Во вторник ужинал в «Russie»; не самый лучший ужин, если учесть, во что он мне обошелся. Потом пустился было на поиски римской ночной жизни, но оказалось, что она отсутствует – запретил дуче. Пошел в нечто похожее на мюзик-холл, где дамы в сморщенных трико танцевали непристойные танцы, а мертвенно-бледный господин во фраке жонглировал какими-то сверкающими предметами.
В среду ходил на экскурсию, и должен сказать, что смотреть город с экскурсоводом не так уж плохо. Состояла экскурсия почти полностью из женщин (гувернанток, скорее всего); они задавали идиотские вопросы и, когда им что-то нравилось, издавали свистящие звуки. Экскурсовод попался знающий. Утром ходили в Ватикан. Сикстинская капелла меня разочаровала. Потолок великолепен, но Страшный суд утратил весь свой насыщенный цвет и перекрашен в блекло-голубой. Да и композиция оказалась не столь безупречной, как я ожидал. Огромные скопления фигур сильного впечатления не производят. После обеда – в Колизей, в катакомбы Святого Каликста и в церковь Святого Себастьяна за городской стеной. В тот же вечер переехал в мансарду в устрашающем пансионе «Nuova Roma» [165] . Впрочем, стоила

комната всего 11 лир, так что жаловаться не приходится. Я бы уехал в тот же вечер, но не смог обналичить отцовский денежный перевод. Утром – на заутреню к Святому Петру, потом в Санта Мария Маджоре и Сан Джованни ин Латерано [166] . Денег было так мало, что ничего не клеилось. В десять сел в этот поезд и всю нескончаемую ночь просидел в купе в полном одиночестве, если не считать одного очень симпатичного итальянца. Сегодня утром подсели еще трое пассажиров – очень шумных. Осталось у меня всего 10 франков и бутылка «Виши».

Воскресенье, 20 февраля 1927 года

Последние дни почти полностью лишены смысла. Из Оксфорда позвонил какой-то человек и предложил 10 гиней, если я напишу рассказ в его сборник «Новый Декамерон».

В четверг на очень быстром и удобном поезде ездил в Лондон и шлялся по магазинам. В следующий четверг собираюсь поговорить с отцом Андерхиллом о том, чтобы стать священником. Вчера вечером напился. Забавно смотрятся рядом два последних предложения.

Минут через пять после того, как я записал эти слова, когда мы с Аттвеллом сидели у камина и, смеясь, вспоминали, как напились накануне, – внезапно в комнату ворвался Кроуфорд и в одно мгновение уволил нас обоих, оговорив, что Аттвелл проработает до конца семестра. По всей вероятности, донесла сестра-хозяйка [167] . День получился напряженный. Апуорд был со мной суров, но предупредителен, ученики же меня сторонились: боялись, как бы не увидели, что они со мной разговаривают. <…> Я поспешно сложил вещи, оставив книги – пришлют по почте, и тихонько, точно горничная, которую уличили в краже перчаток, улизнул. С вокзала позвонил родителям предупредить о своем неожиданном приезде. Ужин в окружении удрученных членов семьи.

Хэмпстед,

понедельник, 21 февраля 1927 года

Сегодня, 21-го числа, весь день провел в поисках работы; устал, обескуражен. Пустые хлопоты. Написал Эдмунду и Чарльзу прощальные письма. Пришло, мне кажется, время попробовать стать литератором.

Понедельник, 28 февраля 1927 года

<…> Ходили к некоей миссис Гуссенс; чернокожие гости (а они составляли большинство) весь вечер играли в покер, белые же напились и обыгрывали друг друга. На следующий день обедал с Клодом у Оттера. Обед получился пресмешной. В книге ситуация, когда незаконная дочь высокопоставленного старика принимает у него в доме своего чернокожего любовника и его

чернокожую жену с ребенком, выглядит, прямо скажем, маловероятной. А между тем дело обстояло именно так.
Сегодня утром, в понедельник, в «Ассоциации будущей карьеры» мне сообщили, что директору школы в Ноттинг-Хилл на несколько недель требуется младший преподаватель. Я туда отправился и был принят на работу за 5 фунтов в неделю. Дышать стало легче, но работа, боюсь, никуда не годится.

Понедельник, 7 марта 1927 года

Школа в Ноттинг-Хилл совершенно ужасна. Все учителя говорят на кокни, сплевывают в камин и чешут у себя в промежности. У учеников коротко стриженные головы и подвязанные бечевкой очки в железной оправе. Ковыряют в носу и истошно кричат друг на друга – тоже на кокни. Первые три дня делать было решительно нечего – разве что «надзирать» за одним из учеников, который писал экзаменационную работу. В дальнейшем меня использовали в качестве репетитора.
В среду ходил с Энн на пьесу «Дракула», был у Гарольда Эктона [168] . В пятницу ходил на собеседование в «Дейли экспресс». Готовы взять меня в конце семестра на трехнедельный испытательный срок за 4 фунта в неделю. Не знаю, подойдет ли мне, но попробовать стоит. <…>

Четверг, 7 апреля 1927 года Работа в Холланд-парке [169] завершена, однако зарабатывать на жизнь, судя по всему, труда не составит. Колеблюсь: то ли идти в «Дейли экспресс», то ли сесть за биографию [170] : Дакуорт [171] проявляет к ней некоторый интерес. Ходил по гостям, потратил кучу денег. Познакомился с очень милой девушкой Ивлин Гарднер [172] и возобновил дружбу с Питером Кеннеллом и Робертом Байроном [173] . На выходные ездил в Эррингем.

Понедельник, 9 мая 1927 года

Пошла пятая неделя моей работы в «Дейли экспресс».

Дакуорт заказал мне биографию Россетти и немедленно выдал 20 фунтов, которые я спустил за неделю. С тех пор я не заработал ни пенса, если не считать тех 5 фунтов, которые мне платят на Шу-Лейн. Работа в газете веселей некуда, хотя от меня требуется всего-навсего сидеть в редакции; шумно, а теперь еще и очень жарко.

Работает в газете очаровательная девушка Инесс Холден [174] . Хожу по гостям. Вступил в клуб «Горгулья».
На выходные ездил в Плимут, на один день – в Париж. Когда светит солнце, кругом все такое славное.

Понедельник, 23 мая 1927 года Уволен из «Экспресс» и жду не дождусь каникул. <…>

Пятница, 1 июля 1927 года После месячных каникул сел за

книгу о Россетти. <…>

Хэмпстед,

пятница, 22 июля 1927 года

Написал около 12 000 слов книги о Россетти – и без особого труда. Получается вроде бы довольно забавно. К сожалению, в следующем году о нем выйдут еще несколько книг. [175] <…>

Барфорд-Хаус, Уорвик,

пятница, 26 августа 1927 года

В Барфорд приехал к обеду. Помимо Аластера и миссис Г. здесь полный сбор: гувернантка миссис Х., Джейн и мисс Гудчайлд. За столом высокое напряжение.

Миссис Х. (*ничего не ест, взбивает в винном бокале соус к салату*). Нет оливкового масла.

Миссис Г. Того, что надо вам, в доме никогда нет.

Уходят дворецкий и миссис Г. Дворецкий возвращается с маслом. Спустя десять минут входит миссис Г. с маслом.

Миссис Х. Сейчас оно мне уже не нужно.

Миссис Г. Разумеется, теперь, когда я вам его принесла, оно вам больше не нужно.

Миссис Х. (*в сторону, выходя из комнаты*). Она делает это специально, чтобы отвлечь нас от ужина и сэкономить деньги.

Понедельник, 29 августа 1927 года Копать пруд в саду явился залитый кровью шотландец.

Среда, 31 августа 1927 года Виделся по поводу работы с одним типом, ходил в кино. «Букмен» прислал мне на рецензию три книги. Мило с их стороны.

Суббота, 3 сентября 1927 года Как же я ненавижу этот дом, как плохо себя здесь чувствую. Все сотрясается, идет ходуном от проезжающего транспорта. Не могу ни спать, ни работать. Рецензировал книги; начал писать комический роман («Упадок и разрушение». – *А. Л.*). Мать уехала в Мидсомер-Нортон, где умирает тетя Трисси. Непрерывно звонит телефон, отец носится вверх-вниз по лестнице, Гаспар лает, садовник рыхлит под окном гравий – и безостановочно несутся машины. Еще одна такая неделя – и я сойду с ума.

Барфорд-Хаус, Уорвик,

сентябрь 1927 года

Воскресенье. Делал наброски для книги о Россетти, обедал, ездил в поле, где бегают собаки.

Барфорд в нескончаемом процессе перемен: ломают лоджию, копают пруд, мостят подъездную аллею, воду из ванной закачивают в пруд, садовники угрожают перерезать друг другу глотки; с действительностью их примиряет разве что необходимость совместного строительства наружного

ватерклозета. Мисс Гудчайлд уходит, повар мучается грыжей, горничная слегла с язвой, миссис Г. накачивается портвейном, кричит громовым голосом и верховодит.
Сегодня вздорная гувернантка, к радости миссис Г., отбыла на два дня в Лондон. Надеюсь хоть немного поработать. Сегодня утром отправился на длинную прогулку.

Четверг, 6 октября 1927 года После чая ездили в Келмскотт [176] . Дом гораздо меньше, чем я думал, подъездная аллея отсутствует, лишь небольшие запирающиеся ворота, выходящие прямо на дорогу. К дому ведет мощеная дорожка с большими тисовыми деревьями по бокам; из одного Уильям Моррис вырезал дракона. Комнаты темные, с очень низкими потолками, не покидает ощущение какой-то стесненности. Невозможно представить, что когда-то здесь жило столько людей. Мисс Моррис [177] – отталкивающего вида женщина, очень застенчивая, нелепо и неряшливо одетая в платья ручной вязки. С ней живет гермафродит. Два изысканных карандашных наброска Россетти: изображены мисс Моррис и ее сестра – еще детьми. Бессчетное число набросков самой мисс Моррис, большая картина маслом и эскизы для пределлы [178] «Видение Данте». Мебель и отделка нетронуты со дня смерти Морриса. Гобелены, что так волновали Р. (Россетти. – *А. Л.*), принадлежат не Моррису – это работы старые, они висели в доме, когда Моррис его купил. Сад тоже какой-то стесненный, тропинки ужасно узкие. А ведь я представлял его себе таким просторным – быть может, это потому, что вместо Морриса здесь живут эта странного вида женщина и ее гермафродит.

Хэмпстед,

суббота, 22 октября 1927 года

<…> В понедельник ходил в Академию мебельного дизайна на Саутгемптон-Роу [179] . Познакомился с очень грубой секретаршей и симпатичным директором и договорился, что буду посещать великое множество самых разнообразных кружков. Чай с Ивлин и Пэнси [180] .

Вторник, 25 октября 1927 года Начал рисовать и чертить. По вечерам занимался резьбой по дереву. Ужинал с Тони Пауэллом [181] .

Среда, 26 октября 1927 года Рисовал орнамент по штукатурке. Ужинал с Теренсом.

Четверг, 27 октября 1927 года Чертил секции и проекции. Чай и кино. Иньес.

Пятница, 28 октября 1927 года Строгал доски. Чай с Дадли. Пэнси. Обед с Фулфордом.

Вторник, 29 ноября 1927 года До смерти надоел Лондон с его

нескончаемыми туманами. Последнее время ничего особенного не происходило. Часто вижусь с Ивлин и иногда – с Оливией. В воскресенье ходил на премьеру Ситуэллов [182] – крайне разочарован, откровенно скучал. Во вторник на прошлой неделе у Ситуэллов в Болстоне была вечеринка. Продолжаю плотничать. Генри Лэм [183] знает место за городом, где я мог бы работать.

Понедельник, 12 декабря 1927 года Ужинал с Ивлин в «Ритце». Сделал ей предложение [184] . Определенного ответа не получил. Отправился на вечеринку к Урсуле. Звонил Пэнси – говорит, чтобы женился. Поехал на Слоун-сквер посоветоваться. Поехал на Бурбон-стрит и рассказал Оливии. Домой вернулся поздно; долго не мог заснуть.

Вторник, 13 декабря 1927 года [185] Звонила Ивлин: мое предложение принято. Ездил в Саутгемптон-Роу, но работать был не в состоянии. Ходил в паб с Дадли – сообщил ему о помолвке. Чай с Ивлин. Пэнси – она на моей стороне – пытала Алетею Фрай [186] . Пьеса Фила Коддингтона. Домой. Устал, как собака.

Среда, 27 шюня 1928 года Обвенчались с Ивлин в церкви Святого Павла на Портмен-сквер в 12 часов. Какая-то женщина в алтаре печатала на машинке. Гарольд – шафер. Роберт Байрон выдавал невесту, Алек и Пэнси – свидетели. На Ивлин был новый, черный в желтую полоску джемпер, на шее шарф. Пошли в клуб «500» и выпили шампанского «под прицелом» подозрительных взглядов Уинифред Макинтош и князя Георгия из России. Оттуда на обед в Бульстене. Обед удался. Потом – на Паддингтонский вокзал, поездом в Оксфорд и на такси в Бекли.

6 шюля

Наш медовый месяц подошел к концу. Все в Бекли были с нами очень милы. Женщины приносили нам в комнату букеты цветов. У мистера Хиггса Ивлин пользовалась большим успехом. <…>

Всю следующую неделю провели в Хэмпстеде. <…> В среду объявление о нашем браке в «Таймс». Вечером ужинали у Осберта Ситуэлла. Выпил лишнего. <…> В субботу рисовал обложку для романа в «Чепмен-энд-Холл» [187] , одновременно держал корректуру «Упадка». С Чепменом иметь дело не так-то просто.

Излингтон,

четверг, 4 октября 1928 года

Сразу после завтрака позвонили из «Чепмен-энд-Холл» и сказали, что Даблдей и Доран [188] хотят издать «Упадок» в Америке и дают мне аванс – 500 фунтов. К концу дня сия блестящая новость существенно потускнела: выяснилось, что придется делиться с Брандтом [189] , издательством «Чепмен-энд-Холл» и Соединенными Штатами, и получу я поэтому чуть больше

половины указанной суммы, причем не раньше весны следующего года. Пусть так; новость все равно – из лучших. После обеда привезли изготовленную на заказ мебель. После ужина приходил Тони Пауэлл; рассказывал сплетни про Ситуэллов.

Воскресенье, 7 октября 1928 года Ходил в церковь на Маргарет-стрит, но внутрь войти не смог. Обедал и ужинал в Хэмпстеде. Читал новый роман Олдоса Хаксли [190] : нескончаемо длинный, герои те же, что и в «Шутовском хороводе», те же невнятные социальные прогнозы и унылые любовные связи, та же миссис Вивиш, тот же Колмен [191] , нескончаемые прения и биология. Такой роман мог бы написать, получи он сносное образование, какой-нибудь Алек Во.

Понедельник, 8 октября 1928 года Обедал в «Сэвиле» [192] с Гарольдом, Регги Тернером и Реймондом Мортимером [193] . Хороший обед запивали хорошим вином. Регги Тернер – очень уродливый, забавный человечек, изо всех сил старается не отстать от жизни: «Скажите, что вы и Марго Оксфорд думаете об Олдосе Хаксли?» Рассказывает истории про Уайльда и Бози [194] и про то, как, побывав у Уайль да в тюрьме, он спросил его, хватает ли ему еды. «Они бросают мне сосиски точно так же, как британцы в зоопарке бросают булки медведям». Реймонд же Мортимер, автор положительной рецензии на меня, разочаровал. Трикотажное белье от Шарве, грубые черты лица – «как у фавна» (Регги Тернер), растрепанные волосы. Говорит примерно следующее: «Мой дорогой, если я заражусь от вас гриппом, то буду в восторге» или «Последнее время я, знаете, полюбил Берлин». Я обратил внимание, что он рассуждает о «Контрапункте», не прочитав роман. Сделал несколько попыток расширить круг знакомств: «Вы не поверите, но с Бози Дугласом я не знаком. Возьмите меня как-нибудь с собой, Регги, когда к нему пойдете». Или: «Вы знаете Риккеттса [195] , Гарольд? С удовольствием бы с ним познакомился. Люблю, поверите ли, стильные вещицы. А вы?» Бросается французскими фразами и именами известных людей. Второсортный молодой человек. Пил чай с Оливией, а когда вернулся, у Ивлин поднялась температура. Грипп, надо полагать. «Упадок и разрушение» попал в список бестселлеров. <…>

Пятница, 12 октября 1928 года Местный врач, смахивающий то ли на мясника, то ли на коновала, поглядев на белое, в малиновую крапинку лицо Ивлин объявил, что у нее краснуха. Леди Бергклир [196] заходила, пока меня не было, и порадовала дочь виноградом, цыпленком, а также сдержанно положительным отзывом о нашей квартире. Рисовал. Бедному Чепмену (Артуру Во. – *А. Л.*) предстоит рецензировать книгу о гориллах. За

неделю продано 157 экземпляров «Упадка и разрушения», а всего – 1093. Когда доберемся до 2000, перестану так волноваться.

Пятница, 19 октября 1928 года За неделю продано 827 экземпляров «Упадка». Второе издание, можно считать, в кармане.

Суббота, 20 октября 1928 года Написали из «Ивнинг стандард»; просят статью на тему: «В Англии есть молодежь. Дайте же ей ход».

Понедельник, 22 октября 1928 года Постригся и встретился с Мартином Уилсоном. К «Упадку и разрушению» относится вроде бы неплохо. От него – на выставку Майоля. Скульптура великолепна, а вот резьба по дереву оставляет желать… Алатэа обедала со мной в «Тальони»; очень хороша, загадочна, вид такой, будто только что пробудилась после бурной ночи. Порывиста, не скрывает трепетного желания кататься на коньках, пойти в театр, посмотреть последний фильм. После обеда – к портному примерить клетчатый костюм.

Пятница 26 октября 1928 года Дождь. Рецензирую книги, а также пишу статью про «Старость в сорок лет» для «Ивнинг стандард»; за статью обещали заплатить 10 фунтов. Вечером прибыл Джеффри. Но сначала на лестнице возник Холдер; чуть позже из Лондона прикатила машина с поваром, съестным и пачкой французских романов, и, наконец, вечерним поездом приехал Джеффри с молодым человеком по имени Джон Уаймен. Раблезианский ужин, портвейн, сигары, разговоры об архитектуре, виски.

Суббота, 27 октября 1928 года Приехал кое-кто из слуг и, наконец, Алатэа. Юный мистер Уаймен появился сначала в костюме для верховой езды – и сел в седло. Потом в белом фланелевом спортивном костюме – и пошел играть в теннис. Потом в твидовом пиджаке – и отправился «пострелять» с собакой («питает слабость к борзым», как кто-то отозвался о нем в разговоре с Джеффри). Потом во фраке – и рассуждал об архитектуре. <…>

Вторник, 30 октября 1928 года Письмо от Чарльза Скотта Монкрифа; хвалит «Упадок и разрушение»; хочет, чтобы я нарисовал иллюстрации к его балладе. Сегодня днем ездили в Мальборо. Прекрасный солнечный день. Ивлин увлечена «Упадком» и статьями для «Ивнинг-ньюс».

Пятница, 23 ноября 1928 года [197] За две недели продано 398 экземпляров. Уже второго издания. <…>

Тридцатые годы

Хэмпстед, понедельник, 19 мая 1930 года

Звонит Диксон из «Дейли мейл», просит приехать. Приезжаю. Спрашивает, не соглашусь ли я вести ежемесячную колонку; каждая статья – 15 гиней. Говорю «да». Не успеваю вернуться в Хэмпстед – снова звонок, просит немедленно приехать: меня хочет видеть главный редактор. Переодеваюсь в вечерний костюм, еду. Главный редактор интересуется, не соглашусь ли я вести еженедельную колонку. Говорю: «Да». «А не подпишете ли, – спрашивает, – с нами договор о том, что три месяца не будете писать в другие газеты?» – «Должен, – отвечаю, – спросить Питерса» [198] . «Какую минимальную сумму вы бы хотели получать?» – спрашивает. Если дадут пятнадцать фунтов, буду на седьмом небе от счастья. Называю двадцать. На седьмом небе от счастья он. Еду в «Савой», звоню Питерсу: «Называйте двадцать пять». Потом выпиваю и еду ужинать в Рэднор-Плейс. <…>

Вторник, 20 мая 1930 года Питерс уговорил Диксона заплатить тридцать фунтов, отчего мой годовой доход, пусть временно, достигнет 2500 фунтов. Что вселяет некоторый оптимизм. «Уик-энд ревью» настойчиво напоминает про статью, которую я обещал им написать и забыл. Обед в «Плюще» с Джонатаном Кейпом [199] и моим американским издателем. Заходил к Оливии. <…> Вечеринка с коктейлями у Сирила Коннолли [200] . <…> Написал статью в «Уик-энд ревью». Очень плохую.

Среда, 21 мая 1930 года Вечеринка с коктейлями у Сесил Битон. Ужинал с Элеонор Смит [201] в «Куальино», оттуда – в кино, из кино – в «Эйфелеву башню». Вернулся и сел за статью в «Дейли мейл». Пишу о лесбиянках и запоре.

Понедельник, 26 мая 1930 года Родители уехали в Мидсомер-Нортон. Обедал с Энн Талбот в «Куальино». Обед так себе. Вернулся за письменный стол. Ужинал в «Уолдорф» с моим американским издателем. После ужина – в театр «Савой». Подхожу к кассе и говорю: «Я – Ивлин Во. Посадите меня, пожалуйста». Сказано – сделано. Посмотрел два последних действия «Отелло» с Робсоном [202] . Постановка безнадежно плоха, но его черное открытое простецкое лицо мне нравится. Будь он умнее, и вся эта дурацкая сцена с носовым платком выглядела бы куда менее убедительно. <…>

Среда, 28 мая 1930 года Почти весь день читал первую часть «Истории последних Медичи» Эктона. Сочинение в высшей степени неудовлетворительное, прославит его ничуть не больше,

чем роман. Напыщенно, банально, продираешься через запутанные, безграмотные описания. Временами проскакивает искра дарования, ему свойственного, но по большей части – уныло. Страницами цитирует Рирсби, Ивлина и современных путешественников. Многословные описания пиров и процессий. Родители пишут, что вернутся завтра. Выправил корректуру статьи для «Уик-энд ревью». Выкинули мои нападки на старых «ворчунов-либералов».

Суббота, 31 мая 1930 года Дважды ходил в кино и прочел несколько страниц очень интересного труда об «Улиссе» Джеймса Джойса. Держал корректуру «Наклеек на чемодане»; полно опечаток, которых в гранках не было.

Четверг, 12 июня 1930 года Обедал в женском клубе. Пил чай с Оливией и ее матерью. Коктейль у Сэчи Ситуэлла. Ужинал с Ричардом и Элизабет. Оттуда – на небольшую вечеринку. Поль Робсон напился до потери сознания. Вернулся и лег в постель с Вардой [203] ; оба перепили, поэтому удовольствия никакого.

Среда, 18 июня 1930 года <…> Пил чай в «Ритце» с Нэнси Митфорд [204] . Пребывала в волнении: в воскресенье вечером Хэмиш [205] сказал ей, что ему вряд ли когда-нибудь захочется спать с женщиной. Пришлось долго объяснять, что сексуальная робость мужчинам свойственна.

Лондон,

понедельник, 23 июня 1930 года

Утренним поездом из Сезинкота в Бирмингем. Побывал в картинной галерее. Валлиец, хранитель музея, спросил, не был ли валлийцем и Огастес Джон [206] . Голова персидского мальчика кисти Россетти, ранняя работа – ничего мне про нее сказать не смогли. На другие картины Россетти непохожа абсолютно. Обедал с Генри, потом – на его фабрику, где видел медное и железное литье. Был совершенно потрясен сноровкой рабочих. Ничего общего с массовым трудом или механизацией – чистое искусство и ремесло. Особенно красива медная отливка: зеленый расплавленный металл из докрасна раскаленного котла. Вернулся в Лондон и переехал к Ричарду.

Лондон,

понедельник, 30 июня 1930 года

Приехал в Лондон в середине дня и написал статью. Немыслимая жара. Ужинал у герцогини Мальборо. Сидел рядом с Эдит Ситуэлл. По стенам столовой развешаны ужасающие фрески Уоттса. Эдит высказала предположение, что в действительности их автор – леди Лейвери. В основном говорила про книгу Этель Мэннин («Признания и впечатления». – *А. Л.*), про то, что она сказала или собиралась сказать в ответ на слова миссис Мэннин,

и про то, что сказала миссис Мэннин в ответ на ее слова. Мельба: «Я читала ваши книги, мисс Ситуэлл». – «Ну а я, дама Мельба, слышала, как вы поете». На ужине присутствовали два посла и человек сорок пэров и их жен средних лет с суровыми лицами. В брильянтах вид у герцогини не первой свежести. Герцог – с орденом Подвязки в петлице и в шелковом тюрбане, на глазу повязка, из-под повязки торчит маленький острый носик. Когда я уходил, герцогиня сказала: «Ах, вы прямо как мой Мальборо. Такой же суетный. Он у меня ходит на любой прием, если получает отпечатанное на машинке приглашение». <…>

Четверг, 3 июля 1930 года <…> Переоделся – и на ужин к Спирменсам. <…> Диана Спирменс заказала Мэри Пэкенхем две фрески для своей гостиной, каждая ценой 20 фунтов. Когда первая фреска была готова, Диана сказала: «Насколько я понимаю, мы еще не решили, сколько мы вам заплатим, не правда ли?» Мэри: «Да». Диана: «Прекрасно. Напишите на этом листке бумаги, сколько, по-вашему, мы вам должны, а я напишу, сколько я готова вам заплатить. Итак, какую сумму вы поставили?» – «20 фунтов». – «Ну вот, а я – 15. Давайте выведем среднее арифметическое, и, таким образом, с нас причитается 17 фунтов 10 шиллингов». Даже этих денег бедная Мэри до сих пор не получила. Как говорится: «Если найдете мою чековую книжку – деньги ваши». Клаф Уильямс Эллис [207] очень мил и болтлив. Каждую минуту вынимает из портфеля какие-то маленькие книжечки и сует их мне под нос; подчеркивает в них что-нибудь вроде: «Художник – единственный законодатель». Истинный энтузиаст. <…>

Понедельник, 7 июля 1930 года Обедал в «Ритце» с Ноэлом Кауардом [208] . По натуре прост и дружелюбен. Мозги отсутствуют. Прирожденный актер. Говорили о католицизме. «Совершите кругосветное путешествие», – посоветовал он мне. Рассказал, что знает настоятеля в доминиканском монастыре, который больше всего на свете хотел стать актером и на этом помешался. Кончилось тем, что его обнаружили в нижнем белье своей хозяйки. <…>

Вторник, 8 июля 1930 года В одиннадцать ходил к отцу д'Арси [209] . Синий подбородок, тонкий, скользкий ум. Иезуитская часовня на Маунт-стрит обставлена хуже не придумаешь. Англиканам до такой безвкусицы далеко. Говорили о богодухновенности Писания и Ноевом ковчеге. <…>

Пятница, 11 июля 1930 года Ходил к отцу д'Арси; говорили о папской непогрешимости и индульгенциях. Обедал с Ричардом и Лизой; весь день провели вместе.

Суббота, 19 июля 1930 года Первый раз за неделю хорошо

спал. Ужинал с Гвен и Оливией; говорили о религии.

Понедельник, 21 июля 1930 года Ездил с Одри [210] покупать у Оливии щенка. Потом – чаепитие в египетском посольстве. Рассуждал об авиационных авариях с леди Дафферин, как вдруг ее вызвал к телефону дворецкий. Вернулась в необычайном волнении: ее муж попал в авиакатастрофу, разбился его самолет, летевший из Ле-Туке. Попросила меня проводить ее до дому. Провел у нее час, пытался получить из Крейдона точную информацию; связался с полицией в Чатэме, с Министерством авиации и пр. Вероника Блэквуд тут же села в машину и уехала, и леди Д. осталась совершенно одна. В конце концов мне удалось вызвать к ней леди Лоутер. Эта история и сейчас не дает мне покоя. Леди Д. такая прелестная, такая достойная – и совершенно потеряла голову от происшедшего. Как ребенок от боли. Не плачет. <…>

Вторник, 22 июля 1930 года Был в «Сэвиле»; все разговоры – об авиакатастрофе. Потом обедал в «Ритце» с Дэвидом Сесилом [211] . Говорили, если не ошибаюсь, о любви.

Фортхэмптон-Корт, Глостер,

пятница, 1 августа – вторник, 5 августа 1930 года

Уик-энд в Фортхэмптоне у Йорков [212] . Поехал вместе с Морисом [213] , который сказал, что кормить будут плохо и шампанского не дадут. Ни то ни другое предсказание не сбылось. При этом сказал, что постели удобные и ванных комнат сколько угодно. Ошибся и тут. Наша компания состояла из Мод и Винсента (родители Йорка. – *А. Л.*), Генри (Суслика) Йорка, сестры Суслика Мэри и ее мужа Монти Лаури-Корри. Эта парочка безостановочно совокуплялась. Хью Уиндем, брат миссис Йорк, – типичный младший сын-неудачник. Разорился в Южной Африке; выручила семья. Теперь целыми днями рисует грушевые деревья. Его жена робка и неприметна; утром отменно нехороша собой, к вечеру хорошеет. За вычетом Генри, иногда игравшего на бильярде, никто ничего не делал. <…> Славно провел эти три дня. «Дейли мейл» не желает продлевать наш контракт. Театральные продюсеры не желают покупать пьесу Брэдли [214] . Ищу ссоры с Боттом [215] , так что в скором времени опять обеднею.

Пятница, 15 августа 1930 года Приехала со своей собакой Оливия. Театральный антрепренер хочет, чтобы я переделывал пьесы для сцены. Не такой уж сложный способ заработать много денег.

Воскресенье, 17 августа 1930 года Ездил с Элизабет в Крэнборн на чашку чая. На удивление красивый дом; его обитатели – все как на подбор славные, незамысловатые люди с

крючковатыми носами. Религиозная служба на улице, перед домом.

Четверг, 21 августа 1930 года Дождь целый день. Ничего не делали. Написал отцу д'Арси.

Хэмпстед,

пятница, 22 августа 1930 года

Приехал на Норт-Энд-Роуд переночевать. Отца, накануне его дня рождения, искусала его же собственная собака. Мать навещала родственников – только что вернулась. Хотя я отказал Одри в деньгах, она, судя по всему, на меня не в обиде. Кит Вуд [216] совершил самоубийство. Герцогиня Йоркская родила девочку. Беркенхед, оказывается, еще жив. Вечером пошел в кино, отчего отец был безутешен [217] .

Лондон – Аддис-Абеба, пятница, 10 октября – воскресенье, 26 октября 1930 года

Французский кинооператор в поезде: обувь снял, но всю ночь проспал в лайковых перчатках. Рука в перчатке свешивалась с couchette [218] и покачивалась в такт движению. Медный пол раскален докрасна. В ресторане маршал Петен [219] . Только он и я лицезрели jour maigre [220] , за что были вознаграждены oeufs au plat [221] .

«Café de Verdun» в Марселе. Превосходный обед.

«Azay le Rideau». Пароход видавший виды и не слишком чистый. В коридорах голые полы. У меня двухместная каюта с наружной стороны. Пассажиры: французские колониальные чиновники с совершенно неуправляемыми детьми, офицеры Иностранного легиона – дурно одеты, небриты, с оттопыренными, как у коммивояжеров, животами. Люди спят в трюме, едят и живут на палубе. Очень неопрятны – с виду каторжники. Бородатый sous-offcier [222] . В основном немцы; один – американец. Двое за час до Порт-Саида выпрыгнули из иллюминатора и исчезли. Еще один перед обедом, возле Суэца, у всех на глазах выпрыгнул за борт; был схвачен египетской полицией, на пароход не возвращен.

На борту польские и голландские делегации; деловито расхаживают с портфелями, набитыми, надо полагать, поздравительными адресами. В Суэце на борт поднимаются французы и египтяне. Рас [223] – с сыном, двумя слугами и секретаршей-переводчицей; одета по-европейски, идет с ним под руку. Англичанки (наполовину малайки?), мать и дочь. Из Канн в Мадрас. Поначалу решил, что дочь наше путешествие оживит. Обе абсолютно ничего не соображают. Дочь, Дениз Гарисон, не гнушается косметикой: густо подведены глаза, алый маникюр – но не для того, чтобы соблазнять самцов; просто по-детски

подражает светским львицам в Каннах. Обе так глупы, что, хоть и играют целыми днями в детские карточные игры, даже пересказать правила не в состоянии; все игры, которым они нас учили, перемешались у них в голове. Бартон – брат британского министра [224] , отставной банкир, зануда; корыстен, но нельзя сказать, чтобы был себе на уме. Гнусный американский журналист – оскорбляет прислугу. Итальянец, владелец третьеразрядной гостиницы в Мадрасе. Рыжеволосый американец – едет в Индокитай продавать сельскохозяйственное оборудование. Не знает ни слова, ни на одном языке, неспособен даже объясниться по-французски в ресторане.

Порт-Саид. Из моих знакомых не осталось никого [225] . На Восточной бирже повздорил из-за сигар. Чиновник в порту куда менее вежлив, чем полтора года назад.

Тот, кто на пароходе переедает, пьет, курит и не совершает прогулок по палубе, – живет в свое удовольствие. Те же, кто ведет «здоровый образ жизни», мгновенно заболевают.

Стоит мне оказаться вне своего привычного круга, как я начинаю лицемерить, говорю и рассуждаю в несвойственной мне манере.

И в первое, и во второе воскресенье проспал мессу. Священники и монашки плывут вторым классом. Рыбу по пятницам на ужин не подают.

Голландский проповедник играет в какой-то особенный бридж, где misère [226] называется «Лулу».

Два дня fête: course de chevaux – играли только французы; pari mutuel [227] , шансы почти равные. Пароход разукрашен; кинофильм еще хуже, чем обычно. Когда вошел маршал, все встали; очень приветлив, раздает автографы, на аукционе подписанная им фотография стоила 900 франков. Пассажиры второго класса приходят на бал и на концерт. Джаз-банд «Legionnaires» [228] : губная гармоника, барабан и банджо; на барабане наклейка «Mon Jazz» [229] . Пела девица, Бартон назвал ее «Люси всеми любимая». Относительно поездов «Джибути – Аддис-Абеба» [230] полная неясность; слухи противоречивы: дело в том, что бельгийский консул не может связать по-английски двух слов. Горячий ветер. Жившие в тропиках не выдерживают. За день до Джибути на море волнение. «Azay» весьма прочен. Драка между стюардами. Китаец посажен под замок; в камере, кроме него, уже два солдата. Потею. Подарил библиотеке книги сомнительного содержания.

В Джибути прибыли на рассвете. Одна пара еще танцевала; лица серые. С поездами по-прежнему неизвестность; начальник интендантской службы заверяет, что поезда есть: один – рано

утром, другой – вечером. «Специально для делегаций». И еще один вечерний, и тоже специальный. Бартон и я сходим на берег; встреча с британским консулом Лоу, молодым агентом по погрузке и разгрузке судов. Действительно, имеются два поезда, оба специальные, для делегаций. Говорит, что и на тот и на другой достать билеты «затруднительно». Проливной теплый дождь, плащей нет, тропические шлемы мокнут. «Hôtel des Arcades» [231] , очень славная французская управительница. Дала нам номер с балконом, чистым бельем, ванной. Оставил на пароходе губку, бритву и пр. Дождь прекратился. Едем на машине по залитым водой улицам. Нищие, инвалиды, прокаженные. Европейский квартал: ветхая лепнина, широкие улицы, штукатурка осыпается на глазах. Людей охватывает внезапный испуг – не мог сначала понять, в чем дело; машину встряхнуло – землетрясение. Туземный квартал: глиняные хижины. Поменял деньги – норовят обсчитать. Сомалийцы: у одних бритые головы, у других крашеные рыжие кудри. Вернулись в отель; Лоу добыл нам билеты на пассажирский поезд со всеми остановками. Chasseur [232] в отеле заверил: на таможне наш багаж проверять не будут. <…> Обедали на террасе; маленькие мальчики обмахивали нас веерами в надежде на чаевые.

Сели в поезд: египетские, польские, японские, голландские делегации; вагон первого класса пустует. По соседству американские репортеры. Едем ночью. В Дирре-Дова приехали рано утром. Длиннейший кортеж, войска на всем пути к губернаторской резиденции, для делегатов завтрак с шампанским. Мы с Бартоном завтракаем в гостинице. Повидать нас явился Зафиро, секретарь по делам Востока. Абиссинский костюм – вижу впервые. Повсюду почетный караул – численность варьируется. Обед в Афдеме; четыре мясных блюда. Ужин в Хаваше. Праздничные танцы – египтяне в восторге; четырехчасовое ожидание; нет электричества. Идти некуда. Опять мясо. Предупреждали, что ночи холодные, но нет – всего лишь приятная прохлада; одеяла взяты напрокат в «Hôtel des Arcades». Между Дирре-Дова и Хавашем устрашающего вида карликовые деревья. Плодородная земля. Поезд всю ночь взбирается в гору; утром – горный пейзаж, туземные деревушки. Остановились на рассвете; завтрак в Моджо, потом Акаки; члены делегаций могут переодеться.

Аддис (Аддис-Абеба. – *А. Л.*), 10.30. Императорская гвардия в хаки, ноги голые, вооружены, военный оркестр из черных мальчишек бесконечно долго играет все гимны подряд; официальные приемы. Племянницы Бартона: потрясены, что я не озаботился жильем. В посольстве; всеобщее возбуждение. Поехал

в «Hôtel de France» [233] забрать вещи и оставить визитки. Встретил Траутбека, просил о встрече, в интервью отказано. Все последующие дни кошмарная неизвестность: добыть информацию невозможно никакими силами. Круг общения: Холл – полунемец, возглавляет bureau d'étrangers [234] ; Колльер – будущий директор банка, вступит в должность в январе – если абиссинцам будет чем платить; Тейлор – секретарь по делам Востока, его жена – славная, неказистая. Племянница Бартона – нечто совершенно непереносимое, его дочь – истеричка. Британская миссия прибывает 28-го. Прием в саду в субботу. Вечерний прием в пятницу. N прибыл в составе миссии, ужинал со мной в четверг, попросил меня его развлечь. В среду ужинал с Синклером, трогательным майором из военно-морского оркестра. Обедал с полковником Сэндфордом, несостоявшимся фермером, комиссионером «Дейли мейл»; обедал с Мэтью – англиканским пастором. От посольства информации не дождешься. Забыли пригласить меня в Дурбар.

Аддис: широкие улицы, недостроенные дома. Казино незакончено. С появлением именитых гостей люди в цепях куда-то с улиц исчезают. В пятницу итальянцы. В субботу ужинал с Чарльзом, Филмором и адъютантом Киттермастером. У Айрин жуткая американская приятельница миссис Харрисон.
Коронация в воскресенье; нескончаемая служба – с 6.30 до 12.30. Из-за кинооператоров ритуал смехотворен.

Аддис-Абеба,
понедельник, 3 ноября 1930 года

Встал в семь, пошел в католическую церковь: островок здравомыслия в обезумевшем городе. Вернулся, разогнал прислугу. <…> Ходил в ратушу, сказал, что хочу попасть на гебурр (праздник. – *А. Л.*). Ответили: приходите позже. <…> Ходил в мавзолей (императора Менелика II. – *А. Л.*): устрашающего вида здание, чем-то напоминает византийское. <…> Вернулся в отель, пил с летчиками. Встретил польского атташе: шофер привез его не по адресу. Обедал. Описал варварский гебурр. В 3.30 пошел убедиться собственными глазами, что гебурр варварский – оказалось, ничего подобного. Переоделся, пошел на прием в американское посольство. С профессором Уиттмором [235] осмотрели церковь Хайле Селассие: здание круглое, крытое соломой, аркада, внутри – картины маслом, снаружи клеенка, турецкие узоры, колонны с каннелюрами. Солнце село так быстро, что многого не увидели. Пошел в лавку, купил фотографии: оскопление побежденных в бою. Вернулся в отель, предъявил счет на 18 талеров. Перепалка. Пошел на попятный.

Айрин вернулась возмущенная: миссис Харрисон не пригласили на прием в английское посольство. Долго беседовали и выпивали: «В чем состоит мой долг? В конце концов, Ивлин, вы, конечно, можете сказать, что это ерунда, но ведь я *как-никак* дочь своего отца. Я баронесса Рейвенсдейл» [236] . Чуть позже меня перехватила миссис Харрисон: «Я ведь не о себе думаю, мистер Во. Ущемлено достоинство Айрин. Ей *нельзя* принимать приглашение так называемой леди Бартон». <…> Из английского посольства в итальянское. Фейерверк: европейцы в восторге. Его королевское высочество в баре. Вручение орденов; многие европейцы не скрывают своего разочарования. Бартону вручают «Звезду Эфиопии первого класса». Всем остальным – награды более высокие.

Вторник, 4 ноября 1930 года Спал до девяти, ходил смотреть парад; отправили на места для прессы. <…> Начался с опозданием; скука смертная. Вернулся обедать в гостиницу. По церквям с Уиттмором. Фрески с изображением святых мучеников [237] : кровь льется рекой. Писал репортаж о параде, спал на ходу, общался с журналистами. <…> Телеграмма из «Дейли экспресс»: «Сообщение коронации безнадежно устарело. Нас опередили все газеты Лондона». Ужинал с Чарльзом Дрейджем, спать пошел рано, остальные – в ночной клуб «Хайле Селассие».

Суббота, 8 ноября 1930 года

Ходил с Айрин в новый музей. Ничего лучше здесь не видел. Отличные экскурсоводы. Айрин в бриджах для верховой езды, я – во фланелевом костюме. По возвращении получили приглашение на обед во дворец. Переоделся в утренний костюм и отправился. Обед: столпотворение, вся местная знать плюс американские кинооператоры в зеленых костюмах, плюс французские журналисты во фраках. Подрядчики, школьные учителя, миссионеры. Сидел между фоторепортером и английским летчиком. Айрин посадили рядом с императором и переводили каждое ее слово. На обратном пути сказала: «Теперь вы видите, что такое эти Бартоны. А вот я во дворце котируюсь. Я как-никак баронесса Рейвенсдейл». А потом: «По другую сторону от меня сидела какая-то идиотка, говорила сплошь банальности. Я-то понимала, что император хочет общаться со мной. Пришла в ужас, Ивлин, вида, конечно, не подала, но ведь я знала: мне необходимо заговорить с ним о чем-то новом, оригинальном, найти тему, которая бы его заинтересовала. А на меня все смотрят – удастся мне привлечь внимание императора или нет. И тут, представьте, на меня что-то снизошло, и всякий раз, когда император ко мне обращался, мне удавалось сказать что-то оригинальное и уместное». Возможно, я чудак, но окружающие

повергают меня в ужас. Шокировала меня и сирийская еврейка: в конце обеда вышла из-за стола и с выражением прочла вслух длинную оду по-арабски, хотя этим языком его императорское величество не владеет. Как видно, экспромт, причем неудачный. Сидевший рядом со мной фоторепортер решил, что говорит она по-итальянски.
В гостиницу пришел человек, продававший эмалевый pot de chambre [238] и шнурки от ботинок.

Понедельник, 10 ноября 1930 года В шесть утра выехали с Уиттмором в монастырь Дебра-Лебанос [239] . Пустые бутылки со святой водой. Великолепное утро. Вверх на Энтото, потом – через долину, вдоль многочисленных речушек. Обогнали караван осликов; везли шкуры. Обедали около одиннадцати. Уиттмор жевал сыр. Я съел мяса и выпил пива. Впереди огромное пастбище. Многократно сбивались с пути. Шустрый местный мальчишка запрыгнул на подножку автомобиля. Уиттмор кланялся пастухам. Часа в два резко затормозили перед глубоким оврагом, внизу река. В окружении голых мальчишек в язвах, а также бабуинов спустились вниз по крутой тропинке. Уиттмор не устает кланяться. На полукруглом выступе несколько глинобитных хижин, пара каменных домов и церквей. Навстречу красивый бородатый монах под желтым зонтиком от солнца. Шофер отправлен на поиски патриарха Абуны. Сели в тени возле церкви. Монах что-то написал на руке красивым почерком. Уиттмор указал на букву, похожую на крест, и перекрестился. Монах озадачен. Повел нас к патриарху: коричневый плащ, белый тюрбан, черный зонт, мухобойка; подвел к квадратному каменному дому. Ждем. Собралась толпа. Через полчаса пустили. Кромешная тьма. Маленькие окна под потолком занавешены дерюгой. Свет за дверью – единственный. Собралось двенадцать священнослужителей; две покрытые тряпками табуретки. Абуна читает вслух рекомендательное письмо. Возгласы одобрения. Учтивая беседа – шофер переводит. Из шкафа белой древесины извлекаются предметы, завернутые в разноцветную шаль. Сначала две мрачные немецкие гравюры на досках, потом иллюминированные рукописи. И то и другое – современное. Затем повели смотреть святые источники на склоне горы. Под нависшей скалой разбросаны гробы – нечто вроде деревянных ящиков, куда складывают вещи, или сундуков. Святая вода из ржавых труб. Отдельная, лучшая комната – Менелика. Маленькая хижина – императрицы [240] . Предложили хижину и нам; внутри козы и осы. Ответили, что предпочитаем палатку. Сказано – сделано: установили, землю устлали сеном, сверху – тряпки. Абуна присматривал. «Вы способны убить козу, овцу или

ягненка?» – «Нет». Сидим в палатке. Вносят местный хлеб, пиво, мед – все несъедобно. Абуна садится. Разделить с нами трапезу не решается. В конце концов уходит. Едим из плетеной корзины. На столбе лампочка. Абуна пришел пожелать спокойной ночи, стряхнул с тряпок порошок от блох. Снаружи монах с винтовкой. Промозглая ночь. Спал мало. Уиттмор храпел. Шофер взял себе мед и пиво.

Вторник, 11 ноября 1930 года Проснулся на рассвете, поел солонины, выпил пива. Охранник взял немного меда и пива. В церкви читали Библию – сразу несколько человек. Фрески за семь талеров – современные; на одной стене святые, на другой Страсти Господни, еще на одной младенческие годы. Картины: Рас Касса [241] , Тафари и др. – писались, по-видимому, с фотографий. Святая святых: барабан из мореного дуба, старая одежда, пыль, зонтики, чемодан, чайник для заварки, полоскательная чашка. Маленький ковчег, еще один барабан получше, на нем крест, упавший с небес. Ходили искать бабуинов. Видели двоих. Отдыхали. Пришел с обыском охранник, рылся в одежде. Месса в час дня. У. всё целует и ничего не понимает. Белые с золотом облачения. В 2.30 уехали. У. раздает медные деньги. Шли в гору. В машину сели в три. Стемнело в шесть. В Аддис-Абебе – в одиннадцать. Многократно сбивались с пути. У. совсем потерял голову. По всей долине бивуаки. Поднялись на Энтото, потом спустились; опасно. Шофер невозмутим. У.: «J'ai décidé. Nous arrêtons ici». Шофер: «Ça n'est pas d'importance» [242] . Лисы, кролики. «Регби» – так называется наш автомобиль.

Харамайя,

понедельник, 17 ноября 1930 года

<…> Обедал с банковским клерком, французом. Тоже собирается в Харар в отпуск. Посоветовал поехать на поезде в Дар-эс-Салам, в Западную Африку. Выехал на пони Плоуменов на харарскую дорогу; забита телегами, повозками, верблюдами и мулами. После обеда спал в комнате без окон, на больничной койке. Ужинал с директором гостиницы. Чтобы получить разрешение уйти, спрашивает: «Вы не можете мне позволить?» Воспитывался в Александрии. У него affaire [243] со знатной абиссинской дамой; послала за ним трех солдат. Пока они ждали, он дал им по сигарете.

Харар,

вторник, 18 ноября 1930 года

<…>Ходил по городу с мальчиком-провожатым. Видел лепрозорий. Врач – священник, очень радушный. Маленькие хижины (прокаженные вдвое ниже обычного человека). Католическая церковь. Меня благословил безумный епископ-

капуцин. Сидел у него на диване и расспрашивал про Рембо. «Очень серьезный. Жизнь вел замкнутую. После его смерти жена уехала из города – возможно, в Тигр». <…>
Ужинал в гостинице. После ужина армянин и еще один армянин-галантерейщик, а также банковский клерк-француз повели меня на харарскую свадьбу. Празднования два. Одно – в доме невесты, другое – у жениха. Жених гораздо богаче. В доме невесты по стенам возвышение. Танцуют: двое мужчин с закрытой нижней частью лица и одна девушка с платком на голове; семенят взад-вперед, иногда спотыкаются. Девушки исключительной красоты; сгрудившись, поют хором. Барабаны. Хлопают в ладоши. Празднование в доме жениха в нескольких кварталах от дома невесты; всё то же самое, но более пышно. Курится ладан. На полках мешки с кофе, по стенам разноцветные корзины. Армянин прихватил револьвер и дубинку. Мальчик и полицейский. При виде полицейского гости разбежались: свадьбы запрещены. Улицы словно вымерли, ни души. Все двери с наступлением темноты запираются. В город, перейдя через реку, входят гиены.

Среда, 19 ноября 1930 года Армянин и его друг-галантерейщик повели меня на прогулку. Видел арабскую рисованную карту, на ней зеленые пятна от кхата. Зашли во дворец, в крошечном загоне лев; вонь несусветная. Тюрьма. Камеры выходят во двор. По пять-шесть человек в каждой камере. Цепи, язвы. Побывали в трех-четырех теджах (питейных заведениях. – *А. Л.*). Бордели. Над дверью красный крест. Уродливые женщины. Видели удивительно красивых девушек, плетут мебель и подносы. Заходили в дома, заглядывали в чуланы и на кухни, щипали девиц и пробовали еду. Не пропустили ни одной армянской лавки. Обедали в гостинице. Потом болел живот. На муле к Плоуменам. Большой, красивый дом, три этажа. Просторная гостиная, толстые колонны, ухоженный сад, в окна вставлены стекла, в уборной «Бронко», в шкафах книги, рекомендованные Книжным обществом за прошлый год. Мне предоставили отличный трехкомнатный шатер на лужайке. Трое детей и бабуин по имени Гренаде. Три собаки. Многочисленные пони и слуги. Перед сном читал «Первые шаги в Африке» Бёртона [244] и спал хорошо.

Аден – Момбаса,
среда, 10 декабря 1930 года

Пароход пришел в шесть. На борт поднялся в девять. Транзит оформил бесплатно. Люди за столом – один хуже другого. Каюта отличная, вот только сосед – француз.
Плавание в Момбасу: на редкость удачно; море спокойное, летучие рыбы, тепло, но не жарко. Милейший американец Кики

Престон – раньше ужина с постели не встает. Полненькая англичаночка, учится на биологическом факультете, собирается замуж за человека лет на двадцать старше. Ни о чем, кроме противозачаточных средств, не говорит. Ее мамаша. Еще одна девица – рыжеволосая. Миловидный клерк, зовут Смит, работает в «Шелл». Вторым классом путешествуют турок и англичанин Уилвуд.

Занзибар – Дар-эс-Салам,
понедельник, 29 декабря 1930 года

Покинул Занзибар на большом итальянском пароходе «Маццини»; плыву вторым классом: пароход почти совсем пуст. Последние дни в Занзибаре разбирал почту, пришедшую в субботу и воскресенье. В основном – поздравления или поношения в связи с тем, что стал папистом. Сегодня религиозные споры – удел низших умов; так мне кажется. Пароход кишит маленькими черными жучками. Одна англичанка (они с мужем, специалистом по обжигу кирпича, совершают кругосветное путешествие и море видят впервые за одиннадцать лет) рассказала мне, что один такой жучок пребольно ее укусил, однако я ей не поверил. Сделали остановку в Дар-эс-Саламе, где я купил энциклопедию Пирса и два романа Эдгара Уоллеса. В городе памятник героям войны: драчливого вида чернокожий и надпись: «Даже если ты погибнешь, сражаясь за родину, – твои сыновья тебя не забудут». Алтарь в католической церкви, подаренный кайзером. Герб на нем поврежден. На пароходе жарко. У мужа англичанки боли. Кинофильм; вечером еще один – «Тарзан».

Джинджа, Уганда,
воскресенье, 18 января 1931 года

Объехал Кисуму на машине. Жалкие бунгало разной формы и размера. Прождал Денменов до половины четвертого; должны были приехать в двенадцать. Обедал в гостинице, потом переехал к Суинтонам. Небольшой английский сельский особняк с гардеробной, вычурным туалетным столиком; за умывальником белая кисея с розовыми бантами. Семейные портреты, старое серебро и т.д. На следующий день – в Джинджу. В гостинице свободных номеров не оказалось – спал в пансионе. <…> Видел верховья Нила, слышал гиппопотамов. В баре разговоры бывалых путешественников: «Слыхали? Носорог сорвал с женщины скальп», и т.д. Или: «Если буйвол опустил голову – значит, собирается напасть. Тогда цельтесь в позвоночник. Почти наверняка промахнетесь».

Четверг, 22 января, 1931 года

Поехал с отцом Янссеном в женский негритянский монастырь. Обучают жен европейским манерам. Побывал в

школе, где мальчиков учат говорить по-английски и дают такие, например, задания: «Расскажите о связях Генуи и Венеции в XVIII веке». Все учителя черные. Чернокожие монашки рассказывают друг другу про Японию и Аравию.

Вернулся в четыре. Редактор «Уганда геральд» повез меня на могилу Мутесы и во дворец. Кабака – многоженец, императрица – шлюха. Отец Янссен не без удовольствия рассказал об отлучении от церкви священников, членов миссионерского общества, за прелюбодеяние. Всех преступников, перед тем как они поднимутся на эшафот, он обращает в истинную веру. <…>

Суббота, 31 января 1931 года

Семинария. Отец-настоятель – голландец; красивая борода. Поделки из дерева одного из монахов. Двухэтажное бетонное здание на месте дома первых миссионеров. Чтобы стать священником – восемь лет учебы. В духовный сан посвящены трое. Лаборатория с анатомическими макетами, телеграфом и пр.

Школа «Табора». Большое двухэтажное бетонное здание. Надворные постройки со сводчатой галереей для живущих в школе учителей, старые здания, ферма и пр. Земля сухая. В одном классе учатся печатать на машинке. Ученики в форме: кепки цвета хаки, фуфайки, шорты. Школьный оркестр. <…>

Школьный двор субботним утром. Доска отличия с выведенными на ней именами отличившихся учеников; по одному в год. Помост. Стулья с высокими резными спинками. Сели на помосте с префектами; школьники на земле. Префект этой недели выкрикивает: «Шари» («Слушается дело»).

Трое мальчишек обвиняются в курении. Никто их не защищает. Ложатся на землю, лицом вниз, и сержант дважды бьет каждого палкой, после чего отдает честь присутствующим при экзекуции. В большинстве случаев наказание сопровождается громкими криками. Ученик постарше обвиняется в том, что он отказался пахать поле. Сказал, что не услышал приказ. Вызываются свидетели. Префекты обсуждают этот случай и приговаривают провинившегося к четырем палкам. Объявление: «Эпидемия кори в городе закончилась». Уходим.

Ходил с коммивояжером в индийский кинематограф. Старый добрый Чарли – «Золотая лихорадка» [245] . Полирует ногти перед едой. Еда украдена. Смакует траву с солью и перцем; полощет пальцы. В финале возникает красавец любовник, и Чарли исчезает. Второй фильм индийский: трогательная, бессмысленная история. Красивую девушку на экране встречают громкими возгласами (в зрительном зале ни одной женщины). Героиню вытаскивают из постели, тащат к пропасти и бросают в ущелье. «Это ей снится», – подсказывает мой спутник. Красивый

юноша не сводит с нее глаз. «Это он хочет затащить ее в кусты». Слон с пьяным надсмотрщиком. «Это слон». Слон обращается в бегство, мерзкий грабитель пытается заманить героиню в ловушку. Ее отец умирает, сказав перед смертью, что обещания заняться орошением пустыни не давал никогда, и т.д.

Понедельник, 2 февраля 1931 года

Ехал вагоном второго класса в Кигому. В поезде сплошь бельгийцы и французы; на рассвете пахнет кофе. Кигома – город по преимуществу бельгийский; много греков. Местные дикари. Билет сумел достать только в четыре. «Duc de Brabant» [246] отплывает в шесть. Капитан не показывался до пяти. Толстый, неопрятный мужчина с женой, да и каюта ужасная. В пять выяснилось, что без медицинского свидетельства на борт не пустят. Пустился со всех ног к дому местного врача, обнаружил его в воде: возился со своей моторкой. Медицинскую справку выписал, даже не взглянув на меня. Бегом обратно на пристань. Отплыли только в двенадцать. Кают нет. Шезлонгов нет. Только маленькие стулья. Бельгиец – начальник интендантской службы, грек, какой-то паршивый американец, оказавшийся миссионером. Уборные во время стоянки заперты. Теплый лунный вечер. Отыскал шезлонг, задремал, но проснулся: часа в три ночи резко похолодало. Порывом ветра опрокинуло стулья. Раскат грома. Ливень. Все бросились в маленький салон, успев промокнуть до нитки. Внесли под крышу сваленный на палубе багаж. Молнии – одна за другой; жуткий ветер и дождь; два окна в салоне не закрываются; вода потоками льется с крыши. До рассвета качка; у каждого второго морская болезнь. Рассвет фантастической красоты; дождь прекратился, ветер и море стихли. Палубные пассажиры с козами и свиньями разглядывают то, что осталось от их вещей. Машинное отделение залито водой. Завтрак. Ведем на буксире баржу со скотом. В Альбертвилль прибыли около десяти, но сойти на берег смогли не раньше одиннадцати: проверка паспортов и медицинских удостоверений. Потом – в иммиграционный офис: заполнить анкеты в двух экземплярах. Возраст, девичья фамилия матери и т.д. Очень жарко. Альбертвилль: на переднем плане дома вдоль озера, за домами вздымается гора. Улицы скорее неопрятны, чем грязны. Валяется бумага и пр., растет трава. Низкорослые пальмы. Много кафе, несколько гостиниц. Вместо индусов симпатичные греки. Белокожий лавочник. Девушки в железнодорожной конторе.

Принял ванну, побрился, переоделся; вполне приличная бельгийская гостиница. Дворец. Обед. На вокзал за билетом: самолетное сообщение прервано. Как добраться из Букамы в Порт-Франки, не знает никто. Вежливы, проявляют неподдельный

интерес. Билет до Букамы. Днем уснул, встал к ужину, уснул опять. Ночью сначала нестерпимо душно, потом – сильная гроза.

Элизабетвилль,

понедельник, 9 февраля 1931 года

Утомительный и нескладный день. До Элизабетвилля добрался в три. Отель «Глобус». Дорогóй, но хороший: во всем чувствуется порядок. В номерах вода и т.д. Ходил в контору Кука. Билет на самолет – 100 фунтов. Поручиться за сервис не может никто. Автомобильное сообщение из-за дождей прервано. Самый быстрый путь в Европу – через Кейптаун. Заказал себе билет третьего класса; в Англии, таким образом, буду 7 марта.

Эти незапланированные встречи с роскошью! Как часто в Лондоне, когда пресыщенность порождает скепсис, начинаешь думать, не является ли роскошь фальшью, не путаем ли мы расточительность с совершенством. Когда же после нескольких недель лишений (не стоит их преувеличивать), когда приходится довольствоваться безымянными и недатированными винами, сигарами с Борнео или с Филиппин, мы вновь наслаждаемся жизненными благами и понимаем, что вкус – по крайней мере, если речь идет о чем-то конкретном – вещь подлинная и неотъемлемая. Примиримся же с этим.

Побывал на превосходном кинофильме.

Вторник, 10 февраля 1931 года Работалось прекрасно. Выпил хорошего вина, курил хорошие сигары.

Кейптаун,

вторник, 17 февраля 1931 года

Кейптаун. Прибыл в 6.30. Ванна, бритье и завтрак в отеле. Поменял у Кука билет, заказал себе шезлонг и прогулялся по Кейптауну. Большие викторианские здания. Трамваи и автобусы. Одно-два строения начала четырнадцатого века. Повсюду полукровки – худые, понурые. Поднялся на палубу в полдень; путешествую третьим классом. Еда хорошая, хоть и странная: в 5.30 к чаю подают мясо. Вечером играл в бридж. Стюарды развязны. Слишком много детей.

Четверг, 19 февраля 1931 года

Мистера Харриса отвез на лондонский вокзал на «роллс-ройсе» шофер его приятеля. По приезде Харрис дал носильщику пять шиллингов. Носильщик не скрывал своего изумления. «Еще бы, – закончил свой рассказ Харрис, – он же видел, что я выхожу из “роллс-ройса” и рассчитывал, по меньшей мере, на фунт».

Двое молодых людей обсуждали Эдгара Уоллеса и сошлись на том, что автор глубокий и непростой. Подобных сюжетов на пароходе возникало множество [247] .

На пути в Джорджтаун,

воскресенье, 4 декабря 1932 года

Яркое солнце, легкий бриз, пароход тяжело покачивается на волнах, отчего дети угрюмы и сосредоточенны, а женщины не выходят из кают. Два священнослужителя, один чернокожий, оба протестанты; службе мешает погода. Чернокожий священник-пребендарий, по всей видимости, профессор какого-то университета в Вест-Индии. Голос и дикция, как у проповедника в английском кафедральном соборе, вкрадчивый клерикальный юмор. Сижу за капитанским столиком вместе с негритянкой из Тринидада; лиловые губы. Напротив – ее дородная мамаша. Вчера после ужина негритянка не выходила из каюты. Прочие пассажиры: два-три совершающих кругосветное путешествие старика, жена и дочь английского генерала. Пароход комфортабельный, но не более того; очень шумный, скрипит, как пара новых сапог; койки узкие, жесткие – зато в моем распоряжении трехместная каюта.

На последней неделе перед отплытием хлопот было не так уж много, однако я, чтобы общаться поменьше, отговаривался предотъездными хлопотами. После тяжелого разговора с Дианой в ее уборной [248] выехал из Эдинбурга в Мадресфилд – путешествие ничуть не лучше того, какое предстоит мне в Гвиане. <…> Четверг – последний день. Ходил с Сусликом (Йорком. – *А. Л.*) по магазинам, обедал с родителями и складывал вещи. Взял только чемодан и саквояж. Несколько тропических костюмов, фотоаппарат, книги, высокие сапоги, а также брезентовую куртку и шорты. <…> Пятница. Служба в испанской церкви с Терезой [249] и завтрак напротив в «Забегаловке»; вручила мне образок св. Христофора на цепочке [250] .

На пристань в машине Беатрис; ужасно одиноко, промозгло, при расставании подташнивает. Сильный дождь. Первое впечатление от парохода – неутешительное: похож на ирландский пакетбот, где на палубах для пассажиров второго класса расположились два племенных быка, скаковая лошадь, пара гончих и некоторое количество кур. В команде сплошь цветные. Нагревательные приборы не работают. Тереза уехала в Лондон ужинать с леди Астор. Отплыли около половины третьего. Идем по реке; проливной дождь, сумерки. На сердце тяжесть.

Вчера, читая книжки про Гвиану и пребывая в лучшем настроении, чем сегодня, вдруг запаниковал: путешествие в глубину континента обещает быть либо крайне тяжелым, либо, наоборот, непереносимо пресным.

Пароход по-прежнему качает, отчего каждое движение обременительно. Все разговоры неизменно скучны и церемонны.

Понедельник, 5 декабря 1932 года

Прошлой ночью спал мало. Качает; противотуманный горн.

Попытки стюарда внести в мою жизнь ясность:

– В какое время вы меня вызовете?

– Я позвоню.

– В какое время будете звонить?

– В самое разное. Все будет зависеть от того, как я спал.

– Утром вы предпочитаете чай, кофе, какао или фрукты?

– Заранее трудно сказать. Когда чай, когда кофе. Позвоню и скажу.

– Когда вы принимаете ванну?

– Иногда вечером, иногда утром.

Чтобы хоть немного облегчить его участь, подарил ему сигару.

Воскресенье, 11 декабря 1932 года

Два дня назад погода улучшилась. Хорошую погоду нам обещали, когда мы минуем Азорские острова, однако худшая ночь была сразу же после них. Сейчас тепло, море спокойное; сидел бы на палубе да радовался, если б не сильнейшая простуда. В столовой держу рот на замке, в палубные игры не играю и, подозреваю, в целом произвожу впечатление на редкость скучного молодого человека, каковым, собственно, и являюсь. Читаю детективы. Язык Ван Дайна [251] – загадка: на четырех страницах «Канареечных убийств» шесть случаев неверного словоупотребления. Написал первую страницу романа [252] . Читаю «Введение в философию» Маритена [253] .

Никогда не приходило в голову, что описанное Платоном бредовое состояние при отравлении болиголовом во многом, быть может, объясняется преклонным возрастом Сократа.

Сейчас Лондон притягивает меня куда меньше, чем в начале пути; все колебания относительно путешествия по джунглям, которые меня не оставляли, пока я ехал с Терезой на пристань, остались в прошлом. Хочется быть выше всего этого.

Теперь, когда на море штиль, чувствуется, как медленно передвигается эта старая посудина. Почти весь вечер, особенно на закате, – сказочные небеса.

Барбадос,

воскресенье, 18 декабря 1932 года

Должны были отплыть еще ночью, но из-за дождя разгружаться пришлось днем, и отплыли только в 11.30, отчего шансы увидеть Гренаду при дневном свете становятся призрачными. Мальчишки, как обычно, ныряют за монетками, в том числе и один белокожий парень редкой красоты. Спустя какое-то время появилась и ныряльщица, однако она служила всего лишь приманкой, сама не ныряла. До Гренады добрались только к полуночи и отплыли до моего пробуждения.

Постскриптум к Барбадосу. Покидая пароход, чернокожий пастор изрек: «Огромное спасибо за компанию».

Пятница, 23 декабря 1932 года

Первое впечатление от Гвианы: сквозь пелену дождя проступают неясные очертания пальм на переднем плане и фабричных труб – на заднем. Вошли в устье реки и спустились по течению к нашему причалу. Мрачного вида, незащищенные от ветра верфи, рифленые железные крыши складских помещений. «Тропическая вегетация». А вот вид на залив хорош: матовая поверхность ярко-зеленой у самого берега воды, которую видно сквозь такелаж шхун. Запах тростникового сахара и тучи пчел вокруг таможенных ангаров. Высадка на берег, во всем, что касается иммиграционных служб и таможни, прошла безболезненно. Паспорта; неграмотный чернокожий матрос в допотопной соломенной шляпе. Сел в такси и под проливным дождем – в отель «Морской вид», где у меня зарезервирован номер. Большой пансион. Вся прислуга женская. Домоправительница: белая девица – хорошенькая, бесцветная, на редкость бестолковая. Съел ананас, рыбу и яйца. Пошел погулять по городу: жарко и утомительно. Широкие улицы с отдельно стоящими деревянными зданиями. Внушительные виллы. Отталкивающего вида универмаги. Ратуша в шотландско-фламандском стиле из модельных досок и чугуна. <…> Побывал в клубе: огромный, покосившийся амбар с бильярдными столами и баром; полуразвалившийся музей с выцветшими фотографиями и уродливыми чучелами представителей местной фауны. Встретил очень славного священника; показал мне, как пройти к дому епископа. Оставил рекомендательные письма. <…>
Дал интервью двум чернокожим репортерам. Написал домой. Общее впечатление от Джорджтауна: скучать без него не буду. Уж очень разбросан.

Рождество, 1932 год Весь день сидел один – или обменивался с кем-нибудь незначащими фразами. Обнаружил, что Мэггс (знакомый Во, один из пассажиров. – *А. Л.*) пребывает в унынии и мучается от одиночества, и подарил ему на Рождество экземпляр «Далекого народа» [254] , что сейчас представляется мне поступком довольно глупым. Рождественский ужин в Доме правительства. Сочетание пиджака (вместо фрака) и белого галстука наверняка выглядело очень странным, но мне все равно. Трогательная попытка Дэнемов вести себя с бездетными чиновниками запросто. Много шуток: нарисованные купюры; когда их извлекают из бумажника, они издают визгливые звуки; ложка, подвешенная к потолку. Мужчин за столом гораздо больше, чем женщин. Меня посадили между чернокожим

генеральным прокурором и белым архидьяконом. Тосты за короля и за «верных друзей». После ужина беседовал с местным викарием и угрюмым чиновником с наградой в петлице – говорит исключительно о сомалийцах. Обмен репликами на вполне человеческом языке с высоким рыжим адъютантом и его смазливой секретаршей.

Воскресенье, 1 января 1933 года

В понедельник у Уиллемсов познакомился с доктором Ротом, стариком самоуверенным и малоприятным. Сказал, что готов, если я возьму на себя все расходы, отвезти меня в верховья Эссекибо – единственное место, где еще сохранились исконные индейцы. Сказал, что путешествие потребует трех месяцев и 300 фунтов. Вначале к его предложению отнесся равнодушно, однако, поразмыслив, проявил больший энтузиазм, ведь по возвращении можно было бы написать хорошую книгу. На следующий день губернатор пригласил меня поехать с ним в Мацаруни, и в продолжение этого путешествия, вплоть до вчерашнего вечера, я все более утверждался в мысли, что предложение доктора Рота, скорее всего, приму.

Поездка в Мацаруни получилась удачной во всех отношениях. На машине доехали до Парики, где спустя минут десять, пересели под проливным дождем на паровой катер «Тарпон» с каютами на верхней палубе и двумя ванными комнатами. Пообедали рано, в Бартике были в три. На борт поднялся мистер Вуд – лесничий в Мацаруни. Пристали к берегу в четыре и прошлись по городу; его превосходительство тем временем беседовал с добытчиками алмазов. Ветхий, полуразвалившийся городок; на главной улице строй винных лавок, где торгуют ромом, и пансион «Сюрприз». Зашли в небольшой сад с орхидеями. Маленькая больница с очень больным на вид доктором. Съездили в мацарунское поселение; раньше здесь была исправительная колония, теперь – лесничество. <…>

На следующий день отправились на прогулку в лес; шли по стволам деревьев, которыми завалили болота. Бессчетное число муравьев, цветы, красивые бабочки, черепаха. После обеда спал. Ездили в Киктоферал, старый голландский форт на острове, вверх по реке. Смотреть не на что – если не считать отстроенной арки и миллионов муравьев. Ужинали на берегу с Вудсом и Дэвисом. Дэвис сообщил мне, что на Рота положиться нельзя: ненадежен, ни часов, ни денег не считает. Несколько раз, разъезжая по глухим местам, чуть было не погиб – пренебрегает элементарными предосторожностями. И Дэвис, и его превосходительство, и Вудс настоятельно рекомендовали с ним не связываться.

На следующее утро – в Форт-Айленд; по форме напоминает брильянт; голландские надгробия. В 12.30 вернулись в Джорджтаун. После обеда побывал у Рота в музее. Похоже, к нашей с ним экспедиции он несколько охладел. Как бы то ни было, не настолько он мне понравился, чтобы провести в его обществе три-четыре месяца. От Рота – к Хейнсу, специальному уполномоченному округа Рупунуни. Явно не в себе: рассказывает фантастические истории про каких-то подводных лошадей, разговорчивых попугаев и пр. Отправляется в Курупукари (несколько дней я почему-то считал, что это место называется Юпукарри), найдется на катере место и для меня.
Пятница. Обедал с иезуитами. Хорошая еда, ром в изобилии, сигары и пр. <…>

Понедельник, 2 января 1933 года Праздник. Сегодня мне получше. Может, все-таки не злокачественная малярия. Ходил с Уиллемсами на скачки. Проливной дождь; скачут посредственно. В каждой скачке всего две-три лошади. «Джентльменская скачка» – все жокеи чернокожие. После ужина в сопровождении двух полицейских – на поиски «разгульной жизни». Неудачно. На Кэмп-стрит маскарад; за одетым в шкуру льва тянутся зеваки. Танцы в отеле «Король Георг». На Тайгер-бей несколько борделей, но жизни в них нет: вероятно, деньги у клиентов кончились. Уиттингем рассказал историю шлюхи: из Бартики вернулась с толстой пачкой денег в чулке и с набитым брильянтами патронташем, вышла замуж и так загордилась, что ударила топором ухажера, который ее домогался. Со временем ее вместе с мужем тоже убили.

Джорджтаун–Нью-Амстердам,
вторник, 3 января 1933 года

<…> Из Джорджтауна в Нью-Амстердам выехали в 2.30 медленным маленьким поездом. Живописные поля сахарного тростника в запустении, засажены рисом или кокосовыми пальмами. Чем ближе к Бербису, тем люди чернее. Если верить Хейнсу, в Бербисе дети называют отцов «сэр», а в Джорджтауне хлещут по щекам. Говорит он безостановочно, однако понять, что́ он говорит, можно далеко не всегда. Кем он только не был: и инженером, и землекопом, и солдатом, и капитаном на драгере. В настоящее время исполняет обязанности временного уполномоченного, но на постоянное место очень рассчитывает. Страдает, как видно, сексуальными комплексами. Рассказал историю про упущенные возможности с красоткой из Венесуэлы: «Порхала, как бабочка». А также о том, какую отвагу проявил, оказывая сопротивление бразильским бандитам. Подозреваю, что трусоват. На закате сделалось вдруг очень холодно; нашествие

москитов.

В Нью-Амстердам приехали около семи. Переправлялись на пароме вместе с монашками. Пешком в гостиницу Линча. Спросил виски, человечек с длинными усами отказал. Пришлось идти в бар. Ужин неудачен: москиты, холодно, при этом обливался потом. Прямо как в Конго. После этого вернулся в бар и попытался взять машину – не нашлось ключей. (Всю ночь Хейнс говорил сам с собой.) Слушал проповедника-джорданиста. Черная борода, белый халат, тюрбан. Основная мысль: черные будут доминировать в мире, но для этого должны сначала избавиться от дурных привычек. «Великая пирамида», «Погибшие племена Израилевы». Цитаты из Иеремии читал, сбиваясь, крошечный мальчик. Толпа проявляет умеренный интерес. «Да убоитесь человека с бледной кожей и голубыми глазами!» В руках держит металлический жезл. Джорданисты основали свою колонию в Демераре. Сам Джордан умер совсем недавно. Бетджемену [255] эта история пришлась бы по душе.

Курупукари,

среда, 11 января 1933 года

В Курупукари прибыли в полдень. Этапы нашего пути помечал на карте. Первые три дня тянулась саванна: редкая трава на песчаной неровной почве. Каждые десять – пятнадцать миль – гостиницы для путешественников, у некоторых загоны для скота за колючей проволокой. Примерно каждые полмили – павший скот: одни коровы и быки облеплены вороньем, другие обглоданы до костей, между ребрами пучки травы. В последний раз Харт потерял сто голов. «Тигры сожрали», – пояснил Хейнс. «Не может быть». – «Очень даже может: когда они умирают, тигры их съедают». У Хейнса всегда так – сочинит, а потом идет на попятный. «Его судили военно-полевым судом и расстреляли». – «Расстреляли за то, что он не отдал честь?!» – «Ну да, сразу после этого он вернулся во Францию, и там его убили». Издохшие коровы поблизости от жилья; вонь несусветная.

Отрезок пути Нью-Амстердам–Такама: без происшествий. Длинный, солнечный день. Фермер, его жена-индианка, дети. Разговор о лошадях; расхваливает лошадей, которые способны сбросить седока или понести. Еда на катере – тошнотворная. Хейнс: «Здесь кончается цивилизация». Чернокожий фермер Йирвуд с женой спят в гостинице в Такаме. Хейнс остался без гамака; домоправитель уехал «с партией». Сели в лодку и поплыли за ним по темной реке. Прибыли на место. Тростниковая крыша, с обеих сторон открытые веранды; крепкие индейцы и болтливые черномазые сидят кружком. Две гитары. Девица с чашкой и спиртным в кувшине обносит собравшихся. Хозяйка

приветствовала нас словами: «Доброй ночи». Танцевали фокстрот. Первая ночь в гамаке – вполне удобно. Читал «Тита Андроника» [256] .

Ездил верхом на ранчо Йирвуда. Стол и стулья – невиданный комфорт.

Дальше – никакой мебели. Дома часто в удручающем состоянии. Половицы и стены черные используют для костра. Пони нерадивы. Главные неудобства: отсутствие света и стульев после верховой езды; близость черных – особенно когда влажно; запахи. Но река всегда рядом – есть где помыться. Крепкий, сладкий чай. Ром, лайм.

Поклажа на мулах; на каждой станции ждем от полутора до трех часов.

В лесу: большие деревья остались, те же, что поменьше, и подлесок вырублены. Цветов мало. Глохнешь от птичьего гомона, но самих птиц не видать. Бабочки. Иногда – животные, заяц, например. Или даже медведь. Дыры в земле от армадилла. Пил речную воду и купался. В Канистере свежие лошади. Констебль Прайс ходит за мной, как тень; свое дело знает. Добрались до места в надежде застать катер с провизией, но о нем ни слуху ни духу.

Деревянный дом специального уполномоченного в Курупукари; надворные строения для заключенных. Одна большая комната, всё, что требуется для суда: возвышение, место для дачи свидетельских показаний, скамья подсудимых. На веранде два стола, заваленных официальными бланками. Комната сержанта, комната Хейнса и еще две; низкие деревянные перегородки; по стенам фотографии девиц из иллюстрированных журналов. «У меня висит эта девушка, потому что я с ней знаком. Говорят, она нехороша собой, ну и что, зато душа у нее красивая. А эту я повесил, потому что очень уж она чувственная». Фермеры, если ночь застала их в дороге, всегда могут здесь переночевать. Никакой собственной «резиденции» у Хейнса нет.

За неделю нашего путешествия Хейнс не замолкал ни на минуту – разве что ночью, но и тогда не давал мне спать астматическим кашлем и рыганьем. Постоянно хвастается своей честностью, отвагой, благородством и деловыми качествами. А также умением держаться в седле. А также физической силой, ее «почувствовали на себе бразильцы и черномазые». Повторяет комплименты в свой адрес, которые слышит от других. Во всех подробностях описывает, как он «прижал» одну, «оприходовал» другую. С женщинами при этом не спит. В речи полно «воще», «ну это», «как бы» и т.д. «У черного человека очень сильный комплекс неполноценности». «Все это я делаю ради своего короля – двух

королей. Ради Того, Кто на небесах, – тоже». Иногда принимается рассуждать об истории: «Взять хоть Наполеона. Кто он был? Всего-то маленьким капралом. Но он захотел жениться на принцессе и поэтому развелся с женой. Очень скоро большевики начнут действовать точно так же, вот увидите». «Из-за чего так долго продолжалась война с бурами? Из-за того, что англичанам страсть как хотелось подраться. Вот они и выпустили из тюрем всех заключенных». Лекции о морали, рассуждения о переселении душ и пр. К английскому национальному характеру питает огромное уважение; к даго лоялен. Говорит или еле слышно, или, наоборот, взвинчен и тогда подвывает.

Хорошенькая индианка Роза. Хейнс церемонно за ней ухаживает. Сказал мне, что я могу, если захочу, с ней переспать, но, когда я поймал его на слове, тему эту замял.

Четверг, 12 января 1933 года

Катера с провизией нет. И нет табака. Побывали в индейской семье на другом берегу реки. Диагноз Хейнса: у ребенка глисты. Долго щипал его и похлопывал – особого энтузиазма у младенца не вызвал. Хейнс сплетничает и постоянно учит жить своих подчиненных.

Должен прийти еще один катер, но и его пока тоже нет. Хейнс слишком устал, чтобы двигаться дальше, в Аннаи. Теряет терпение, срывается. Вид вокруг великолепный. Хейнс: «Кому сопутствует Бог… Да, но что есть Бог? – Любовь, а стало быть…»

Пятница, 13 января 1933 года

Катера нет как нет. Решаем завтра продолжить путешествие без провизии. Углубился в лес с ружьем в поисках дичи, но ничего не нашел. Все надоело.

Истории Хейнса приелись; нет ни картофеля, ни сахара, ни рома, ни табака, ни консервов. Хейнс предложил печенье и сухое мясо – и вдруг появился с банкой молока и «Оувалтина» [257] , сказав, что, если надо, у него есть еще. Потом выяснилось, что банка молока была последней. Но вот в шесть пополудни на реке показались оба катера.

Воскресенье, 15 января 1933 года Собирался тронуться в путь после завтрака, послав в 10 утра вперед Прайса и Йетто, но тут с большой коробкой консервированных продуктов явился лодочник Даггин: вьючная лошадь перегружена, идти отказывается. Не смог скрыть своего неудовольствия. Проехали милю и обнаружили на тропинке привязанную к дереву вьючную лошадь, рядом тюки с провизией, а Прайс и Йетто о чем-то между собой переговариваются. Сказали, что лошадь не хочет идти по-прежнему. Сняли с нее еще один большой тюк. Поехал вперед. Через десять миль обнаружил, что лошади с провизией нет, и

повернул обратно. Прайс, Йетто и лошадь стоят у знака «восьмая миля». Лошадь четыре раза ложилась. Оставили поклажу и поехали назад, велев Йетто следовать вместе с лошадью за нами. Засветло до Курупукари доехать не успели.

Курупукари–Бон-Саксесс,

понедельник, 16 января 1933 года

Снова двинулись в путь – на этот раз в сопровождении ослика по имени Мария и юноши по имени Синклер. Кое-что из провизии взяли, но многое пришлось бросить. Доехали до знака «восьмая миля» и обнаружили там фермера майора Уэллера и двух энтомологов Майерса и Фицджеральда. У Майерса дизентерия. Они пристрелили дикую индейку. Дал им рому; вместе пообедали. Майерс послан сюда компанией «Импайр маркетинг борд». Проехали четырнадцать миль и встали лагерем.

Вторник, 17 января 1933 года Прошли за день двадцать одну милю. Мальчики (Прайс и Йетто. – *А. Л.*) к завтраку не поспели; Синклер симулирует. Попали под проливной дождь и промокли до нитки, пока добрались до полуразвалившегося дома. Разложили костер из половиц и высушили одежду. Проводник предупредил: где-то поблизости бродит свирепый бык, но мы его не видели. Нашли быка, убитого тигром. Мальчики прибыли в 5.45. Хорошая вода. Умылись у лимонного дерева, выпили горячего рома с лимоном. Вечером беседовал с Йетто. Однажды ему довелось пожать руку самому принцу Уэльскому. По пути на Кубу был ограблен неким Адамсом из Гренады и вынужден был вернуться. Отправился на алмазные копи. Заработал 800 долларов. Всю ночь вез в машине шесть девиц, за рулем пил виски и джин, подарил им золотые украшения.

Пятница, 20 января 1933 года Одноглазая лошадь, когда ее взнуздывали, встала на дыбы и опрокинулась на спину. Прошла пять миль, остановилась, еще дважды повторила тот же трюк и, наконец, встав на дыбы в третий раз, рухнула. В какой-то момент сбились с пути, но дорогу нашли. Невыносимо жарко. В четыре часа добрались до ранчо Кристи [258] . Рассказал, что видел сон о появлении чужаков. Перед моим приходом ему снилась фисгармония. Дал мне чаю. Заговорил о том, что римский папа и масоны погрязли в пороке, что у масонов на ягодицах выведены три буквы VOL [259] и что в 1924 году видел в небе цифру 110, означавшую конец света. Задал ему несколько теологических вопросов. «Верю в Троицу. Без Отца, Сына и Святого Духа не мог бы жить. Но никакой тайны в этом нет. Все совсем просто, все это есть в Ветхом Завете, где… женился на собственной матери». Сообщил мне, что Адам прожил всего-то 960 лет. Говорил о Пятом царстве, и т.д. Помывшись, я накачался ромом. Собралась

вся семья Кристи. Трое сыновей, дочка замужем за индусом. У одного из сыновей ребенок от индианки; темная женщина, в церкви не поет. Всю жизнь Кристи стремился сойтись с «избранными», но «их мало и на них трудно рассчитывать».

Суббота, 21 января 1933 года Двинулись в путь в 6.45 и в одиннадцать были на ранчо Вонга (китайца из Джорджтауна. – *А. Л* .). Чудесный португалец д'Агиар и его жена-индианка; угостили меня яичницей, кофе, говяжьим фаршем, апельсинами. Маленький коттедж из глины, веранда под тростниковой крышей с низкими стенами, на них вешается гамак. Мухи. Река. Трогательные украшения: цветные открытки, из тех, что продаются вместе с пачками сигарет, фотографии, обложки журналов. Сумасшедшая полуденная жара. Сбился с пути, потерял уйму времени, нашел дорогу с помощью А. из Падуи. Пришли бразильские соседи с многочисленными детьми; все пожимали мне руку. Два индейца (один – вылитый мистер Хайд [260]); облокотился на парапет и несколько часов неотрывно на меня смотрел.

Воскресенье, 22 января 1933 года

Выехал рано на бородавчатой, но крепкой гнедой кобыле и на ранчо Харта прибыл в одиннадцать. Несколько больших зданий; жилой дом с потолком и полом. Библиотека: книги самые разнообразные, в большинстве изъедены муравьями: «Юные гости», «Зловещая улица», «Ставка – свобода», «Что должен знать молодой человек», «Практические навыки столярного мастерства» и т.д. Принял душ. Харт отсутствует. Миссис Харт (Эмми Мелвилл), ее брат, шесть мальчиков и полоумный племянник, сын Джона Мелвилла и его троюродной сестры (ушла от него с неким мистером Кингом). Обед: несколько тарелок мяса, манка.

Гувернантка в шортах. Дала мне журналы с дневниками Кэрри Элвиза [261] .

Интересная встреча с Кристи: «Кому придет в голову, что любовь к Богу нуждается в доказательствах?», «Почему у меня перед глазами должно быть изображение той, с кем я говорю ежедневно? К тому же он ничуть на нее не похож».
Мальчики прибыли оч. поздно. Прайс осунулся; всю дорогу толком ничего не ели – всё спорили, кому готовить.

Вторник, 24 января 1933 года Месса в семь [262] . Весь день просидел на галерее в шезлонге и сплетничал с отцом Мейтером. Читал К. Грэма [263] об иезуитах в Парагвае.

Среда, 25 января 1933 года

Месса в 7 утра. Весь день читал. Сделал несколько фотографий. У отца Мейтера проживу до первого февраля: дождусь возвращения Дэвида Макс-и-Ханга, старшего vaquero

[264] , которого отец Мейтер дает мне в качестве проводника до Боа-Висты. Он наполовину китаец, наполовину индеец племени Аравак; прекрасно говорит по-английски и по-португальски, человек очень спокойный и дельный. Появился в понедельник и договорился, что лошади и еще один проводник прибудут к среде. Тем временем отец Мейтер оказывает мне всевозможные благодеяния: отыскал змеиное дерево, срубил сук мне на посох в дорогу. Смастерил чехол для моего фотоаппарата: сначала это был всего-навсего просторный кожаный мешок, но потом он преобразился в необычайно сложную конструкцию из оцинкованного железа, телячьей кожи, оленьей шкуры и старой тряпки.

В воскресенье сплавали на лодке в лавку Фигереду, с ним пообедали и, из вежливости, переели. Побывали у него в лавке, где купить было решительно нечего, и я приобрел для миссии crème de menthe. Фигереду угостил нас пивом и crème de cacao [265] . К обеду явился англичанин Гор; у него неподалеку ранчо, он женат на индианке; говорил о Диком Западе, каким его снимают в кино. Взял с собой на побережье нашу почту, и, воспользовавшись этим, я сочинил исключительно глупый очерк про Рупунуни. Чехол для фотоаппарата был готов за пять минут до отъезда, в среду. Отец Мейтер дал мне заодно каменный топор и два мундштука – попросил передать их Д.Б.Пристли [266] .

Бон-Саксесс – Боа-Виста,

среда, 1 февраля 1933 года

Выехал из миссии в половине второго на крепкой каурой лошадке; гамак сзади, за седлом. Впереди шурин Дэвида на молодой резвой гнедой; на спине у него рюкзак, набитый книгами и консервами; в руках зонтик и змеиное дерево. Сзади, на рыжей лошади, уже с нагнётом в холке, держась следом за мной, – Дэвид. До середины дня ехали под проливным дождем. Перешли вброд Такуту и еще одну речку. Места ничем не отличаются от Рупунуни: песок, трава, фиговые деревья. Нигде ни скота, ни лошадей. До первой стоянки добирались в темноте. Амбар с тростниковой крышей отперт, но тоже погружен во тьму. В гамаках какой-то человек и несколько детей мужского пола. Пока Дэвид и Франциско поили лошадей, я сидел на ящике. Неожиданно маленький мальчик принес мне крохотную чашечку отличного кофе. А потом – лампу: огарок, плавающий в налитом в миску говяжьем жире; света не меньше, чем от свечи, но затушить его труднее. Отвратный запах отсыревшего тростника. Накрыли на стол: манка и тушеная tasso (вяленая говядина). Ел очень мало, спал плохо.

Четверг, 2 февраля 1933 года Дэвид сказал, что за

сегодняшний день надо проехать двадцать четыре мили. На рассвете оседлали лошадей, сложили вещи и в 6.45, выпив по глотку кофе, отправились в путь. В восемь добрались до хижины, согрели чаю и съели по куску черствого хлеба. Потом проехали миль восемнадцать по безлюдным местам, под палящим солнцем, пока не увидели разлившийся вонючий ручей с песчаным дном и отбрасывающей слабую тень пальмой над ним. Дэвид: «Остановимся здесь, дадим лошадям отдохнуть, а сами позавтракаем». Я: «А может, сначала доберемся до места?» Франциско: «Еще далеко». Я: «Очень далеко?» – «Мы на полпути». Пожевал черствого хлеба, консервированной колбасы, пить ничего не стал. С час просидели, облепленные муравьями, после чего опять двинулись в путь. Жара, жажда. У лошади Дэвида сильный нагнёт; приходится часто перекладывать поклажу и снимать с нее седло. Под бразильские седла подкладывают тряпки и солому. До жилья добрались только в половине шестого. Выпил три или четыре ковша воды. Помылся, переоделся. Молодой, миловидный, бородатый бразилец с сыном; склад лица негритянский, жены не видать. На ужин опять манка и tasso; так устал, что есть не в состоянии. Дэвид сварил мне какао. Лежал в гамаке – даже раздеться не в силах. Заснул; снилось, что парализован. Проснулся на рассвете усталый, как собака.

Боа-Виста,
суббота, 4 февраля 1933 года

Встал совершенно разбитый. Ехали три часа – то по бушу, то по саванне. Маленькая ферма на Рио-Бранко, на противоположном берегу от Боа-Висты. Мелководье, посредине островки. Ждали час, пока нас не подобрал на своей лодчонке местный фермер. Вместе с двумя vaqueros переплыли (бесплатно) на другой берег; пастухи вместе со своим стадом быков переночевали на той же ферме, что и мы.

Первое впечатление от Боа-Висты: среди деревьев на высоком (теперь) берегу черепичные и тростниковые крыши. Песчаный пляж, где стирают и купаются девушки. На крутой горе бенедиктинский монастырь. Отец Мейтер дал мне с собой рекомендательное письмо на латыни. Монастырь внешне напоминает больницу, вид – очень солидный и привлекательный: крытая черепицей крыша, деревянные полы и потолки, скошенные с одной стороны, где дорога идет под уклон. Бетонные колонны отделены низким забором от сада с симметрично расположенными, выложенными кирпичами клумбами. Резная деревянная входная дверь и т.д. Окна остеклены, ступеньки каменные, веранда большая. Прождал на ступеньках минут десять. Немец высунулся из окна и заговорил с Дэвидом по-

португальски. Такой же гость, как и я. Наконец в монастырь с дороги поднялся священник в белой сутане; ввел нас в очень уютную, при этом скромно обставленную приемную с искусственными цветами на столе и плетеной мебелью. Священник – швейцарец, немного говорит по-французски. Сказал, что парохода на Манаос в ближайшее время (возможно, несколько недель) не будет. Я послал Дэвида навести справки. Пока он ходил, принял душ, переоделся и в полной прострации повалился на кровать. Вернулся священник сказать, что завтрак готов, – его приготовили и принесли сестры из женского монастыря. Завтрак холодный, но вкусный: суп, тушеное мясо, рис, фасоль, блины и лимонад с каким-то особенным, медицинским, привкусом. Пока я ел, священник сидел напротив; разговор не клеился. После обеда лег на пару часов.

Вернулся Дэвид: пароход специального уполномоченного отплывает 10-го, а совершающий регулярные рейсы – 20-го. Решаю остаться. Дэвид разобрал вещи, слуги подготовили комнату. Сидел в прежнем коматозном состоянии; чудовищная головная боль. Ужин в шесть. Отличная, разнообразная пища. Разговаривать не получается: английский язык немца совершенно непонятен. Он местный плантатор. После ужина ходил взад-вперед по террасе, пока я не заставил его сесть. В постель – в 8 вечера. Принял лошадиную дозу хлородина и насмотрелся впечатляющих снов.

Воскресенье, 5 февраля 1933 года Месса в семь. Присутствовали в основном девушки в брачных вуалях, обвешанные всевозможными лентами и медалями. Сзади несколько мужчин. После Такуту церковь кажется очень нарядной. Как бывает в школе при женском монастыре, гимны распевают елейными голосками. Под ногами, когда идешь в церковь, хлюпает грязь и скрипит песок. Лавчонки и частные дома грязные, убогие. Поддерживать разговор необычайно трудно: плантатор-немец по-английски говорит еле-еле, а по-французски еще хуже; священник не знает английского вовсе, да и французского, в сущности, тоже. Даже когда они говорят между собой по-немецки, то понимают друг друга плохо; приходится прибегать к португальскому. На всех языках немец говорит с одинаковым произношением. Швейцарец предпочитает слова длинные и малоупотребительные. Иногда обсуждаем новости: кораблекрушения в Атлантике и т.д. «Правда, что в Джорджтауне голодают?» Иногда говорим на общие темы. «Был бы король Георг королем, не будь он масоном?» Каждое сказанное им слово священник подолгу обдумывает. В семь – служба в церкви; очень жарко. Потом – в кафе; пил пиво с немцем и холостым

лавочником.

Пятница, 10 февраля 1933 года Четыре дня непередаваемой скуки. Читать нечего – разве что жизнеописания святых и проповеди Боссюэ [267] . Беседа с немцем совершенно невыносима. Священник слег с лихорадкой и из своей комнаты не выходит. Вчера познакомился с молодым человеком – слава Богу, говорит по-английски. Оказался внебрачным сыном доктора Рота; женат на бразильянке; подвизается кузнецом, чинит старое огнестрельное оружие. Вчера вечером ходил с ним выпить пива. Не в кафе, где бываю я, так как: «Я владельцу крепко всыпал и пообещал, что всыплю еще». Рот усомнился, что мне удастся получить разрешение сесть на пароход специального уполномоченного, и оказался прав. Сегодня утром после кофе немец объявил, что специальный уполномоченный в городе и что найти его можно на телеграфе. Я туда отправился; уполномоченный был со мной весьма мил, но непреклонен: на его пароходе свободных мест уже нет. Меж тем я слышал, что еще один пароход отходит 15-го. Нашел французскую книжку путевых очерков, вот названия глав: «Le jardin du paradis», «A l'ombre de mes dieux», «Быть или не быть», «Sous le signe de Mystère», «La mort qui romp», «La Vierge de solitudes» [268] .

Воскресенье, 12 февраля 1933 года Вчера написал плохую статью, но зато придумал сюжет для рассказа [269] . Пароход не отойдет до 20-го – таково общее мнение.

Вторник, 14 февраля 1933 года Дописал рассказ. Пароход прибывает завтра, но пойдет ли он в Манаос, не знает никто. Принял решение ехать назад в Гвиану; попробую вернуться в Джорджтаун через Кайетур и Бартику. У Джона Рота родился сын; предложил проводить меня до Кайетура, но дорогой, которая, судя по всему, ничего хорошего не сулит.

Понедельник, 27 февраля 1933 года Весь день отдыхал [270] ; читал «Домби и сына», много ел и много спал. Отец Кири отбыл в субботу. В среду надеюсь, вместе с Тедди Мелвиллом, отправиться в Курупукари.

Суббота, 4 марта 1933 года

Собирался уехать сегодня, но не смогли добыть лошадей, поэтому еду завтра. Маршрут изменил: вместо того чтобы двигаться в Курупукари, попытаюсь добраться до Кайетура через горы Пакараима. Принял такое решение и теперь ищу этот путь на картах, наношу маршрут, однако никто здесь этой дороги не знает, и все будет зависеть от того, удастся ли найти в Типуру проводников и носильщиков.

Чего только не делал для меня отец Мейтер: чинил седла, смастерил седельную сумку, отмерил нам в дорогу манной крупы,

муки и т.д. Мы сходили к Фигереду, но почти на все наши вопросы раздавалось неизменное: «Nao ha» [271] . Овладел бартером: 4 капсюля соответствуют 1 яйцу; одна жестянка с порохом приравнивается 1 цыпленку; 1 миска манки стоит $ 1.50 и т.д. Боюсь, что столкнусь в пути со всевозможными трудностями, но для этого у меня есть отец Кири. Сегодня отец Мейтер меня сфотографировал и сейчас эти снимки проявляет. Нашел мне проводника из Макуши, зовут Эйсебио. На все, что ему говорится, он отвечает: «Да, отец», у него нет ничего своего – ни одежды, ни чашки, ни ножа. Говорит, что умеет готовить. Беру с собой вьючного быка. И медикаменты из лавки Фигереду: бальзам «Неотложная помощь Редуэйз», канадское масло от ожогов, овощной концентрат «Лидия Пинкхэм» – все это с американскими ярлыками. Одолжил у отца Мейтера барометр и «Чезлвита» [272] .

Миссия св. Игнатия – ранчо Харта,
воскресенье, 5 марта, 1933 года

Проснулся в 5.30. Дэвид и Эйсебио уже оседлали лошадей и быка. Уложил вещи и выпил кофе; в путь в 7.15; небо серое. До трех часов дня не жарко, пасмурно, иногда моросит дождь. Шли шагом, рядом с быком, до тех пор, пока не вышли на шоссе в Бон-Саксесс, на настоящую дорогу для транспорта, а не тропу для скота; называется «миссионерская дорога», ведет напрямую в Юпукарри. Обогнал быка и двинулся по следу от колес, миновал Манари и Наппи, перешел вброд две речушки и в 2.10 увидел впереди деревню с загоном для скота и стоянкой. Навел справки: оказалось, что от дороги на Пирару отклонился сильно в сторону. Только потом понял, что свернуть надо было в Наппи. След от машины Харта, на которой он развозит продукты в приграничные лавки. Пока индеец поил лошадей, сидел на крыльце; выпил бренди, сделал несколько снимков; ничего не ел. Чтобы меня позабавить, индеец продемонстрировал свое брачное свидетельство. Деревня Мараканата. В путь в 2.50. Широкая, прямая тропа. Лошадь очень устала. Устал и я; жажда; в 4.45 увидел Пирару, добрались до нее в 5.30. Харт дал мне чаю и сыру, а также полотенце, пижаму и гамак. Ужин в семь. В восемь Харт позвал читать розарий [273] . Вся семья и старая индианка ходили взад-вперед в лунном свете, бормоча скорбные тайны.

В 8.30 прибыл Эйсебио с быком; на лице всегдашняя улыбка. Я решил задержаться здесь еще на день, дать отдых лошади и себе. По словам Харта, старуха из племени пиай, она живет в Сент-Игнатиусе, делает вид, что летает. Явилась сюда в первой половине дня с предвестием о скором моем появлении.

Понедельник, 6 марта 1933 года Спал беспокойно, проснулся

в каком-то оцепенении. Отправил Эйсебио к Мануэлю Луису. Кофе – в семь. Занятия с детьми – в восемь. Слышал, как чернокожая гувернантка стращает детей моим именем. Над таблицей умножения пролито много слез. Вечером явился Тедди Мелвилл – и очень кстати, ведь наутро я отправлялся в путь. Опять молебен, на этот раз не снаружи, а в доме. Пил с Хартом бренди; рассказал мне о немце, который в 1913 году пустил по Рио-Бранко три катера, поднял тем самым цену на скот и был убит своими бенефициариями под предлогом того, что он якобы торговал не в сезон черепаховыми яйцами.

Пятница, 17 марта 1933 года Всякий раз когда отцу Кири что-то мешает отслужить мессу за наше благополучное путешествие, день складывается как нельзя лучше. Вот и сегодня он грозился это сделать, но я сумел его отговорить. На этот раз мы вы шли относительно рано. Весь день ехали бушем. Мне удалось нанять у индейцев плотного серого жеребца. Вел его Марко, без седла и уздечки. Я сумел проехать на нем лишь половину пути, то садясь, то спешиваясь. Не говоря уж о том, что часами ехать верхом без седла утомительно, тропа была слишком узкой и предназначалась лишь для пешеходов, лошади же натыкались на деревья. Путешествие тем не менее оказалось вполне сносным, время прошло незаметно: пока ехал верхом, мечтал, что спешусь и пойду ногами, и наоборот. Мы шли, вопреки карте, по реке Тумонг, трижды переходили ее вброд и, в конце концов, оставили ее справа. Остановились перекусить на скалистом выступе посреди реки и в 3.30 прибыли в Анандабару, в деревянный дом, построенный Хейнсом, когда он промышлял алмазами. На дороге нас встретил посланец от Винтера. На пути из Курукубару он остановился на ночь и не сумел отложить отплытие парохода, шедшего сегодня утром в Кайепур. Анандабару окружен папоротником, где из-за местного ботаника начался лесной пожар. Блох вокруг столько, что, даже когда идешь, а не стоишь, они облепляют штаны толстым слоем. Винтер передал нам ключи от комнат, и мы повесили гамаки и выкупались. Рядом росла липа, мы допили бренди с лаймовым соком, доели последние бутерброды, остатки солонины и риса и удалились на покой вполне довольные жизнью. В девять вечера на нас обрушились потоки дождя, сдержать его крыша оказалась бессильной. Отыскал один сухой уголок, куда, перевесив гамак, и забился; с величайшими неудобствами провел там всю ночь. За стеной, перекрывая громогласным храпом шум ливня, крепко спал отец Кири.

Вторник, 28 марта 1933 года

Винтер договорился было, что меня и еще нескольких

человек с сахаром и мукой отправят на плоту в Кайетур. Однако вчера явился с почтой и всем прочим какой-то чернокожий, и было решено, что я отправляюсь завтра, вместе со всеми. За последние десять дней не произошло ничего особенного, съестные припасы тают на глазах. Охотникам ничего подстрелить не удалось. Съели красивую птицу – похожа на фазана. И какого-то грызуна, здесь он зовется лабба, на вкус как свинина. А еще – оленину и малосъедобную дикую индейку, а также – дикого кабана. <…>

У всех индейцев есть домашние животные: попугаи, голуби-трубачи и прочие птицы, дикие кошки варакабра, свиньи и т.д. В здешней лавке особым успехом пользуется моя шляпа, а также одеяло и носки. Ручные часы тоже привлекают повышенное внимание. Индейцы обожают все непривычное.

Винтер: незлобиво поругивает чиновников, рассуждает о взяточничестве и некомпетентности, об алмазах, которые продаются и перепродаются каждому вновь прибывшему, чтобы замазать белой краской черные пятна. Покупатели возвращают агенту фальшивые камни и, за отсутствием денег, алмазами больше не промышляют.

Томас – он строил дом с помощью маленького мальчика, носит белый жилет, а иногда подштанники и всегда шляпу и сандалии – ушел от жены из-за того, что та родила ему близнецов. Его пытается заарканить какая-то девица; семья в расстройстве.

Агнес училась в Джорджтауне, вернулась и поняла, что не переносит ни свою мать, ни своего любовника. В результате любовник женился на матери и душу из нее вынимает, а сама Агнес спит со своим учителем португальского.

Чтобы индейцы работали, необходимо их всячески улещивать.

Смешивал коктейли из купленного для притираний спиртного. В воскресенье ноготь на большом пальце наконец-то сошел, и дела пошли на лад [274] .

Многие против строительства губернаторской дороги: сплошной песок и корни, да и поддерживать ее будет дорого. По словам одного черномазого, грузового сообщения нет уже две недели. Обочину горной дороги обработать невозможно. <…>
Слово «история» употребляется здесь в широком смысле. «Конец истории» означает «вот и всё»; «плохая история» – «плохо дело» и т.д.

Вторник, 4 апреля 1933 года С помощью угроз и подкупа катер удалось отправить спустя два часа сорок пять минут после назначенного времени. Уютно устроился в средней части судна

вместе с тремя негритянками, которые непрерывно что-то ели, и четвертой в парусиновых туфлях, с термосом, золотыми серьгами и мешком мятных леденцов. Капитан преклонных лет. В Рокстаун прибыли в 8.30 вечера и отплыли в половине двенадцатого. Билетер никак не мог сосчитать билеты, машинист – завести мотор. Двенадцать человек вместе с багажом набились в один грузовик, прицепленный к трактору. В Висмаре были в четыре утра. Повесил гамак на палубе и проспал два часа, не обращая внимания на орды москитов. Рокстаун совершенно обезлюдел. Висмар – маленький, оживленный городок; населен черными, индусами и китайцами.

Среда, 5 апреля 1933 года Расплатился по счетам. Пароход отошел в 8.30 утра. Дать телеграмму в Джорджтаун невозможно [275] .

Пятница, 6 июля 1934 года Встретился с Хью (Лайгоном. – *А. Л.*) в Холкерсе и выпил с ним джина. В «Лиллиуайте» приобрел лыжи, ледорубы и вязаный шлем [276] . Сэнди очень доволен: везет с собой горы шоколада и морфий. <…> Примерил в магазине в Холборне ветровку и стеганые штаны. Какие-то туристы-спортсмены покупали палатку. Стоило мне войти, как продавец догадался: «Экспедиция на Шпицберген». Купил спальный мешок и подстилку из прорезиненной ткани. После ужина у родителей собирал вещи. Часов в десять вернулся в «Сэвил». Позвонил в «43» [277] , попросил к телефону Уинни. Ответили, что ее еще нет, тогда поехал к ней домой. Разыграла спектакль под названием: «Как мне грустно, что ты уезжаешь».

Суббота, 7 июля 1934 года

<…> Поезд отходил в половине второго. Поначалу пребывали в отличном настроении, опорожнили в вагоне-ресторане кувшин шампанского с портером и несколько рюмок ликера. А потом, разомлев от жары, взялись за джин и пили его весь остаток дня: стюард утомился бегать к нам и обратно. К шести вечера поутихли; сидели, засучив рукава, в полной прострации, а жена священника поедала нас глазами. В Ньюкасл поезд прибыл с часовым опозданием.

Сэнди получил разрешение из Министерства внутренних дел на вывоз морфия; должен был предъявить его на таможне, таможенники были предупреждены.

Плыли вторым классом. Каюты хорошие, но на пароходе отсутствовал бар и не хватало прислуги. Ужинать сели только в десятом часу. На столе стояли маленькие металлические тарелочки с сардинами, помидорами, сыром и пр. Мы было решили, что это hors d’oeuvres [278] , но потом обнаружили на столе блюдо с разогретой тушенкой и поняли, что это и был весь

ужин.

За нашим столом сидел норвежец.

– Вам нравится норвежская селедка? – спрашивает.

– Да.

– Она очень дешевая.

На следующий день мы предложили ему целую тарелку селедки.

– Слишком много разговоров о рыбе, – сказал он. – Она *очень* дешевая.

Наверху в курительной Сэнди разговорился с человеком с Гебридских островов, а Хью – с врачом, который должен был пересесть на «Родни». Я устал. Спать лег рано и принял снотворное.

Воскресенье, 8 июля 1934 года

Норвежец, который жаловался на дешевую рыбу, напился еще до завтрака. Сидел в курительной, пел народные песни и повторял: «Ку-ку, ку-ку». Сначала это было смешно. Попытался пройти по стульям, но разбил головой электрическую лампочку, и та лопнула с оглушительным грохотом. Потом очень расстроился: стюард был с ним груб; твердил, что за билет заплатил не меньше всех остальных и что пиво и сигареты нам дают только потому, что мы англичане. «Это несправедливо, это несправедливо», – повторял он. Норвежец сошелся с еще одним пьянчугой, и они принялись танцевать. Если верить второму пьяному, его ждала любимая девушка, и, в подтверждение своих слов, он продемонстрировал флакон купленного ей парфюма. Потом попытался затеять ссору на том основании, что мы, мол, «еще сосунки». После обеда и тот и другой скисли. В Бергене, в шесть утра, вид у них был не ахти, но свою шутку про «ку-ку» они не забыли. Еще на пароходе были мужчина в килте и замужняя пара в зеленых кожаных шортах.

Прежде чем войти в порт, полчаса плыли среди фьордов. Вначале мне показалось, что Берген некрасив: среди зеленых холмов торчат красные фронтоны, складские помещения, как на Темзе, – прямоугольные. Laissez-passer [279] Сэнди пригодилось, и наш багаж без всякого таможенного досмотра переправили на пароход, следующий в Тромсё. «Венере» это судно уступало во всех отношениях: угрюмые офицеры, неудобные каюты на четыре койки. Свои вещи нам пришлось таскать самим. Разместившись, вышли на берег. Вдоль гавани выстроился ряд прелестных бревенчатых домов восемнадцатого века с псевдоклассическими фронтонами.

Поискали глазами какой-нибудь веселый ресторанчик, но не нашли ничего, кроме громоздкого, пустого отеля с оркестром;

назывался отель «Розенкранц». Хороший ужин и плохое кьянти. После ужина безуспешно искали кафе. Хью отправился спать на берегу. На нашем пароходе свет выключали в двенадцать, в это время еще только смеркалось, а в 10.30 было светло как днем.

10, 11 и 12 июля 1934 года

Медленно двигаемся по фьордам на север, скользим между островками, останавливаясь три-четыре раза в день возле хуторков с деревянными домами. Когда на первой же пристани сходил на берег, рассек себе голову; кровь лилась рекой. Из Молде в Гьемнес ехали в лютый холод на машине, на пароме переправились в Кристисунн, где снова поднялись на пароход. В Тронхейме приняли ванну и позавтракали в отеле с пальмами во дворе. Все утро шел дождь, и собор с могилой святого Олафа [280] был закрыт. Чем дальше продвигаемся на север, тем пейзаж все больше напоминает времена короля Артура. В эту минуту на пути в Бодё светит солнце (накануне дождь шел целый день), и горы по правому борту склоняются, как на гравюрах Доре [281] .
Пароход забит до отказа. В третьем классе гомонят дети. Вместе с нами в каюте плывет лютеранский пастор из Провиденса, штат Роуд-Айленд. Спит он, не раздеваясь, целыми днями лежит на своей койке и читает английских мистиков. На борту можно встретить американцев, англичан и даже французов, но больше всего – норвежцев. Все они хороши собой – и молодые, и старые. Читаем Эдгара Уоллеса, смотрим на карту и играем в пикет и бридж; в пикет только мы с Хью, в бридж – втроем. И отпускаем бороды – это наше основное занятие. У Хьюи борода золотистая, растет ровно. Моя – черная и неровная: на щеках густо, а вот на подбородке пустовато. Сэнди бреется. Из-за моей окровавленной повязки на голове и нашей общей щетины выглядим не лучшим образом, и английские пассажиры от нас отворачиваются. Пастор считает, что мы студенты на каникулах. В городах, где мы останавливались, как правило, сухой закон. Кое-где удавалось обзавестись спиртом. Баров и кафе нет нигде.

В пятницу 13-го бросили якорь в Тромсё и с «Принцессой Рагнхильдой» расстались. В последние дни пассажиры «Принцессы» старались держаться от нас подальше, особенно женщины; нелицеприятно о нас высказывались, и даже в нашем присутствии.

В Тромсё в жизни нашего лидера (Сэнди Глена. – *А. Л.*) существенную роль стали играть старики. Стоило нам сойти на пристань, как он исчез, буркнув, что должен найти «какого-нибудь великолепного старика». Все двадцать четыре часа нашего пребывания в Тромсё не прекращал эти поиски, при этом нельзя сказать, чтобы ему сопутствовал успех. Вечером вернулся пьяный

и принялся сбивчиво рассказывать про какого-то «совершенно уникального» старика, который считается лучшим ледоходным шкипером в Арктике. По его словам, старик этот пропил 60 000 фунтов и спас от смерти самого Ротшильда. В Тромсё было необычайно жарко, и в карты мы играли, засучив рукава рубашек. Одного из найденных нашим лидером стариков звали Рёте; глухой норвежец, он служил в американской армии, а теперь был британским вице-консулом. Рёте очень нам пригодился: ходил с нами в магазин, обналичивал чеки, при этом не пил ни капли и даже не заходил в винную лавку. Вечером пошли с ним в кино. Надо было сделать кое-какие запасы – купить картошку, апельсины, ром, носки и т.д.

Во второй половине дня 14-го числа, в сопровождении нескольких стариков, отобранных нашим лидером, мы поднялись на борт «Люнгена». Лидер предупредил, что впереди самая неинтересная часть нашей экспедиции, но, как и все его предсказания (например, что Тромсё – международный курорт с многочисленными барами и отелями), это тоже оказалось не вполне соответствующим действительности. В субботу утром мне удалось послушать мессу. «Люнген» – маленький пароход, находящийся на государственной субсидии. Совершает по пять рейсов в год; в летние месяцы выходит в море каждые две недели. Зимой Шпицберген отрезан от Норвегии. На борту всего три-четыре пассажира, поэтому в распоряжении каждого из нас попала двухместная каюта. Обогнув острова, взяли курс на Хаммерфест, куда приплыли вскоре после полуночи. Днем было тепло, а ночью в иллюминатор каюты пробивались ослепительные лучи солнца, и спать было почти невозможно.

Утром небо заволокли тучи; похолодало. Пароход довольно сильно качало, и у всех пассажиров, у Хью и лидера в том числе, развилась морская болезнь. Вот и я большую часть дня пролежал у себя в каюте, читая Саки [282] . Ночью принял тройную дозу снотворного и проспал тринадцать часов. Во вторник 17-го было по-прежнему холодно, но к вечеру море успокоилось, и Хью с лидером сели играть в пикет; Хью выигрывал партию за партией. Около семи вдали появилась южная оконечность Шпицбергена, и с этой минуты по правому борту тянулась земля. Черные горы; среди них плывущие в море ледники; иногда между свинцовым небом и свинцовым морем пробивается узкая серебряная полоска яркого света. Ослепительно белые ледники; облака, срезающие верхушки гор. После ужина море успокоилось. Пишу эти строки около одиннадцати вечера; часа в два ночи должны бросить якорь в Адвентфьорде.

18 июля 1934 года В Адвентфьорд вошли рано утром.

Безрадостный пейзаж. Низкие облака, гряда холмов, бесцветных и темных; холмы голые, травой поросли только на склонах, у самой воды. Упирающиеся в облака вершины гор белой грядой снега на черном фоне напоминают зебру. У самого берега плещутся небольшие айсберги цвета купороса. Выгрузили свою поклажу, и Хью с лидером решили перевести ее на шлюпке на вельбот, который часов семь-восемь не мог сдвинуться с места. Спустился к себе в каюту и лег спать. Вышли в море около одиннадцати и прибыли на место без каких-то минут пять. Целый день простояли на баке, жуя сыр и запивая его жидким чаем. Пристали к берегу в месте, которое одни называют Шотландским лагерем, другие – Брюс-Сити. Четыре сруба у подножья ледника: дома брошены, но в состоянии вполне приличном. Самый большой сруб использовался в прошлом году членами Оксфордской экспедиции в качестве опорного пункта. После них остались кое-какие вещи, в том числе несколько тетрадей с не представляющим никакого интереса акварельным рисунком; пролежали здесь эти тетради целый год, из них полгода – под снегом, – и нисколько не пострадали. Построен лагерь в 1907 году какой-то сомнительной горнорудной компанией. По рельсам ходит наверх вагонетка, мы и загрузили ее своими припасами. Вернулись на вельбот и выпили рому. Наш лидер передал бутылку матросам; им ром особого удовольствия не доставил, в отличии от нас с Хьюи. Вокруг домов гнездятся крачки; стоило нам появиться, как они с пронзительными воплями принялись пикировать у нас над головами [283] .

Пятница, 10 июля 1936 года Писал рецензию на «Слепого в Газе» [284] . Обедал с Хью. Зашел к Лоре; пили чай и перекусывали. Ужинал на Брутон-стрит с Мэри и Габриэл [285] . Ходили с Беллоком [286] на пьесу Л. Выглядела Л. чудесно – как будто шла на эшафот, да и говорила прекрасно. <…>

Понедельник, 20 июля 1936 года Приехал в Лондон; обед с Лорой. Провели с ней весь день, вместе ужинали. «Чайка».

Суббота, 25 июля 1936 года Вчера ночью бедная малышка Лора до смерти испугалась залетевшей в спальню летучей мыши. Гроза. Прелестный день, дождь идет не переставая.

Лондон–Рим, среда 29 июля 1936 года Проснулся рано, еще не протрезвел; утро провел в трансе. В два сел в «Римский экспресс». Приятное путешествие в пустом спальном вагоне. Послал Лоре телеграмму – очень может быть, предосудительного содержания.

Рим, четверг, 30 июля 1936 года Читал только что вышедшую книгу Флеминга [287] – дали на рецензию. В Рим прибыл в 8.10. Остановился в «Russie». Позвонил в «Стампу»; попросили перезвонить на следующий день. Бродил по душным,

безветренным улицам.

Ассизи, среда, 5 августа 1936 года С каждым днем все жарче. И все скучнее без Лоры. Вечер неописуемой красоты. Побывал в Сан-Доминиано.

Неаполь–Джибути,
понедельник, 10 августа 1936 года

Даже сейчас, когда на палубе веет приятный ветерок, в каюте находиться невозможно. То ли еще будет в Красном море? В субботу почти весь день провели в Мессине – грузились. Теперь нагружены так, что двигаемся еле-еле. Для тропиков пароход не предназначен совершенно. В нашей каюте задраены все иллюминаторы, кроме одного; вентиляции никакой. Зато еда хоть и простая, но сносная, да и мои соседи по столу поняли, что поддерживать общую беседу я не охотник. Один из членов команды разгуливает по палубам в сапогах для верховой езды со шпорами. Другой офицер спит у меня в каюте, натянув на голову сетку для волос. В свободное время они стреляют по тарелочкам и, как правило, промахиваются. Вчера на палубе служили мессу; присутствовали исключительно пассажиры второго класса; из первого – всего несколько человек. На пароходе пять детей. По вечерам – кино. С утра до вечера зубрю итальянский – пока добился лишь того, что позабыл французские слова, все до одного.

Пятница, 14 августа 1936 года Из экономии решил ехать прямо в Аддис-Абебу. Всю ночь проспал на палубе. Стоянка в Порт-Судане. Во всем чувствуется порядок. Молодой назойливый офицер выговорил пассажирам за то, что сидят на перилах. В Порт-Саиде полицейский сержант, англичанин, заглянул в мой паспорт: «Так вы, значит, британец? А по-английски говорите?» В Порт-Судане на вопрос, можно ли мне сойти на берег: «Вы ведь плывете на итальянском пароходе, неужели непонятно?» Вечером нечто вроде концерта с мороженым и любительским пением.

Джибути,
вторник, 18 августа 1936 года

В Джибути прибыли рано утром. Долго швартовались. В отелях «Аркады» и «Континентальный» свободных мест нет. В конце концов, за несколько минут до появления итальянского офицера, спавшего в общей спальне на лестничной площадке, удалось получить номер в «Европе». Встретился с весьма обходительным итальянским консулом. Поехал в «Континенталь», где обнаружил Ли и Мориартиса. Последний недавно из Аддис-Абебы: в городе голод, сторожевые отряды сняты; уверяет, что Аддис еще до Машала будет в руках эфиопов, пусть и всего на несколько часов. Говорит, что казнь патриарха [288] – непростительная ошибка.

Ясно одно: итальяшкам приходится туго. Месяц назад в Хадине сошел с рельсов и был ограблен поезд; пассажиров высадили и продержали тридцать шесть часов взаперти на каком-то складе; телеграфные столбы повалены, мосты впереди и сзади взорваны, отправить следом еще один поезд невозможно. В Аддис поезд пришел только через четыре дня, несколько пассажиров умерло, гречанка с двумя детьми во время грабежа спряталась под вагоном и отделалась синяком под глазом. Войска Эритреи отведены. Дорогу на Дессай итальяшки не контролируют. Из Дессайя и Дебра-Брихана они, скорее всего, свои войска вывели. Несколько недель назад бои шли в лесах вокруг английского посольства. Недавно попали в засаду тяжелые грузовики. По всей стране хозяйничают вооруженные до зубов шифты (мародеры. – *А. Л.*). Хлеб не посеяли, поэтому голод неминуем. Тем временем железнодорожное сообщение с Аддис-Абебой восстановлено полностью. <…> Итальяшки бродят по Джибути с видом ошарашенных туристов.

Четверг, 20 августа 1936 года Неудачная попытка купить у Мухаммеда Али доллары. Пропуск в Харэр получил быстро и без малейшего труда. Ехали по отлично отремонтированной дороге, в консулат прибыли около шести. После тяжелого приступа лихорадки Чепмен-Эндрюс приходит в себя. Долго говорили с ним о положении дел. Местные итальяшки сговорчивы, а вот англичане неуживчивы, «дерут нос». Линия обороны Вахиб-паши так и не задействована: армия понесла большие потери еще до того, как обратиться к паше за помощью, и доукомплектовать боевой состав уже некем. Нассаху бежал вместе с пашой. Газ пускали четыре-пять раз – в основном на южном направлении и в пещерах; ослепших развезли по госпиталям. Во время обстрела в Харэре не было ни одного военного, тем не менее впоследствии мародеры отыскали спрятанные припасы продовольствия и оружия. Войдя в город, итальянцы отдали его на растерзание бандам туземцев, и те перебили всех христиан, которых удалось найти, в том числе трех священников неподалеку от английского посольства. После чего bandi [289] были из города выдворены. Привычные жалобы на работу телеграфа и почты. У меня за окном вьюрки.

Среда, 26 августа 1936 года Фашистское сборище в честь немецкого консула. Славословия в адрес Гитлера и незабываемой поддержки дружественной Германии в ответ на варварские антиитальянские санкции. Выстроившиеся школьники в форме спели «Giovinezza» [290] . Беседа с Нистромом. Сказал, что ожидавшаяся в декабре победа откладывается: ежедневные обстрелы императорских позиций, войска разложены, солдаты

мародерствуют. От газа погибло всего восемнадцать человек, но психологическое воздействие газовой атаки огромно. Армия отступает под огнем своих же людей. Поехал в утопающий в грязи, вонючий лагерь морской пехоты на ферме за Гебби. Оттуда к расу – но тот в это время находился в бою. Император скрылся с 10 000 фунтов, его жена имеет несколько сот в год и дети – тоже. Князья, в большинстве своем, также находятся в бегах, но их состояние очень невелико. Сражение всю ночь. До рассвета бьют тяжелые пушки, весь вечер в воздухе аэропланы.

Четверг, 27 августа 1936 года Завтрак под пушечные выстрелы. Вчера вечером подумал, что еще никогда не бывал в городе, где столько обездоленных. Поехал в Гебби к Грациани [291] . Довольно неказистый кабинет. Сидит среди останков императорской обстановки. Очень оживлен и деловит. Ни слова о римской цивилизации и преступных санкциях. Фашистская фразеология отсутствует. Расспрашивал меня, где я побывал, куда хочу поехать, располагаю ли временем. Предложил мне отправиться на юг, присоединиться к войскам, действующим на озерах. Полгода назад я бы за такое предложение ухватился, теперь же ответил отказом. Обедал у Босдари. Почетный гость – германский chargé d'affaires [292] Штром; он здесь очень популярен, назначен генеральным консулом только что. Начал говорить, что нет ничего лучше «Черной напасти»; провел с ним всю вторую половину дня. Фон Вальдхейм, Крэмп; дал мне украденный орден Троицы. Ужинал с поверенным в делах Робертсом, военным атташе Тейлором и с Ли. На ужин ехал под охраной итальяшек с пулеметом. В Pensione Germanica [293] ждут нападения, боятся, что в городе начнется восстание.

Асмара,

воскресенье, 30 августа 1936 года

<…> В Асмару приехал в 11.30. Был принят главой пресс-бюро толстяком и милягой Франки; отвел меня в бунгало на территории отеля. Получил много телеграмм, где говорилось о моей особе, счел, что я женщина, и весь вчерашний день, бедный, прождал меня в крайнем возбуждении. Обедал с ним в отеле. Обед плох. Изо всех сил старался мне угодить. Слава Богу, что взял с собой из Аддис-Абебы несколько книг. Ходил по городу – вид безотрадный. В городе, построенном для 2000 белых, сейчас живут 60000 черных. Толпы людей – все мужчины. Мое бунгало отвратительно: ни света, ни воды. Постель кишит блохами.

Понедельник, 31 августа 1936 года Произвел ряд реформ и ощутил себя Элизабет Фрай [294] . Новая лампа, в ванной – карболка, новый матрас. Зато потом весь день бездельничал. Когда итальянцев упрекают, что в городе грязно, они говорят:

«Мы в Африке». Раз тропики для них предлог для несоблюдения гигиены – это плохой знак. Вспомнил, что не кто иной, как итальянцы, изобрели трущобы и сами же в них жили.

Вторник, 1 сентября 1936 года

Встал в 5 утра; в 5.30 с Франки и еще одним офицером выехал на бешеной скорости в Аксум. Сильно простужен. Туман. Дорога просто великолепная: гудрон, бетонные парапеты. <…> В шесть утра рабочие идут на работу. Головные уборы от солнца, спецодежда. Получают 40 фунтов в день плюс содержание. Все – средних лет, многие с бородой. Через Мареб перекинут большой стальной мост. Проехали кладбище, где лежат семьдесят рабочих – их в феврале прошлого года перебила в Маи-Алада, прямо в постелях, банда, возглавляемая монахом.

Адува. Много древностей. Дома каменные или бревенчатые, в основном двухэтажные. Стоят группами, каменные стены, приворотные башенки. Вокруг чинары, под одной из них в 1896 году пытали аскари [295] . Повсюду красные флаги, над офицерскими борделями флаги желтые. Никаких признаков артобстрела. За городом большой лагерь. К итальяшкам местные относятся по-дружески. Дети распевают «Giovinezza». Поехали дальше, в Аксум. Остановились в немыслимо грязном лагере, где пренебрегают элементарными гигиеническими нормами; скауты и те лучше. Солдаты небриты, бродяги грызут хлебные корки. <…>

Асмара,

суббота, 5 сентября 1936 года

Ходили с Франки на городской променад; крепкие каменные дома. Построенный в семидесятые годы итальянским архитектором дворец Теодора: отремонтирован плохо, но неоготика впечатляет. Балконы. Трон с великолепной резьбой. Зал судебных заседаний с устланным камышом полом. Абиссинские чиновники – добродушны и обходительны. Показали мне главную шлюху в городе. Недурна. Обратно в Асмару; приехали к ужину. Сомневаюсь, чтобы в понедельник в самолете были свободные места. Но платить за билет в любом случае не придется.

Воскресенье, 6 сентября 1936 года Хотел пойти на мессу, но в церковь войти невозможно. Весь день бродил с угрюмым видом по городу. Вечером Франки устроил в мою честь небольшой прием при участии неразговорчивых морских офицеров и псевдошампанского. После ужина побывали в борделе, где семь девиц работают с 9.30 утра до 11.30 вечера с двухчасовым перерывом на обед. Каждому клиенту они предоставляют от пяти до десяти минут и берут 25 лир. Раз в три месяца им полагается

отпуск. Когда мы пришли, в помещение набилось человек восемьдесят, ожидавших своей очереди в просторном коридоре, в двух комнатах поменьше и на лестнице. Мебели никакой, за исключением скамеек, на которых сидели клиенты, и большого стола, заваленного фуражками.

По пути в Лондон, четверг, 10 сентября 1936 года В Остию прилетел в 4 часа, обедал в Сиракузе. В Неаполе – два часа. Перелет интересный и приятный. Собирался принять ванну, переодеться, взять женщину и съесть вкусный обед. Вместо всего этого отправился на машине в Английский колледж, где расплатился с долгами вывезенными контрабандой лирами. Сел в поезд 9.20, предварительно проглотив в станционном буфере таблетку снотворного. Моим попутчиком в спальном вагоне оказался священник.

Лондон, среда, 16 сентября 1936 года Спустившись, обнаружил письмо от Лоры. Пишет, что я могу ее повидать и что Мэри опять предлагает отложить свадьбу. Позвонил Крису (Кристоферу Холлису. – *А. Л.*), чтобы тот подбросил меня на вокзал, потом переоделся и сел в поезд, не побрившись и не позавтракав. В Лондон приехал около двенадцати и забрал Лору из Академии [296] . Провел с ней весь день, обедали у Скотта, ужинали в Лэнсдауне. Лора нездорова и нежна. Заехали на Брутон-стрит. Ничего не решил, кроме одного: буду учтив.

Мэллз [297] *,*

понедельник, 21 сентября 1936 года

Опять взбесился; на этот раз из-за письма от Лоры: интересуется, не хочу ли я снять в Лондоне дом вместе с Мэри. Пребываю в полном смятении. Днем ездили смотреть дома в Нанни и Уотли, о которых говорила Кэтрин. Дом приходского священника в Уотли недурен – но от тысяч других английских домов ничем не отличается. И нет приличной гостиной. Домоправительница миссис Хейнс провела нас по дому. Увидев кран, я спросил, какая вода из него льется, горячая или холодная. «Я должна спросить каноника». – «А почему просто не пустить воду?» – «Из этого крана вода не течет». Дом в Нанни прелестен. Очень невелик, рядом – замок и фермерские службы. Изысканный фасад восемнадцатого века. Позвонил спросить, продается ли дом. На звонок вышла молоденькая хорошенькая девушка: «Как это вы догадались? Мы только что, за обедом, приняли это решение. Объявления еще не давали». Арендатор дома фермер мистер Янг, сохранив за собой одну комнату, отдал его в долгосрочную субаренду этой девушке, ее матери и, по всей вероятности, их родственникам. И внутри, и снаружи дом требует основательного ремонта, но хорош необычайно. Комнаты обшиты панелями,

очень красивая лестница из дуба и орехового дерева, норманнские погреба. Выложив круглую сумму, из него можно сделать один из самых прелестных маленьких домов в Англии. <…>

Четверг, 24 сентября 1936 года Приехала Мэри Херберт. После чая все вместе отправились смотреть дома в Нанни и в Уотли. Судя по всему, свыклась с мыслью, что Лора выходит замуж. Теперь остается преодолеть только одно, зато самое серьезное препятствие – тетю Веру [298] .

Пятница, 9 октября 1936 года Выспался на зависть – и полностью пришел в себя. Обедал с Лорой у Флеминга, а все утро пролежал в постели, читая П.Г.Вудхауса, – счастье! <…>

Мэллз и Лондон,

понедельник, 12 октября —

пятница, 16 октября 1936 года

В Мэллз вернулся злой и подавленный. Нет отбоя от деловых телеграмм и междугородних звонков. В четверг, 15-го, написал, и, по-моему, очень удачно, первую страницу романа, где описывается раннее утро Дианы [299] . Ездил в Бристоль. В Нанни встретился с Янгом; был очень мил, хочет всем угодить. <…> В пятницу 16-го был вызван утром в Лондон – обсудить с Мэри проблему мебели. Обедал на Брутон-стрит. Почувствовал, что заболеваю. Пошел в турецкую баню, стало лучше, поужинал на Брутон-стрит и, приняв снотворное, рано улегся спать.

Кембридж,

воскресенье, 18 октября 1936 года

Ранняя месса на Фарм-стрит. Лора проводила меня до Хэтфилда. На станции встречен был вежливым старшекурсником. Выпил шерри с отцом д'Арси и отцом Гилби. Пообедал, и неплохо, в «Юнион». Осмотрел несколько колледжей. Гилби – превосходный гид. День невиданной красоты, солнце после дождя, осенняя листва. В оранжерее старик в котелке поливает ландыши. Бесконечно долгое, тягостное чаепитие у католиков-старшекурсников. Ранний ужин в «Тринити». Неплох. Выступал в Обществе Фишера при полном зале. В основном рассказывал всякие забавные истории. Лекция, прямо скажем, не самого высокого класса, но позабавить собравшихся удалось. Они привыкли к худшему. После лекции отвечал на вопросы.

Лондон–Мэллз,

четверг, 29 октября 1936 года

Закончил вторую главу романа («Сенсация». – *А. Л.*), отдал машинистке.

Остенде,

пятница, 30 октября 1936 года

<…> С Вудрафами [300] и Эктонами двухчасовым поездом в Остенде. Море спокойное. Остенде пуст, почти все отели закрыты. Гуляли вдоль моря на ветру. В казино действуют всего две рулетки. Отлично поужинали в ресторане «Renommé» [301] . Выиграл 5 фунтов.

Суббота, 31 октября 1936 года Ездили на машине в Брюгге; пришел в священный ужас от фламандской готики. <…> Шофер с необычайной гордостью продемонстрировал нам фабрику для производства отравляющего газа. Под проливным дождем – в Гент. Пообедали и посетили мрачный замок, который привел в восторг Дугласа и Дафну. <…> Немного поиграл в рулетку перед ужином, проиграл вчерашние 5 фунтов и еще 15. Отличный ужин. Вернулся в казино и продул еще десятку. Но потом взялся за ум и отыграл фунтов 20.

Лондон,

среда, 4 ноября 1936 года

<…> Мучительный вечер с Беллоком в «Щеголе»; хочет, чтобы я бесплатно писал в его газету. Страдает манией преследования.

Пятница, 6 ноября 1936 года Спал до одиннадцати и чувствую себя лучше некуда. Написал рецензию на книгу про Альбукерк. Вечером бесплатно работал на Беллока – за это попаду на небеса, надо надеяться. В воскресенье решил поехать в Оксфорд.

Оксфорд,

воскресенье, 8 ноября 1936 года

В Оксфорд поехал с Крисом, у него лекция в Ньюмене. Обедал с Ноксом; огорчен нашим приездом. <…> Побывал в Кэмпион-Холле. Видел последние приобретения д'Арси. Отличный Мурильо – не исключено, что подлинник, красивые облачения, масса всякой ерунды: акварели студентов, вырезанные из книг репродукции, кое-какой фарфор. <…> Ходил на лекцию Криса. О выборах Рузвельта говорил с таким трагическим видом, как будто проиграл битву при Лепанто [302] . Начал было забрасывать его вопросами, но одумался: он был явно не в форме. Пришло известие, что Мадрид пал [303] .

Мэллз,

четверг, 12 ноября 1936 года

Немного работал. Хандрил. Дурно спал.

Лондон, пятница,

20 ноября 1936 года

Ездил в Лондон. Обедал с Лорой у Бульстена. Был в киностудии Корда; хочет, чтобы я написал ему пошлый киносценарий про девиц из кабаре. Обратно в Лондон меня привез Джон Сатро. Ужинал с Лорой и Мэри в Малберри-Уок. Габриэл вернулась из Испании; должна была прийти, но заболела. Должен был прийти

и Фрэнсис (Ховард. – *А. Л.*), но под каким-то невнятным предлогом не явился. Говорили с Мэри про Испанию – неожиданно впала в агрессию. Ушел рано; выпивал с Хьюбертом.

Мэллз,

четверг, 3 декабря 1936 года

Передовица в «Таймс» про миссис Симпсон [304] .

Пятница, 4 декабря – вторник, 8 декабря 1936 года Скандал с Симпсон привел всех в неописуемый восторг. В частной лечебнице «Мейди» взрослые пациенты, все как один, почувствовали себя значительно лучше. Это из тех редких событий, которые всем доставляют радость и очень мало кому – огорчение. Почти всю неделю читал газеты и слушал радио. Написал рецензию на скучные эссе Олдоса Хаксли и дотянул киносценарий до скучного и неубедительного финала. Завтра, в среду, еду в Лондон. Последнее время Мэллз повергает меня в уныние. <…>

День рождественских подарков 1936 года Охотился; на всем скаку врезался в ворота.

Среда, 13 января 1937 года В «Таймс» – объявление о помолвке (И.Во и Лоры Херберт. – *А. Л.*).

Пятница, суббота, 15–16 января 1937 года Вечером ужинал с Оливией. Очень тяжелое впечатление: совершенно не в себе и постыдно пьяна. Навестил родителей.

Пятница, 22 января 1937 года

Обед в «Клонбой». Ужинал с Холлисом, Вудрафами и т.д. Брат Криса – монстр. Очень дорогой и печальный вечер. Мое предложение купить Стингвуд принято; 3350 фунтов плюс коттедж.

Отель «Истон-Корт», Чагфорд [305] *,*

4 февраля 1937 года

Поехал в Чагфорд, где пробыл почти до самой Пасхи. Корда прислал очень тупого американца по имени Корнелл, с которым мы вместе должны были работать над сценарием к фильму. Его вклад равен нулю, зато мне удалось отредактировать уже написанное, а потом, в Лондоне, продиктовать третий, более длинный вариант сценария. С тех пор от Корда ни слуху ни духу, и я тружусь над романом: материал хорош, а вот композиция пока хромает. Лора дважды ездила в Париж за своим приданым, а я пару раз – в Лондон с ней повидаться. Зачастил к Уиллису: купил у него каминную полку и зеркало, и то и другое в стиле Адама. А также два очень красивых резных пьедестала, которые пристраиваю к книжному шкафу за непомерные деньги.

Я назначен директором «Чепмен-энд-Холл». Инмен [306] произнес речь, и не одну, после чего мне с большой помпой

вручили совершенно бессмысленный набор ножей и вилок. Разослал приглашения на свадьбу: под тем или иным предлогом отказываются почти все. Начинают приходить подарки, в основном низкого качества; исключение – Асквиты: подарили нам превосходные подсвечники и стол. <…>

Неделя в Чагфорде: держу корректуру, пишу статьи для «Нэша» и веду сложнейшую переписку с юристами, архитектором, страховой компанией и т.д. Ворвался в деревенскую лавку, где накупил массу старой мебели, каминных решеток и пр.

Суббота, 17 апреля 1937 года К ранней мессе: д'Арси, Лора, Херберты и Вудрафы. Завтрак в «Сент-Джеймс»: Дуглас и Ф.Ховард; Генри пришел позже. Переоделся, пропустил у Паркина стаканчик – и в церковь, где был обвенчан с Лорой. Прием в Глостер-Гейт. Мальчишник в спальне: Генри, Фрэнсис, Дуглас, Сатро, Пери, Билли, Хьюберт. <…> Бросали рис, в Кройдоне сели в самолет, Оберон и Мэри приехали нас проводить, чуть не опоздали. В самолете Элизабет (Планкет-Грин. – *А. Л.*) и ее чумазый сын. В Париже забрали свадебное платье Лоры, поужинали в Тур д'Аржан (утка под гнетом, лесная земляника), Мюсиньи 14, и минута в минуту сели в «Римский экспресс».

Портофино,

воскресенье, 18 апреля 1937 года

Спал хорошо, Лора – нет. Таможня, паспорта и т.д. – очень суматошно. Ели из бумажного пакета, проехали на запряженном лошадью экипаже из Святой Маргариты в Портофино. Прелестный день, прелестный дом, прелестная жена – чистое счастье.

Понедельник, 3 мая 1937 года Лора в слезах. Санта Кьяри и Дамиано. Комары.

Четверг, 6 мая 1937 года. День Вознесения. Достопримечательности. В «Паоли» отличные cannelloni [307] . С 4.50 до 7.50 футбольный матч в маскарадных костюмах. Лора в восторге. За ужином в подвальчике выпила лишнего, купила кошку (заводную). Оркестр неистовствовал.

Пирс-Корт [308] *,*

пятница, 12 ноября 1937 года

Всякий раз, когда Лора напоминает мне о недавних событиях, которые привели меня в восторг, но про которые я напрочь забыл, я искренне поражаюсь тому, какой дырявой стала моя память. Вот почему я решил в очередной раз попробовать вести дневник ежедневно.

Пошел спать, решив встать пораньше и подготовиться к выступлению. Разбудил меня Поутни, кричавший на коров, однако вместо того чтобы заняться предстоящей речью, я

подремал еще какое-то время, пока меня не позвали. <…> Поездом в Лондон; собирался час-другой посидеть в «Сент-Джеймс» и собраться с мыслями; обнаружил, однако, что Эллвуд все перепутал, и книги Колдер-Маршалла в клубе нет. В результате, вместо клуба пошел в парикмахерскую, а оттуда на книжную выставку позаимствовать экземпляр книги со стенда «Чепмен-энд-Холл». Меня отвели в комнату, где «мне никто не помешает» и где в действительности мешали ежеминутно. То с выставки приходили официальные лица, то репортеры и, наконец, явился Дуглас Вудраф. Поскольку в голове у меня было пусто, я пропустил два полных стаканчика виски; рассчитывал, что спиртное прочистит мозги, оно же их окончательно парализовало. Кончилось тем, что меня проводили в огромный зал, до отказа забитый юными девами, – человек 700, никак не меньше. Заговорил об «идеологии в литературе» и не узнал собственный голос: кто-то другой мямлил и заикался. «Вот бы меня оставили в покое, дали посидеть в тишине и подумать о чем-то другом», – подумал я и вдруг понял, что потерял уйму времени. В одну из жутких пауз я мельком взглянул на часы, увидел, что уже пять, и быстро закончил выступление. Из того, что им говорилось, юные девы не поняли ни слова, но ведь они пришли смотреть, а не слушать. Как бы то ни было, выступление получилось бездарное. Вернулся на стенд «Чепмен-энд-Холл» и подписал с десяток книг – в основном для продажи. Новое издание ценой пять шиллингов – превосходно. <…>

Пятница, 19 ноября 1937 года Сегодня днем, когда работал в саду, со мной произошла необычайно странная вещь: я подпрыгнул, чтобы срезать у себя над головой ветку остролиста, – и получил сильнейший удар в глаз и в нос; судя по всему – собственным кулаком. Необъяснимо. Монах приписал бы случившееся дьявольскому наваждению. Как бы то ни было, боль жуткая, да и синяк во все лицо. Алекс угостил восхитительным вином – «Шато Лафори-Пейраге 1924».

Воскресенье, 21 ноября 1937 года Все захворали. Месса в Дерсли, в Христианском союзе молодых людей. Планировка сада. Мэри уехала вскоре после обеда, и я уснул: вежливость утомительна. Копался в саду, читал воскресные газеты; шахматы.

Вторник, 23 ноября 1937 года Разметил колышками квадратную лужайку перед домом. Опять сел за роман; что-то начинает получаться.

Пятница, 10 декабря 1937 года Отлично выспался, проснулся в прекрасном настроении и, как следствие, целый день не работал; занят был единственно тем, что ублажал Лору.

Понедельник, 10 января 1938 года [309]

<…> Вожусь по дому: пытаюсь без особого успеха пристроить каминную полку в библиотеке, строю буфет в детской спальне, нанял Эванса, одного из плотников мистера Джотчмена, за три фунта пять шиллингов в неделю. В саду посадили плакучий ясень, тюльпанное дерево, лесной бук и дуб с листьями цвета пурпура; его я планирую пересадить еще раз. <…>

Работа над «Сенсацией» идет медленно, все время что-то мешает, отвлекает. Еженедельник «Ночь и день» вот-вот закроется. Мои с ним отношения складывались не лучшим образом. В последнем издании моих произведений дюжина экземпляров напечатана большим форматом, половину я уже раздарил. Умерла герцогиня Ратлендская. О боях в Теруэле [310] поступает разноречивая информация; впрочем, газеты теряют к испанской войне интерес.

Пирс-Корт,

пятница, 30 июня 1939 года

В рецензии, написанной из лучших побуждений и напечатанной в «Дейли мейл», говорится, что «Грабеж по закону» изобилует «отталкивающими историями об аморальности священников и монашек». Повез Диану Купер и Конрада в Стэнкомский грот.

Четверг, 6 июля 1939 года Опять дождь. Опять вожусь с теннисной сеткой.

Четверг, 27 июля 1939 года После двух недель жизни в Пикстоне [311] беру несколько дней отпуска. Каких только гостей не было за это время: сэр Роберт и леди Ходжсоны, сэр Сесил Перейра, всевозможные Аморисы и Хорнерсы, внезапно возникавшие и столь же внезапно исчезавшие. Дети носятся по всему дому, нескончаемый дождь, несъедобная еда, которую подают, когда придется, бесконечные разговоры по телефону, бесконечно меняющиеся планы. Я раз шесть переписал первую главу романа [312] , прежде чем она приобрела сносный вид. <… > В газетах только и пишут о бомбах ИРА, уступках японцам, о нелепой зависимости от русских переговоров [313] .

Пикстон-парк,

четверг, 3 августа 1939 года

Именины Мэри – прошли более или менее успешно. Купил на аукционе за сумасшедшие деньги несколько совершенно не нужных вещей. Домашний механизм дает еще больше сбоев, чем обычно.

Пирс-Корт,

пятница, 4 августа 1939 года

Вернулись домой, где обнаружилось, что из-за дождя все работы в саду остановлены; сорняки высотой с дерево. Прюитт поработал на славу: с помощью сажи уничтожил на кругу всю траву. Сад запущен точно так же, как два года назад, когда мы сюда въехали.

На распродаже библиотеки сэра Чарльза Превоста Кук купил мне переплетенные в телячью кожу проповеди, которые мне не нужны, и два огромных парных портрета Георга III и его супруги, которые повергли меня в смятение. Эти портреты король подарил первому баронету, бывшему губернатору многих подвластных территорий, в том числе и Канады. По всей видимости, они перевозились из одного Дома правительства в другой Дом правительства и в пути сильно пострадали. Новая телефонная служба у всех вызывает неподдельный интерес.

Воскресенье, 6 августа, 1939 года Церковь и лопата.

Воскресенье, 20 августа 1939 года <…> Война, кажется, становится неизбежной. С каждым днем Алек все больше погружен в себя и сосредоточен на своей работе.

Вторник, 22 августа 1939 года Россия и Германия заключили Пакт о ненападении, и теперь откладывать войну нет уже никакого резона.

Четверг, 24 августа 1939 года Днем трудился в саду, чистил дорожку. И думал: зачем я все это делаю? Через несколько месяцев здесь и на теннисном корте я буду выращивать брюкву и картофель. Или уеду отсюда, и тогда все тут зарастет сорной травой, сад станет таким, каким был два года назад, когда мы сюда приехали.

Пятница, 25 августа 1939 года Судя по новостям, на мир рассчитывать не приходится. Призывы Папы до того банальны, что у нас, где никто не сомневается, что мир предпочтительнее войны, они прошли незамеченными. Быть может, в Италии, где не все разделяют эту нехитрую мысль, призывы понтифика будут иметь больший отклик. Написал письмо Бэзилу Дафферину с просьбой связать меня с Министерством информации. У них в Лондоне сейчас, надо полагать, горячие денечки. Трудился над романом – идет неплохо.

Воскресенье, 27 августа 1939 года Обедал с Кристофером Холлисом в Мэллзе. Мейди заботит только одно: как война скажется на ее обязанностях домоправительницы. Приступал к причастию. Склоняюсь к тому, чтобы пойти в армию рядовым. Лорино финансовое положение лучше, чем у большинства жен, а если бы мне удалось сдать на время войны дом, оно бы упрочилось еще больше. Интересно, через тридцать лет я по-прежнему буду писать романы? Для меня как для писателя нет ничего хуже, чем работать в государственном учреждении; и нет ничего лучше, чем полностью изменить образ жизни. Есть символическая разница между тем, кто пошел на фронт солдатом, и тем, кто защищает отечество на гражданской службе, – даже если в этом качестве он представляет бóльшую

ценность.

Пятница, 1 сентября 1939 года

Неделя тянулась очень долго. Домашние держатся на удивление спокойно. Министерство информации от моих услуг отказалось. Написал – скорее, чтобы сделать приятное Лоре, чем рассчитывая на успех, – сэру Роберту Вэнситарту [314] и Джерри Лиделлу. Отдал дом на откуп нескольким агентам. <…> Сегодня сюда должны привезти эвакуированных детей. <…>
Написал эти строки и отправился в дом приходского священника забрать стулья после чаепития в сиротском приюте. Мистер Пейдж только что слушал по радио десятичасовые новости: Германия бомбит Польшу. <…> Слушали радио в машине миссис Листер. Доктор заверил, что эвакуация организована идеально. Детей, однако, нет до сих пор. Появились пустые автобусы. Вслед за ними – полицейский в двухместном автомобиле; сказал, что детей оказалось на 400 человек меньше, и в Стинчком не доставят никого. <…>

Суббота, 2 сентября 1939 года Судя по всему, недостатка в добровольцах вооруженные силы не испытывают. Всё как прежде – вот только до Лондона дозвониться невозможно; ждешь соединения по полтора часа. Готовим дом к приезду ответственных за эвакуацию. Из комнат, которые я им предоставляю, выносим ценные вещи. В одиннадцать узнали, что сегодня эвакуируемых не будет. Тягостный день. Послал в «Таймс» объявление о сдаче дома в аренду; предложил свои услуги через Брюса Локкарта [315] . Позвонил Питерсу; теперь он работает в Министерстве информации. Надеюсь, что поможет мне устроиться. Вечером прибыло некоторое количество матерей и детей. Ходили в кино в Дерсли; в новостях над Болдуином [316] открыто потешались. Начал действовать приказ о затемнении. Нас дважды останавливали и предупреждали, что следует выключить фары.

Воскресенье, 3 сентября 1939 года Месса и причастие. После завтрака выступление премьер-министра [317] : война началась. Говорил очень хорошо. Вслед за выступлением всевозможные меры безопасности: закрытие развлекательных заведений, предупреждения о воздушной тревоге и т.д. На чердак своей конюшни мистер Пейдж пустил нищенку; она беременна, четверо детей. Принесли ей кровать и кое-что из одежды. Сидит за столом в слезах, а Пейдж безуспешно пытается продеть через перила проволоку, чтобы дети, за которыми мать не следит, не свалились вниз. По деревне бродят небольшими группами малыши; вид унылый, потерянный.

Понедельник, 4 сентября 1939 года Среди эвакуированных

есть люди, которые думают, что спасаются от ИРА. Есть и такие, кто крайне недоволен незначительной материальной поддержкой правительства, эти в раздражении возвращаются домой. Однако большинство устраивается на новых местах. Сейчас стало понятно, что нас их размещение не коснется. Вежливая записка от Вэнситарта – препоручает меня лорду Перту [318] . Пишу длинные письма Перту и Питерсу, объясняю, что мог бы осуществлять связь с иностранными военными корреспондентами. Провожу операцию по установлению готической балюстрады. Особенно тягостно вечерами; сидим за закрытыми ставнями: полиция восприняла приказ о затемнении слишком буквально: владельцев домов отчитывают за самую крошечную полоску света, которую и на бреющем полете не углядишь.

Четверг, 7 сентября 1939 года В газетах как-то вдруг стало совершенно нечего читать. Письмо от лорда Перта; пишет, чтобы я ждал указаний. Власти окончательно помешались на затемнении. Бампер машины закрасил белилами, черной краской – фары. Приходили смотреть дом.

Воскресенье, 17 сентября 1939 года <…> Последние дни очень тягостны. Все идет к тому, что Великобритании будет нанесен совместный удар Россией, Германией и Японией, а возможно, и Италией; Франция будет перекуплена, Соединенные же Штаты будут сочувственно наблюдать за происходящим из-за океана. Если бы мне не надо было копаться в саду, умер бы со скуки.

Понедельник, 25 сентября 1939 года Монашки доминиканского ордена подтвердили: берут наш дом с первого октября. Весь день готовлю сад и дом. Газеты смакуют захват русскими польских земель на востоке, как будто для наших союзников, которых мы призваны защищать, это более тяжелый удар, чем наступление немцев на западе. На довод итальянцев, что мы, дескать, сами себя наказали, не объявив войну России, ответить нечего.

Вторник, 26 сентября 1939 года Явились две монашки: сестра Тереза, ее мы уже видели, и еще одна – повариха, робкая и болезненная. Не успели прийти, как тут же стали добиваться дополнительных выгод: позвольте нам въехать не в воскресенье, когда мы начнем платить аренду, а в пятницу; дайте до воскресенья двум нашим сестрам пожить бесплатно; давайте мы купим у вас ваши запасы не по розничной, а по оптовой цене и т.д. Телефонный звонок: у епископа возникли трудности, и сделка в самый последний момент может сорваться. Крайне утомительные посетительницы.

Лондон,
вторник, 17 октября 1939 года

Ездил в Адмиралтейство – работает как часы. Видел Флеминга [319] ; сообщил мне, что в ближайшее время мои шансы получить назначение невелики. При этом обнадежил: «Вы в моем списке». Из Адмиралтейства – в Министерство обороны, где царит полная сумятица. Центральный коридор – как железнодорожный вокзал во время отпусков. Безостановочно снуют мужчины и женщины в форме и в штатском. Нескольких офицеров, точно носильщиков, со всех сторон забрасывают вопросами. Один офицер сообщил мне, что единственный способ попасть наверх – выйти на улицу и, позвонив по телефону, заручиться пропуском. Так я и поступил: звонил и одновременно стригся. Принял меня какой-то безумный юнец, представившийся капитаном Веррекером. Просидел у него в кабинете полчаса, присматриваясь к работе его департамента. Кроме капитана в комнате еще двое. За это время не было ни одного телефонного и нетелефонного разговора, где бы речь ни шла либо о потерянных документах, либо о нарушении телефонной связи. Потерялось, кстати сказать, и мое письмо тоже. И вот наступил драматический момент:

– Представитель северного командования у телефона. – Сказано в состоянии крайнего возмущения.

Симпсон расхаживает в штатском, да к тому же еще в нарукавниках.

Выяснил, что работы для меня нет, и пошел в «Сент-Джеймс», где съел полдюжины устриц, половинку тетерева, целую куропатку и персик и выпил полбутылки белого вина и полбутылки «Поне-Кане» 1924 года. С этого момента день пошел по восходящей. Вечеринка с коктейлями у Майкла Росса. Затемнение и в самом деле чудовищно; только и разговоров об уличных происшествиях: ночной сторож в «Сент-Джеймс» рухнул с крыльца, любовница Сирила Коннолли охромела, и теперь Сирилу ничего не остается, как вернуться к жене. <…>

Пикстон-парк,
среда, 18 октября 1939 года

Отправился к Валлийским гвардейцам, где два чудесных офицера весьма преклонных лет провели со мной собеседование и меня приняли. Говорят, что через полгода смогут мне что-нибудь предложить. Немного успокоившись, вернулся в Пикстон, где был встречен свежей порослью вшей.

Суббота, 21 октября 1939 года

Письмо от Валлийских гвардейцев: их список пересмотрен, и я в него не вошел. Моя первая мысль: в Министерстве обороны

есть кто-то, кто меня недолюбливает. Вторая мысль: полковник Литэм по своей мягкосердечности раздает назначения налево и направо, за что получил выговор. В любом случае больше мне рассчитывать не на что. Вечером испытал на себе новое снотворное зелье, изобретенное местным эскулапом. Впоследствии эскулап признался, что давал его женщинам, у которых начинались родовые схватки.

Спал хорошо, но проснулся на пределе отчаяния.

Отель «Истон-Корт», Чагфорд,

понедельник, 23 октября 1939 года

Проснулся в еще более подавленном состоянии, чем накануне. Осмотрев Лору, доктор сказал, что ребенок родится через месяц. Поэтому решил уехать в Чагфорд в надежде закончить (или почти закончить) роман до того, как придется забирать Лору из Пикстона. Поехал поездом. <…> Отель пуст, если не считать нервной, очень приветливой пары; они так часто заводят разговор про евреев и беженцев, что, должно быть, сами евреи.

Вторник, 24 октября 1939 года Писал все утро. Вторая глава уже на что-то похожа, главное же – полно идей. После обеда долго гулял в одиночестве. А потом немного работал опять.

Среда, 25 октября 1939 года Днем восьмимильная прогулка. Абсурдное письмо в «Таймс» Герберта Уэллса. Предлагает сочинить *новую* Декларацию прав человека, что, во-первых, глупо, во-вторых, вредно. Дает банальные практические советы вроде «Никакой касторки», пишет о необходимости создать Хартию туриста, в основе которой «бережное отношение к природе».

Пятница, 27 октября 1939 года Работалось хорошо. Идут разговоры о немецком вторжении.

День Всех святых, 1939 год

Дождь идет не переставая третий день, и, как следствие, роман пишется хорошо, а сплю плохо. Проснувшись сегодня утром, сказал себе: «Ну вот, спал же!» Взял рукопись романа с собой в спальню из страха, как бы ночью она не сгорела. По правде сказать, так им увлекся, что впервые с начала войны не ворчу, что не попал в армию. А раз так, назначение получу в самое ближайшее время, не иначе.

Говорят: «В прошлой войне генералы усвоили урок, поэтому на этот раз массовой резни не будет». Спрашивается, а как добиться победы без массовой резни?

Пятница, 17 ноября 1939 года

Дважды побывал у Лоры в Пикстоне, воспользовавшись отъездом Мэри и Габриэл в Лондон. Ели в гостиницах по соседству: плохо – в «Карнавроне», лучше – в «Лэме», лучше же всего – в пансионе «Грин», где запах, как в трущобах, а стулья –

подлинный «Чиппендейл». Останусь здесь до родов. Добился, что в Министерстве обороны мне присвоили номер в Специальных резервных войсках; кроме того, вторично подаю заявление в лейб-гвардию. Благодаря ходатайству Уинстона Черчилля, Бракена и бывшего генерал-адъютанта мне прислали из морской пехоты анкету, в чем раньше отказывали. Так что, вполне возможно, еще повоюем.

Написал еще 6000 слов романа и соответственно лишился сна: чем лучше работается, тем хуже спится. В субботу и воскресенье прошли слухи, что немцы вот-вот вторгнутся в Голландию, однако после выходных военные действия вновь ограничиваются разведовательными полетами. Вступил в переговоры с «Чепмен-энд-Холл», Осбертом Ситуэллом и Дэвидом Сесилем о выпуске еженедельного журнала «Срок».

В этом году 11 ноября двухминутным молчанием не отмечалось. Помню почти все Дни перемирия. Первый – когда в школе несколько часов подряд творилось бог знает что, и нам по случаю праздника выдали к чаю заливное, которое мы терпеть не могли. Второй – когда двухминутное молчание было еще в новинку, воспринималось благоговейно, и дирижер школьного оркестра исполнил в Верхнем дворе «Последний рубеж». Помню этот день в Оксфорде: мы с Хьюго Лайгоном пьем шампанское в «Клубе новой реформы». В Астон-Клинтоне директор отказался устраивать двухминутное молчание, и некоторые ученики, чьи отцы погибли на войне, попросили меня этот день отметить. А в Абиссинии Стир выставил армянина из посольской часовни.

Далвертон,
суббота, 18 ноября 1939 года

В девять позвонила Бриджет: «Рожает!» Выехал на машине в Пикстон. Приехал после обеда; Лоре дали морфий: весела и боли почти не испытывает. К вечеру ей стало хуже, и местный доктор обратился за помощью в Тивертон. Вскоре после полуночи у меня родился сын.

Воскресенье, 19 ноября 1939 года Никогда Лоре не бывать такой счастливой, как сегодня.

Среда, 22 ноября 1939 года Последние несколько дней Лора пребывает в полном благорастворении. Ее клонит ко сну, она радуется жизни. Живу в деревне, в пансионе, где среди женщин распространился слух, будто в пятницу вечером я был навеселе. Из морской пехоты пришла длинная анкета; один из вопросов: страдаю ли я хроническим недержанием. Весьма вероятно, что именно в морскую пехоту меня и зачислят.

Суббота, 25 ноября 1939 года Пошел на медкомиссию – проходила в квартире в Сент-Джеймсе. В крошечной комнатке

ждали своей очереди три-четыре юнца и два красавчика уже в военно-морской форме – проходили тщательное обследование для зачисления в морскую авиацию. В поношенных белых халатах, с сигаретами в зубах входили и выходили врачи. Начал я с того, что проверил зрение, – итог печальный. Когда меня попросили, закрыв один глаз, прочесть на расстоянии таблицу, я не разобрал не только букв, но и строчек. Ничего не оставалось, как подсмотреть. Потом вошел в соседнюю комнату, где врач мне сказал: «Ну-ка посмотрим, каким вас мама родила. А сутулый-то какой! Зубные протезы носите?» И постучал меня молоточком по разным частям тела. Когда я оделся, мне вручили запечатанный конверт, который я должен был передать в Адмиралтейство. В такси конверт распечатал, нашел записку, где говорилось, что я обследован и признан к военной службе не годным. После такого вердикта проходить собеседование едва ли стоило. Я тем не менее на собеседование явился и обнаружил в приемной тех же самых юнцов. Внутрь они входили порознь, нервной походкой, а наружу вышли все вместе. Наконец пришел мой черед. Полковник (?) в хаки был со мной крайне любезен, извинился, что заставил ждать, и тут меня осенило: я принят! «Врачи, – изрек он, – не самого высокого мнения о вашем зрении. Можете прочесть?» И он ткнул пальцем в рекламный щит на противоположной стороне улицы. Я прочел. «А впрочем, задания вы будете большей частью выполнять в темноте». И он предложил мне на выбор либо морскую пехоту, призванную осуществлять внезапное нападение на противника, либо зенитную артиллерию на Шетландских островах. Свой выбор я остановил на морской пехоте и ушел в отличном расположении духа. <…>

Вторник, 28 ноября 1939 года

Лоре полегчало. <…> Все последние дни в Пикстоне я неотлучно провел в ее комнате, там и ел, и решал кроссворд, и читал вслух, и наблюдал за тем, как жене медленно, но ощутимо становится лучше. Новости в основном поступают из Финляндии. «Дейли экспресс» решила опередить события: уже на второй день русско-финской войны газета вышла с огромным заголовком: «Финляндия капитулирует». Этот заголовок, а также заголовок из «Дейли миррор»: «“Линия Зигфрида” прорвана в двенадцати местах» – идеальные примеры неподцензурной журналистики.

<…> На следующий день – в Чатэм; еду в штатском. В поезде узнал человека, с которым вместе проходил медкомиссию: высокий, лысый адвокат из Плимута по фамилии Беннетт. Такому только и служить в морской пехоте – любит плавать под парусами. Повстречав других кандидатов, мы были потрясены: из 2000 претендентов нас осталось всего 12, и трудно было

представить себе зрелище более жалкое. Тихий, незаметный бухгалтер Сент-Джон: претензия на высокий интеллект; слабый мочевой пузырь. Мертвенно-бледный молодой человек из Северного Уэльса по имени Гриффитс с пышными кавалерийскими усами. Этот Гриффитс потряс подавальщиков в столовой тем, что в любое время суток пил галлонами горячую воду и требовал французскую горчицу; в мирное время он был школьным учителем. Виноторговец Хэдли – холерического вида толстяк. И это еще самые лучшие. Остальные – скорбного вида юнцы в офицерском звании. Странно было видеть подобные экземпляры в отборных частях, призванных быть несокрушимыми. Регулярные же морские пехотинцы – чудесные люди, которые кичатся своей неизвестностью: «Откуда вы про нас услышали?» Приняли нас совсем не так, как написано в книге, которую Бриджет дала мне почитать для поднятия настроения. Старшие офицеры приветствовали нас, как приветствуют гостей смущенные хозяева с массой извинений за неудобства. И с поистине восточной учтивостью: «Не соблаговолит ли почтенный младший лейтенант отведать нашей скромной трапезы в обществе нерадивого бригад-майора». Впрочем, их учтивость, как и всякая восточная учтивость, основана на самоуверенности. Казармы и столовая оставляют очень хорошее впечатление. У меня большая комната с большим камином и одной третью нерадивого вестового. По стенам столовой развешаны трофеи, лучшие же картины и серебро на время войны заперты. Еда превосходна. Без развлечений не проходит и дня. В день нашего вступления в морскую пехоту мы не трудились ни минуты; сначала долго гуляли в тумане по Чатэму и Рочестеру, а потом сидели в столовой и пили виски, которым угощали нас старшие офицеры. На следующий день к нам обратились с речью командующий и другие официальные лица. «Когда мы садимся за общий стол, джентльмены, о различии в званиях следует забыть. От вас требуется только одно – уважение к возрасту». Поскольку я старше большинства офицеров, мне эта мысль полюбилась. Над нами взяли шефство некий майор Блендфорд, человек большой души, и славный сержант Фуллер, который строго блюдет честь мундира. По многу часов в день мы возились с военным снаряжением, по многу раз проходили через камеры с ядовитым газом и т.д. В субботу утром нас некоторое время муштровали, а потом повели в казармы. После обеда поехал в Лондон и переночевал в Хайгейте. В воскресенье ходил к мессе на Фарм-стрит, обедал с Хьюбертом и Филлис в «Куальино». Прошло совсем ведь немного времени, а уже странно слышать, как кто-то рассуждает о войне, исходя из общих соображений. В «Куальино»

полно знакомых – почти все в военной форме. Обратно – в туман и в затемнение, чтобы поспеть к ужину за общим столом и на фильм в гарнизонный кинотеатр.

Военные годы [320]

Чатэм,
понедельник, 11 декабря 1939 года

Первый «рабочий день»; плохо переносима только физическая подготовка. Бóльшая часть времени, как обычно, уходит впустую: слонялись без дела.

Вторник, 12 декабря 1939 года Завтрак – 7.30; построение – 8.15; строевая подготовка, обход интендантских служб. Узнал много нового – как, например, отличить кошку от кролика по числу ребер. 10.45–военно-уголовное право; 11.45–физическая подготовка с унизительными играми; игры призваны поднять дух, в действительности же лишают нас человеческого достоинства. Обед. Построение – 2.30 и СП до четырех, после чего весь взвод дружно засыпает в креслах, за исключением инициативных клерков, которые, дабы снискать расположение сержанта, лишают его положенного ему отдыха и с пяти до шести занимаются дополнительной строевой подготовкой. <…>

Пикстон-парк,
суббота, 23 декабря —
воскресенье, 31 декабря 1939 года

Восьмидневный рождественский отпуск в Пикстоне; собачий холод. Лора начинает понемногу выходить. Едим отдельно – либо наверху, либо в гостиной Бриджет. Дети – наши и эвакуированные – вездесущи. <…> Финны пока сопротивляются; связываем с ними неосуществимые надежды.

Тренировочный лагерь в Кингсдауне, графство Кент, четверг, 18 января 1940 года

Сижу в клубе «Дил-Уолмер Юнион клаб». Последние дни в Чатэме прошли чудесно. В омерзительном тире в Грейвзэнде проявил себя с самой худшей стороны. Стрелять из револьвера с такого близкого расстояния, что разглядеть мишень смог даже я, у меня получалось лучше. На выходные ездил в Лондон, остановился у Тома Бернса. Бернс живет в вымышленном мире Министерства информации, где считается, что единственная на сегодняшний день проблема – это сменить в Германии правительство, причем незамедлительно и бескровно. Только и разговоров об отставке Белиши [321] ; люди преклонного возраста и благородного происхождения ликуют, молодые и плебеи возмущаются. <…>

В Кингсдаун прибыли, когда уже стемнело, и обнаружили брошенную викторианскую виллу в окружении маленьких асбестовых коттеджей, в которых летом селятся туристы. Одна

ванная на шестьдесят человек, один умывальник, туалеты, все как один, обледенели, те же, что на вилле, – без стульчаков. Ковров нет, шум, холод. У одной комнаты нежилой вид из-за пинг-понгового стола, у другой – из-за радиоприемника. В спальне нас пятеро, нет даже вешалки, за которой можно скрыться. Офицеры из Дила, Портсмута и Плимута так на нас похожи, что кажется, будто мы смотрим на себя в зеркало. Утром первого дня нам прочитали ряд лекций; читал их в основном командир бригады Сент-Клер Морфорд; выглядит он так, будто только вчера убежал из тюрьмы Синг-Синг, а говорит, как четвероклассник; зубы у него, как у горностая, уши, как у фавна, глаза горят, как у ребенка, играющего в пиратов. «Мы должны им как следует всыпать, джентльмены». Одних он пугает, других гипнотизирует. <…>

Утро вторника провели среди известковых холмов, под густым снегом, решая незамысловатые тактические задачи; впрочем, мне и они не под силу. После обеда нам прочли еще одну лекцию, а потом шли строем и сквозь пургу увидели перед собой в открытом поле отхожие места. Я въехал в свой коттедж в надежде насладиться уединением, но всю ночь мерз, несмотря на меховой плед и масляный нагреватель. Нелегко приходится морской пехоте. <…>

Четверг, 15 февраля 1940 года В пятницу 16-го, по окончании практических занятий, переезжаем в Бизли в полной уверенности, что, как бы ни был плох Бизли, хуже, чем в Кингсдауне нам не будет. С 28 января живу с Лорой в отеле «Лебедь» и с каждым днем теряю связь с лагерем все больше и больше. Из лагеря в отель переехал по примеру старших офицеров. Кингсдаун-Хаус подействовал на всех угнетающе. В охватившей нас апатии не последнюю роль, конечно, сыграли и мороз со снегом. Бригаде, одним словом, здорово не повезло, ведь, когда мы покидали свои подразделения, нас заботила честь мундира. Я заметил, что у всех словно бы притупились чувства, зато в полной мере заявили о себе радиоприемник и стол для пинг-понга. Вилла вселяет такое уныние, что у молодых офицеров, да и у тех, кто постарше, возникают проблемы с деньгами: жить вне лагеря мы имеем право, только если снимем номер в гостинице или поселимся в местном клубе. Все делается кое-как. Счета за еду неоправданно растут, зато обещанное женатым офицерам денежное пособие к зарплате почему-то не прибавляют. Да и снабжение продовольствием оставляет желать лучшего, рекомендации же по улучшению снабжения, внесенные продовольственной комиссией, своего действия не возымели и уже через пару дней были забыты. Хуже же всего то, что по инициативе сверху ничего не делается,

чтобы нам лучше жилось; всего приходится добиваться снизу. Майор Тик, если на него надавить, проявляет очень неплохие деловые качества, однако сам, по собственному почину, не сделает ничего. Вот почему все смеются, когда слышат о «человеческом факторе». Вся беда в том, что до нас никому нет дела; когда бригада будет сформирована, все изменится. Пока же вспыхнувший было искренний энтузиазм гаснет.

Бизли,

понедельник, 26 февраля 1940 года

На прошедшие выходные решил из экономии остаться в лагере. В четверг, когда мы разбирали в палатке пулемет «брен», явился бригадир и сообщил Мессер-Беннеттсу, что в субботу мы обедаем у него. Заехал за нами на машине в 12.30 и привез на сильно траченную временем виллу тюдоровских времен. Я спросил в шутку, сам ли он ее построил. «Построил?! Я?! Да этому дому лет пятьсот». Такое начало ничего хорошего не сулило. Когда злится, бригадир не краснеет, а бледнеет, лицо приобретает какой-то свинцово-серый оттенок. Изнутри вилла свидетельствовала о том, что перестроена она из старого коттеджа. Миссис Морфорд хороша собой и неглупа. Ее жизнь с бригадиром складывается, судя по всему, несколько необычно. Она с нескрываемым удовольствием сообщила нам, что прошлой ночью ей пришлось несколько раз вставать к больному ребенку, и всякий раз бригадир по-свойски над ней подшучивал: перед ее возвращением ставил на дверь их спальни пару сапог. «Женщина, сигареты!» – кричал он, и она с радостью бежала исполнять приказ. Почти все воспоминания четы Морфорд – это либо истории о том, когда и за что бригадир кого наказал, либо описание несчастных случаев во время отпусков, которые бригадир имел обыкновение проводить с риском для жизни. После обеда отправились на прогулку вокруг Саттон-Плейс; погода и места – выше всяких похвал. Бригадир пожаловался, что война лишила его хоккея. «Гольф и теннис (в котором преуспела его супруга) хоккею в подметки не годятся. Вот игровые виды спорта – дело другое. В прошлую войну я играл в своей роте на месте полусреднего. Вот это, я понимаю, игра! Помогает держать людей в узде. Уж я-то своих людей держал крепко. Если мне приводили провинившегося, я ему говорил: «Выбирай: или военно-полевой суд, или сам тебя накажу!» И они всегда предпочитали, чтобы наказывал их я. Всыплю от души десяток-другой розог, и хорош. Моя рота считалась в полку образцовой». <…>

После чая бригадир достал книгу стихов и рисунков, которую они с женой сочинили и проиллюстрировали в подражание «Сказкам

просто так» [322] . Пришлось прочесть все стихи до одного, слушая у себя за спиной хриплое дыхание бригадира. Во многих стихах говорилось о том, как будить людей по утрам, смачивая им лица мокрой губкой. «С Айвором, братом жены, и не такое бывало», – заявил он после чтения. К ужину пришли несколько майоров со своими спутницами жизни; все жены были иностранками – совпадение, которое бригадир не преминул отметить: «Эти женушки офицеров морской пехоты – дело особое. Одна русская, другая шведка, третья немка. На днях в разговоре с одной ирландкой я прошелся насчет шведов. “Все они скунсы”, – говорю. – Обозлилась». Наелись и напились. Абажуры и салфетки миссис Морфорд расписала собственноручно; одни – японскими цветами, другие – фонариками. <…>

Бизли,

пятница, 10 мая 1940 года

Вторжение в Голландию, Бельгию и Люксембург воспринято в лагере с удовлетворением. «Проснулись!» Отпуска на выходные отменены. Четвертая рота [323] на ночных маневрах; ночь темнее обычного, к тому же операция на незнакомой местности. Предложил в качестве эксперимента новых командиров взводов, долго объяснял, что это всего лишь эксперимент и ничего общего с повышением в должности не имеет. Операция прошла беспорядочно и в замедленном темпе; в лагерь вернулся в полночь.

Вторник, 14 мая 1940 года Был в лагере, но утром сбежал еще раз проститься с Лорой. Из-за неотложных, поступающих непрерывно приказов планомерные учения невозможны. В третьей роте раскрыта педерастия.

Пятница, 17 мая 1940 года Побудка в 3.30. Из лагеря – в 6.30. Обратно – в девятом часу. Все сонные. Жаркий день. Тяжба между Кованом и Ньюменом из-за вестового; военно-полевой суд. Линия обороны французов прорвана танками. Никто не расстроен.

Воскресенье, 19 мая 1940 года Месса в 9.15 в Пербрайте. После нее сидел на солнце за общим столом у гвардейцев, пил пиво, наблюдал за игрой в крокет и беседовал об исключительной серьезности создавшегося положения. В лагерь – на футбольный матч, который мы выиграли. В расположении пятого батальона повстречал бригадира. Сказал мне, что поражение французы потерпели потому, что немцы разбомбили с самолетов их артиллерию. Французы, говорит, давно бы сдались, если б Черчилль их не подбодрил: «Не можете остановить их танки? Но выходят же иногда танкисты по нужде, верно? Вот тогда и перестреляйте их всех до одного». По всей вероятности, этот простой совет так воодушевил французов, что сдаваться они

раздумали. <…>

Среда, 22 мая 1940 года Всю ночь и утро сильный дождь. Лора вернулась в Стритс-коттедж. Читал своей роте лекцию о международном положении и так разволновался, что договорил с трудом.

Суббота, 25 мая 1940 года В субботу, в середине дня, отправились с Лорой в Олтон, в «Лебедь», провести романтический уик-энд. Прелестный городок: отсутствуют не только военные, но даже крепкие молодые люди призывного возраста. В отеле растения в кадках и массивная старинная мебель. Ходили в церковь, читали Вудхауса (который потерялся в одном из прибрежных французских городков [324]) и, совершенно забыв про войну, смотрели, как старики в панамах гоняют на кегельбане шары. <…>

Вторник, 28 мая 1940 года Вызван в Лондон. По приезде читал в газетах про капитуляцию Бельгии и смотрел, как женщины торгуют флажками ко Дню животных. Постригся, обзавелся новыми брюками. Поехал в Министерство информации, где Грэм Грин поделился со мной идеей: приписать к вооруженным силам своих, официальных писателей. Сам же хочет в морскую пехоту, и Барнс – тоже. Сказал Грину, что идея, может, и неплохая, но при условии, что на Востоке мы будем постоянно держать оборону, а я окажусь к службе в армии непригоден. Вернувшись, обнаружил, что рота пребывает в большой тоске. Командующий ездил в Олдершот и получил приказ подготовить людей к участию в экспедиционных вылазках, для чего поднять их боевой дух.

Славный день 1 июня 1940 года [325]

Конец невеселой недели, ставшей еще более невеселой из-за противотифозной прививки, повергшей лагерь в самое мрачное расположение духа. У некоторых, стоило им сделать укол, начиналась истерика, и они теряли сознание. Маневры прошли на редкость вяло, а ночные учения и вспомнить стыдно. Только и разговоров об угрожающей нам «смертельной опасности». Дафф (министр информации. – *А. Л.*) подает новости умно: воспевает героизм, которым сопровождалась сдача портов в Ла-Манше. На следующую неделю запланированы учения в арктических условиях. Переброс частей в Хэвент отменен. <…>

Вернувшись после безмятежного пребывания в Олтоне, узнал, что застрелился солдат из моей роты. Оставил адресованную командованию записку, где просит извинения за «хлопоты» и пишет, что очень хотел стать капралом – назначение, которое я ему сулил. Боится, как бы выпущенная им пуля никого не ранила. Санитары-носильщики, увидев кровь впервые в жизни, отказались

выполнять свои обязанности. Последствия самоубийства растянулись на целую неделю. Было проведено расследование, после чего состоялись похороны с воинскими почестями. Сержанты развлекали родственников погибшего. Похороны прошли спокойно. Жившие с самоубийцей в одной палатке переезжать в другую желания не выразили. Боевые патроны покойник хранил у себя с Чатэма.

Пемброк,

четверг, 4 июля 1940 года

Получили назначение в Хейверфордвест. Отъезд сопровождался привычной и никому не нужной спешкой. Батальон был выведен из лагеря в четыре утра, а потом до полудня простоял без движения. Кухня уже неделю не работает, и нас кормят, когда придется, мясными консервами и печеньем; капрал же, стоящий во главе провиантской службы, запил и ворует. Долгая дорога и позднее прибытие. В темноте заселились в неосвещенные, грязные квартиры. Всеобщее уныние. При дневном свете город предстал удивительным красавцем; жители добродушны и гостеприимны, квартиры, где мы разместились, приведены в порядок. Самое лучшее жилье заняла четвертая рота. Учения завершились, и мы приготовились к десяти дням райской жизни. <…> Бригадир издал приказ, запрещающий нашим женам следовать за нами, однако полковник этот приказ отменил, и я, не мешкая, отбил телеграмму Лоре; приехала в понедельник вечером и сняла вполне приличный номер в местной гостинице «Замок». День в расположении батальона начинался рано, и с двух часов дня до восьми утра я был свободен и мог жить в свое удовольствие. В конце недели поступил приказ покинуть город, в воскресенье утром выступили в Нейланд-Ферри и погрузились на маленький грязный корабль «Леди из Мэнна», где несколько дней ютились в невероятной тесноте в ожидании отплытия «не позднее чем через шесть часов». Еще одно судно, «Сент-Бриак», подошло к нам, и часть людей перебрались на него, после чего стало не так тесно. Лора приехала в Пемброк, но толком видеться мы все равно не могли – город и гостиница для жилья непригодны, и я отослал ее обратно в Пикстон. <…>

Дабл-Бойз,

Корнуолл, среда 17 июля 1940 года

Командование производит «оценку» ирландского берега на предмет обстрела из минометов и противотанковых винтовок; запасы погрузят только в субботу; отдан приказ подготовиться к срочной высадке в районе Плимута. Командир полка предпринял непродуманную попытку совместить стрелковые учения с разгрузкой; в результате преодолели тринадцать миль походным

маршем, дошли до какой-то деревни, где не нашлось ни капли питьевой воды, три четверти часа вели огонь по мишеням, прошли то же расстояние обратно и, по прибытии, получили нагоняй за неслаженность действий. Высадка планировалась – как, впрочем, и все наши передвижения – на редкость бестолково и суматошно. Старшие офицеры пьют без просыпу. После вполне необременительного ночного путешествия прибыли в Дабл-Бойз близ Лискерда. Вызвал к себе Лору, но повидаться не удалось. Наша задача – оборона Лискерда, вот только не вполне понятно, кому взбредет в голову его атаковать. Даже командир полка говорит, что не может избавиться от ощущения нереальности происходящего. <…>

«Уайтсэнд-Бей»,
вторник, 6 августа 1940 года

Проведя десять дней в Дабл-Бойзе, растратив на оборону Лискерда непомерное количество фунтов стерлингов и еще больше – бьющей через край энергии морских пехотинцев, мы неожиданно получили приказ передислоцироваться на побережье и отправить двадцать процентов боевого состава в увольнение на двое суток. Эти двое суток при желании можно было провести дома, и люди, не обременяя себя напрасными поисками расписания поездов, разъехались по всей стране. Мы же, а также вторая и четвертая роты перебрались в гостиницу «Уайтсэнд-Бей», в которой и одной роте было бы тесновато. Из-за кухонной плиты фирмы «Ага» повздорил с полковником. Вселились в гостиницу и приступили к обороне побережья; четвертая рота расположилась в четырех милях от нас.

В увольнение уехал 30-го. Время пролетело незаметно. Ночь провел в Пикстоне, куда поехали на машине. Дочь нежна и ласкова, сын несговорчив и груб. Поездом в Лондон; ужин с родителями.

Даундерри,
17 августа 1940 года

Утром, покинув расположение роты, – в Бейк-Хаус. Заседание военно-полевого суда началось поздно и закончилось рано; улизнуть удалось только в четыре. Морского пехотинца Морли привлекли к суду за то, что он заснул на часах, и свою вину подсудимый не отрицал. Однако я, из дружеских чувств, взялся его защищать; засвидетельствовал, сославшись на медицинское обследование, что у него синусит и что его поведение на посту – это подтвердил и сержант – сопровождалось сильнейшей головной болью. Представил также свидетельство, что спал он, как мертвый, и не проснулся бы даже с появлением дежурного офицера. Заранее подучил его сказать в свое оправдание, что он

«задремал», и был потрясен решением суда признать Морли виновным; оглашен приговор будет позднее. <…>

Беркенхед,

воскресенье, 18 августа 1940 года

<…> В Беркенхед прибыли в семь вечера; ничего не ели, если не считать того, что удалось в спешке и суете купить в Крю. Все это время тащили на себе неприкосновенный запас, состоящий из хлеба, маргарина и солонины; Тик, старший по поезду, пользоваться продуктовым пайком не разрешил. В Беркенхеде нас поджидал «Эттрик» – великолепный, новенький с иголочки транспортный пароход для перевозки войск – от щедрот Белиши. На борт поднялись лишь после переклички и погрузки багажа и боевой техники. Были накормлены только после десяти, а потом еще до полуночи грузились. <…>

Среда, 21 августа 1940 года Отплыть должны были еще накануне, но задержались с погрузкой – пришлось перекладывать уже сложенное. В последнюю минуту выяснилось, что моторные лодки заправляются не бензином, а соляркой. К нам присоединяется рота третьего батальона, а рота пятого поплывет другим пароходом. Кого только не встретишь на борту: какой-то таинственный драгун в зеленых штанах – говорят, шифровальщик, офицеры общевойсковых и мобильных соединений, саперы, связисты, бессчетное число врачей. Оружие и боеприпасы в полнейшем беспорядке. На один револьвер всего по пять патронов. В четвертой роте не хватает десяти боекомплектов: ищем, сбились с ног. В столовых темно и людно. Долго беседовал с полковником о своих планах; расстались (если расстались) друзьями. Майор Тик отрастил усы. Перераспределение общих столов и кают. Всюду гражданские в военной форме. Толку от них не больше, чем от солдат. Поразительное отсутствие любопытства к цели нашей экспедиции. Поговаривают, что предстоит высадка десанта с боем.

Пятница, 23 августа 1940 года Объявлено: отплываем в 11.00. В 11.30 новое объявление: из-за штормового ветра из гавани выходить не рекомендуется. Раздаются увольнительные. Настроение приподнятое; всеобщее веселье, пьянка. Военная цензура то вводится, то отменяется. Власти понимают: скрыть тот очевидный факт, что морская пехота в Ливерпуле, невозможно. Более подробная информация отсутствует. По словам бригадира, москитные сетки при погрузке положены на самое дно. Прошел слух, что мы – резервный батальон резервной бригады. В два часа еще один слух: отплываем ночью. Увольнительные отменены. В четыре увольнительные разрешены. Вышел на берег, нашел

католическую церковь, исповедался, купил себе шорты, пошел в кино посмотреть новости, пообедал в ресторане «Крокодил»: наглая барменша, скудный и дорогой обед. Ко мне присоединился Майкл М.Б. Отправились в театр: очень смешные клоуны в шоу «Деньги на бочку». Из театра – ужинать в «Адельфи»; французский ресторан до отказа забит морской пехотой.

Суббота, 24 августа 1940 года <…> Мне предложено на выбор: 1. В Скапа, нашем первом пункте назначения, сойти с парохода и вернуться в расположение дивизии для перевода в диверсионно-десантные войска; 2. Стать офицером разведки бригады; 3. Стать офицером батальонной разведки; 4. Стать зам. командира четвертой роты. Остановился, хоть и не сразу, на варианте номер три: во-первых, не хочу покидать батальон перед боевыми действиями, а во-вторых, вариант номер четыре означал бы, что Фаррер вновь становится младшим офицером, что заслуженно, но малоприятно. Возникают некоторые сложности с моим чином, но решили, что, ввиду предстоящих потерь, смогу оставаться капитаном «без места». Похоже, задачи, которые теперь перед нами ставятся, будут более скромными и потребуют меньше времени. Что-то сомневаюсь, чтобы мы пошли в тропики. Отплыли в десять. Вышли в море и двинулись в конвое. Пять миноносцев. В шесть сбросили глубинные бомбы – без видимого результата. Холодно, серо, безветренно.

Скапа-Флоу – Фритаун,
суббота, 31 августа 1940 года

Отплыли около одиннадцати; дождь, туман, сильный встречный ветер, на море волнение. В письмах солдат женам и подругам только одно слово: «ЦЕЛЮ» («Целую, люблю»). Или: «ЦЕННО» («Целую нежно»).

Понедельник, 2 сентября 1940 года Ветер немного стих. Идут разговоры, что вокруг шныряют подводные лодки. Работаю над батальонным «Военным дневником». Сочли, что мой развед. отчет не вписывается в отчет дивизии. Впал в немилость: не прочитал приказы о бригадных учениях.

Суббота, 7 сентября 1940 года

До вчерашнего дня волнение и туман. Сегодня тихо, тепло. К нам благополучно присоединился ливерпульский конвой. Не торопясь, наношу в музыкальной комнате наш маршрут на карту. Вчера пришло сообщение: у противника батальоны, а у нас только роты. Соответственно меняются планы. Командиры рот озадачены, ведь в случае успешного исхода операции «Угроза» мы примем участие в тропической кампании против противника, прошедшего акклиматизацию и значительно более

многочисленного. Запланированы всевозможные развлечения для солдат. Прочел им лекцию об Абиссинии. Состоялись дебаты на тему: «Тот, кто женится до тридцати, поступает глупо». Абсолютное большинство с этим не согласно. Дискуссия вылилась в истории из личной жизни с ссылками на жен и матерей. Офицеры сдают экзамен по французскому языку. Покер и повальное пьянство. Побывал у главного инженера, читаю детектив. Разрешение отращивать бороды отменено. Азорские острова миновали 6 сентября. Учения: командиры рот выходят из себя. Дигби-Белл отпилил ствол у винтовки. Послеобеденный концерт на палубе. Пение в микрофон, чечетка, похабные анекдоты сержанта, потасовка, сентиментальные песни. Капеллан пытается утихомирить свою паству: «Сделайте одолжение, садитесь, а то ведь сидящим сзади ничего не видно. Пока не сядете – не начнем». Сержанты разыграли забавную сценку светского приема, где все подчиненные – бобы: Глупый боб, Черный боб, Чертов боб и т.д. В центре – Главный боб, все остальные бобы оказывают ему знаки внимания. Глупый боб спел две довольно старые и непристойные песенки. «Когда я ходил в школу, у нас это так называлось». Чертов боб расплачивался фантами. Если верить Хедли, в этой игре есть что-то общее с игрой «Где поп, а где приход».

Субботний вечер: все пьют до потери пульса и играют в лотерею.

Воскресенье, 8 сентября 1940 года Совершенно безмятежный день. Я предложил, чтобы Ламонд прочел офицерам лекцию о французской политике; идея повергла всех в ужас. Утренняя молитва для католиков и англикан: молятся порознь, но никакой разницы. Пьян до обеда. Сон. Физическая подготовка – проводит Тилинг. Адъютант ругает младших офицеров за развязный тон.

Фритаун,
вторник, 17 сентября 1940 года

Прибыли во Фритаун 14-го; прохладнее, чем ожидалось. Увольнительных не дают, но вчера всем батальоном прошли семь миль до пляжа, выкупались и вернулись той же дорогой. Рад, что опять в Африке, среди черномазых. На обратном пути жара дала себя знать: несколько человек вырубилось. Сильно потеем, но следуем рекомендациям доктора Уотсона и налегаем на спиртное.

Врачи запугали нас желтой лихорадкой и «в поте лица» трудятся над москитными масками. В пятницу пришло сообщение, что шесть французских кораблей вышли из Средиземного моря. Наш конвой с генералом (Де Голлем. – *А. Л.*) на борту вышел им навстречу, однако вчера вечером вернулся – безрезультатно. Продолжаем разрабатывать операции «Завоеватель» и «Уильям и

Руфь», а тем временем прошел слух, что кампания отменяется. <…> В воскресенье обедал с двумя французскими офицерами; цитировали Паскаля.

Фритаун,

пятница, 27 сентября 1940 года

Сегодня утром на рассвете вернулись во Фритаун. Вот как проходил бой за Дакар. Нашим вооруженным силам была поставлена задача водворить в Дакар генерала де Голля и «Свободную Францию» [326] . Наши силы состояли из бригады Королевской морской пехоты, отдельной роты, а также радиолокационного взвода, моряков и т.д. В мощный военно-морской десант входили «Барэм», «Решительный», «Королевский ковчег», «Девоншир», «Камберленд», кроме того, миноносцы и французские военные шлюпы. Силы «Свободной Франции» разместились на двух транспортах, на «Уэстморленде» вместе со штабом и на «Пентланде»; мы – на четырех: на «Кении», «Собески», «Эттрике» и «Каранье». Имелась также юркая отважная «Белгравия» с деликатесами от английского народа французскому.

На рассвете 23-го мы подошли к входу в залив Мадлен. Утро тихое, туманное. Туман, вопреки прогнозам разведки, не рассеялся. Очень жарко и влажно. Установлено табло для сигнализации, моя рота отвечала за ведение вахтенного журнала. Около 10.30, судя по обмену сигналами между адмиралом – командующим гарнизоном, и генералом де Голлем, стало понятно, что прием де Голлю был оказан не самый радушный. Мы дали команду французским кораблям и подводным лодкам не выходить из порта. де Голль призвал французов в него не стрелять. Ответ: «Отойдите на двадцать миль». В одиннадцать до нас донеслась мощная канонада. Кто-то из прислуги утверждал, что слышал залпы еще на рассвете. Как впоследствии выяснилось, так оно и было, но никто этому не поверил.

Наш план разрабатывался с учетом трех ситуаций. «Благоприятная» – если де Голля встретят мирно; «неблагоприятная» – если «Ришелье» или береговая артиллерия откроет огонь; «плохая» – если на переговоры не пойдут и будет оказано решительное сопротивление. В случае «неблагоприятной» ситуации предполагалось обстрелять с наших кораблей заранее намеченные цели, после чего последовала бы высадка французов. В случае «плохой» ситуации французы отходят, мы же обстреливаем город, после чего берем его штурмом. В середине дня была объявлена ситуация «неблагоприятная», и нам было предложено реализовать план «Чарльз»: высадка «Свободной Франции» в Рюфиске, где солдаты противника будут, скорее

всего, настроены сочувственно. Де Голль был убежден, что против него выступит только флот. В тот же вечер нас предупредили, что план «Завоеватель» – высадка в Рюфиске и Хамме, может быть реализован на следующий же день. Однако к ужину стало ясно, что высадка Свободной Франции в Рюфиске успеха не имела, кроме того, появился сигнал, что береговые батареи остановили «Уэстморленд» в двух милях от берега. Мы отошли подальше от порта в надежде высадиться на следующий день где придется.

Во вторник 24-го опять опустился туман, поднялся ветер, и командующий эскадрой объявил, что из-за плохой видимости операции откладываются. Генерал Ирвин распорядился готовить подрывные снаряды для прохода по минным полям. Весь день у нас не было никаких новостей, оставалось только гадать, было ли оказанное сопротивление блефом. Наутро мы послали ультиматум, призывая Дакар сдаться, и получили ответ: «Я защищаю Дакар до последнего». Вечером того же дня поступил приказ: «Никаких операций по высадке сегодня ночью. Обстрел города продолжить завтра». К следующему утру все решили, что операция отменяется, и действительно, примерно в 10.30 нам навстречу вышел флот, и было приказано отходить на юг. Вся наша армада соединилась в открытом море, корабли маневрировали, и тут началась атака с воздуха. Бомба упала в сотне ярдов от нас. А во второй половине дня пришел приказ возвращаться во Фритаун и быть готовым в самом скором времени начать новую операцию.

На обратном пути царило всеобщее веселье. Вечером пьянствовали за офицерским столом; к поражению на этот раз относятся не так легкомысленно. Днем пришло сообщение, что «Решительного» тянут на буксире, «Камберленд» же сел на мель в Бэтерсте. Идут разговоры о том, что началась более ранняя операция «Аккордеон» – постыдный план, который нисколько меня не интересует.

Фритаун – Гибралтар,
воскресенье, 6 октября 1940 года

Вышли из Фритауна. Вместе с пятым батальоном, в сопровождении «Барэма» и миноносцев держим курс на Гибралтар; операция «Аккордеон» не исключается. Во Фритауне сидел без дела и от безделья раздумывал о создавшемся положении, чего никогда не бывает в боевых частях. Война будет продолжаться до тех пор, пока людям мыслящим не станет ясно, что ни одна из сторон не может рассчитывать на победу, с которой связывались надежды в самом начале. Но боевые части – это одно, а мыслящие люди – совсем другое. Та страна, что решится на компромисс, придет к выводу, что война проиграна,

тогда как страна, на компромисс идти не готовая, к своему собственному удивлению, утвердится в мысли, что победа будет за ней. А потому сейчас самое важное не вести боевые действия, а отвлечь народ от раздумий. А потому препятствия, которые чинятся войскам интендантскими службами, штабами и т.д., очень ценны; смятение, которое они вносят, держит батальонных и ротных командиров в постоянном напряжении. Армия, где поначалу все идет гладко, а потом, по мере ухудшения обстановки, отлаженный механизм начинает давать сбой, проиграет скорее, чем наша армия, где царит хаос. <…>

Почты нет. У людей возникло подозрение, что вести из дома не доходят до них неспроста. За два дня три случая педерастии. <…>

Пять утра. Черномазый поет, сидя в каноэ.

Морской пехотинец : «Заткнись, черномазое отродье».

Черномазый : «Пойди просрись, братишка».

Гибралтар,

вторник, 15 октября 1940 года

В Гибралтар пришли в шесть утра. Последние десять дней дохли со скуки. Все книги в библиотеке прочитаны, почти все вино выпито, все сигары выкурены, большая часть съестного съедена. Интерес вызывают разве что суды над гомосексуалистами. Я защищал морского пехотинца Флоренса. Получил восемь месяцев. Его партнер – одиннадцать. Моя речь в защиту обвиняемого удалась.

В воскресенье вечером разыгрывали мои нехитрые шарады. Полковник от большого ума рассуждает об отсутствии боевого духа. Интерес к операции «Аккордеон», похоже, сходит на нет.

Гибралтар – Гурок,

пятница, 18 октября 1940 года

Вышли в море – но далеко не сразу. В четверг вечером вышли из гавани под прикрытием «Австралии» и двух миноносцев; бригадир махал нам с пирса. Везем большую группу пассажиров, возвращающихся в Англию по делам, – кто получить новое назначение, кто перевестись в другую часть и т.д. Через два часа получили приказ вернуться в гавань, где простояли весь следующий день; об отплытии объявляли каждые четыре часа. Прошел слух, что примем участие в «Аккордеоне», но пассажиры остаются на борту; присоединился к нам и бригадир. Пришла почта, в том числе и мне: Боб Лейкок пишет, что готов взять меня к себе в десантные войска; письмо, правда, от 22 августа. Наконец поздно вечером в пятницу снялись с якоря.

В Гибралтаре десятитысячный гарнизон плюс береговая оборона. Всех женщин эвакуировали; осталось человек шесть-семь. Пива в

городе нет. Когда уедет последняя англичанка, гибралтарский гарнизон будет атакован с моря танжерскими шлюхами. Тогда-то солдаты позабавятся от души – пока же развлечений у них немного. Провел на берегу два приятных вечера. Гарнизонная библиотека, в которую не сегодня-завтра попадет бомба, выше всяких похвал: тысячи неотличимых друг от друга томов в кожаных переплетах; в комнатах, где книги расставлены, мебель кожаная или красного дерева, за окнами субтропический сад. В одной комнате с современной обстановкой собраны романы; пахнет духами. За 2 фунта 10 шиллингов купил серебряный поднос для зубочисток с выбитым на нем изображением бородатого велосипедиста в цилиндре. К немалой радости обнаружил на «Славе» отца Гилби – капеллана-доминиканца. Нашел, собственно, он меня; затащил к себе в каюту, где я просмотрел все номера «Тэблет» и «Таймс» до конца сентября. Договорился, что прочту лекцию в офицерском дискуссионном клубе – офицеры здесь не в пример культурнее, чем в морской пехоте. Из-за нашего фальстарта лекция не состоялась. Батальонные учения под проливным дождем в садах Альмеда, после чего напились до полусмерти; офицер бригадной разведки Бакстер был найден в бесчувственном состоянии в отеле «Рок». Теперь нам говорят, что возвращаемся мы исключительно для переукомплектования, после чего тут же отплывем вновь. Надеюсь покинуть батальон в Гриноке и перевестись либо к Лейкоку, либо в третью бригаду, либо к Уокеру. В письмах из дома только и пишут что о воздушных налетах. Бобби Лонгден погиб у себя в Веллингтоне [327] . Генри Йорк наверняка с утра до ночи гасит пожары. Вооруженные силы малозаметны. Мы похожи на жен, читающих письма из окопов.

Пикстон-парк,
вторник, 5 ноября 1940 года

27 октября достигли берегов Шотландии и встали на якорь в Гуроке. Последний день конвой шел вблизи ирландского берега. В десяти милях от нас потоплена «Императрица Британии», мы же добрались без происшествий. Последний вечер: довольно вялая вечеринка на борту. Вплоть до воскресного утра никакой информации о дальнейших действиях не поступало: то ли пересаживаемся на другой пароход, то ли остаемся на этом; то ли сходим на берег и перемещаемся в лагерь, то ли вообще возвращаемся в расположение наших дивизий. Поступил приказ подготовиться к высадке, направиться в лагерь в Килманроке и идти в увольнение. <…>

В Пикстон-парк приехал очень счастливый – хоть на неделю забыть войну. Переоделся в штатское, сильно простудился, но

неделю провел в свое удовольствие. Побывали с Лорой в Стинкерсе, дом в безупречном виде: капеллан спит в винном погребе, сад зарос сорняками по пояс, живая изгородь испустила дух, многие недавно посаженные деревца сломаны. Выбил из бристольских властей двадцать галлонов бензина. Только и разговоров о воздушных налетах. Эвакуация в Пикстоне теперь проходит гораздо лучше: семьи разъехались, и эвакуированным детям и их сопровождающим никто не мешает. Скандалы и склоки Лора пропускает мимо ушей. Обедать поехали на машине в Чагфорд. Авария на железной дороге: в Нортон-Фицуоррене погибло больше тридцати человек. В воскресенье все газеты пишут о попытках Гитлера умиротворить католиков. Начинается война в Греции; в Норвегии и Финляндии уже началась. Хороших новостей никто не ждет, и воспринимаются они с недоверием и раздражением. Нехватки припасов не ощущается, зато царит полнейший хаос, все связи нарушены. Три наших офицера ушли в увольнительную, понятия не имея, где им искать своих жен. Войска все в том же положении. Увольнительная истекает завтра.

Лондон, Хайгейт,

суббота, 9 ноября 1940 года

От Лейкока никаких вестей. <…> Нейтральные государства плохо представляют себе, во что превратился Лондон. В Хайгейт; сплошные развалины. Отец ничего не боится, мать же встревожена не на шутку. Ночью бомбили, но где-то поодаль.

Понедельник, 11 ноября 1940 года

Наконец-то появилась надежда, что буду переведен. Обедал с Бетджеменом: сообщил мне про самоубийство Роджера. Весь день сигналы воздушной тревоги.

Ужинал с Дианой, Джин Нортон, Хатчи, евреем из Виндзора юристом Монктоном и еще с кем-то из министерства Даффа. Говорили в основном о бомбежках. Х. Никлосон, после того как в Министерство информации угодила бомба: «В такие минуты важно запоминать свои впечатления – *мне* , во всяком случае. Так вот у меня от бомбежки остается впечатление “вспышки”, а не “удара”». <…>

Глазго,

вторник, 12 ноября 1940 года

Целый день в пути. Надутый и развязный капитан в моем вагоне много чего порассказал про десантников – как выяснилось, ни слова правды. Найти комнату в Глазго, куда я приехал часов в десять, оказалось очень непросто. Старший лейтенант, мой сосед по комнате, спит в пижаме, надетой поверх белья, и пьет в постели виски. Принял ванну и поужинал во французском ресторане, который сильно «сдал» с тех пор, как мы с Дианой

ходили сюда после «Чудес».

Среда, 13 ноября – декабрь 1940 года

В тумане и кромешной тьме ходил рано утром к мессе, потом поездом в Ларгз. Чопорный, солидный современный фешенебельный курорт – если шотландский курорт бывает фешенебельным. Превосходный вид через бухту на Камбрэ и Арран. Отправился в отель «Морской пехотинец», где, как мне сказали (и ввели в заблуждение), располагается штаб 8-го десантного отряда. <…> Робин [328] принял во мне участие, снял мне номер в отеле, одолжил своего вестового и отвел в штаб, где Боб Лейкок меня не узнал. Места в отряде мне не нашлось, и меня, как и Гарри (лорда Ставордейла. – *А. Л.*), назначили офицером связи; синекура чистой воды.

С 13-го ноября по 1 декабря – в Ларгзе. <…> Деловитостью и чувством долга, особенно среди офицеров, здесь и не пахнет – не то что в морской пехоте. Дают шесть шиллингов в день, искать жилье приходится самим. Если десантник ведет себя не лучшим образом, его попросту отправляют обратно в полк. Офицерам не возбраняется вести привольную жизнь и уходить в увольнение, когда они пожелают. В морской пехоте, с такими офицерами, как Тик или Фаррер, <…> этот номер бы не прошел. Учения десантники проводят сами, без командующих, – в основном в полевых условиях. О тактике ведения боевых действий, о взаимосвязи они не имеют понятия. С третьим подразделением у нас нет никакого контакта; их офицеры поселились в противоположном, более бедном конце города; ведут, по слухам, буйную жизнь, пьют вместе с рядовыми. Нас они держат за «пай-мальчиков», и в боксерских поединках нам от них здорово достается. Провели они всего одну операцию – высадились на Нормандских островах, и неудачно.

За эти две недели нас вместе со 101-й бригадой морской пехоты несколько раз поднимали по тревоге для проведения совместной операции «Аккордеон». Первого декабря объявили, что в этой операции мы участия не принимаем, что нас отпускают на два дня в увольнение и что по возвращении нам предстоит готовиться к новой операции. Подобного рода суматоха хорошо известна: она означает, что боевые действия не за горами.

В субботу ночью, 30-го, позвонила Мэри: у Лоры начались схватки. В воскресенье в середине дня у меня родилась дочь; умерла спустя сутки. Роды были легкими, в конце очень быстрыми, и чувствует себя Лора хорошо. Дорога в Пикстон-парк заняла у меня всю воскресную ночь и утро понедельника; в Тивертоне я был в 10.30. Умерла девочка вскоре после моего приезда. Я видел ее: личико синее, с сероватым оттенком.

Бедняжка, в этом мире она была непрошеным гостем. Накануне Мэри окрестила ее своим именем. Похороны состоялись сегодня на Брашфордском кладбище. Ночь провел в Пикстоне, утром ходил к мессе, все же остальное время – рядом с Лорой: разговаривали, решали кроссворд и т.д. <…> Завтра в 9.30 сажусь в поезд и пускаюсь в обратный путь.
Рассеченная губа быстро заживает: упал, когда после ужина торопился во время затемнения на ночную операцию [329] .

Критский дневник [330]

<…> Штормило. Самолетов противника на всем протяжении нашего пути видно не было. Пришел приказ высадиться в западной части южного побережья и двигаться в глубь острова для соединения с критским гарнизоном в Суде. Высаживаться не имело никакого смысла. Высадись мы – и наша колонна была бы смята и поглощена отступающими частями, просочиться через них было бы крайне сложно; очень сомневаюсь, чтобы в этом случае нам удалось принять участие в боевых действиях.

Простояв час на рейде, на следующий день, с наступлением темноты, вернулись в Александрию. На борт поднялись штабные офицеры флота и огласили новый приказ. В приказе говорилось, что ситуация на Крите «под контролем», но «аэродрому в Малеме приходится непросто». Составители приказа исходили из того, что аэродром находится в наших руках и подвергается атакам извне, тогда как в реальности находился он в руках противника, который сдерживал нерешительные атаки новозеландской бригады. В тот день, когда вышел этот приказ, противник с раннего утра перебрасывал в Малеме свежие части, готовясь на рассвете прорвать кольцо атакующих. Получили приказ встать на якорь в Суде и готовиться контратаковать противника с моря. Перешли на «Абдиел» [331] , на котором находился штаб бригады, и на миноносец, где приняты были не слишком гостеприимно: офицеры вымотались до предела. Удалось заполучить большую каюту, и весь день провел в неге и довольстве.

Около одиннадцати вошли в залив Суда. На то, чтобы высадиться самим и выгрузить технику, в нашем распоряжении было три часа. Лихтёры должны были подойти незамедлительно, однако появились только через три четверти часа; на них было много раненых. О том, что в действительности происходит на Крите, мы впервые узнали от приземистого, лысого, насмерть перепуганного морского офицера по имени то ли Робертс, то ли Робертсон; он ворвался в каюту, где располагался штаб. Был он в шортах и в шинели и от усталости и ужаса говорить толком не

мог. «Господи, ад кромешный! – повторял он. – Мы вышли из боя. Посмотрите на меня – голые руки. О Боже, это преисподняя. Бомбят не переставая. Все мои вещи там остались…», и т.д. и т.д. Мы было решили, что он просто последний трус, но через несколько часов поняли: от всех остальных британцев на этом острове он ничем не отличается.

Палуба была погружена во тьму, поэтому раненые, дезертиры и наши десантники, ожидавшие наступления ночи, чтобы высадиться на берег, сбились в кучу. Оставаться в бухте бесконечно корабли не могли: им надо было до рассвета отойти как можно дальше от берега. Вскоре стало ясно, что времени у нас хватит только на то, чтобы высадить людей, технику же придется в основном оставить на корабле. Девять из восемнадцати ценнейших радиопередатчиков были безрассудно выброшены за борт. Высадились мы на десантных судах, слышно было, как у нас за спиной из трюма выползают танки. Набережная, на которую мы ступили, подверглась, как видно, сильнейшей бомбардировке. Повсюду зияли рытвины, разбросаны камни, стояла сгоревшая техника, магазины пустовали и т.д. На земле тут и там сидели, вяло переругиваясь, раненые.

Встретились с офицерами связи генерала Уэстона и подполковника Хаунда. От них мы узнали, что немцы в Канеа. Уэстон прислал за нами грузовик, и мы с Бобом отправились на поиски генерала, а Фредди Грэма оставили с десантниками, приказав ему занять оборонительные позиции. Зайдя в сарай, Боб развернул карту и осветил ее фонарем. В темноте показалось, что Суда сгорела дотла, но это был, скорее всего, обман зрения: небо было усыпано звездами. Где-то между Судой и Канеа, на заброшенной ферме, располагался штаб Уэстона. Мы застали генерала на полу, крепко спящим. Морской пехотинец доложил, что новозеландская бригада сняла осаду Малеме и отступает. Отступала и австралийская бригада, а также различные британские и греческие части. Морской пехоте и нам предназначалось прикрывать их отступление в направлении Сфакии на южном берегу. Находилась Сфакия от нас всего в тридцати милях, но дорога шла через горы и оказалась длиннее, чем на карте. Из штаба Уэстона мы поехали в штаб Хаунда передать ему приказ о дальнейших действиях. Его офицер говорил дрожащим, еле слышным голосом – таким голосом говорила вся армия. В ту ночь, впрочем, сам Хаунд особенно не нервничал; думаю, наш приезд его воодушевил: как видно, он решил, что теперь сможет все свалить на Боба. Повел речь о непрерывных бомбежках, однако сам ощутимых потерь не понес.

Мы поехали в штаб Фрайберга; находился штаб в палатке

защитного цвета неподалеку от дороги Сида – Гераклион, к востоку от того места, где она пересекается с дорогой на Сфакию. Фрайберг был невозмутим, но подавлен.

Боб сказал, что беспокойство у него вызывает его, Фрайберга, левый фланг, который «висит в воздухе».

– Мой дорогой мальчик, на этот счет волноваться нечего. Боши никогда не воюют без дорог.

Боб спросил, должны ли мы обороняться до последнего человека.

– Нет, вы нас прикрываете. Будет сильное давление – отступайте.

Тем временем стало светать. На том же грузовике мы проехали еще дальше по южной дороге, где на склоне холма обнаружили Грэма, здесь же находился штаб бригады и четвертый батальон. Дорога была забита техникой и людьми. На пути в штаб нам то и дело приходилось тормозить и объезжать идущих по дороге, некоторые запрыгивали к нам в кузов, думая, что мы едем в Сфакию.

Мы подсадили военного в мундире полковника; говорил он с необычайной нарочитостью. «Вы что, черт возьми, старика, что ли, не знаете?!» Сказал, что служит начальником транзитного лагеря в Канеа. Лица его в темноте я не разглядел, но, судя по голосу, был он еще довольно молод. Я тогда подумал (и думаю до сих пор), что он – немец. Я решил навести справки, но тут грузовик застрял в толпе, и полковник растворился в темноте. «Скатертью дорожка», – отозвались наши люди, мне же пришло в голову, что он – рядовой, переодевшийся офицером, чтобы не идти пешком.

Наш штаб находился в стороне от дороги, на склоне скалистого, покрытого утесником холма. Фредди предпринял попытку создать тактические соединения наподобие тех, о которых ему рассказывали в военной школе. В связистах теперь не было никакого смысла – вся их техника покоилась на дне залива. Сержант Лейн, проявив смекалку, прихватил с собой несколько коробок с консервами, и нам раздали по пачке печенья и по банке солонины. К этому времени многие из нас уже устали, хотелось пить, но чувства голода еще не было. Помимо штабных к нам был приписан прсвитерианский священник и некий Мердок, хамоватый юнец, которого выгнал Педдер.

В восемь утра появились немецкие самолеты, их было никак не меньше полудюжины и не больше дюжины, носились они над нами с небольшими перерывами целый день. Бомбили самолеты западную оконечность острова и залив, нас же в то утро не трогали. Стоило им появиться, как шедшие по дорогам попадали

на землю; в получасовых перерывах между бомбежками отступление продолжалось.

Боб извлек из кармана письменный приказ о действиях десантников в арьергарде на ближайшие два дня. Нашему батальону предписывалось просочиться через расположение четвертого батальона в тыл отступающих и там временно укрепиться и т.д. Боб дал мне грузовик и отправил вперед передать приказ Хаунду. Где располагался его штаб, в котором мы побывали прошлой ночью, я толком не запомнил и сбился с пути. Самолетов противника было много и здесь; когда они зависали у нас над головой, мы съезжали с дороги и прятались в канаве.

По пути нам попался генерал Уэстон; мы увидели, как он выглядывает из-за живой изгороди.

– Какого черта вам здесь надо и кто вы такие? – крикнул он.

Судя по всему, он лишился не только своего штаба, но и рассудка.

Я ответил.

– Где Лейкок?

Я показал на карте, где Боб.

– Что это вы с собой карту возите? Лучшего способа указать противнику, где находится наш штаб, не придумаешь!

Не имело никакого смысла пускаться в объяснения, что мы с ним никакой не штаб, а всего лишь два потерявшихся офицера, которые по чистой случайности встретились на обочине дороги. Он сказал, что хочет, чтобы я отвез его к Лейкоку. Я сказал, что мне поручили найти Хаунда.

– Было время, когда мои приказы не обсуждались, – с грустью заметил он.

Наконец, примерно в миле к востоку от Суды, на прибрежном шоссе, мне попался скрывавшийся в зарослях солдат с противотанковым ружьем. Узнав у него, что штаб где-то слева, я припрятал грузовик в зарослях и дальше пошел пешком, оставив водителя и вестового в грузовике. Вдоль дороги, идущей в заросшие низким кустарником горы, тянулись виноградники и оливковые рощи.

В четверти мили от дороги показался купол церкви и разбросанные вокруг фермерские постройки. Оливковые рощи были перекопаны траншеями и ямами для орудий. В поисках Хаунда я шел вдоль траншей с полчаса. В некоторых еще сидели отбившиеся от своих солдаты колониальных войск, в других – солдаты нерегулярной армии; кое-где валялись вещи, брошенные частями Королевской военно-медицинской службы. Часовых батальон не выставлял, хотя прямым бомбовым ударам он не подвергался; передвигались солдаты, согнувшись в три погибели

и пряча головы. Бомбили исключительно в горах, в миле отсюда; здесь же противник на бреющем полете обстреливал кустарник из пулеметов. Я знал, что англичан в горах нет, если не считать нескольких отставших солдат, пробивавшихся короткой дорогой к своим, и предполагал, что путь для наступления пехоты свободен. В дальнейшем я доложил обстановку, но свободных частей у нас все равно не было, и ничего поделать было нельзя. В тот же вечер немцы прорвались, отрезали роту четвертого батальона и овладели дорогой, связывающей Суду с перекрестком шоссейных дорог. Сдалась эта рота или вышла из окружения, мне неизвестно.

Первые два офицера, которых я спросил про Хаунда, из окопа выходить отказались, зато третий с готовностью согласился проводить меня к нему; он подвел меня к самой дальней из фермерских построек и вернулся в свою роту. Я вошел в сарай под крышей из жести. За столом сидели два сержанта.

– Мне сказали, что полковник Хаунд здесь.

– Здесь.

Я огляделся, но никого не увидел. Тогда сержанты показали мне под стол, где их командир сидел, скорчившись, в позе тоскующего орангутанга. Я отдал честь и вручил ему приказ. Понять, что говорилось в приказе, он, как видно, был не в состоянии.

– Где полковник Боб? – спросил он. – Я должен его увидеть.

Я ответил, что возвращаюсь к нему.

– Подождите, пока кончат бомбить. Я – с вами.

Спустя некоторое время самолеты улетели, и Хаунд вылез из-под стола. Встав на ноги, он опять стал похож на солдата.

– Они поливали нас из пулемета через крышу, – сказал он извиняющимся тоном. Думаю, врал: всю первую половину дня противник бомбил и обстреливал горы.

Я отвез его к Бобу. Особого желания возвращаться в свой батальон Хаунд не проявил, но, когда самолетов над головой не было, говорил вполне здраво. Вскоре, однако, самолеты вернулись, и он часа четыре пролежал ничком, не двигаясь и зарывшись головой в кустарник. Стоило кому-нибудь дотронуться до него ногой, как он принимался стонать, будто ему переломали все кости. «Ради всего святого, не шевелитесь!»

Эскадрон пикирующих бомбардировщиков взялся за дело к востоку от нас; самолеты кружили над нами с регулярностью и монотонностью лошадей, шагающих по кругу в школе верховой езды. Прямо за нами в лощине находилось кукурузное поле, немцы, как видно, ориентировались на него и поэтому летели прямо у нас над головой, совсем низко, потом набирали высоту,

ложились на крыло, пикировали и сбрасывали бомбы в миле от нас. Трудно сказать, что служило им мишенью; где-то в этом районе был штаб Фрайберга. На первых порах атака с воздуха производила впечатление, однако уже через полчаса их маневры стали ужасно однообразными; все делалось, как всегда у немцев, с перебором.

На склоне горы стояла невыносимая жара, и одеяла выполняли двойную задачу – служили камуфляжем и, одновременно, прикрытием от солнца. Только тут я понял, что на войне нет ничего более ценного, чем подушка, и с тех пор всегда возил ее с собой, пока в александрийской гавани не выбросил в помойное ведро: к тому времени она пришла в полную негодность, к тому же пропиталась маслом.

С заходом солнца Хаунд вернулся в свой батальон, который вечером должен был отойти на семь миль вглубь острова на заранее подготовленные позиции. Четвертый же батальон передислоцировался Хаунду в тыл. А заместитель Хаунда, во главе только что подошедшего подразделения первого батальона, должен был выдвинуться на передовую. Что же касается отрезанной роты четвертого батальона, то она должна была бы отойти назад, пропустив вперед первый батальон. Таков, думаю, был первоначальный план, но копии приказов у меня при себе нет, да и планы эти так и остались планами. Боб и Фредди выехали на грузовике на поиски Уэстона. За первые пять дней боевых действий приказы от вышестоящих командиров поступали только в том случае, когда мы их запрашивали. Остальные штабные офицеры завалились спать. Спустя пару часов, около девяти, Боб приказал расположение штаба перенести: немцы, сказал он, двигаются через горы, стремясь обойти нас по флангу, и подошли совсем близко. Недалеко от дороги мы заняли положение для стрельбы, выставили часовых и отправились спать.

Спустя час, когда Боб опять куда-то отбыл, нас разбудил Хаунд; появившись, он стал путано рассказывать, будто ехал на мотоцикле и попал в засаду. По его словам (ложь), его батальон ввязался в бой, и, не объяснив, по какой причине он батальон покинул, отдал нам приказ отступать. Все это показалось мне подозрительным, но во главе штабного подразделения бригады стоял Мердок, и мы, снявшись с места, отошли примерно на милю.

Мы шли и шли в темноте, миновали две деревни; я возражал, но Хаунд твердил свое: «До рассвета мы должны уйти как можно дальше». Дороги были забиты войсками, отступавшими, как придется, не соблюдая никакой дисциплины. Офицеры, судя по

всему, уехали вперед на машинах. После второй деревни дорога пошла вдоль долины с круто вздымавшимися по обеим сторонам голыми холмами. Я предложил устроить привал, но Хаунд сказал: «Надо найти укрытие». Остановить его мог лишь дневной свет. Как только рассвело, он спрыгнул с дороги в дренажную канаву и больше оттуда не выходил.

Я проспал с час, а когда проснулся, то увидел странную процессию: две тысячи оборванных бородатых людей шли по дороге с белыми простынями вместо знамен. Сначала я решил, что это какая-то местная манифестация, а потом сообразил: это же итальянцы, их взяли в Греции в плен, а теперь освободили. На свободу они шли без всякого энтузиазма.

Подошла часть первого батальона; несколько человек было ранено. Один солдат прошел всю дорогу с пулей в животе. Он лег на землю, но встать уже не смог; доктор прекратил его мучения с помощью морфия. Я спросил капитана Макинтош-Флада, каково наше положение. «Не знаю, и знать не хочу», – последовал ответ. Я пошел на поиски воды, оставив вместо себя вестового и разведку.

Стоило мне оказаться одному, как на душе стало легче: вид подавленных, отчаявшихся солдат действовал удручающе, терялась вера в собственные силы. Я вышел на дорогу и двинулся в обратном направлении. Мне навстречу шел субалтерн (не из наших, но как будто бы англичанин), он возглавлял – увы, лишь в прямом, а не в переносном смысле – полвзвода солдат. Субалтерн очень спешил.

– Дальше по этой дороге идти нельзя, – предупредил он меня. – Ночью там высадились парашютисты противника, они обстреливают дорогу из пулеметов.

Я спросил, откуда они стреляют.

– Не знаю.

– Кого-то из ваших ранило?

– Времени не было выяснить, – ответил субалтерн и рассмеялся – не задавай, мол, глупых вопросов.

Я сошел с дороги и направился через горы в деревню, которую мы проходили ночью, славную маленькую деревушку с колодцем на площади. Хотел налить в бутылку воды, но веревку срезали, а ведро украли. Жестами попросил крестьянина дать мне напиться; он пробурчал что-то в ответ, помотал головой, но я последовал за ним в его избу, и он, хоть и не сразу, налил мне в чашку воды из каменного кувшина.

На площади ко мне подошла и потянула меня за рукав крестьянская девочка; по щекам у нее текли слезы. Я пошел за ней, она отвела меня к церкви, где во дворе на носилках лежал

английский солдат. Он был мертв; рот у него был облеплен мухами. Рядом с носилками стояла еще одна девочка, плакала и она. Должно быть, они за ним ухаживали. Стоявший поблизости бородатый крестьянин воздел к небу руки, словно показывая на поднимающийся аэростат. Этими знаками он давал мне понять то, что я знал и без него. Как и он, знаками, я велел им похоронить солдата.

Из этой деревни я направился в следующую, где, если верить встретившемуся мне мотоциклисту, в самом дальнем доме должен был находиться штаб или нечто вроде штаба. Наступление противника сдерживали в полумиле отсюда. В увитой жасмином беседке я обнаружил Боба, Фредди и двух бригадиров; оказалось, они попали в переделку – угодили под огонь автоматчиков. Боб прыгнул в танк, а Кен Уайли, зам. командира первого батальона, не посрамил честь десантных войск, предприняв мощную и успешную контратаку. Присоединилось к нам и несколько новозеландцев, в основном маори, и был разработан план действий, который сейчас я припомнить не могу, тем более что осуществлен он так и не был.

Боб, Фредди и я сели в грузовик и поехали обратно, на участок дороги, где я оставил Хаунда. Туда подтянулась часть его батальона, сам же Хаунд по-прежнему сидел в канаве. Боб, стараясь вести себя как можно корректнее, освободил его от командования батальоном со словами: «Вы спеклись. Вместо вас командовать будет Кен». Потом мы поехали обратно в деревню, чтобы перенести штаб туда. Называлась деревня, если не ошибаюсь, «Трактир Бабали». Трактир там, разумеется, был, а в трактире сидело человек десять отставших от своих частей пьяных солдат. Столы были залиты вином, однако несколько кувшинов еще не опорожнили. В тот день мы не ели ни разу, и две кружки бурого и сладкого вина заметно подняли нам настроение. После того как Боб забраковал очень славный сарай, который я облюбовал под штаб, мы попросту вломились в чей-то брошенный дом и назвали его «штабом бригады». Тем временем появился первый батальон. Согласно плану, он должен был прикрывать четвертый батальон, однако Хаунд проявил инициативу и здесь и приказал им отступать. Боб во всеуслышание освободил Хаунда от командования, на этот раз в выражениях не стесняясь. Внес свою лепту и пресвитерианский священник, который обратился к Кристи Лоренсу со словами: «Вот наша тактика: “Спасайся, кто может”». Пожелай противник продвинуться еще дальше вперед, и четвертый батальон, не успев занять позиции, был бы захвачен в плен, но немцы за эти дни устали, к тому же они редко переходят в наступление без

поддержки с воздуха, а начиная с этого дня поддержка с воздуха заметно ослабла. Разведполеты осуществлялись часто, случались и разрозненные атаки с воздуха, но такого, как на прошлой неделе, когда от самолетов неба не было видно, больше не повторялось.

После непредвиденного отступления Хаунда «Трактир Бабали» оказался на линии фронта, и штаб бригады был перенесен примерно на милю в очень красивое место, в маленькую придорожную усыпальницу, рядом с источником, сбегавшим в ручей. Когда-то здесь было нечто вроде насыпи, и источник и водоем, куда он выливался, выложили камнем. Было время, надо полагать, когда считалось, что эти места обладают целебными свойствами. Вокруг источника росло несколько деревьев, и, хотя следы оккупации сразу же бросались в глаза, место это нисколько не утратило своего очарования. Сержант Лейн предусмотрительно прихватил из трактира большую бутыль с вином, и мы поставили ее в источник охлаждаться. У Боба нашлись коробка сигар и сборник кроссвордов. Нам очень не хватало нескольких часов отдыха: усталость и голод давали себя знать.

Часов в пять пополудни мы с Бобом отправились навестить Джорджа Янга; он по-прежнему сидел в своем окопе в «Трактире Бабали», и его с трех сторон обстреливали скрывавшиеся за деревьями автоматчики. Вооружен был противник и четырехдюймовым минометом, из которого по Янгу и по дороге велся не прекращавшийся ни на минуту прицельный огонь. Когда мы с Бобом спускались в окоп, рядом просвистело несколько пуль, а на обратном пути в непосредственной близости от нас дважды разорвались бомбы. Тем не менее люди Янга и его штаб проявили исключительную выдержку. Теперь он командовал первым батальоном, вернее, тем, что от него осталось. Свои позиции он удерживал, пока не поступил приказ с наступлением темноты отступить.

Когда опустилась ночь, из окопов, точно мертвецы из могил, стали выбираться отставшие от своих соединений бойцы; покинув окопы, они потихоньку пробирались – многие ползком – в сторону побережья. Никто уже ими не командовал, однако почти все были по-прежнему вооружены. Они побросали свои вещевые мешки, отпустили бороды; на их лицах читалась апатия, вызванная голодом и предельной усталостью. Печальное зрелище.

Выполняя очередной приказ – отступать в обход гор в сторону Имвроса, войска находились в пути больше двенадцати часов. Штаб бригады ехал на грузовике через сожженную деревню, где

нас поджидали саперы, чтобы взорвать мост, когда пройдет последняя машина, – этой последней машиной был единственный сохранившийся у нас танк. По какой-то причине мост так взорван и не был, однако через две мили оказалось, что по дороге все равно проехать нельзя: она была изуродована воронками от снарядов, хотя никаких приказов на этот счет не поступало, и солдаты в спешном порядке засыпали рытвины землей. Из-за перекопанной дороги здесь сгрудилось много техники, и нам с Бобом удалось отправить часть машин обратно – подвезти отставших. Занялись мы также распределением пайков, неизвестно откуда взявшихся. Боб, помнится, приложил руку к огромной скале и изрек: «Вот бы танк такой!» У одной из воронок сидел в своей машине греческий генерал со своим штабом; его машину я отдал нашим десантникам. Те, кого мы встретили по пути, к происходящему вокруг были совершенно безразличны. Мы раздали пайки, погрузили к себе в грузовик раненых, а также рядового (не нашего), с которым случилась истерика, и поехали в Имврос. Ехали целый день; один раз по нашей машине открыл огонь разведывательный самолет; в дальнейшем же мы добрались без происшествий.

В Имвросе предпринимались попытки преодолеть хаос. Возле церкви был открыт пункт первой помощи, в виноградниках создан район сосредоточения. В деревне скопилось огромное количество грузовиков, и я пошел по дороге, чтобы отправить несколько машин в горы за нашими людьми.

Через дорогу ко мне бросился офицер.

– А ну назад! – крикнул он.

Я спросил, кто отвечает за транспорт.

– Я, – ответил он. – Дальше прохода нет, сказано же.

Я стал задавать ему вопросы про грузовики. Тогда он сказал, что на грузовики ему наплевать.

Я сказал:

– Держите себя в руках.

Он разозлился:

– Что вы, собственно, хотите этим сказать?

– Только то, что сказал. Если вам страшно, это еще вовсе не значит, что надо хамить.

– Ничего мне не страшно, – сказал он, надувшись, как маленький мальчик, и объяснил, как найти офицера, отвечающего за транспорт. Я было начал рассказывать офицеру, что́ мне от него надо, но тут показался самолет, и офицер спрыгнул в канаву. Я последовал его примеру, продолжая тем не менее говорить, однако, пока у него над головой ревел вражеский аэроплан, он и слышать ничего не хотел. Офицер счел, что транспорт мне нужен,

чтобы спуститься к морю, и упрямо бормотал: «За Имвросом никакого транспорта». Он переадресовал меня генералу Уэстону, разместившемуся со своим штабом в деревенской избе, и генерал сказал, что грузовики уже отправлены.

Всю первую половину дня мы пролежали под стенами виноградника. С воздуха нас, кажется, обстреливали из пулеметов, но мы спали. Боб поехал к Уэстону, и тот велел нам подождать до темноты, а потом отойти в конец Имвросского ущелья и отбивать атаки противника, пока не пройдут все отставшие от своих частей. Танк мы оставили на дороге с включенным мотором и вытекающей из бака водой, и он весь день отпугивал противника. На этом этапе Мердок от нас отделился – предпочел добираться до Александрии своим ходом.

После Имвроса дорога делала крутой вираж и дробилась на несколько рукавов. Левый рукав через ущелье спускался к берегу; между входом в ущелье и нижней частью дороги были деревня и другое ущелье, поменьше; дальше дорога вилась по склону горы, через еще одно ущелье с большим количеством пещер, и спускалась в Сфакию, порт, где мы должны были погрузиться на корабль. В обычных условиях спуститься с гор в бухту не составляло особого труда, но мы так устали, что небольшое расстояние казалось нам непреодолимым. Полмили подъема в гору стали для нас тяжким трудом.

Вскоре после полудня валяться в винограднике нам надоело, и, поскольку самолетов противника в это время было мало, Боб решил передислоцировать штаб бригады при свете дня. Ущелье было великолепно; сужаясь и углубляясь, оно становилось похоже на барочный пейзаж семнадцатого века; на полпути мы вышли на круглую площадку, где бил родник чистейшей, ледяной воды. Постепенно проход через ущелье расширялся, и нам открылись многочисленные пещеры.

В пещерах уже давно прятались оборванные, голодные, перепуганные австралийцы. Всякий раз, когда они слышали, как летит самолет (и когда не слышали тоже), они кричали: «Самолет! Прячься!» и открывали огонь по тому, кто оказывался рядом. Слышно было, как из пещер доносятся вопли: некоторые австралийцы жили в пещерах с критскими женщинами. По ночам кое-кто из австралийцев совершал вылазку и грабил запасы продовольствия. Одни умирали от голода, зато у других скопились огромные запасы съестного, украденного таким образом.

При подходе к деревне, неподалеку от тропинки, мы нашли среди мощных скал и оливковых деревьев поросшую травой полянку и встали на ней штабом. А попросту говоря – устроили

привал. Мердок и штабной капитан исчезли, и увидели мы их, только вернувшись в Александрию. Многие связисты отстали, да и нужды в них, по существу, не было; разведка тоже бездействовала, кого-то из разведчиков пару раз использовали в качестве гонцов. Не было ни карты местности, ни записей поступавших донесений, ни лога.

Пресвитерианский священник добрался до Александрии своим ходом; насколько мне известно, обязанности священнослужителя он не отправлял ни разу. По возвращении в Александрию он выставил солидный счет за личное имущество, «утраченное в результате боевых действий». За пропавшую Библию он требовал возмещения в размере одного фунта, за каждый сборник гимнов – полгинеи; настаивал, чтобы ему вернули деньги за два костюма хаки, в которых он совершал богослужение, а также за рубашки «тончайшего полотна». Вскоре после этого он отбыл в Палестину, откуда больше не вернулся. Когда мы занялись подсчетом расходов на питание, выяснилось, что он не оплатил и десятой части им выпитого. Имя этого дородного молодого человека я запамятовал; друзья, кажется, называли его Эндрю.

Вечером мы с Бобом отправились на поиски офицера, отвечавшего за погрузку на корабль; нам сказали, что он находится поблизости, в живописной деревеньке, примостившейся на крутом склоне горы, с двумя церквями и несколькими колодцами. Колодцы почти совсем высохли, и в деревне дурно пахло. У колодцев толклись отставшие солдаты, они наполняли бутылки водой. Офицера мы не нашли, зато узнали, что Фрайберг сидит в пещере на западном склоне горы, в том месте, где дорога делает крутой вираж. Чтобы попасть туда, нам пришлось пересечь еще одну неглубокую лощину, на склоне которой росли уступами оливковые деревья. В лощине скопились греки и австралийцы в надежде, что их оттуда вызволят. Нам они сказали, что этой ночью планируется вывезти только раненых.

Фрайберга мы отыскали, когда уже смеркалось. Он сидел у входа в пещеру в окружении штабных офицеров и прощался с новозеландцами, которые вечером уезжали. Некоторые его фотографировали, и он подписывал им свои фотографии. Он дал нам полчашки шерри и по столовой ложке фасоли, что было очень кстати. Судя по всему, к боевым действиям он утратил всякий интерес и с гордостью рассказывал, с каким успехом отбивал атаки парашютного десанта на востоке острова. Боб спросил его насчет приказа о погрузке, и Фрайберг ответил: «Вы пришли последними – и уплывете последними».

Среди офицеров был одноглазый болван с нарукавной

повязкой «Начальник квартирмейстерской службы». «Когда противник высовывает голову, стреляйте в эту голову, – поучал он нас. – Стреляйте, пока не спрячется». Сам же он на следующий день вылетел с Крита самолетом. Я прервал его рассуждения, попросив выдать нам пропитание. Он вложил мне в руку толстую пачку греческих банкнот со словами: «Купите себе еды. И каик купите». Тогда я сказал, что наши люди весь день ничего не ели, собственных же запасов у нас нет. На что он сказал, чтобы мы взяли продовольствие со склада на набережной Сфакии, и выписал соответствующее распоряжение, где, в частности, говорилось, что мы должны выставить перед складом охрану. Трудно сказать, что он имел в виду. Я попытался объяснить, что с учетом нашего положения на востоке это невозможно. «Про восток мне ничего не известно», – отрезал он. Этого олуха, насколько я помню, звали Бранскилл.

Потом мы с Бобом пустились в обратный путь. В темноте пересечь ущелье оказалось делом непростым; часа два мы карабкались по скалам, Боб упал и сильно расшибся, после чего было решено провести остаток ночи в церквушке на вершине горы, откуда было слышно, как в Сфакии идет погрузка на корабль. Моряки подняли невообразимый шум. «Кто-нибудь еще в лодки садится?» – донесся до нас их крик перед самым отплытием. Будь посадка лучше организована, они могли бы вывезти на несколько сот человек больше. На рассвете мы вернулись к себе в штаб и отправили Фредди к Уэстону за дальнейшими распоряжениями.

Днем мы перевели штаб в глубокую пещеру через дорогу. В пещере мы обнаружили с десяток испанских социалистов; после первых же выстрелов они, все как один, туда попрятались. Поначалу мы были с ними не слишком обходительны, но они «купили» нас щедрыми воздаяниями – пловом, козлятиной, жареной свиньей и двумя вареными куропатками, и от нашего недовольства не осталось и следа. Тем временем отправились на поиски съестного и мы; добыли картошку, сухие хлебцы и двух птиц, так что в тот день наконец-то наелись досыта. Фредди вернулся с приказом покинуть назавтра наше ущелье и удерживать ущелье над Сфакией.

Ночь и всю первую половину дня мы провели в пещере. Активность противника в воздухе сошла, по существу, на нет. 31 мая, после полудня, мы с Бобом отправились получить дальнейшие указания и найти новое место для штаба. Фрайберга не было; в пещере на его месте воцарился Уэстон. Передатчик вышел из строя. «Всем эвакуироваться этой ночью. Другого случая не представится», – было последнее, что он передал. Уэстон

распорядился, чтобы те, кто отстал (а таких набралось не меньше 8000), двигались в восточном направлении и искали лодки. Перед отъездом Фрайберг продиктовал приказ: нерегулярные части высаживаются последними, а боевые – в первую очередь. Под «боевыми частями» следовало понимать всех тех, кто еще сохранил оружие и дисциплину, но, очень может быть, в виду имелись военные, в отличие от гражданских – беженцев из местного населения. Как бы то ни было, обеспечить соблюдение этого приоритета не пытался никто.

Мы отыскали пещеру, где были свалены одеяла, продовольствие и оружие, оставшиеся от австралийцев, и просидели в ней до сумерек. За это время до нас дошли совершенно фантастические по своему оптимизму слухи. Будто бы Сирия заявила о своей поддержке «Свободной Франции», Америка взяла Атлантику под свой контроль, а наш атлантический флот вошел в Средиземное море. Будто бы 300 «бленхеймов» три часа бомбили Берлин, и от города не осталось живого места, и будто бы шесть нацистских главарей высадились на парашютах в Шотландии. И т.д. Многие в эти слухи поверили. Распространял их, действуя из лучших побуждений, какой-то офицер военно-морского флота.

С наступлением темноты нерегулярные войска закрепились в районе Сфакии. Из глубины острова, где держала оборону морская пехота, до нас доносилась стрельба; прошел слух, что немцы вплотную приблизились к нашему левому флангу. Тем временем Уэстон пришел к выводу, что, ввиду низкого боевого духа войск, нехватки продовольствия и боеприпасов и невозможности оказания помощи с моря, дальнейшее сопротивление бесполезно, и продиктовал условия капитуляции, которые должны были быть вручены противнику на рассвете следующего дня. Сначала этими полномочиями он наделил Боба, но, сообразив, что рисковать жизнью первоклассного офицера глупо, остановил свой выбор на Хаунде, который недавно объявился в штабе бригады, где был покрыт позором, так как, находясь в бегах, выбросил бутылку с водой. Мы с Бобом уже давно смирились с тем, что можем попасть в плен, однако теперь появился какой-никакой шанс спастись. Уэстон сказал, что нам предстоит прикрывать отход войск и что находящийся в Сфакии и отвечающий за погрузку офицер даст знать, когда мы сможем присоединиться к остальным.

Шел уже второй час ночи, а противник до сих пор никак себя не обнаружил. Все подходы к берегу были забиты войсками. Поэтому мы с Бобом и Фредди, вместе с нашими вестовыми, отправились на поиски берегового офицера, полковника Хили,

чтобы получить от него разрешение снять оборону и тоже двигаться в сторону берега. Просочившись сквозь толпы отступающих, которым было настолько всё все равно, что они не оказывали нам никакого сопротивления, мы спустились на берег, однако никого, кто бы отвечал за погрузку, не нашли: полковник Хили некоторое время назад покинул Крит на самолете. Тогда Боб взял ответственность на себя и отдал приказ нерегулярным войскам продираться сквозь толпу и грузиться на корабль. Мой вестовой отнес этот приказ назад, в ущелье. Берег представлял собой небольшую гавань, куда из Сфакии сбегали узкие улочки. Я отстоял группу греческих лодочников, которых австралийцы хотели расстрелять как шпионов. Поскольку других вариантов не было, Боб отдал приказ штабу бригады грузиться, что мы и сделали, разместившись в маленькой моторной лодке. К миноносцу «Низам» мы подплыли около полуночи, и, как только поднялись на борт, «Низам» взял курс на Александрию. Среди офицеров миноносца не было ни одного «участника боевых действий», да и среди матросов их набралось лишь несколько. Нам дали чаю, и мы выпили не один стакан. Ни одного офицера на миноносце мы не видели. В Александрию мы приплыли в пять часов пополудни 1-го июня. Путешествие ничем не запомнилось, мы так устали, что даже брились с трудом. По-моему, на корабле только я один сохранил в неприкосновенности все свои вещи. Единственный предмет обмундирования, от которого я избавился, была стальная каска: вопреки говорившемуся на учениях, никаких иллюзий, будто она сможет спасти мне жизнь, я не питал. <…>

Ноябрь 1941 года Статья. Когда я первый раз находился в отпуске, американский журнал «Лайф» заказал мне статью про десантные войска. Я ответил, что должен для этого получить разрешение, и редактор договорился с Бренданом Бракеном. Я написал про вылазку на Бардию и получил за статью 200 фунтов. Потом, не поставив меня в известность, Питерс продал ее в «Ивнинг стандард». Статью анонсировали; другие газеты пожаловались; Министерство обороны выпустило мою статью в качестве сводки новостей. В ведомстве морской пехоты проявили обеспокоенность, Брендан снял с себя ответственность, и мне влепили выговор.

Декабрь 1941 года Отпуск в Лондоне. Спальных вагонов нет. Поезд переполнен. Переполнен и Лондон; переполнен и мертв. «Клариджес» медленно, но верно приходит в негодность. Вино непотребного качества и по непотребной цене ежедневно разносится из «Савоя». Газеты, как правило, пусты и, как всегда, выходят с опозданием. Новости с Востока угнетают всех – ничего удивительного.

Школа переподготовки командиров рот. Колинтон, понедельник, 5 января – суббота, 7 февраля 1942 года

На курсы переподготовки я ехал с не меньшим удовольствием, чем в отпуск. Колинтон – старый пригород Эдинбурга; двадцать минут на машине. Офицеров расселили по домам с разной степенью удобства. Столуемся все вместе. Находятся курсы в замке Бонэли-Тауэр, доме моего прапрадеда, о чем я догадался, увидев на лестнице кокбернский герб.

Через несколько дней ко мне приехала Лора, и мы жили в основном в Эдинбурге, в отеле «Каледонец», а утром я на такси уезжал в Колинтон. Десять дней прожили, и прожили с комфортом, в доме местной католички миссис Бэри. Продуктов питания и вина в Эдинбурге не хватает. Имеется один симпатичный ресторанчик под названием «Аперитив», но свободный столик там редкость. Старое кафе «Ройяль» было бы превосходным, если бы устрицы там не кончались через час после открытия. На первом этаже «Каледонца» находиться невозможно, однако наверху, в номерах, еще сохранился дух лучших времен.

Поступил на курсы и Майкл Мессер-Беннеттс (теперь – майор), однако он сломал ключицу и попал в госпиталь. Преподавательский состав неподражаем. Руководитель, Бакенен-Смит, в прошлом профессор сельскохозяйственных наук, воображает себя личностью, и не без оснований. В своих лекциях цитирует Декарта и драматизирует войну, опасность, смерть – в той мере, в какой это необходимо. Мой непосредственный инструктор, майор Колфилд, оказался отличным профессионалом. Курс, который мы проходим, ничем не отличается от любого другого: лекции, беготня, демонстрационный ящик с песком и т.д. Ничем, кроме психоанализа. Беспокойство командования вызывает нестабильная психика офицеров, поступающих в армию из школ подготовки офицерского состава. Очень многих из них после потери сознания приходилось отчислять из полков как непригодных к несению боевой службы. А потому, следуя примеру римлян, изучавших «Сивиллины книги» [332] , было решено от полной безысходности обратиться к психологам. А поскольку эти несчастные ни разу в жизни не видели ни одного офицера и не представляли себе, кого им лечить, они набросились на нас, решив, что мы-то им, скорее всего, и нужны. Боюсь, мы совершенно сбили их с толку. Со мной проводил собеседование какой-то неврастеник в форме майора, который попытался приписать мне «фрустрацию на всех стадиях отроческого становления». При этом о сексе не было сказано ни слова: по всей видимости, его предупредили, чтобы этой темы он

не касался. Он также ни разу не упомянул религию, и в конце нашей беседы я прочел ему небольшую богословскую лекцию. Больше всего удивило его то, что своих друзей я всегда выбирал очень тщательно и что пью вино, поскольку оно мне нравится («Почти все пьяницы находят вкус спиртного омерзительным»). С нами провели целую серию интеллектуальных тестов – раздали бланки с простенькими, как для школьников младших классов, вопросами, на которые нам надлежало ответить. В другой раз неврастеник принес с собой волшебный фонарь, и по стене заплясали волшебные пятна; от нас требовалось сказать, с какими предметами эти пятна ассоциируются. У большинства из нас эти потуги не вызывали ничего, кроме смеха.

Почти все занятия в той или иной мере касались обороны Британии и к действиям морской пехоты отношения не имели. Были среди нас и слушатели из шотландских полков; шотландцы, как мне показалось, успевали лучше англичан. Какой-то садист учил нас пускать газ.

Вернулся в Стабс, где провел месяц в состоянии тяжелой депрессии. В четвертой роте каждый день происходило нечто, свидетельствующее об упадке боевого духа. Морские пехотинцы мелочны, ленивы, лживы. Мой старший субалтерн Хэнд, юрист из Ланкашира, обрюзг, говорит без умолку. Как-то раз я увидел, что он сам несет свое снаряжение в расположение роты.

– Почему вы не поручите это своему вестовому?

– Понимаете, ведь если вы с ними плохо обращаетесь, они обязательно найдут способ вам отомстить.

Я спросил, какие чувства он испытывал, когда началась война.

– Для меня это было полной неожиданностью. Я был совершенно счастлив: мы так слабы, подумал я, что опять пойдем на попятный. <…>

Отпуск.

Среда, 1 апреля – суббота, 11 апреля 1942 года

В Лондон приехал в спальном вагоне; билеты нам с Лорой достались без труда – люди отчаялись их добывать. Вечером ужинал с Дианой. Пришел навеселе: пил шампанское в клубе «Уайт», где спиртное теперь нормировано: в баре портвейна не дают вообще, в кафе – только один бокал. Ужинали в «Карлтоне»; Диане так хотелось говорить о Сингапуре, а мне – о Среднем Востоке, что говорили мы одновременно, не слушая друг друга. Вино лилось рекой.

На следующий день я должен был выступать на Би-би-си в качестве гостя «Мозгового треста» [333] . Начал с того, что отказался с ними обедать и вместо этого пообедал с Фрэнком

Пэкенхемом. На Би-би-си приехал одновременно с ними. То есть еще с двумя гостями: сэром Уильямом Бивериджем – профессором и государственным служащим в одном лице, и маловразумительным священнослужителем, настоятелем собора Святого Павла. Из постоянных членов «Мозгового треста» были Кемпбелл – вульгарный, лицемерный, самодовольный тип, и похожий на козла, похотливый и болтливый Джоуд. С удовольствием наблюдал за тем, как над Джоудом издеваются сотрудники Би-би-си. Даже электрики и фотографы строили у него за спиной гримасы, ведущий же постоянно лишал его слова. Сначала нам задавали пробные вопросы, чтобы проверить звучание голосов. Мы сидели в комнате без окон, за круглым столом с микрофоном посередине. Вопросы задавались общего характера, поэтому спорить было в общем-то не о чем. «Знание приносит счастье?»; «Как бы вы ответили на вопрос ребенка: “Кто есть Бог?”?» Джоуду не сиделось – так ему хотелось говорить. Я упустил шанс переспорить его по вопросу о необходимости церковных шествий. Один из вопросов касался того, следует ли военным и штатским платить одинаковую зарплату. Биверидж и Кемпбелл дали положительный ответ, я же сказал, что в таком случае моим собеседникам следовало бы отказаться от двух третей гонорара за сегодняшнюю передачу. Следующий вопрос касался высокого назначения радио; чудовищное самомнение Джоуда и Кемпбелла, считавших себя олицетворением этого «радийного» ореола, вывели меня из себя, и, когда передача подошла к концу и микрофоны были отключены, я вновь вернулся к этому вопросу и поинтересовался, готовы ли мы пожертвовать заработанные сегодня 20 фунтов в военный фонд. Ученые мужи пришли в ужас. «С нашей стороны это был бы показной жест», – сказал Биверидж. «Отнюдь. Не более чем испытание на искренность».

Кемпбелл . Что ж, разумеется, я готов последовать примеру остальных, но, боюсь, с точки зрения администрации Би-би-си, это было бы нереально.

Сотрудник Би-би-си . Вовсе нет, совершенно реально.

Джоуд (*подвывая*). Я своего мнения по этому вопросу не высказывал.

Я . Стало быть, вы отказываетесь?

Джоуд . Я соглашусь, если согласятся остальные.

Я (*в дверях*). Очень сожалею, что сегодняшний день оказался у вас таким неприбыльным.

Я-то понимал, что они своего слова не сдержат – так и вышло. Забыл упомянуть: чтобы получить разрешение на участие в радиопередаче, я все утро ходил по инстанциям: из

Адмиралтейства – в Министерство обороны, из Министерства обороны – в ведомство Королевской морской пехоты. <…>

Эдинбург,

суббота, 11 апреля 1942 года

С ледяным спокойствием готовлюсь переехать в Глазго. Командующий сообщил мне, что на меня поступила именная заявка из десантных частей Королевской морской пехоты, и не исключено, что я приму участие в операции на Дальнем Востоке. Подал на меня заявку и Боб Лейкок. Столь неожиданный спрос на мою персону весьма озадачил беднягу Катлера. Явился на встречу с новым бригадиром, Ником Уильямсом. Был со мной очень мил, не скрывал своих социалистических взглядов, ругал правительство и ведомство Королевской морской пехоты. Будет содействовать моему переводу к Лейкоку.

Ардроссан,

вторник, 26 мая 1942 года

Прошло не меньше месяца, прежде чем я попал в штаб бригады особого назначения. Мое положение, однако, по-прежнему неопределенно: пока я числюсь в армии, меня не могут назначить старшим офицером штаба, и мой перевод, судя по всему, отсрочен. Лагерь в Поллоке расположился в отрезанном от парка жилом массиве с бетонными дорогами и полным отсутствием домов. Сохранилось несколько черных от дыма деревьев. Живем в коттеджах, на этот раз без воды, и спать я вынужден вместе с ротными субалтернами. Глазго окружает нас со всех сторон, но до центра города приходится долго ехать на переполненном пассажирами поезде. Единственным островком цивилизации остается клуб «Вестерн», куда нас приняли временными членами; здесь я и проводил все свое свободное время, попивая марочный портвейн. <…>

В конце мая в бригаду приехала мисс Вирджиния Коулз, «референт по особым делам» американского посла. Мне было поручено подготовить программу ее пребывания и всячески ее развлекать. Роль восторженной дамы она играла на редкость умело. Повидала она куда больше, чем большинство наших десантников, что не мешало ей повторять: «Какие же вы отличные ребята! Какие сильные! Какие отважные! Мы бы на вашем месте со страху померли…», и ее слова принимались за чистую монету. Боб попробовал затащить ее в постель, но, кажется, неудачно.

11 или 12 июня у меня родилась дочь Маргарет. В субботу утром я приехал в Пикстон, застал Лору в добром здравии, а сезон спаржи – в расцвете. Собирался взять десятидневный отпуск, но был отозван на курсы дешифровки: некоторое время назад хотел на них записаться, но свободных мест тогда не

нашлось.

Проходили курсы в Мэтлоке, начинались 16-го и рассчитаны были на пять недель. Живем в Центре дешифровки, в огромной водолечебнице «Смедлиз», где проходят и другие курсы. Обстановка здесь совсем не та, что на курсе ротных командиров в Эдинбурге. Слушатели – евреи и канадцы, в основном желторотые; преподаватели же похожи на добропорядочных школьных учителей. Военная дисциплина отсутствует. Распоряжений не дает никто. «Скажите, вы не могли бы сейчас собраться…» – в таком вот духе. Вступительное слово произнес зам. руководителя курсов археолог Кэссон. Говорил о том, что долг офицеров разведки – обучать своих командиров, чем существенно повышал самооценку слушателей, ловивших каждое его слово. Предупреждал, что пренебрежение разведкой часто приводит к катастрофе, и в качестве примера приводил вылазку Боба в расположение Роммеля. «В результате этой вылазки и был убит сын Роджера Кейса. Все проявили отвагу – но без толку. Мы-то прекрасно знали, что Роммель в Риме, но разве кто-нибудь потрудился нас проконсультировать? Нет. Вот и оборвалась жизнь юного Кейса». Говорилось это совсем еще молодым офицерам и военнослужащим, не принимавшим участие в боевых действиях. Когда пришло время задавать лектору вопросы, я попросил его рассказать об этом рейде поподробнее, однако давать подробный ответ Кэссон был не расположен. Потом он почему-то заговорил о том, что десантники совершенно не в состоянии позаботиться о собственной безопасности. Я известил об этих его словах Боба, и тот распорядился провести расследование, что может оказаться забавно.

Что до меня, то я по нескольку часов в день пялюсь в стереоскоп и получаю инструкции от бойкого еврея и робкого школьного учителя – и тот и другой совершенно безобидны.

Кормят неважно, в столовой набивается полно народу. Руководство живет от слушателей отдельно. Здесь, несомненно, много хуже, чем в Колинтоне. <…>

Ночевал в Богноре и, как всегда, повздорил с Даффом. Теперь он всем рассказывает, что я настроен пронацистски. А сказал я ему, что не вижу большой разницы между «Новым порядком» Гитлера и идеями Вергилия о Римской империи. Первого августа закрылся «Уайт». Скорблю.

Ардроссан,

понедельник, 14 сентября 1942 года

Десятый день в Ардроссане. Играю в кости и много пью. <…>

Понедельник, 14 сентября 1942 года

Почти все офицеры штаба уехали к доктору Цукерману на

тестирование нового стимулятора (а на самом деле – на подготовку запланированной на 22 октября операции). Весь день просидел за столом бригадного майора, но дел было немногим больше, чем в отделении разведки. Занят был в основном тем, что открывал письма и посылал их по восходящей, в штаб дивизии. Пару писем адресовал самому себе, вкладывал их в корзину с надписью «Исходящие», они исчезали часа на три в «Центральной регистрации» и возвращались в корзину, уже другую, с надписью «Входящие». Пишу письмо и кладу его в «исходящую» корзину, через много часов оно возвращается напечатанным. Подписываю его и вкладываю опять же в «исходящую» корзину, после чего оно бесследно исчезает, и через много, много дней попадает в офис, куда и было адресовано, во «входящую» корзину, откуда переправляется в Центральную регистратуру. И т.д. <…>

Бэзил Беннетт принес бессчетное число бутылок спиртного. Думаю, мы единственные офицеры в Европе, которые пьют за ужином бордо, портвейн и бренди.

Честное офицерское братство. Перед отъездом в Мэтлок оставил на столе несколько новых книг, которые подобрал мне Сирил Коннолли и из которых я успел прочесть лишь несколько. А вернувшись, не досчитался больше половины. <…>

Американцы ходят на инструктаж, только если его ведут офицеры-десантники. Вид у них какой-то невоенный, да и имена странные.

Октябрь 1942 года

Операция отменена. Велась ли к ней серьезная подготовка, не знаю, но думаю, что нет. Штаб бригады – в Клозуорте, в доме приходского священника, преподобного Нита; в этом доме он живет со своей бородатой супругой. Очаровательная парочка. Он убежден, что немцы высадятся у него в саду, и требует выдать ему оружие и патроны. А его жена требует бензина. Повела нас показывать церковь: «Он о ней самого высокого мнения». Он – какой-то профессор из Лондона. «Кто-нибудь из вас, друзья, может починить старенький насос? Старенький насос миссис Нит ох как барахлит…» В виду имеется ее сердце. В их флигеле мы все поймали блох. Просидев без сна всю ночь, мы с Бобом на следующий день отправились в Эмшот на обед с Нелл и Гарри и выпили море вина. После этого посмотрел на себя в зеркало – чем не красный, лакированный китайский дракон. Когда умру, смотреться буду точно так же. <…>

Читаю одну из самых вульгарных книг, когда-либо написанных, – жизнеописание Лэндора [334] . Написал в «Спектейтор» рецензию на Грэма Грина [335] и подумываю сесть за роман. Мои гаванские сигары подходят к концу – полсотни

оставил про запас. И ящик “бордо” – тоже последний. Мне по-прежнему платят лейтенантское жалованье – выбить зарплату капитана или штабного офицера пока не удается. Будем надеяться, что в один прекрасный день удастся.
На учениях Боб встретился со штабными и сказал, что подготовка у них оставляет желать лучшего, дисциплина хромает, и предупредил, что их расформирует. Умение распекать без колкостей – его сильная сторона, этим он вызывает у меня искреннее восхищение. Вот почему на него не обижаются. Окажись я на его месте, и я бы говорил издевательским тоном, а это, когда имеешь дело с такими людьми, ничего, кроме вреда, не приносит.

Среда, 28 октября 1942 года Сегодня мне тридцать девять. Хороший год. Я зачал прекрасную дочь, выпустил удачную книгу [336] . Выпил триста бутылок вина и выкурил триста с лишним гаванских сигар. В армии служу среди друзей. В прошлом году в это самое время я ехал в Хэвик, в пятую бригаду Королевской морской пехоты. Со временем вояка из меня становится все хуже и хуже, зато теперь я терпеливее и скромнее – во всяком случае, во всем, что касается военной службы. У меня за душой почти девятьсот фунтов и нет серьезных долгов – разве что перед правительством. Здоровье у меня отменное – даром что организм насквозь проспиртован. Любимая жена, приятная работа в местах, отличающихся невиданной красотой. Чего еще желать?

Суббота, 20 марта 1943 года

Безветренный, холодный день, рано утром и вечером туман, зато в середине дня ослепительное солнце. Миндаль, нарциссы, цветут все апрельские цветы, на живых изгородях распускаются листья. А на сердце зима – от безделья, одиночества и ледяного холода в голове. <…> Ничем не занят – только вскрываю письма. <…>
Бэзил уехал на выходные в Лондон, и я остался один. После ужина выпил «Крофтс» урожая 1927 года; после «Доуз» урожая 1912-го. «Крофтс» ударяет в голову. Выпил и дочитал «Человека, который был Четвергом» [337] , книгу, которую не открывал с Лансинга. Мучительно сознавать, что это Честертону мы обязаны «Веком простого человека». В 1908 году в высшую мудрость и здравомыслие простого человека поверить ничего не стоило; считалось, что заблуждения – удел исключительно резонеров и чудаков. Теперь же, когда глупость и порок царят в половине христианского мира, поверить в это труднее.

Воскресенье, 21 марта 1943 года

Ночью снились кошмары, они являются теперь так часто, что мне кажется, я страдал ими всю жизнь. От моих снов веет

непереносимой тоской – будто я читаю одну скучнейшую страницу за другой, будто слушаю длинные и совершенно несмешные анекдоты, смотрю лишенные всякого интереса фильмы.

После мессы – в замок [338] , где делать решительно нечего. Обедал с Роджером в «Плюмаже». В девять вечера по радио выступил премьер-министр; заверил своих слушателей, что о мире он печется ничуть не меньше, чем о войне. На этот раз он был менее резок, чем обычно, и миссис Максуэлл сочла, что у него депрессия.

Вторник, 23 марта 1943 года <…> Утром Боб предупредил меня, что я настолько непопулярен, что могу лишиться места. Мое будущее крайне неопределенно. Зерно раздора я посеял еще несколько недель назад, когда сообщил Тому Черчиллю, что офицерам разведки в бригаде делать нечего. Для штабных офицеров его типа более страшного богохульства нельзя себе представить, ведь вся их жизнь зависит от этой системы, они преисполнены своей значимости. Их основная задача – обеспечить себя работой, причем в таком объеме, чтобы иметь основания для назначения подчиненных и продвижения по службе. Наша военная система печется не о работе, которую необходимо сделать, а о людях, которых надо любой ценой обеспечить работой. В результате где-то ощущается нехватка людей, а где-то царит безделье или, что еще хуже, делается никому не нужная работа. Вчера не было времени высказать все это; надеюсь, что скажу сегодня. <…>

Лондон, четверг, 1 апреля —
вторник, 6 апреля 1943 года

Работаем в Лондоне над операцией «Таблетка от кашля». По последним сообщениям разведки, в настоящее время операция представляется менее реальной, чем раньше. Подал рапорт на назначение командиром подразделения: считаю постыдным давать людям задания, в которых сам не участвую. Был, однако, высмеян: слишком, мол, стар для парашютно-десантной операции. Окончательно вопрос еще не решен. <…>

Лондон, пятница, 16 апреля 1943 года

<…> Заметки о том, чем я занимался последние дни, свидетельствуют: моя работа по большей части никому не нужна. Вместе с тем из-за нее я лишился сна – в Шерборне меня никто не беспокоил, и спать я мог хоть весь день. Здесь же каждую минуту звонит телефон. «К вам можно сейчас зайти?» Отвечаю, да. Никто не заходит. Или же молодая женщина приносит техническое задание.

– Мне велели вам его показать.

– Вы уверены, что мне?

– О да, сэр.

– Хорошо, оставьте, я посмотрю.

– О нет, оставить не могу.

Уносит. Наверно, я лучше подготовлен, чем те, кто здесь работает, – оттого-то мне все это так непривычно. <…>

Четверг, 22 апреля 1943 года

<…> Такое впечатление, что генерал Хейдон не отвечает за свои действия. Здесь у всех на глазах шоры, а в ушах – затычки; очень многие не отдают себе отчет в том, что говорится и делается; только и знают, что пишут друг другу рапорты и отчеты, и все без толку. И Хейдон в этом отношении хуже всех: он перетрудился, устал и злится.

Операция, в которой я участвую, день ото дня, по мере поступающей, все более тревожной информации, становится менее осуществимой. Засекреченный пустозвон из MI 9 [339] приехал за первоначальным планом операции, увез его – и оставил в такси. А героический Никки Руни тем временем в поте лица тренирует свое подразделение. <…>

Суббота, 15 мая 1943 года

Десять дней подряд лил дождь, а сегодня настоящее лето. На солнце Лондон еще более жалок и убог, чем в тени. По улицам без всякой цели бродят какие-то уроды. Солдаты ходят группами: вид расхристанный, из-под расстегнутых воротничков гимнастерок торчат голые шеи, фуражек либо нет вовсе, либо надеты набекрень, руки в карманах, в углу рта торчит сигарета, слоняются под ручку с девицами в брюках, туфлях на высоком каблуке, с прическами кинозвезд. Никогда еще не попадалось мне на глаза столько невзрачных девиц. Рестораны забиты до отказа; в одном толкутся многоязыкие иностранцы; их здесь морят голодом, травят, без зазрения совести обсчитывают. Переполнены, хоть до вечера еще далеко, и театры <…>

Боб занят реорганизацией, которая требует каких-то сложнейших подсчетов – почему, не знаю. Послезавтра отплывает в Северную Африку, с собой берет всех, кроме меня, хотя я должен был последовать за ним. Переброска частей почему-то откладывается.

Победа в Северной Африке [340] застала нас врасплох, ведь наши собственные солдаты по возвращении оттуда говорили, что кампания предстоит долгая. В английских и американских газетах старательно избегают упоминания о том, кто внес больший вклад в победу.

Ужинал с Хенриксом: праздновали выход его бездарной книги [341] . Хорошая еда, плохая компания. Прихожу к выводу, что это лучше, чем плохая еда и хорошая компания. Дж. Б. Пристли тщеславен до глупости, завидует даже Ноэлу Кауарду. Безуспешно пытался вести со мной разговор «о высоком». Воспринимает себя олицетворением Простого человека, ощущает всю свою ответственность. <…>

Поляков клеймят за то, что они обвиняют русских в убийстве

восьми с лишним тысяч польских офицеров. <…>

Среда, 9 июня 1943 года

По словам Питерса, Александр Корда сделал мне предложение, которое, когда/если наступит мир, снимет с повестки дня все материальные сложности. Речь идет о работе в течение всего десяти недель в году за 200 фунтов в неделю. Тогда оставшиеся десять месяцев я смог бы писать, что хочу и о чем хочу. Правда, от 200 фунтов из-за инфляции останутся сущие пустяки – это первое, что пришло мне в голову. <…>

24 июля умер отец, и в этот же день штаб бригады покинул Лондон для участия в операции «Эскимос». Печальное совпадение: одно отвлекает от другого. Зол на Боба за то, что он так легко согласился не брать меня с собой. Умер отец совершенно внезапно, чем всех привел в полное замешательство. Последние несколько дней я почти неотлучно провел в Хайгейте. Похороны состоялись 27-го в Хэмпстеде. Просидел несколько томительных часов, разбирая отцовские бумаги и уничтожая письма. Он вел обширную переписку с очень скучными людьми. Мать отрешена.

Написано в Виндзоре,

воскресенье, 29 августа 1943 года

В полном одиночестве и с регулярными возлияниями прожил в Лондоне неделю, а потом на одну ночь вернулся в Богнор, где в это время находились Десмонд Маккарти [342] , Кэтрин Асквит и лорд Расселл. Десмонд только что прочел «Работа прервана» и расхваливал книгу на все лады. В тот вечер прямо над домом с девяти до десяти зависла целая стая бомбардировщиков; рев стоял такой, что казалось, будто мы сидим в одном из них. Никакого ликования мы не испытывали. В четыре утра бомбардировщики появились вновь. Летели обратно из Милана. За завтраком Диана (Купер. – *А. Л.*) пребывала в состоянии крайнего возбуждения: поступило сообщение, что итальянцы отправляют английских военнопленных в Германию. Я сказал, что того же мы ждали от французов в 1940 году, и, когда Петен не сумел переправить немецких летчиков нам, мы сочли это коварнейшим из предательств. В столь ранний час Диана была явно не готова внять моей логике. Раздражение, которое она уже давно испытывала, сменилось взрывом ярости, и я ушел опечаленный, сердитый и к примирению не склонный. <…>

Вчерашний день был для моей теперешней жизни типичным. В девять утра пошел в отдел связи, где связисты передавали сообщение по беспроволочному телеграфу. Сел в машину связи с двумя школьниками-курсантами. Проехав миль пятнадцать и проговорив всю дорогу на связистском жаргоне, остановились, я

зашел в кафе и подсел за столик к какому-то старику, который полагал, будто во главе войск союзников стоит герцог Виндзорский. Потом поехали обратно и опять разговаривали языком связистов. По какой-то неизвестной причине с шоссе съехал в кювет и сломал ось бронеавтомобиль. Обедал поздно, за общим столом, пил «Легранж» урожая 1928 года. После обеда улегся спать, был разбужен Гвином Морганом Джонсом, предложившим поехать покататься. Взяли такси, приехали к нему, выпили чаю, запрягли пони в тележку гувернантки и покатили в «Готорн-Хилл», где нас должна была ждать (но не ждала) Энджи. Выпили ее порцию виски, снова запрягли пони и опять поехали к Гвину; выпили еще виски и на такси вернулись в казармы. Поужинал, выпил «Лагранж» урожая 1928 года и, прихватив бутылку портвейна, пошел в бильярдную – пить портвейн полковник запретил. И просидел в бильярдной до полуночи, вступив в спор о религии, социализме, а также о том, еврейки ли сестры Берри [343] . Нашим потомкам, которые прочтут о титанических битвах 1943 года, будет непросто понять, на что в эту тяжкую годину уходили время и средства энергичных, хорошо подготовленных офицеров.

В прошлом стрелок, а ныне парашютист Холл толчется возле моей комнаты, по нескольку раз в день ко мне заглядывает и спрашивает: «Есть новости, сэр?» Хочет узнать, едем ли мы в Северную Африку. <…>

В среду иду на интервью в ВУЗСТ (Военное управление захваченных союзниками территорий. – *А. Л.*). Мне так надоело все военное, что не могу вспомнить, о чем меня спрашивали. Не люблю армию. Хочу опять сесть за работу. Не хочу больше никаких передряг. Я много чего припас за эти годы, припрятал до поры до времени в погреба, что-то уже настоялось – самое время пить, а то вот-вот испортится. Еще в самом начале войны я писал Пэкенхему, что ее главная задача состоит в том, чтобы лишить художника иллюзии, будто он человек действия. Меня война от этой иллюзий избавила. А еще я сумел отмежеваться от остального мира. Его безрассудство больше не выводит меня из себя, я не хочу влиять на мнения или события, не хочу разоблачать прохвостов. Не хочу никому и ничему служить. Просто хочу делать свое дело художника.

Написано 23 сентября 1943 года

Пробыв несколько дней в Виндзоре, решил подать рапорт об отпуске на неопределенный срок, вплоть до особого уведомления, – и получил его. <…>

Вот как по большей части складывается мой день. Сначала иду за письмами в «Сент-Джеймс». Потом – посплетничать в

книжный магазин, где работает Нэнси (Митфорд. – *А. Л.*). <…> Осберт Ситуэлл, сержант Престон [344] , Сирил (Коннолли. – *А. Л.*); он то появляется, то вновь куда-то пропадает. Маленькие, жалкие новые книжки и роскошные старые; гнусные викторианские безделушки владельца магазина. Потом – обед в «Уайт», обычно – с Рэном и/или Фрэдди. Рэн ведет себя вызывающе; сидит в холле и вслух рассуждает о членах клуба: «А ведь когда-то это был клуб для джентльменов. Откуда взялся этот тип?» Или: «Нет, вы поглядите, у него совсем нет шеи». Или: «Что здесь делает сей ружейных дел мастер?» Или: «Сдается мне, эти люди – мошенники». Потом – ужин, обычно с друзьями; случается, напиваюсь. <…>

Обедал с Осбертом Ситуэллом в отдельном кабинете «Экю де Франс». Нэнси Митфорд, Алиса фон Хофманшталь, сержант Престон, переводчик с китайского Уэйли со своей любовницей. Отличный обед, много хорошего красного вина. «Дочь императора Абиссинии, – рассказывал Осберт, – хотела устроиться экономкой в Итон. На вопрос о ее профессиональных навыках ответила: “Я вдова, мне девятнадцать лет, у меня шесть детей”. А вот что он рассказал про миссис Стронг, которая только что умерла в Риме: «У нее есть подписанная фотография Парфенона».

Во второй половине дня ходил на собеседование в Политическое управление боевых действий. За столом много экзаменаторов – почти все в штатском. Поймал себя, как обычно, на том, что вопросы задают не они мне, а я им, отчего произвел плохое впечатление. На обратном пути встретил на улице Криса Уоллиса и повел его и Бетджемена выпить в «Сент-Джеймс». Холлис остался на ужин (превосходный), и мы пили до полуночи, пока не закрылся бар. Про что говорили, не помню; в какой-то момент разговор, кажется, зашел о том, что ниспосланное нам милосердие обязывает нас любить человечество; и мы оба сочли, что выполнить подобное предназначение невозможно. Днем купил симпатичный томик стихов с миниатюрами – 7 шиллингов 6 пенсов.

Понедельник, 27 сентября 1943 года Побывал у матери; тихая, скучная.

Вторник, 28 сентября 1943 года Всю вторую половину дня и весь вечер пил без просыпу. Весь день в «Уайте».

Среда, 29 сентября 1943 года Неважно себя чувствую. <…> Надеюсь получить назначение в «Джи-2», хотя устал воевать, перспектива боевых учений, подчинений, согласований и сотни новых знакомств внушает ужас. Однако после того, ка́к со мной обошелся Хейдон, я обязан как солдат за себя постоять. То-то он

расстроится, когда узнает, что в результате его невоздержанности я повышен в звании.

Вторник, 12 октября 1943 года Выходные провел в Пикстоне. Деревья великолепны, Лора нездорова, мои дети мне не интересны.

Пикстон-парк,

понедельник, 25 октября 1943 года

Пишу в Пикстоне, куда приехал в пятницу 22-го. Собираюсь здесь пожить и начать писать. <…> Боб назначен командующим объединенных операций. Поздравил его; написал – несколько покривив душой, – что он цветет, словно лавр благородный. Для меня же под его раскидистыми ветвями нет места. В четверг с ним обедал, но между нами опустился незримый занавес взаимных упреков. <…> Регулярно виделся с Рэндолфом; превращается в замшелого патриота, отчего не выигрывает ни в глазах избирателей, ни в глазах избранных. Победы русских доставляют теперь меньше радости, чем год назад.

Суббота, 13 ноября 1943 года <…> Много разговоров о том, что немцы установили во Франции пусковые установки, способные обстреливать Лондон ракетами с мощной взрывчаткой. Высшие круги всерьез этим обеспокоены. Вот и я распорядился отослать в Пирс-Корт книги, которые хранил в отеле «Гайд-Парк». И при этом счел возможным привезти в Лондон сына [345] . Из чего, казалось бы, следует, что свои книги я предпочитаю своему сыну. На это я мог бы возразить, что во время бомбежек пожарники детей спасают, а книги уничтожают. Суть же в том, что одного ребенка можно заменить другим, сгоревшая же книга гибнет безвозвратно. Кроме того, ребенок вечен. И главное: моя библиотека принадлежит мне всецело, чего не скажешь о моей детской.

Написано в четверг, 30 декабря 1943 года

За исключением одного субалтерна из Голдстрим-Гардз [346] никто из нас в свой полк не вернулся. Мы под разными предлогами остались в Лондоне, и с помощью Фила мне удалось попасть в парашютную школу в засекреченной вилле близ Рингуэйя, где размещался штаб спецопераций. Шесть недель назад, в субботу, у нас был предварительный медосмотр, от которого я не ждал ничего хорошего. Однако мы все его прошли и, ликуя, отправились в «Уайт», купив по дороге в «Юстерини и Брукс» несколько ящиков вина. Все бы хорошо, но мы сильно простудились, а я вдобавок заболел гриппом.

Засекреченная вилла оказалась очень уютной, а руководитель спецопераций – прелестным человеком; говорят, что в мирной жизни он был поэтом-песенником. Кристофер Сайкс был пьян с

утра до вечера. По этой причине, а также для того, чтобы скрыть дефект речи, говорил он очень громко, с американским или французским акцентом, чем приводил в замешательство многих инструкторов и курсантов, бывших по преимуществу либо американцами, либо французами. Собственно, мы все приводили их в замешательство. Из-за гриппа я пропустил два дня «синтетических» учений: прыжок с фюзеляжа, раскачивание на стропах и т.д. На третий день утром первый раз недолго тренировался. Назавтра, в четверг, весь день прождали в Рингуэйе, пока стихнет ветер, и в пятницу совершили два прыжка. Первый доставил ни с чем не сравнимое удовольствие. В самолете шум, мрак, грязь, толкотня; парашют и вся подвесная система натирают плечи и спину. И вот из всего этого делаешь шаг в непроницаемую тишину, пустоту и неподвижность, освещенную ярким солнечным светом над вершинами деревьев. Прыгали мы всего-то с высоты 700 футов, так что наслаждение длилось недолго. Очень скоро земля вдруг оказывается совсем рядом; едва успев сделать все то, чему учили, с силой ударяешься о землю. В первый раз я заехал себе ногой в голову; во второй, приземляясь подвернул левую ногу и захромал прочь, решив, что растянул мышцу. Через некоторое время нога распухла, вечером врач осмотрел ее и велел наложить шину.

Всю неделю мной занимался равнодушный молодой врач из BBC, который никогда не приходил раньше ужина. В понедельник я настоял на рентгене, и выяснилось, что у меня сломана малая берцовая кость. Два дня ходил в лазарет, где царила мерзость запустения и где заправлял какой-то растрепанный капрал, после чего сбежал обратно на засекреченную виллу, куда Фил, Кристофер и все остальные только что вернулись, совершив три заключительных прыжка. А оттуда, как был в гипсе, отправился в Лондон и, в конечном итоге, после долгих раздумий, воцарился в «Гайд-Парке», где ко мне присоединилась Лора. В «Гайд-Парке» провел счастливые и праздные две недели (71 фунт стерлингов, не считая вина); подозреваю, что мои друзья были бы ко мне менее внимательны, окажись я вместо отеля в больнице в Миллбанке. <…>

Новости с фронтов последнее время обнадеживают. Все говорят, что в следующем году война кончится. А некоторые – что мир будет подписан уже через несколько недель. <…>

Чагфорд, Девон.

Написано 31 января 1944 года

<…> Проболтавшись в одиночестве (Лора слегла со свинкой) в Лондоне, где вращался в замкнутом пространстве скуки и апатии, решил вырваться из этого порочного круга. Настрочил заявление,

что хотел бы написать роман [347] , получил от полковника Фергюсона приказ ехать в Виндзор и обучать там ополченцев, заупрямился и, в конце концов, добился трехмесячного отпуска, пообещав (в случае необходимости) работать на Министерство информации. В субботу покинул «Гайд-Парк», переоделся в штатское и отправился в Пикстон. Сегодня, в понедельник, прибыл в Чагфорд с идеей на следующий же день, с самого утра, сесть за серьезный роман. По-прежнему простужен, хандрю, но чувствую прилив литературных сил, который, впрочем, сегодня вечером сменился приступом полного бессилия.

Вторник, 1 февраля 1944 года Встал в 8.30, на два с половиной часа раньше, чем в Лондоне, и трудился до десяти. Голова работала плохо, боролся с высокопарным стилем, тем не менее к ужину худо-бедно набралось 1300 слов. Пока удалось нащупать логическую связь, временну́ю последовательность, пришлось все написанное переписывать дважды, а многое – трижды. Сейчас все вроде бы встало на свои места. <…>

Среда, 2 февраля 1944 года Сегодняшний результат – примерно 3000 слов. Пил чай с двумя подружками Кэролайн; у одной из них лесбийское прошлое, омраченное внезапной кончиной возлюбленной.

Вторник, 8 февраля 1944 года Работаю регулярно; много переписываю; за день получается 1500–2000 слов. Сегодня перечитываю, переписываю, перестраиваю. Тревожное письмо из Министерства информации: положительное решение по моему отпуску еще не принято. <…>

Воскресенье, 13 февраля 1944 года

<…> Завяз в пучине переписывания. Каждый день просматриваю сочиненное накануне и сокращаю. Все чаще придираюсь к стилю.

Сражение под Неттуно оптимизма не внушает. Нелегко воевать с Римом. Бомбили замок Гандольфо. Русские предлагают разделение Восточной Пруссии. Неоспорим тот факт, что теперь Германия представляет Европу в борьбе со всем остальным миром. Еще хорошо, что Япония не на нашей стороне.

Суббота, 26 февраля 1944 года Сегодня утром кончил третью главу – всего 33 000 слов; в отличном настроении отнес рукопись на почту. Только собрался, пообедав, сесть за четвертую, как меня вызывают к телефону. Звонит из Виндзора полковник Фергюсон: Министерство обороны отказало мне в отпуске, и теперь мне надлежит определиться со службой. Меня назначили адъютантом к генералу, чье имя полковник запамятовал; сказал только, что это очень славный человек небольшого роста. Еще сказал, что я обедаю с генералом в понедельник, в 12.45 в «Аперитиве». Мои

надежды на еще два месяца серьезной работы перечеркнуты. Назад в пустоту и никчемность армейской жизни.

Лондон,

четверг, 2 марта 1944 года

Приехал в Лондон в воскресенье; все здесь боятся воздушных налетов, и все – в отличие от меня – какие-то серые, старые. <… > Обедал с генералом Томасом; невзирая на мои предупреждения, взял меня к себе адъютантом. Показался мне бесхитростным воякой, но впоследствии выяснилось, что человек он ненасытных амбиций и ради карьеры готов на все. Во вторник поступил к нему в штаб на неделю, но испытание не прошел. Сегодня вернулся обратно и вздохнул с облегчением. Как видно, не понравился ему в первый же вечер, когда сел за его стол, немного выпив. Объяснил, что не могу, потакая его причудам, изменить своим многолетним привычкам. Штаб как архитектурное сооружение смотрится плачевно; как сборище людей – угрюмо и невыразительно. Раз Министерство обороны отказало мне в отпуске, придется возвращаться в Виндзор. Сейчас меня интересует только одно – мой роман.

Четверг, 9 марта 1944 года Не успел я избавиться от одного генерала, как, точно кролик из шляпы фокусника, возник другой – Майлз Грэм; на первый взгляд существо более гуманное, чем Томкинс. Я поехал на выходные в Пикстон и в понедельник утром проснулся с давним тошнотворным ощущением, которое ни разу не испытывал со времен лагеря в Стабсе. Встретился с генералом в 3.45, и тот меня обнадежил: в ближайшие полтора месяца я ему не понадоблюсь; на это время он готов отпустить меня писать книгу. Даже не верится. Тем временем я подал очередное заявление на отпуск, но ответа пока не получил.

Понедельник, 13 марта 1944 года Совершенно чудесный уикэнд в Чагфорде с Лорой. Успокоился, сегодня могу сесть писать. Вчера гулял в одиночестве и составлял в уме план работы на ближайшие пять недель. Сегодня утром пришло письмо от генерала Грэма – отказывается от моих услуг.

Вторник, 21 марта 1944 года

Сегодня отправил печатать еще 13 000 слов и вгрызаюсь в новую главу. Английские писатели, когда им за сорок, либо пророчествуют, либо обретают свой стиль. Вот и я тоже, мне кажется, начинаю обретать свой стиль.

Из Министерства обороны никаких вестей. Раньше я страдал от их нерасторопности – теперь она мне на руку.

Среда, 22 марта 1944 года Мне все время хочется, когда я пишу, чтобы все происходило в один день, за один час, на одной странице, и в результате теряются драматизм и напряжение.

Поэтому весь сегодняшний день я бесконечно, до судорог переписываю и растягиваю уже написанное.

Написано в Чагфорде,
в четверг, 4 мая 1944 года

В прошлую пятницу получил письмо из отдела «по связям с общественностью»: у них для меня работы нет. Моя мания преследования вспыхнула жарким пламенем, и я написал находившемуся в это время в отпуске Бобу с просьбой помочь мне получить еще шесть полных недель для окончания работы. <…> На следующее утро звонок; Боб помочь не может или не хочет. Недоволен, как и все генералы, тем, что тянут со Вторым фронтом. Газеты стараются нас убедить, что страна рвется в бой. Одни говорят: «Второго фронта не будет», другие: «Второй фронт будет непоправимой ошибкой, ведь американцы убегут». <…>
2 мая Дуглас Джерролд давал ужин в честь нового архиепископа Вестминстерского, где был собран весь цвет католической литературы. <…> Угощение смели с такой скоростью, что к 7.45, когда обычно я еще только подумываю, заказывать или нет второй коктейль, стол был пуст. Комптон Маккензи произнес прочувственную речь в духе Каннингем-Грэма [348] . «Мы собрались здесь такие разные, такие непохожие по своим взглядам, и объединяет нас только одно – любовь к его милости. Смиренно прошу его милость быть поводырем в нашем труде». Его милость за всю свою жизнь не прочел ничего, кроме школьного учебника, однако врасплох захвачен не был. Не теряя самообладания, похвалил палату общин за Билль об образовании и за Амгот в Сицилии, сказал, что цензура призвана помогать писателю, а не мешать ему, сказал, что нами гордится (было бы за что) и сел. Человек он невзрачный, хитрый, самодовольный, типичный обыватель, напрочь лишен обаяния. После ужина обошел сидящих за столом и перекинулся словом с каждым в отдельности. Не сказал при этом ничего интересного. За ужином слева от меня сидел Грэм Грин, а справа – Холидей Сазерленд [349] – хвастался своим успехом у издателей. Сказал, что если у него и есть нелады с грамматикой, то это предлоги. «Какие именно?» – «Lest» [350] . Я призвал его прочесть Фаулера [351] . Ужин кончился, но гости не расходились; поскольку присутствовавшие привыкли выступать на банкетах с речами, а в этот вечер отмалчивались, все принялись наперебой цитировать друг другу наиболее колоритные пассажи из своих наиболее успешных выступлений. Я ушел вместе с Грэмом Грином раньше, чем его милость, в надежде, что архиепископ поймет: меня призывает воинский долг. <…>

Воскресенье, 7 мая 1944 года Работа застопорилась. Почему?

Месса в Гидли. Читаю «Гордость и предубеждение» – не та книга, после которой хочется сесть за письменный стол.

Вторник, 9 мая 1944 года Сегодня закончил и отправил первую главу из третьей книги (12 000 слов) – самая пока что трудная часть романа. Есть отдельные удачные места, но в успехе всего, вместе взятого, не уверен. Очень хорошо понимаю, что не имеет никакого смысла описывать сексуальный голод, не описывая половой акт. Мне бы хотелось так же подробно, как я описываю ужин, описать два соития – с его женой и с Джулией. Это было бы ничуть не менее неприлично, чем предложить читателю вообразить их самому; так живо, как я, он бы все равно их себе не представил. У меня образовался пробел, который читатель заполнит собственными сексуальными привычками вместо привычек моих героев.

Четверг, 11 мая 1944 года

Во второй половине дня – собеседование. Комната в Хобарт-Хаус забита армейским сбродом – жалкими, ищущими работу стариками и молодыми прохвостами. Нас вызывали к себе по одиночке усталый, но вполне уравновешенный подполковник и майор. Полковник сказал:

– У нас есть для вас два варианта. Не знаю, какой из них вам понравится больше. Можете служить уполномоченным по наблюдению за малолетними преступниками в транзитном лагере в Индии.

Я ответил, что этот вариант меня не вполне устраивает.

– А можете пойти в отдел регистрации в военном госпитале.

Я сказал, что если у меня есть выбор, то я бы предпочел военный госпиталь.

– Кстати, – спросил он, – вы получили какое-то образование? В университете учились?

– Да, в Оксфорде.

– Дело в том, что в Министерстве обороны, в отделе химического оружия, требуется образованный офицер.

– Но по образованию я античник и историк.

– Это не имеет значения. Им важно, чтобы было образование.

Выйдя на улицу, я тут же бросился к Бобу в штаб Объединенных операций и возопил: «Поскорей заберите меня отсюда!» И Боб позвонил в Хобарт-Хаус и сказал, что меня берет к себе Билл Стерлинг. <…>

Воскресенье, 21 мая 1944 года За прошлую неделю написал около 15 000 слов. От того, что получилось, то ликую, то впадаю в отчаяние. Как бы то ни было, конец уже близок. «Брайдсхед» я воспринимаю не как свой последний роман, а как первый. <…> Завтра еду в Пикстон повидать Лору и только что родившуюся

дочь (Харриет. – *А. Л.*).

Чагфорд, понедельник, 5 июня 1944 года Вчера ходил к мессе. У меня над головой парочка из ВВС – приехали сюда провести медовый месяц. Работать невозможно. Сегодня договорился, чтобы их переселили. Внес в текст все необходимые поправки и вышел на финишную прямую. Осталась последняя глава. Надеюсь закончить к празднику Тела Христова.

Ардкаллери-Лодж, Стратайр, Пертшир,
суббота, 24 июня 1944 года

В день Тела Христова, побывав у причастия в Гилдли, закончил последний вариант «Возвращения в Брайдсхед» и отправил его на машинку. На следующий день из Пикстона приехала Лора и прожила у меня неделю; за это время выправил рукопись, которую Маклаклан напечатал в рекордные сроки. В пятницу 16 июня приехал в Лондон, а днем раньше, хотя газеты об этом и помалкивали, начались бомбардировки «беспилотных самолетов» [352] . В Лондоне пробыл до среды 21 июня. Все это время одна воздушная тревога сменялась другой, в разных частях города раздавались взрывы. Хуже всего было ночью, когда поневоле прислушиваешься к реву самолетов, неотличимому для человека с моим слухом от шума автомобильного мотора. Заснуть было невозможно, приходилось закрывать окна и глушить себя снотворным. В понедельник, в половине второго ночи, с 19 на 20 июня, «беспилотник» пролетел совсем близко и низко, и в первый и, надо надеяться, последний раз в жизни я испугался. Потом, вспоминая этот неприятный эпизод, пришел к выводу, что страх был вызван расшатанными нервами, а расшатанные нервы – пьянством (беспробудно пил всю неделю), и сегодня принял решение никогда больше не напиваться.

В среду вечером выехал вместе с Бэзилом в Шотландию, в полк Специальной воздушно-десантной службы под командованием Брайена. Приехал в никудышной форме и сейчас, в окружении невиданных красот, постепенно прихожу в себя: штаб полка разместился в охотничьем домике Билла Стерлинга, на берегу озера, среди лесов с оленями и болот с тетеревами; это демилитаризованная зона, кругом ни души. В штабе кроме нас с Бэзилом имеется некий Кристофер – распущенный малый, любит повторять: «Мой старик отец – мученик своего детородного органа»; бывают, и часто, гости. Фил уехал, оставив своего вестового, который признался мне: «Теперь я понял, вояки из меня не получится, как ни бейся». Самые любопытные персонажи в штабе – два итальянца, ставшие рабами полка; их взяли в плен в Северной Африке и привезли сюда с фальшивыми документами, даже не сняв с них форму, не записав в число военнопленных. И

тот и другой – повара; у одного в Милане свой ресторан.

Пикстон. Воскресенье, 2 июля 1944 года Служба в Ардкаллери не составляла большого труда, но и особой радости не доставляла тоже: в охотничий домик часто наведывалась распущенная молодежь, Брайену же, как видно, было неловко, оттого что я нахожусь под его командой, и вел он себя со мной резко, почти враждебно. У него в полку делать мне было нечего, и он не знал, куда меня девать. Будущее мое было покрыто туманом. Но вот 28 июня пришло сообщение, что Рэндолф в Лондоне и меня разыскивает [353] . Вернувшись в Лондон утром в День святых Петра и Павла и побывав на службе в Бромптон-Оратори, я приехал к нему в «Дорчестер», и он предложил мне полететь с ним в Хорватию. Рэндолф надеялся, что я поспособствую преодолению Великой Схизмы между католической и православной церквями. О существовании этого противостояния ему стало известно буквально на днях, и он счел, что оно мешает его военной политике. Я охотно согласился, но вплоть до вчерашнего дня полагал, что ничего из этой поездки не выйдет, ведь за последние три года неудач у меня накопилось немало. Сегодня, однако, пришла телеграмма, что все улажено. Летим во вторник. Прощаюсь с семьей, а завтра, в понедельник, выезжаю в Лондон.

Среда, 5 июля 1944 года К завтраку были в Гибралтаре. Обедали в самолете смородиной, сэндвичами и шоколадом; в Алжир прилетели во второй половине дня. Абсолютно американский город. Гостиница для офицеров рангом не ниже полковника. <…>

Пятница, 7 июля 1944 года <…> Вечером поездка на машине на развалины в часе езды от города. Большая англо-американо-французская компания; песни на руинах при лунном свете. Домой вернулись в половине третьего ночи.

Бари,

суббота, 8 июня 1944 года

Выехал из посольства в Алжире в семь, полетел в Катанию; воздушные ямы, обедом не кормили. Мне, в отличие от остальных, повезло: сели в Неаполе. Пересел в самолет, летевший в Бари, приземлились в семь. Рэндолф уехал в ресторан, и ужинать пришлось в одиночестве. Со мной за одним столиком медсестра и развратного вида новозеландка – сидела, закинув руки за голову. Запил снотворное стрегой и отлично спал.

Вис,

понедельник, 10 июля 1944 года

<…> Полет в Вис. В самолете юги (югославы. – *А. Л.*) и венгерский танцор. Банкет в честь Тито в штабе (современная

вилла со всеми удобствами, за вычетом воды); волынщики, много джина, вина и тминной водки. Тито со своим штабом опоздал на полтора часа. В новенькой фуражке с югославской кокардой, в форме русского маршала [354] . Повсюду серпы и молоты, коммунистические лозунги. Тито поразил всех, отказавшись от своего обещания встретиться в Казерте с Уилсоном. Рэндолф напился и полез купаться. Маклин: угрюм, беспринципен, тщеславен, возможно, безнравственен. Бреет голову, уши торчат, как у дьявола. Прочел его докладные записки, в одной из них цитирует Лоуренса Аравийского [355] , говорившего, что если заставляешь завоеванную провинцию сражаться за свою свободу – значит, победа одержана. Делать выводы пока рано, но заявление Рэндолфа Папе, что, дескать, «общая тенденция» против коммунизма, представляется голословной. Поговорил с разными людьми и лишний раз убедился: мой скепсис небезоснователен. Сироты поют и гремят консервными банками. Девушки-партизанки. Омладины [356] . Маклин недоволен, что на «его» территории чуждые элементы. <…>

Вторник, 11 июля 1944 года Вис. Бригадный генерал Маклин: угрюмый нацист. Слоняются парами по склону и о чем-то шепчутся. Вода отвратительна, кроме вина пить нечего. Не выспался: Рэндолф болтал до трех, а мухи проснулись в четыре. Гроза.

Хорватия,
воскресенье, 16 июля 1944 года

Бари. К причастию в 7.30. Сборы.

В путь: настроение негодное – от несварения. В большой транспортный самолет «дакота» погрузились в сумерках. Рэндолф, Филип Джордан, я, коммодор Картер, югославские партизаны (один из них оказался на поверку девушкой), двое-трое русских – сели в последнюю минуту, из-за чего пришлось выгружать часть нашего багажа. Рэндолф в постоянном бешенстве. Сидели на вещах. У русских с собой большая корзина персиков, винограда и апельсинов; всех угощали. Как только набрали высоту, потушили огни и летели над морем в темноте; шумно, неудобно, то и дело задремывали. Спустя несколько часов почувствовал, что снижаемся и кружим над аэродромом, потом нас бросило вперед, помню только: иду полем в свете горящего самолета и невозмутимо беседую о войне с каким-то неизвестным мне английским офицером, и он мне говорит: «Посидел бы, что ли, командир». Не помню ни аварии, ни где я в эту минуту находился и почему; свербила лишь смутная мысль, что посадку мы совершили вынужденную. Потом помню, что сижу на носилках в какой-то лачуге. Рэндолф плачет: погиб его вестовой.

Идут путаные разговоры о том, кто спасся, а кто сгорел. Особой боли не чувствовал, хотя ожоги были и на руках, и на голове, и на ногах. Рэндолф хромает на обе ноги, у Филипа Джордана сломаны ребра, у одного юга сильные ожоги и в двух местах сломана рука. Помню, как твержу одно и то же: «Пусть только не мажут ожоги маргарином, хуже нет!» Рэндолф кричал, чтобы ему дали морфий.

Понедельник, 17 июля 1944 года На рассвете нас отвезли на машине «скорой помощи» в деревню Топуско и уложили в постель. Какая-то свирепая югославка попыталась сделать мне укол от столбняка. Местный цирюльник попытался угостить меня коньяком. Еще одна молодая женщина в брюках попыталась накормить жареным барашком. Все утро приходили какие-то люди и молча поедали меня глазами. В дверях стоял вооруженный охранник. Филипа Джордана и меня поместили в крохотных комнатушках одноэтажного дома, скорей всего, трактира с полукруглой, выходящей на скотный двор верандой; от нужника несло чудовищной вонью. Через несколько часов мы с Джорданом кое-как поднялись и пошли навестить Рэндолфа, он лежал в соседнем доме рядом с тяжело раненным коммунистом азиатской внешности. Когда нас увозили с аэродрома, коммунист оказал яростное сопротивление. Он связался по рации с дневным самолетом, летевшим в сопровождении истребителя. Появился венгерский еврей из Криклвуда; сказал, что он артдилер с Бонд-стрит и просит помочь ему выехать из Хорватии. Над деревней, больше похожей на пригород, стелился густой туман. Разбомбленная купальня. Боли никакой, только усталость и бессонница. Под вечер на той же «скорой» нас отвезли обратно на аэродром. Видимость была явно недостаточной. Умиравший коммодор храпел и стонал. Рэндолф накинулся на американца, отвечавшего за взлет и посадку самолетов: «Нечего было нас сюда везти… Есть золотое правило…» и т.д. Кончилось тем, что мы устроились на ночь на соломе за аэродромом и на следующее утро проснулись одеревеневшими; шея затекла, невозможно было повернуть голову, не было ни аппетита, ни боли.

Бари,

вторник, 18 июля 1944 года

<…> В госпитале пролежал до второго августа; всем доволен; аппетита никакого. Кормили на убой: так кормят солдат на учениях в горах Шотландии. Ужин – в шесть, в самое пекло. Пока лежал в госпитале, не ел почти ничего, только завтракал; ни на что не жаловался, пока за пару дней до выписки на шее не образовался нарыв. В больнице Рэндолф вел себя по-хозяйски: пил, приставал к дежурной медсестре, требовал лекарств,

жаловался, что его не лечат, диктовал письма, раздавал раненым американские пропагандистские фотографии с подписями на сербо-хорватском. Вскоре отбыл в Алжир, и стало спокойнее.

Рим,

среда, 2 августа 1944 года

Вылетел в Рим; шея нарывает. <…>

В Риме провел два дня; нарыв болит все сильнее. Пошел к Кастеллани [357] ; тот сказал, что это карбункул и потребуется операция.

Поехал в сорок восьмую городскую больницу – клоповник. От лечения боль сделалась непереносимой; впал в отчаяние. Через четыре дня пожаловался и попросил, чтобы мне заменили врача. Врача не заменили, зато изменили лечение: стали каждые три часа колоть пенициллин. Помогло, и к 15 августа я уже мог выписываться.

Рим,

вторник, 22 августа 1944 года

Неделя легкой жизни: больше сил, больше ем. В Риме нехватка воды, света и транспорта. Немногие открытые рестораны непотребно дороги. «Раньери» открыт только в обеденное время. В отелях столуются военные. Вот мой обычный день: просыпаюсь в семь под звуки колокола церкви Святого Андреа дель Фрате, в пижаме пью чай с Джоном Рейнером, изучаю вражеские новости, без спешки одеваюсь и выхожу. Пешком или на взятой напрокат машине осматриваю одну-две церкви; обедаю либо в «Раньери», либо, в одиночестве, в «Эдеме» – теперь здесь проводят отпуск офицеры. Возвращаюсь, сплю, а вечером, пока не стемнеет, немного читаю. Ужинаю, как правило, на Виа Григориана: электрический свет раз в четыре дня, в остальные дни ем либо при свече, одной-единственной, либо при свете фонаря. Часто – с официальными гостями Джона.

Из-за потери багажа, сгоревшего в самолете, ощущаю нехватку всего самого необходимого. Больше всего не хватает обуви – хожу в «опорках». А если опять окажемся в поле – моей складной походной кровати.

Вести из Франции обнадеживают: американцы, как видно, делают свое дело грамотно и смело. С варшавскими повстанцами русские обошлись омерзительно. Тито встречался с Черчиллем [358] .

Суббота, 26 августа 1944 года

Беспокойная неделя; жарко. Рим кишит важными персонами, приехавшими на всевозможные совещания. В «Гранд-отеле», точно в Кремле, охранники на каждом шагу. <…>

Обедал с принцессой Бандини. Великолепный современный особняк. Сидели за ампирным столом у стены, завешанной

старинными гобеленами, – и ели сосиски из американских продовольственных пайков. Оба ее сына погибли, семьи больше не существует. Все жители Рима из высших кругов живут в страхе, что грядет коммунизм. И для этого страха, судя по всему, есть основания. <…>

Иль-Рюсс, Корсика,
пятница, 1 сентября 1944 года

Во вторник 29-го, после обеда в Ватикане с д'Арси, Осборном, Рэндолфом, на джипе – в Неаполь; кругом разруха. В Кассино повсюду расклеены объявления: «Не останавливаться!» Остановились, и Рэндолф на глазах у стоявшей поблизости группы женщин помочился. На вопрос, почему он не выбрал место более укромное, последовал ответ: «Потому что я член парламента». Два дня провели (достать билеты на самолет не удалось) на вилле Гарольда Макмиллана [359] ; ничего более уродливого видеть не приходилось. Первую ночь министр был в отъезде, вторую – отсутствовал. Утром Рэндолф проснулся пьяный в стельку. На аэродром приехали за два часа до вылета, и выяснилось, что наш самолет делает посадку в Риме – в Неаполь, стало быть, ехали зря. Выбор Корсики объяснялся, во-первых, тем, что Рэндолф жил здесь в грехе восемь лет назад, а во-вторых, – заданием передать рекомендательное письмо какого-то чина из штаба Уилсона американскому генералу с венгерской фамилией. От Бастии до Аяччо, где находился штаб генерала, было, как оказалось, никак не меньше двухсот миль. Английский капитан, встретивший нас на аэродроме, на нашу беду был в начале войны знаком с Рэндолфом в чине сержанта и помочь нам, испытав при этом несказанное удовольствие, отказался. Спустя полчаса удалось найти машину, добрались до города, пришли в американский штаб и добились несъедобного обеда и машины на Иль-Рюсс, где все гостиницы и пансионы находились в ведении Соединенных Штатов. Рэндолф почему-то полагал, что на этом острове лучшие на свете лобстеры и отели. Поехали в Кальви – та же картина: негде ни поесть, ни переночевать. Наконец, нам попался офицер BBC, столовавшийся с сержантами во дворце епископа. Угостил нас джином и разрешил воспользоваться своим телефоном. Рэндолф позвонил в Аяччо американскому генералу и выяснил, что сам генерал во Франции, но его штаб «в курсе дела». Эксцентричный полковник с польской фамилией заехал за нами и отвез к себе в лагерь, где мы выпили виски у него в комнате. В углу стоял сундук, набитый всевозможным добром, которым генералу не терпелось с нами поделиться: «Скажите, что вам надо. Как насчет исподнего? Угощайтесь жвачкой, берите сигары, и побольше». Поднял телефонную трубку и заказал нам жилье на

Иль-Рюсс: «Лучшие комнаты, ужин – пальчики оближете, они вам индейку поджарят». Поехали обратно по опасной горной дороге, впереди двое полицейских на мотоциклах. Предоставив нам полицейское сопровождение, полковник, исходя из своего печального опыта, позаботился о нашей безопасности, однако в безопасности мы себя не чувствовали. Пропустив мотоциклы, встречный транспорт выруливал на середину дороги, и несколько раз наш джип чудом избежал лобового столкновения.

На Иль-Рюсс нас разместили в номерах люкс с гостиной, в отеле, который был отдан американцам под санаторий. Покормили – как на фотографиях в американских журналах. За ужином к нам присоединились чопорная юная американка из Красного Креста и тучный майор, которому поручили нас сопровождать. Звали майора Мартин. Мусолили одну и ту же тему – англо-американские отношения. Эксцентричность полковника была уже не столь заметна. Ни он, ни его соотечественники совершенно неспособны высказывать суждения, отличные от тех, которые они вычитали в своих журналах; когда им говорилось что-то непривычное, делали вид, что ослышались.

Топуско, Хорватия,
суббота, 16 сентября 1944 года

<…>Топуско – деревня, словно созданная для досуга, в ней чувствуешь себя как дома. В лесу проложены аккуратные, обсаженные цветами дорожки для прогулок, имеется симпатичный, ухоженный садик, в садике своды разрушенного аббатства и бомбоубежище; в еще одном саду плакучая ива и ведущие к купальне заросшие тропинки. Многие здания разрушены, магазины, все до одного, выпотрошены и используются не по назначению. Из живущих в деревне – только солдаты и дожидающиеся эвакуации евреи, они отдают коммунистическое приветствие и пишут Рэндолфу безграмотные заявления. Получено разрешение переправить их в Бари. Вдоль улиц выстроились платаны, в центре красивая брусчатка, постамент без статуи (короля?). Купальня совершенно новая, чистая, действующая. Купаться ходим почти каждый день, бесплатно. В близлежащих зданиях оказывают продуманную медицинскую помощь. Наши посетители – местные коммунисты; Рэндолф дружески их распекает. Поглощен предстоящими выборами; нехватку слов с лихвой компенсирует зычным голосом; его не перекричишь.

Югославские солдаты: прямодушный взгляд голубых глаз, светлые волосы; веселые, уважительные, все время поют и шутят. После угрюмых британцев поражают рвение, задор, с какими они преодолевают усталость.

Югославы: их интересует не война с немцами, а их собственная гражданская война. Хотят во что бы то ни стало отомстить усташам, отличавшимся, по слухам, звериной жестокостью. Со свойственным им прямодушием пытаются убедить нас, что их цель – ввязываясь в мелкие стычки, перекрыть немцам путь к отступлению. На самом же деле хотят поскорей выдворить немцев, чтобы развязать себе руки для гражданской войны. Коммунистические лидеры единодушно выступают за единый фронт. «Люди будут голосовать за коммунистов, а не за коммунизм». Два местных вождя, Грегорич и Хебранг, до войны несколько лет просидели в тюрьме. На Грегорича, в отличие от Хебранга, здесь молятся.

Вот типичная партизанская акция. Позавчера 5000 партизан атаковали в Казине (возле Бихача) 500 усташей, заявив, что их целью было захватить город, чтобы, закрепившись в нем, перерезать немецкие коммуникации. Усташи ликвидированы. Вчера тот же самый отряд совершил нападение на соседнюю деревню, где засели усташи, но действовал нерешительно и, не получив подкрепления, бежал. Сегодня партизаны ушли из Казина.

Воскресенье, 24 сентября 1944 года

<…> Время идет медленно. Эти две недели тянутся бесконечно. Жду конца войны, устал от военных сводок. Зато сплю, как никогда раньше. У меня нет ни сигар, ни вина, поэтому не курю и не пью – оттого, возможно, и сплю. Джорджу Селвичу надоела болтовня Рэндолфа, и он сбежал от него на военно-воздушную базу. Переводчик: вместо «комиссар говорит» – «комиссар имеет в виду», вместо «ничего страшного» (извинение) – «не имеет значения». Питаемся однообразно: мясо, жареное на сале, и сардины. Нет ни фруктов, ни свежих овощей – зато есть таблетки, компенсирующие нехватку витаминов.

Каждое утро, лежа в постели и любуясь виноградными лозами за окном и пробивающимся сквозь листву солнечным светом, вспоминаю Мидсомер-Нортон. Последние две недели с чем я его только не сравнивал: и с бордюром, и с иллюминацией, и с оттенками хромолитографии, и только сейчас понял, что все эти сложные ассоциации здесь ни при чем. Мне попросту вспомнился свет, просачивавшийся сквозь вьющийся виноград вокруг открытой веранды-курительной в доме моей бабушки.

Воскресенье, 1 октября 1944 года Эта неделя тянулась не так долго – но все же очень медленно. Последние несколько дней дождь льет не переставая. В прошлый понедельник нас позвали на банкет: штаб партизан и русская миссия обменивались наградами. Встретились в девять вечера: столы накрыты человек

на сто, никак не меньше. Меня посадили между комиссаром, не говорившим ни на одном языке, и унылым репортером – коммунистом, говорившим по-английски. Ужин – очень хороший – продолжался три часа; после ужина произносились речи, а потом показали какое-то тошнотворное театрализованное представление. Вернулись в четыре утра. Представление состояло из многоголосого хора на трех языках: русском, югославском и еще одном, отдаленно похожем на английский. А также из пропагандистской пьески, переведенной с русского, о мальчике, который получает медаль об окончании школы. А также из диалога между Гитлером и международной реакцией; в роли реакции была какая-то ведьма. И из пьесы о трусливом солдате, который становится смелым, убив немца. Мой сосед-коммунист сказал: «Вот видите, несмотря на войну, у нас есть искусство».

Понедельник, 23 октября 1944 года Вчера проснулись от авианалета: шесть или семь медленно летевших самолетов сбрасывали небольшие бомбы и обстреливали нашу деревню из пулеметов, не встречая никакого сопротивления. Рэндолф разволновался. Точно так же, сказал он, начиналась и парашютная атака на Двар [360] . Налет сам по себе представлялся столь бессмысленным, что я поверил в правоту его слов. Бомбардировкой, однако, дело и кончилось, и мы с Клиссолдом отправились посмотреть, есть ли повреждения и жертвы; оказалось – самые незначительные. Одна бомба угодила в чайную, антифашистская фреска не пострадала. В одиннадцать часов явившиеся в церковь прихожане услышали рев самолета и пулеметную очередь. Поначалу они насторожились, но священник проявил исключительное самообладание, и с той минуты, как началась служба, от алтаря никто не отвернулся ни разу. Я было подумал, что на деревню напали усташи, и, стоит только нам выйти на улицу, как мы попадем к ним в лапы; что в церкви уже орудуют кровожадные хорваты. Фредди – он понуро сидел в миссии в полном одиночестве – решил, что вот-вот начнется атака с воздуха. Я упаковал свой вещмешок, но бежать нам не пришлось. Всю вторую половину дня и весь вечер лил дождь; свет выключился; Рэндолф и Фредди лежали в постели, а я, напрягая в темноте глаза, перечитывал «В поисках Корво» [361] . Сегодня утром проснулся рано и сразу же оделся – не хотелось в случае очередного воздушного налета быть застигнутым врасплох. Но деревню заволокло густым туманом, и я пишу эти строки, вместо того чтобы сидеть наготове с вещами в гостиной, провонявшей ракией. <…> За обедом Рэндолф и Фредди расшутились – если это можно назвать шутками. Об искрометном, с выдумками диалоге, который я так люблю, об остроумных выпадах, о

вышучивании избитых мыслей, об обмене цитатами и спонтанно возникающими ассоциациями они понятия не имеют. Громкий, безудержный смех вызывает у них пересказ памятных изречений их отцов или других известных людей, но даже при столь обширном репертуаре они ухитряются повторяться: не проходит одного-двух дней, а то и часов, как одни и те же родительские афоризмы всплывают вновь. Наряду с этим, они с большим увлечением цитируют избитые пассажи из Макколея, стихи Джона Бетджемена, Беллока и других классиков. Ужасно надоело рассказывать Рэндолфу одно и то же; первый раз, когда он пьян, и второй, когда протрезвел. Проходит два часа, и он, напившись, со стаканом ракии в руке, является ко мне в комнату упрекнуть меня в отсутствии дружеских чувств. Проходит еще час, и он жарит почки вместо нашей кухарки Зоры, лезет к ней целоваться, громко со вкусом чмокает ее в щечку и, если блюдо удалось, весело посвистывает. Все это, а также его американские словечки, покашливание и попукивание, не слишком украшают мой быт, особенно в дождливую пору. Еще повезло, что, в отличие от Фредди, мне не приходится ночью слушать его богатырский храп. Дочитал «В поисках Корво».

Вторник, 24 октября 1944 года Побывали с Клиссолдом у приходского священника, где встретились с монсеньором Риттигом. Небольшой, но просторный дом с типичной для пресвитерии обстановкой. В приемной отталкивающая обеденная мебель, цветные литографии на исторические темы, повсюду открытки с благочестивыми изображениями, энциклопедия. Этот дом, в отличие от домов приходских священников, – еще и музей: священник собирает камни, он их тщательно и любовно раскладывает, подписывает, проставляет на них номера. Тут и римские камни, и средневековые; нашел он их здесь же, в городе. Задал Риттигу несколько вопросов о позиции Церкви. Священники признают авторитет своих епископов на освобожденной территории? – Да, епископы ведь не делали ничего предосудительного. Сколько священников было на захваченной противником территории? Он не знает. А капелланы там были? – Да, но немного. Сколько? Не знает. И дальше в том же духе. Задал ему вопрос об обучении духовных лиц. Будет кому обучать церковным догматам? Монашеские ордена будут, как встарь, допущены к образованию? – Францисканцы вели себя плохо: подстрекали усташей. Ни один ответ не устроил меня в полной мере. И мне подумалось, что монсиньор ставит политику (или, на его языке, – патриотизм) выше религии. Потом я спросил, ходили ли на религиозную службу партизаны. Он принялся расхваливать партизан за их рассудительность,

чистосердечие, отвагу. Что лучше, спросил я, быть отважным язычником или трусливым христианином? Тут он резко поменял тактику, процитировал девятую заповедь блаженства [362] , заметил, что сегодня день архангела Рафаила, и мы все должны быть, как святой Рафаил [363] . А напоследок высказал гуманную мысль: долг священника в тяжелую годину быть со своим народом; мы все, сказал он, должны верить, что зло не возобладает над добром. Ушел от него с уверенностью, что это истинный пастырь. А потом приходской священник показывал нам свои камни.

Пятница, 27 октября 1944 года

Весь день дождь. Не выходили из дому. Опять «трения» с Рэндолфом: в очередной раз посетовал, что я мог бы быть с ним повежливей. Меня этим не проймешь: он просто распущенный хам; ему доставляет удовольствие хамить тем, кто слабее него; если же он имеет дело с таким же сильным, как он, то тут же принимается скулить. Если ему все это сказать – поймет, но выводов из сказанного не сделает. Как бы там ни было, мы обречены жить вместе, и я должен держать себя в руках и признавать за ним права вышестоящего офицера, пусть он и уклоняется от своих прямых обязанностей. Во время воскресного воздушного налета он потерял лицо, и сейчас я менее всего склонен скрывать свое раздражение. Факт остается фактом: он несносен, у него отсутствует фантазия, острота ума. Он по-детски памятлив, и память заменяет ему мысль. Задачи он ставит перед собой самые незначительные, но и эти задачи неспособен решить из-за неумения владеть собой. По характеру он человек зависимый – а потому привязчивый и эмоциональный. В длительном общении он плох, но вывод напрашивается сам собой: никто, кроме него, не выбрал бы меня, и никто, кроме меня, не ужился бы с ним. В нашей с ним общей военной работе мы оба находимся на пределе – но выхода ни у него, ни у меня нет, и мы должны с этим считаться.

Вчера через Топуско прошла мусульманская «бригада», число солдат – как в батальоне, почти все оборванные, без сапог и вещмешков; запевалы пытаются заставить солдат петь что-нибудь задорное, юное. Очень молоды и худы. Будь у них, как у их отцов, длинные усы, экзотические наряды и византийское оружие, и они прошли бы через этот уютный городок незамеченными. Но у них с нами слишком много общего. Их оружие и пришедшая в негодность форма – наша или итальянская. В Казине они воевали так же, как воюем мы – не умением, а числом; грабят так же, как мы. Их, как и нас, поджидают рентгеновский аппарат и операционный стол. И поражение они терпят, как мы: неспособны

отбить контратаку. И так же вероломны. Трижды клялись в верности своему командиру, а затем убили его ради денег. Вот она, Европа, подумал я.

Суббота, 28 октября 1944 года Мой сорок первый день рождения – самый беспросветный за последние одиннадцать лет. Весь день накрапывал дождь, и из дому вышел всего один раз – пошел в купальню, которая, как нам сказали (и ошиблись), должна открыться вновь. Год получился хорошим: родил дочь, написал книгу, спасся от смерти. Молю Бога, чтобы в следующем году, в этот день, я был у себя дома, за своим письменным столом, в мире и покое.

Четверг, 2 ноября 1944 года

<…> Югославы не испытывают к нам никакой благодарности, да и не должны испытывать, ведь и мы относимся к ним без всякого великодушия. Мы проводим недальновидную политику, преследующую узкоэгоистические цели, а потом жалуемся, что к нам относятся без любви и уважения.

Рэндолф злится, что никак не приходит ответ на его запрос; то и дело кидается к телеграфисту с вопросом, есть ли ему сообщение.

– Может, станет ясно, когда выйдем на связь следующий раз.

– Станет ясно что?

– Что капрал Крук (он должен был приземлиться накануне вечером) жив.

– А у вас есть сомнения?

– Нет, конечно, нет. *Но какого черта они молчат* ?

Собирается в Белград, и я предвкушаю долгожданные каникулы.

Пятница, 3 ноября 1944 года Поступают противоречивые сведения, внушающие страх, что нашу почту несколько дней назад сбросили мимо цели, она украдена и пропала. Лучше об этом не думать. Вечером Рэндолф вызвал Матеша [364] . Рэндолф был уже пьян и с каждой минутой пьянел все больше; постыдно поносил Матеша, никому не давал сказать ни слова; Матеш держался с умом и достоинством. Рэндолф, не поужинав, отправился спать. О здешних коммунистических целях Матеш говорил недвусмысленно: в Греции пытались сначала захватить власть, а потом побить немцев; здесь же все наоборот: сначала сражались с немцами, а теперь готовятся захватить власть. «Пришло время спросить тех, кто сражался вместе с нами, каковы их планы после окончания войны». Рэндолф был слишком пьян и слишком увлечен собственными идеями, чтобы оценить сказанное Матешом. Фредди был трезвее Рэндолфа; сидел допоздна и жаловался, что вынужден спать с Рэндолфом в одной комнате; без конца возвращался к скандалу, разгоревшемуся прошлой ночью.

Вторник, 7 ноября 1944 года Празднование русской революции. Многие солдаты – с новенькими, позолоченными русскими медалями. Стары (крестьянин, мастеровой при миссии. – *А. Л.*) вечером напился и подрался. Дождя нет, но пасмурно. Клятвенно обещают, что завтра «дакота» наконец приземлится. Дождь почти каждый день; иронические реплики по этому поводу.

Суббота, 11 ноября 1944 года

Долго гуляли с Клиссолдом. Когда вышли, ступали по сухой, подмороженной земле, а на обратном пути, только выглянуло солнце, – месили грязь. После обеда купальня. Вместе с Фредди поспорили с Рэндолфом на 10 фунтов, что за две недели он не прочтет всю Библию. Пусть мы проиграем, зато какое-то время будет тихо. Не тут-то было: сидит, качаясь на стуле, хмыкает и говорит: «Надо же, а вы знали, что это из Библии: “Сведете вы седину мою с горестью во гроб” [365] ? Или восклицает: «Черт, вот ведь какой Бог черт!»

Сегодня сюда привезли первую партию военнопленных.

Вторник, 21 ноября 1944 года Весь день дома и вокруг дома американцы. Читаю у себя в комнате корректуру «Возвращения в Брайдсхед» и дрожу от холода.

Среда, 22 ноября 1944 года Американцы еще здесь. В середине дня Рэндолф перепил и Библию забросил. Американцы вместе с русскими напились коктейлей, и одного из них за ужином вырвало на пол.

Четверг, 23 ноября 1944 года Американцы было ушли, но вечером вернулись в полном составе.

Пятница, 24 ноября 1944 года Американцы ушли окончательно. Правлю корректуру в те редкие минуты, когда Рэндолфа нет в комнате.

Суббота, 25 ноября 1944 года Правлю корректуру. Рэндолф весь день «квасит»; пытается сочинять стихи. Сидел рядом со мной со стаканом вонючей ракии, что-то бубнил себе под нос, считал на пальцах слоги и, в конце концов, «родил» вот какую поэтическую строку: «В забытье твоей любви заточен сижу». После чего впал в бешенство, а потом – в прострацию.

Воскресенье, 26 ноября 1944 года Фредди и Клиссолд прибыли в Бари 20-го. Счастлив, что мои письма летят домой. В шесть вечера дочитал корректуру, воспользовавшись тем, что Рэндолф отправился в кино в Глину. Фильм отменили.

Вторник, 28 ноября 1944 года Сильный снег; оттепель. Получил разрешение на отъезд. Дорога перекрыта. Партизаны отмечают свой юбилей.

Суббота, 2 декабря 1944 года Видел, как американские

полковники завтракают шоколадным тортом, оставшимся от вчерашнего ужина. Оттепель, но вот-вот опять пойдет снег. Беспокоюсь, долетит ли моя корректура; если нет, книга выйдет не скоро.

Бари,

понедельник, 11 декабря 1944 года

В субботу вечером, 2-го числа, из штаба пришло сообщение, что дорога на Сплит открыта опять. И в воскресенье, в 10 утра, после мессы, в джипе, вместе с шофером и майором из партизан, я пустился в путь. Двинулись в путь и американцы; куда им надо, они знали не очень хорошо, но зато твердо знали, что на месте им оставаться нельзя. Я встретил их в Слунже, где из-под снега было не видать водопадов, которые, будь сейчас лето, запомнились бы надолго. Из Слунжа дорога шла лесом на Плитвицские озера; глубокий снег, повсюду мины. Пару раз мы застревали в снегу, и американцам пришлось нас выталкивать. Из Плитвице поехали в Лику: бескрайняя, засыпанная снегом равнина, со всех сторон голые холмы, разрушенные деревни, несколько оставшихся в живых жителей, мало похожих на людей, выползали из своих домов и на нас пялились. В половине четвертого дня добрались до Кореницы, большой деревни; от нескольких солидных строений остались одни руины, сохранилось всего два-три дома на окраине. Здесь, в двух крошечных комнатках, располагалась совместная миссия, офицеры и солдаты, американцы, англичане, хорваты-подпольщики, пожилая женщина и девушка – все жили вместе и спали на полу. Английских офицеров среди них не было. Американцы раздобыли мне сено и место для моего спального мешка в общежитии через дорогу. Ночью ударил мороз. Женщины поднялись до рассвета. Разожгли костер и приготовили нечто вроде каши.

В понедельник в девять снялись с места. Проехали по Лике, пересекли до основания разрушенную Удбину и подъехали к подножью перевала через Динарские Альпы. Нас предупредили, что немцы ушли из Казина и нам навстречу двигается большая немецкая колонна. Проехали через обледеневший лес невероятной красоты и в половине двенадцатого поднялись на вершину горы, где стоял камень, обозначавший границу Долмации. Все разом поменялось. Снег и лед остались позади, камни покрылись желто-бурым налетом, из расщелин выбивалась растительность, на деревьях под нами еще не опала осенняя листва; красные виноградные лозы, желтые дубы, зеленые оливки, а далеко впереди синева в золоте: солнце над Адриатикой. Съехали вниз и в 12.15 были в Оброваце,

симпатичном разноцветном городке с чистыми улицами, красными крышами и крашеной штукатуркой. Только теперь мы вздохнули с облегчением: больше нам ничего не грозило. Мост был снесен, в качестве парома использовалось десантное судно. Из-за поврежденного колеса на паром мы опоздали и поехали дальше, в Бенковач, где прождали час и сменили нашего майора, которому надо было в Зару, на двух других, сказавших, что направляются в Шибеник, на самом же деле они просто хотели прокатиться. Ни тот ни другой дороги не знали, и мы целый час ехали вдоль побережья, натыкаясь на заграждения. Наконец въехали в Биоград и берегом моря, уже в сумерках, добрались до Шибеника. В Шибенике опять поменяли пассажиров и совсем новой, еще не доделанной, но уже разбитой дорогой потащились в Трогир. А из Трогира, уже очень быстро, покатили в Сплит, куда приехали в 8.30. Тут я было решил, что наши трудности позади, но в мэрии никто не знал, где находится миссия, дорогу нам указали неверно, и, в конце концов, мы попали в занятую войсками гостиницу, где лейтенант военно-морского резерва сказал: «Доедете до конца набережной, дальше езжайте все время прямо, пока не увидите первый югославский пропускной пункт; повернете направо – миссия в тупике. Спросите – вам всякий скажет». Эти указания, как выяснилось, не имели ничего общего с действительностью. Когда стемнело, мы поездили еще с полчаса и дважды возвращались к лейтенанту. После чего позвонили в миссию, английский офицер связи (Скотт) прислал за нами свой джип, и, следуя за ним, мы приехали на его виллу за городом. Человеком Скотт оказался гостеприимным, он угостил меня ужином и уложил спать.

Здесь-то я и услышал впервые то, что слышал потом много раз, – жалобы на грубость партизан. В Далмации о них идет дурная слава, жители городов, те, что покультурней, искренне их ненавидят. Партизаны отвечают на эту ненависть подозрительностью и арестам, которыми здесь занимается их тайная полиция. Стоящий в гавани английский крейсер «Дели» вызывает всеобщее отвращение.

На следующее утро, 6-го, хотел поехать в город и оживить свои воспоминания о дворце Диолектиана, но вместо этого вынужден был болтаться возле миссии в ожидании Уинтура, чье место в Дубровнике я займу. Тем, как с ним там обращались, он остался крайне недоволен, при этом заверил меня, что мне достанется самый лучший в городе дом – вилла, где я когда-то побывал с инфантой Беатриче. В час дня я поднялся на палубу «Хай-Ли», военного транспорта, использовавшегося в качестве пассажирского парохода и плывшего под норвежским флагом; на

нем возвращали в голодную Хорватию детей и стариков, беженцев, некогда отправленных в Италию. Поступило штормовое предупреждение, однако плаванье прошло гладко – во многом благодаря корабельному врачу, пустившему меня к себе в каюту.

Четверг, 7 декабря 1944 года Очень напряженный день: офицеры, парикмахеры, священники, магазины. В Афинах англичане воюют с партизанами.

Среда, 13 декабря 1944 года

Все еще в Бари; с кем только не встречаюсь в связи со своей миссией в Дубровнике, собираю вещи, <…>. Все здесь волнуются из-за Греции. Сейчас не время для полномасштабной операции, да и вряд ли такая операция будет иметь долгосрочный успех. Лучше всего делать то же, что делали немцы в Югославии: захватить города и дороги, а коммунистам предоставить отсиживаться в горах, чтобы потом, когда мы уйдем, отомстить нашим друзьям. Газеты и политики в Англии допускают серьезную ошибку, отказываясь признавать, что партизаны, где бы они ни были, – это всегда одна и та же революционная армия. Мы же называем их «патриотами», «отрядами сопротивления» или «армией освобождения». Слово же «коммунисты» если и употребляем, то ставим в кавычки, словно это лживая немецкая пропаганда. В Англии, насколько я могу судить, дело представляется так, будто мы пытаемся навязать демократической стране неугодное ей роялистское правительство. Ситуацию можно изменить, только применив силу, – у нас же для этого нет людей, даже если бы греки нас поддержали.

О чем еще ведутся здесь разговоры? В основном бранят на чем свет стоит югославских партизан, предрекают, что Италия, стоит только немцам уйти, станет коммунистической. Случается, говорим об архитектуре. После трех месяцев в Топуско устаю от такого количества людей.

Четверг, 14 декабря 1944 года Фредди Беркенхед, Билл Дикин, Джон Кларк и я безутешны: война идет не так, как хотелось бы, ситуация в Греции тупиковая, потери в Италии немногим меньше, чем в Первую мировую. Американцы ведут себя не по-дружески, итальянцы только ждут удобного случая, чтобы выступить против нас, ни у кого из нас нет будущего. В одиночестве ужинал в «Империале» и разговорился с тремя полицейскими; говорят, что только английских вооруженных дезертиров здесь никак не меньше двух тысяч.

Дубровник,
пятница, 22 декабря 1944 года

Отплыли в Дубровник [366] в 10 утра на следующий день;

шли узким, обезвреженным от мин проливом вдоль берега, встали на якорь в гавани, где меня встретил моложавый капитан Эрл из пехотной бригады и отвез в миссию. Находится миссия в узком проулке, в небольшой гостинице; столовая, несколько спален, нет ни ванной, ни отопления. Отсутствовала, что было особенно неудобно, и офицерская столовая. Рэндолф, а также люди из восьмой армии перед отъездом заверили меня, что отдали приказ безотлагательно обеспечить нас пристойным жильем, но последующие двадцать четыре часа убедили меня, что такого приказа здесь не получали.

В день приезда обедал на нетопленой вилле в Лападе с майором Гамильтоном-Хиллом, человеком щеголеватым и довольно заурядным. С нами вместе поглощали скверный обед из армейского рациона и пили плохое вино католический капеллан и молчаливый полковой казначей. Зато вечером, дома, поужинали на славу: прекрасная жареная рыба и цыпленок, отлично приготовленные овощи, хорошее вино. Все было превосходно, кроме капрала Пирсона, он вел себя так, будто не только сам нисколько от нас не зависит, но и его миссия – тоже. Окончательно потеряв над собой контроль, он, словно невзначай, поставил Эрла перед фактом:

– Когда поедете в Никшич, я поеду с вами.

– И какое же, позвольте узнать, у вас там дело, капрал? – поинтересовался я.

– У меня поручение от полковника Кларка.

На следующий день, побывав утром в нескольких церквях, заполненных, несмотря на ранний час, до отказа, я вызвал Пирсона к себе и провел с ним короткую «деловую» беседу. Сказал, что, коль скоро он находится под моим началом, ему следует, если он не хочет оказаться в дурацком положении, прислушаться к моим словам. Что здесь он находится в моем распоряжении – и будет находиться, покуда я буду нуждаться в его услугах. Что он младший член миссии и вести себя должен соответственно. Что он ни под каким видом не вправе покидать миссию без разрешения старшины. Что одеваться он должен подобающим образом и так далее. Как видно, Пирсон испугался и с этого дня стал как шелковый: покорно делал то, что от него требовалось.

Моим следующим шагом было вынести кровати из самого большого помещения в доме, поставить туда мебель, чтобы у меня была своя комната, где я мог бы работать и есть. Впрочем, моей комната стала только сегодня утром, ибо 20-го, во второй половине дня, к нам присоединился довольно странного вида офицер, беззубый армянин майор Кармель из 60-го полка.

Поначалу, как и все новые знакомые, он вызвал у меня живейшее отвращение, но не прошло и двух дней, как отвращение сменилось симпатией. Он сообразителен, остроумен, любит вино и сигары и, с присущим его нации умением приспосабливаться, сменил по-армейски задорный тон и стал отзывчивым и цивилизованным. Мне он сделал немало хорошего – отвез, например, в пещеру, где я купил много бутылок превосходного вина по 10 лир (6 пенсов) за литр. Вчера Эрл уехал, а Кармель остался.

Вчера у нас ужинали Гамильтон-Хилл и бригадир, ирландец с необычной фамилией Туиг. Необычна, искусственна была и его внешность: глаза и лоб орангутанга, пушистые усы, как у Осберта Ланкастера [367] , а в голосе слышится одновременно и Олдершот [368] и Дублин. Поначалу я подумал даже, что он кривляется, но стоило мне поймать на себе свирепый взгляд его крохотных обезьяньих глазок, как улыбка застыла у меня на губах. В берете с пером своего полка он выглядел на редкость нелепо, но его грудь украшали отличные медали, и, судя по отзывам, солдатом он был первоклассным. Как и все, с кем мне довелось познакомиться в последнее время, о войне с Россией он говорил, как о чем-то неизбежном, неотвратимом. Вечер тем не менее мне показался скучноватым. Более того, у меня возникло впечатление, что в первые же минуты разговора одним неосторожным замечанием я восстановил против себя нашего гостя. Кармель, однако, счел, что ужин прошел хорошо.

От войны Дубровник не пострадал нисколько, но вид у города, прямо скажем, невеселый: магазины пусты, на рынке стоят небольшими группами люди, обменивающие домашние украшения на картофель и самодельное мыло, лица у жителей – голодных, угрюмых – бледные и испуганные. А у партизан вид отталкивающий: в Лике они бы смотрелись естественно, на здешних же улицах – совершенно несообразно. Красивые дома с трудом переносят бремя красных звезд и партизанских надписей: «Zivio Tito! Zivio Stalin!» [369] Все сходятся на том, что поначалу высадившиеся английские войска были встречены с энтузиазмом; теперь же, когда выяснилось, что это не более чем небольшой экспедиционный корпус с ограниченными функциями и скромными задачами, неспособный ни овладеть городом, ни накормить его, – жителей Дубровника постигло глубокое разочарование. Партизанам удалось свести деятельность английского штаба до состояния беспомощной, лихорадочной суеты и полностью овладеть ситуацией. Что же до английских солдат, то они сохранили более высокий боевой дух и недавно разоружили офицера из партизан, который избивал ногами

раненого немца. Задача нашей здешней миссии состоит, как я ее понимаю, в первую очередь в том, чтобы быть посредником между экспедиционным корпусом и партизанскими властями. Пока что я занимаюсь размещением солдат и офицеров на постой, улучшением бытовых условий, а также выслушиваю жалобы с обеих сторон; по мне, одна другой стоит.

Сегодня: 8.00 – завтрак (яичница с беконом и сосисками); 9.30 – с Кармелем в штаб бригады; присутствовали на встрече бригадира с комендантом города. Разговор по душам: бригадир низким, грудным голосом разъяснял смысл своих приказов. Комендант города: наглый взгляд, большие светлые усы, розовые щечки, недоверчивая улыбочка. Переводчик: в прошлом морской капитан из Ванкувера, болван исполинского роста. Закончилась беседа сладким чаем, обильно сдобренным виски. Потом – к прапорщику «Тони», нашему переводчику, – установить в его офисе телефон, а заодно выразить сожаление, что корабль отплыл, не поставив в известность офицера связи в порту. Договорился, что во второй половине дня займемся размещением по квартирам. Предложил 25 тонн солярки для местной электростанции, изобразив дело так, будто это моя инициатива. Вернулся в миссию проводить Кармеля. Принял заплаканную англичанку средних лет: замужем за югославом, хочет, чтобы ее отсюда вывезли. Утешил ее пачкой сигарет, куском мыла, номером журнала «Тайм». Все время твердила: «Больше всего на свете боюсь, как бы не было беспорядков». Обнаружил, что у меня сломался телефон. На обед свежезажаренные сардины, пирог с изюмом, белое вино.

2.30 – Тони опоздал, вернулся навеселе: пил шампанское с юношей и девушкой – комсомольцами [370] из Москвы, приехавшими на машине из Черногории со съезда молодежи. С Нэрном, офицером, ответственным за расквартирование, ходили осматривать складские помещения. Потом отправился на поиски растащенного на детали немецкого грузовика; нашел его на заднем дворе, за нашими мастерскими. Партизаны собирались «раздеть его догола», но выяснилось, что от грузовика и так почти уже ничего не осталось. Потом обсуждал, как будем отмечать Рождество: англичане хотят устроить праздник для местных детей, партизаны – для собственной молодежной коммунистической организации. «Английские солдаты находятся далеко от дома и думают о своих собственных детях, – сказал я. – Они отдают свои продовольственные пайки, чтобы доставить радость детям Дубровника». Постарался дать партизанам понять, что англичане вряд ли будут в восторге, если юнцы в форме, выстроившись стройными рядами, будут петь «Zivjela Britanija

[371] ». Потом пошел в местный партизанский магазин сторговаться о вине для солдат на Рождество. Мелочный Гамильтон-Хилл решил сбить цену, назначенную партизанами, и предложил 50 галлонов бензина и 50 килограммов муки за 800 литров вина и 25 литров спирта. Сначала комиссар заявил, что вознаграждения они не возьмут, но «если вы готовы дать хоть что-то, мы это *примем* ». Я назвал нашу цену, и тогда он сказал, что за нее мы сможем получить только вино. На это я сказал, что сделка отменяется. На это он сказал, что за эту цену готов добавить к вину еще и ракию, и я ушел, поняв, что торговаться без толку. Потом я узнал, что, хотя сегодня утром бригадир пообещал дать 25 тонн солярки, больше 17 тонн мы поставить не сможем. Я пошел к Гамильтон-Хиллу, объяснил, что получилось некрасиво и что бригадира следует поставить в известность. Он со мной согласился и позвонил через полчаса сказать, что постарается дать 20 тонн, – лишь бы бригадир не узнал. Тогда я дал об этом знать Кармелю, сказав, что он мог бы, если сочтет нужным, поднять этот вопрос в штабе в Никшиче. По возвращении обнаружил две записки. В первой – бестолковой – какой-то канадец писал, что хочет поскорее покинуть страну. Во второй морской офицер спрашивал, можно ли взять напрокат машину. Ужинал в одиночестве; просидел до десяти вечера, укутав колени шинелью; засим в постель.

Вторник, 26 декабря 1944 года Весь день ослепительное солнце. Утром ходил пешком в Лапад выяснить, есть ли у семьи Мустапич основания претендовать на английское гражданство. Взял с собой переводчика из штаба. Обошли по окружности весь полуостров, прежде чем нашли их дом – маленькую, видавшую виды виллу. Отослал переводчика обратно, позвонил и вошел. В первый момент решил, что попал в притон: по сумрачному холлу прогуливалось множество каких-то вполне миловидных юных дев, некоторые в халатах. Меня провели в скудно обставленную, небольшую гостиную с новогодней елкой в углу. Миловидные юные девы – на поверку их оказалось не более четырех – вошли за мной следом и, в ожидании отца, Мустапича-старшего, принялись ублажать меня разговорами. Я и сейчас не до конца уверен, что был неправ касательно предназначения этой виллы. Наша беседа проходила в атмосфере повышенной сексуальности. Особенность этой семьи заключалась в том, что те ее члены, которые были югославами, по-английски изъяснялись вполне сносно; «чистые» же англичане не могли сказать на этом языке ни слова. На то, чтобы разобраться в их деле, времени ушло немало. Старший Мустапич был по рождению австрийским подданным, эмигрировал в Новую Зеландию, где, купив молочную ферму,

нажил приличное состояние. По его словам, в 1903 году он получил новозеландское гражданство. В Новой Зеландии он женился на югославке по имени Булог, у которой было три брата-антипода: Том, Джо и Стив. Все дочери, несомненно, родились в Новой Зеландии. На четверых у них было два свидетельства о рождении и один паспорт (выданный консулом в Сараеве в 1937 году). Одна из дочерей, у которой – единственной – были в наличии и свидетельство о рождении, и паспорт, недавно вышла замуж за православного обойщика, который в настоящее время находился в 29-й партизанской дивизии. Ее старшая сестра тоже была замужем – за печником. Они очень мило надували губки, когда говорили, что больше англичанками не являются, и просили, чтобы их развели. Две младшие дочери были, безусловно, англичанками, но по-английски не говорили. Несмотря на это, одна из них – сообщил мне по секрету ее отец – надеялась выйти замуж за английского солдата. Эти две девушки боялись, что их заберут в партизаны. В семье разделяли идеи Пальмерстона [372] о ценности английского гражданства и полагали, что, коль скоро у них будут все «необходимые бумаги», им не грозят ни опасности, ни мошенничество. Я подробно записал все обстоятельства их дела и обещал послать запрос в Бари. За это они угостили меня ракией и сладким печеньем и на прощанье одарили ослепительными улыбками. И все же не в борделе ли я побывал?

Пятница, 29 декабря 1944 года Разговор с переводчиком Уинтура; рассказал мне, что все школы Дубровника закрыты партизанами, а учителя под руководством коммунистов проходят двухмесячный инструктаж в соответствии с новой политикой в сфере образования. Партизаны пожаловались, что накануне видели, как сидевшие в кафе четверо английских сержантов мирно беседовали с немцем в партизанской форме, и немец будто бы при полном попустительстве англичан заявил, что все партизаны – бандиты, и плюнул на свою красную звезду. Партизанская полиция попыталась допросить немца, но тому не без помощи англичан удалось скрыться. Подозреваю, что не обошлось без agents provocateurs [373] .

Суббота, 30 декабря 1944 года

<…> Рвут на части. Не мог бы я дать президенту Черногории пару автомобильных покрышек? Не мог бы я организовать похороны немецкого военнопленного, умершего в госпитале? Не мог бы я найти подходящий склад? Не мог бы я поужинать с бригадиром О’Брайеном Твойгом?

Чуть не забыл: вчера звонил бригадир (без пяти минут генерал) Дэви. Его план – обстреливать арьергард немцев, тем самым

задерживая их отступление. По его словам, отступление замедлится, поскольку немцам придется останавливаться и подбирать раненых. Выгнав немцев из Подгорицы, он планировал теперь выгнать их и из Мостара. «Не верю, – сказал он, – что теперь, когда их страна освобождена, партизаны будут принимать серьезное участие в войне. Сейчас им не до войны – они хотят заниматься политикой».

Написано во вторник, 2 января 1945 года

<…> Вчера ходил к причастию, сегодня – на мессу во францисканскую церковь. Очень холодно и ветрено. Хлопот никаких. Почты из Бари нет. Доминиканцы утверждают, что партизаны расстреляли здесь четырнадцать священников.

День как день. Некий субъект, называющий себя Претичичем и утверждающим, что он президент то ли Черногории, то ли Южной Герцеговины, уже давно и настойчиво требует, чтобы ему выдали автомобильные покрышки. Звоню Тони установить его личность. Тони навел справки и сообщил, что личность установить не удалось. «Но ведь у него есть машина, верно? А раз так – значит, он большая шишка».

Суббота, 6 января 1945 года

<…> День сильных гроз и полной неразберихи. <…> В 12.30 встреча коменданта Дубровника Богдана и бригадира О'Брайена Твойга, а также нескольких бессловесных личностей. С обеих сторон демонстрация солдатской солидарности: «За нас всё наверху решают, а нам, простым воякам, только и остается, что по уши в дерьме сидеть». Пьянка, волчий аппетит – удовлетворить его удалось только после двух. Рассматриваю эту встречу, как очередной шаг на пути к полному разрыву англо-партизанских отношений. Жалобы на английских солдат; будто бы из кафе раздавались их крики: «Долой Тито!» Не слишком правдоподобные истории о том, как английские солдаты выпрыгивают из джипа и избивают югославских офицеров. А также требования: 1) чтобы все английские военнослужащие предъявляли документы «специально назначенным» партизанам; 2) чтобы в городе англичане находились не чаще трех дней в неделю. Бриг. О'Твойг с присущей истинному воину терпимостью согласился на оба требования. Процесс разрыва отношений, таким образом, близится к завершению. Сначала нас просят снять патрули и тем самым отказаться от права осуществлять надзор над собственными людьми на том основании, что в этом нет больше необходимости, да и партизаны также отказываются от патрулирования. Затем поступают сообщения об инцидентах (очень может быть, сфабрикованных). И наконец, нам отказывают в праве вообще находиться в городе. Сегодня нам, в виде

большого одолжения, разрешают бывать в Дубровнике всего три раза в неделю, а завтра, воспользовавшись ловко подстроенными инцидентами, этот срок наверняка сократится еще на день; город же тем временем окажется под неусыпным контролем тайной полиции. Наши умиротворенные воины не задали ни одного вопроса, Твойг же излучал самодовольство, пребывая в уверенности, что отношения с партизанами заметно улучшились.

Забавно проследить, как устроены генеральские мозги. В час дня бриг. О'Твойг попросил Богдана предоставить нам помещение под столовую. В три часа из штаба позвонили узнать, можно ли будет открыть столовую уже завтра во второй половине дня.
Звонки продолжались с небольшими интервалами весь вечер, а потом прекратились – в результате никакого помещения нам так и не дали.

Воскресенье, 7 января 1945 года Православное Рождество: выстрелы, гроза. Мой телефон щелкает, хрипит и после каждой вспышки молнии освещает комнату голубым огнем. Пришел корабль, привез мыло, унылое письмо от Лоры и оживленное – от Нэнси Родд; в нем, впервые, про «Возвращение в Брайдсхед». Позвали на чай в воинскую часть в три часа дня. Никогда не знаешь, чего ожидать от этой страны. Думал, будет много людей, сцена, концерт. Вместо всего этого тесная комнатушка, столы по стенам, в общей сложности человек сорок, не больше, из них тридцать пять гостей – англичан и американцев, все в штатском. Начали с зеленого шартреза и бутербродов с вечтиной, потом – чай с пирожными, потом шерри бренди и сигареты, потом два выступления о свободе Черногории и томительное ожидание скорого конца «чаепития». Но чаепитие продолжалось. После речей подали холодную баранину и красное вино; досидели, разговаривая, о чем придется, до половины седьмого.

Вторник, 9 января 1945 года

Получив запрос из Бари, отправился на поиски некоей голландки, жившей на самом краю полуострова Лапад в доме с характерным названием «Solitudine» [374] . При доме имелись навес для лодок и пристань. Но вместо дороги – узкая тропинка, вьющаяся между пальм. Дом старый, красивый, мебель тоже старая – и тот и другая во время оккупации сильно пострадали. Живут в доме две дамы средних лет, немка и голландка, а с ними маленькая девочка без родителей. Голландка, которой надо было продлить паспорт, имела право на выезд, но не хотела расставаться с немкой. Еды им, в общем, хватало, но жили они в одиночестве и постоянной тревоге. Немка сказала, что лучше окажется в английском концентрационном лагере, чем в «свободной стране», как называли Югославию партизаны. «Два

года мы твердили: “Поскорей бы пришли англичане!” А теперь, когда они наконец пришли, нам не дают с ними поговорить». Ничем помочь им я не мог; дамам пообещал пересылать корреспонденцию, а девочке посулил шоколадных конфет. Во второй половине дня отнес продуктовую посылку голодающему старику священнику. Две пачки книг от Нэнси (Митфорд. – *А. Л.*), среди них «Беспокойная могила» Коннолли, от которой пахнуло истинным Блумсбери. В своем письме Нэнси пишет, что «Возвращение в Брайдсхед» – шедевр.
Вот лозунг, под которым я готов подписаться: «Свобода. Досуг. Приватность».

Вторник, 9 января – среда, 10 января 1945 года Два дня гро́зы; вчера ночью бессонница; гром напоминал бомбежку, а град – рассыпающееся разбитое стекло; казалось, дождь барабанит по полу. Читал «Беспокойную могилу» Конноли: наполовину книга избитых французских изречений, наполовину жалобы на жизнь. <…> Временами написано неряшливо, рассуждая на теологические темы, автор сбивается на труднодоступный психологический жаргон. Читал также скучнейший американский триллер: садистические подробности, герои только и делают, что «косятся», героини «стреляют глазами», и те и другие ни на минуту не забывают о «достатке». Грустно, что порнография в последнее десятилетие перестала доставлять удовольствие, теперь детородный орган возбуждается только от проявления жестокости.

Четверг, 11 января 1945 года Весь день живу, вдыхая запах масляного радиатора и вслушиваясь в шум грозы.

Суббота, 13 января 1945 года Приходил вместе с сыном гражданин Южной Африки; уже здесь бывал и получал продовольствие. Был с ним резок, отправил обоих прочь и, не прошло и десяти минут после их ухода, как раскаялся. Следом явилась перепуганная югославка; вежливо ее выпроводил. Потом – полковник партизанских войск; излучал партизанскую доброжелательность. Последнее время плохо сплю; пошел после обеда гулять в Лапад и эту ночь спал лучше.

Воскресенье, 14 января 1945 года Совсем забыл: вчера удалось проникнуть в ризницу собора; понадобились три ключа: один хранился у епископа, второй – у каноников и третий – у городского головы. В ризнице темно, сокровища покрыты грязью; обнаружил, однако, отменную коллекцию работ по металлу эпохи Средневековья и Возрождения. Сказал Паравичини: «J’ai le goût de Prince Paul. Faites-moi comme un oeuvre de Roubillac». – «Mais, mon capitain, vous manquez le perruque» [375] . Месса у францисканцев. К обеду Кармель. Еще одна усыпляющая прогулка, теплая ванна.

В доме держится дурной запах.

Понедельник, 15 января 1945 года Пришел мистер Паравичини; за два дня отъелся и окреп. Понимать его гортанный французский мучительно. Установил грубо сколоченный деревянный стенд с торчащим сверху, похожим на листья пальмы проволочным каркасом, зачерпнул из своего рюкзака несколько комьев сырой глины – и через час голова была готова. Я не верил своим глазам.

Среда, 17 января 1945 года Вспоминаю, что сделано за последние два дня, и вижу, сколь благотворны мои действия: давал работу нуждающимся, пропитание – голодным, канадца отправил в Канаду, доминиканскому священнику помог обменять вино на муку. В армии найдется немного людей, которые могут этим похвастаться, а также тем, что живут обособленно и в свое удовольствие. Бюст Паравичини становится похожим на английского богослова времен Мэтью Арнолда [376] .

Четверг, 18 января 1945 года К причастию во францисканской церкви. Сообщение о том, что наш экспедиционный корпус возвращается в Италию. Бюст бедного мистера Паравичини с каждым днем становится похож на меня все меньше и меньше. Мой новый переводчик – еврей. Английский язык он не знает, и работы у меня для него нет. Сидит внизу целый день и, хочется надеяться, ест досыта.

Пятница, 19 января 1945 года <…> В конце сегодняшнего сеанса мистер Паравичини начал творить при электрическом свете. В бюсте, претворившемся из мертвого кома глины, я вдруг стал узнавать себя. Скульптура и картина живут разной жизнью. Ваяние сродни пантомиме: с каждым следующим подъемом прозрачного занавеса феи становятся более зримыми, более четко очерченными. Под резцом вещь в мгновение ока преображается до неузнаваемости. <…>

Среда, 24 января 1945 года Приходили за помощью берлинский биржевой маклер и вдова из Норвегии. Норвежка была женой югослава, из всех языков говорит, и то кое-как, лишь по-английски. Муж медленно умирал от туберкулеза, а, умерев, оставил ее без гроша за душой, да еще в чужой стране, да еще во время революции, когда ее собственная страна находилась под пятой захватчика. И что же? Она с энтузиазмом взялась преподавать английский. Приходил партизан, жаловался на боль, просил дать ему варенья. Монашки, получив запас самого разнообразного продовольствия, щебетали, словно воробушки. Ходил в доминиканский монастырь, где встретился с епископом Которским, робким, неприметным старичком, который снабжает меня необычайно полезной информацией; обещал ответить на

вопросы моей анкеты. Духовенство еще не решило, как отмечать Дни святого Блеза 3 февраля; бойкотировать ли город, памятуя о четырнадцати убитых священниках, или подтвердить его историческую принадлежность католицизму. На ветру, под моросящим дождем, гулял с Кармелем по берегу моря, но спал от этого ничуть не лучше.

Воскресенье, 28 января 1945 года Войска грузятся на корабли. Плохая новость: Министерство иностранных дел настоятельно требует отчета по церковным делам. Утром позировал Паравичини; бюст непохож на меня абсолютно. Во второй половине дня беседовал с которским епископом и с приором. Постоянная и ненасытная жажда малых стран вникнуть в суть британской политики. «Mais, monsieur, que voudra faire la Grande Bretagne en Bulgarie?» [377] Каковы наши планы, связанные с Адриатикой? У нас есть планы относительно придунайских государств? Почему мы должны отдать Хорватию династии Карагеоргиевичей? [378] «Mais, monsigneur, les anglais sont un peuple humain et commercial. Nous n'avons pas aucun plan» [379] . В ответ на это многозначительное покачивание головами. Ах, капитан нам не доверяет. Я выпил почти целиком бутылку очень крепкого белого вина и немного опьянел. Поужинал с Кармелем и опьянел еще больше. Сегодня не пьян, но что говорил вчера вечером, не помню совершенно.

Четверг, 1 февраля 1945 года В очередной раз приходила безумная чешка; уверяет, что у нее пропало 39 долларов.

Понедельник, 12 февраля 1945 года

Последний день в пансионе Ловрийенач. Все вещи сложены, в том числе и мои собственные. Завтра в семь или в самом начале восьмого (вторник на Масленой неделе) отбываем в Гачко, в расположение штаба одиннадцатого партизанского корпуса.

Сегодня было вот что. Не спал с четырех утра; встал в 6.30 и написал письмо бригадному генералу Маклину, предложил, что займусь делами хорватской церкви, напишу отчет и отвезу его в Англию; сообщу – постараюсь в мягкой форме – о вызывающем поведении партизан в последнее время. В девять получил целый ворох донесений, где говорится, что в моей поездке в Гачко нет необходимости. Из миссии Маклина никаких приказов. <…> Пришла прощаться миссис Арена: «Всю ночь прорыдала, что вы уезжаете. Со смерти мужа никто мне так не помогал. Вот, принесла вам мужнин портсигар». Янтарь в золотой оправе.

Ходил проститься с добрыми и достойными дамами из «Уединения», на обратном пути зашел к связистам и прочел сообщение, адресованное лично мне: «Немедленно возвращайтесь в Бари». <…>

Дэвид Кармель устроил чаепитие; партизаны ели, как боровы.

Посредственного коменданта Богдана сменил юный, еще только вступающий в пору половой зрелости кретин Анторавич. Бюст Паравичини переехал из моей комнатушки, где скульптор ваял его в полумраке, тычась в скульптуру носом, на его ярко освещенную виллу, где смотрится чудовищно. Взялся за него снова, дело вроде пошло на лад, но тут-то меня и отзывают. И он вынужден остановиться. Уговорил его взять кое-что из моей одежды.

Воскресенье, 25 февраля 1945 года

Рим. Отель «Континенталь». Недавно построен, находится возле вокзала, реквизирован армией. Чисто, уютно, фантастически дешево: 350 лир в неделю с питанием. Вино – 150 лир за бутылку. Зато запряженный лошадью экипаж, в котором я вчера ехал в Ватикан, обошелся мне в 1200 лир.

Но – по порядку. 13-го выехал в Гачко; великолепное утро, последние несколько миль – снег, разрушенные деревни. Гачко тоже полуразрушен; штаб 11-го партизанского корпуса. Людей в штатском почти нет. Прожил в Гачко у Дэвида Кармеля три дня, из дому почти не выходил, читал Троллопа. Дэвид ездил на один день в Сараево; город только что «освобожден», сотня трупов, все казненные, половина казненных – гражданское население, женщины раздевают убитых – грабят трупы. В пятницу 16-го вернулся в Дубровник; рассчитывал отплыть на следующий день, но отъезд отложился до 20-го: сначала прибывали новые суда, а потом испортилась погода. Майора С. тоже отзывают – за прелюбодеяние. Девицами, которые спали с английскими офицерами, в том числе и малолетней сестренкой одной из них, занялась тайная полиция. Мы видели, как на дороге близ Требинье девушки из состоятельных семей разбивают мотыгой камни. <…>

Наконец, 20-го, во второй половине дня, отплыли на десантном судне и на следующий день прибыли в Бари. Плыли без малейших удобств. В штабе миссии атмосфера радушия и праздности. Джон Кларк с одобрением отозвался о моей идее встретиться в Риме с Папой, а потом написать отчет о положении Церкви и вернуться в Англию. Тем временем поступило предложение придать офицерам миссии статус консулов. Было бы в высшей степени лестно вернуться в город, откуда меня отозвали, с гораздо бóльшими полномочиями. Можно было бы тогда оказывать помощь всем попавшим в затруднительное положение. Исходя из этого, я и предложил свою кандидатуру. <…>

Вчера в 7.15 вылетел из Бари в Рим. В общей сложности полет

продолжался шесть часов, всего на два часа меньше, чем если б я ехал на автомобиле. Все сразу же пошло наперекосяк: угрюмый мэр нехотя дал мне комнату, отказал в машине, и я шел пешком с вещами и шинелью, да еще сбился с пути. <…> Рим по-прежнему забит придурковатыми американцами, в магазинах шаром покати – хуже, чем в августе, цены абсурдны. Все рестораны до одного открыты только для военных, все гостиницы превращены в общежития, вступившая в город армия ведет казарменную жизнь, с жизнью города несовместимую. Здания, освещаемые весенним солнцем, великолепны. Темы разговоров: разбой, вооруженные дезертиры, в основном американцы (12 000 – новая цифра), угон автомобилей, акты насилия, недееспособность правительства, неизбежный приход к власти коммунистов, когда наши войска покинут город, легкомыслие и эгоизм итальянской верхушки. <…>

Четверг, 1 марта 1945 года В Ватикан; передал карточку приора Рагузы монсиньору Кордовани, доминиканцу, занимающему пост Маэстро ди Палаццо. В преддверии аудиенции пошел в ватиканские музеи, но залы забиты солдатами и экскурсоводами, особенно Сикстинская капелла. Был поражен тем, что бóльшую часть росписей невозможно рассмотреть невооруженным глазом; они бесцветны, кажется, будто краска впиталась в стену и исчезла; «Страшный суд» намного хуже, чем на фотографиях. <…>

Пятница, 2 марта 1945 года Аудиенция назначена на 9.30. Приехал раньше и зашел в собор Святого Петра вознеси молитву и получить наставление. Из собора – в Кортиле Дамазо, в лифте на второй этаж; анфилада ослепительных комнат, заполненных разнообразными людьми. Оттуда – пред светлы очи. За столом фигура в белом; кругом неземная красота, но глядеть по сторонам был не в состоянии; трижды преклонил колено и присел сбоку. Меня предупредили: по-английски папа изъясняется с трудом, и я громким голосом попросил говорить по-французски. Сразу же перешел к делу и заговорил о югославской церкви, сделал короткое резюме и упомянул Риттига. Он все это выслушал, сказал: «Ca n'est pas liberté» [380] , а потом заверещал на своем непонятном английском. Спросил, сколько у меня детей, и сказал, что присутствовал в Портсмуте на параде военных кораблей. Передал моим детям четки и свое «особое» благословение. И все же ушел я от него с убежденностью, что он понял, для чего я приходил. Это, собственно, мне и было нужно. Видел Тардини: передал мне два конфиденциальных письма в Югославию. И он, и Папа лестно отозвались о моей работе «во имя Церкви и человечества»: «Continuez» [381] .

Бари, понедельник, 5 марта 1945 года Утро, потраченное зря: наносил визиты людям, которых не оказывалось на месте.

Пятница, 9 марта 1945 года Прожив пять дней в «Империале» и сильно простудившись, выехал на грузовике на виллу в Сан-Спирито. Вещи положил в кузов – водитель заверил меня (а я ему поверил), что кузов крытый, и моим вещам ничего не грозит. Когда приехали в Сан-Спирито, моей дорожной сумки в кузове не было. Любимой сумки; я купил ее в 1930 году перед поездкой в Абиссинию. Где она с тех пор со мной только не побывала, сколько раз я ее чинил! Вместе с ней пропала и вся самая нужная одежда, и дневники за последние полгода, и кожаный бумажник со всеми документами и пометками, сделанными для отчета о положении Церкви в Хорватии. Я впал в отчаяние. Военная полиция повела себя грубо и равнодушно. И даже те, кто сочувствовал искренне, меня не обнадежили. В Бари воруют все подряд, говорилось мне, на то, что сумка найдется, надежды нет никакой. Самые общие выводы моего отчета у меня в памяти конечно же сохранились, но без соответствующих записей отчет утратит всю свою весомость. Я был вне себя. Поужинал в одиночестве и отправился спать, решив, что немедленно вернусь в Англию, пусть и без написанного отчета.

Суббота, 10 марта 1945 года Утро невеселое: вместе с сумкой, ко всему прочему, пропали и самые необходимые туалетные принадлежности. После обеда телефонный звонок: мои вещи найдены военной полицией в целости и сохранности.

Воскресенье, 11 марта 1945 года Предполагаю начать писать отчет [382] .

Понедельник, 12 марта 1945 года По-прежнему в Сан-Спирито. Работаю с перерывами, нерегулярно.

Вторник, 13 марта 1945 года Узнал, что Маклин покидает Югославию и летит в Лондон, и решил ехать завтра же. Отчет не закончен.

1945–1965 [383]

Отель «Гайд-Парк», Лондон,
Великая Суббота, 31 марта 1945 года

В Англии уже две недели, в основном в отеле «Гайд-Парк». Расходы чудовищные; позавчера совершил по нынешним меркам на редкость выгодную покупку: приобрел золотые часы всего за 50 фунтов. В день – на жизнь, еду и табак – уходит фунтов 15–20. Условия жизни вполне приемлемые, пожалуй, лучше, чем год назад. <…> К тому же у меня много денег, скопившихся в мое отсутствие. Беспилотные ракеты падают неподалеку два-три раза в день, одна из них взорвалась в воскресенье утром в Марбл-Арч, и у нас в гостиной вылетели стекла. Новости с театра военных действий обнадеживают. Есть надежда, что война закончится уже через несколько недель, но воодушевления по этому поводу никто не испытывает: наступающий мир сулит ничуть не больше, чем заканчивающаяся война. <…>

Два дня пробыл в Пикстоне; Оберон похорошел и возмужал. Я рисовал, играл в игры, лазил на крышу и к концу дня устал. Из Пикстона – в Мидсомер-Нортон, где живет моя мать, окруженная величайшей добротой и заботой теток. Ей пришло уведомление, что через полгода она должна освободить квартиру, и она считает, что наступил конец света. Общаясь с ней – беспомощной, отчаявшейся, неспособной дать внятный ответ на простейший вопрос, – я испытывал постоянное раздражение и уехал, устыдившись, что был с ней не ласков.

Пасха, 1 апреля 1945 года Месса в церкви на Уорвик-стрит. Тщетные попытки позавтракать: рестораны либо закрыты, либо надо стоять в очереди. К обеду архиепископ: общителен, наблюдателен, при этом не может обойтись без упоминания августейших имен: «Я сказал лорду Бивербруку… » [384] , «Александр [385] сказал мне: “Cui bono” [386] ». При этом ел с аппетитом и, по-моему, ушел в хорошем настроении.

Понедельник, 2 апреля 1945 года Дневной спектакль в «Виктория Палас» [387] . К ужину Генри Йорк и Диг. Нес вздор о символизме в своей книге [388] и говорил вещи вполне здравые о низшем сословии и о России, которая, по его словам, рухнет через десять лет от мздоимства.

Четверг, 12 апреля 1945 года Похмелье. Послал цветы Энджи, отменил встречу с бессмысленным янки, критиком Эдмундом Уилсоном [389] , которого обещал было поводить по городу. Всю вторую половину дня просидел с Коннолли в «Уайте», там же и поужинал, выпил бутылку шампанского, немного воспрял и

пошел к Коннолли, где встретил вышеозначенного Уилсона. Отменил нашу с ним встречу и на следующий день.

Пятница, 13 апреля 1945 года <…> Узнал от Маклина, что получу разрешение распространить информацию о хорватской церкви среди членов парламента, редакторов газет и журналов, и т.д. Умер Рузвельт; его сменил какой-то смешной человечек; лорд Шервуд от него в восторге. На фронте однообразие: одна победа следует за другой. День победы внушает мрачные предчувствия. Надеюсь, что удастся празднования избежать.

Среда, 18 апреля 1945 года <…> Очень жарко. Вел с Т.С.Грегори [390] невеселую беседу о крахе Европы и о наступлении русского язычества. Грегори говорил о том, что задача Англии – навести в Европе порядок. Я возразил, что нам не хватает людей даже на то, чтобы установить порядок у себя дома. Рекомендовал катакомбы. Отец д'Арси свято верит в христианское будущее Европы.

Чагфорд,

вторник, 1 мая 1945 года

Вчера вечером приехал в Чагфорд. Путешествие получилось не из приятных: какая-то безумная проводница почему-то вынесла в Тонтоне из поезда мой багаж, и мне пришлось три часа торчать в Экзетере под мокрым снегом. <…> Бедняга Беллок сильно сдал. Отрастил великолепную седую бороду и в плаще и шляпе, которые не снимает даже дома, похож на архимандрита. То, что попадает к нему в карманы – тосты, сигареты, книги, – исчезает бесследно; он антипод фокусника, извлекающего предметы из шляпы. Говорил не переставая, внятно и толково жаловался на то, на что принято было жаловаться лет сорок назад. Что англичане боготворят немцев и уважают только богатство. Что богатые своей ложью поработили бедных. Что богатые платят оксфордским профессорам, чтобы те лгали. Очень возможно, и я через сорок лет стану таким же несносным занудой, обличая коммунизм. «Английский банк не дал Наполеону создать империю». «Французы – народ католический». Иногда, поддавшись на уговоры женщин что-нибудь спеть, он, просветлев лицом, тихо радуясь и запинаясь, принимается дрожащим голосом напевать старые французские марши и песенки из репертуара мюзик-холлов его юности. Сознает, что немощен и забывчив, но в том, что он чудовищный зануда, отчета себе не отдает.

Узнал, что в прошении вернуться в Югославию мне отказано, и ничуть не расстроен. Моя честь не пострадала. Рад, что сделал все возможное, чтобы вернуться, и рад, что не еду. Окончания войны ждем с часу на час. Муссолини убит самым непотребным образом; ходят слухи, что Гитлер наконец-то свихнулся. Во

Франции коммунизм берет верх. Россия оскорбляет Соединенные Штаты. Берусь за святую Елену [391] .

Воскресенье, 6 мая 1945 года Прочел достаточно и могу завтра же садиться за «Елену». Весь день ждали, что сегодня будем отмечать победу, но в девять вечера объявили, что День победы завтра. <…> Отрадно закончить войну в штатском, за письменным столом. Помню, как еще в самом начале я писал Фрэнку Пэкенхему: для нас ценность войны в том, чтобы осознать, что мы не являемся людьми действия. В результате, чтобы в этом убедиться, у меня ушло больше времени, чем у него. По тому, как развивались события первые два года, я мог бы стать одним из тех молодых людей Черчилля, которые сначала получают медаль за отвагу, а потом выдвигают свою кандидатуру в парламент, – вот чем я рисковал. Слава Богу, эта опасность меня миновала: я по-прежнему писатель и работаю над материалом столь же «несовременным», как и я сам.

Лондон,

понедельник, 28 мая 1945 года

День выхода в свет «Брайдсхеда». Чудесное письмо от Десмонда Маккарти: обещает отрецензировать роман в «Санди таймс». В Чагфорде стало тоскливо, и, поработав с неделю, приехал в Лондон, заехав по пути в Пикстон. Славно провел неделю в Лондоне; за это время мне предложили дипломатический пост в Афинах (ответил согласием), а также замок в Уиклоу. Написал в «Таймс» о притязаниях Тито на Триест, и на мое письмо отозвался, если не ошибаюсь, Фицрой Маклин. Во втором своем письме переключился на преследование Церкви в Югославии и теперь с нетерпением жду завтрашнего номера. Купил наручные часы с репетиром и тут же их разбил: 120 фунтов. <…>

Пикстон-парк,

воскресенье, 1 июля 1945 года

Вернулся в Пикстон после почти месячного пребывания в Лондоне, где вел жизнь старика, болтающегося между «Гайд-Парком», «Уайтом» и «Бифшексом». Мне достался великолепный люкс, где я нежился в жаркие дни, сладко подремывая на диване. Каждый день ходил в книжный магазин Нэнси Митфорд, где, как правило, встречался с Осбертом Ситуэллом или Джеральдом Бернерсом. Работать даже не пытался. «Брайдсхед» имеет успех: за первую неделю весь тираж распродан, роман продолжает пользоваться спросом. За вычетом отзывов, где меня обвиняют в социальных предрассудках, все рецензии положительные. Американцы объявили «Брайдсхед» книгой месяца, на чем я заработаю десять тысяч, а возможно – еще столько же от регулярных продаж и прав на экранизацию. Чтобы не платить

четыре пятых этой суммы государству, попробую, если получится, заявить пять тысяч фунтов своим годовым доходом на последующие пять лет. <…>

В субботу со мной приключилась любопытная история. Отправляясь в Далвертон, я взял с собой свое воинское удостоверение, на котором значилось: «Это удостоверение подлежит обмену на билет». Предъявляю его в кассе и заказываю билет. Кассир, не стесняясь в выражениях, велит мне вернуть билет и ехать по удостоверению. Разозлившись, я его не послушал, ушел с билетом, занял в вагоне угловое сиденье и только развернул сверток с бутербродами, как услышал, что ко мне обращается репродуктор: «Капитан Во, направляющийся в Далвертон, срочно зайдите к начальнику вокзала». Я даже не пошевелился, но сидевшие в вагоне пассажиры стали с нескрываемым любопытством переводить взгляд с меня на мое имя на чемодане. Репродуктор вызывал меня в течение получаса каждые пять минут, и я даже забеспокоился, как бы мной не заинтересовалась военная полиция. Когда поезд отошел от перрона, я решил, что опасность миновала, однако в Тонтоне, четыре часа спустя, до меня вновь донеслась из репродуктора моя фамилия. Когда же поезд прибыл в Далвертон, заранее предупрежденный контроллер отобрал у меня обратный билет. Боюсь, что это еще не конец истории.

В Далвертон я ехал, чтобы взглянуть на ферму возле Тивертона, которую присмотрела Лора. Хозяин – Клем Бартон, дом обветшалый, неказистый, вид прекрасный, земля хорошая. Сказал «нет».

Иклфорд, Хитчин,
суббота, 28 шюля 1945 года

<…> Выборы, состоявшиеся позавчера, явились невероятным сюрпризом [392] . В «Уайт» я пришел около одиннадцати. По телеграфу уже поступали первые результаты, и через полтора часа стало окончательно ясно, что консерваторы терпят сокрушительное поражение. <…> 10 000 голосов против Уинстона и за очевидного безумца – и это в его собственном избирательном округе. <…> Уинстон пытается свыкнуться с мыслью, что он частное лицо; ворчит из-за карточек на занавески и на бензин; теперь он без жилья, без «курьерского ящика» и самолетов. Макс Бивербрук, дававший Черчиллю до самого последнего дня дурацкие советы, теперь рисует ему радужные перспективы оппозиционного политика. <…>

Вторник, 7 августа 1945 года Газеты – как всегда, ничего общего не имеющие с общественным сознанием, – ликуют из-за бомбы, предрекают неисчислимые выгоды, которые сулит миру

открытие атома. Теперь «Королеве Мэри» для пересечения Атлантики понадобится «лишь капля нового топлива» – всё в таком духе.

Среда, 8 августа 1945 года Рэндолф в Лондоне. Россия объявила войну Японии.

Четверг, 9 августа 1945 года Теперь газеты, сообразуясь с общественным мнением, выражают «озабоченность» в связи с созданием атомной бомбы. Каждый считает своим долгом публично выступить со своим мнением по этому вопросу. Даже я, оставшись наедине с самим собой, сел писать заметку в «Тэблет» на эту тему, но, слава Богу, одумался и порвал написанное.

Иклфорд, Хитчин,
среда, 15 августа 1945 года

Подписан мирный договор. Всеобщее ликование. Весь день пьян – в большей или меньшей степени. Забрал Оберона у Элдонов и отвез его на машине в Иклфорд. Мальчик вел себя вполне пристойно.

Написано в пятницу, 31 августа,
отель «Гайд-Парк»

Мальчик Оберон прожил в Иклфорде неделю и снискал всеобщую любовь, даже мою, из-за чего было решено взять его с собой в Лондон и поводить по городу. По приезде, в среду, повел его в зоопарк, где было полно представителей низшего сословия и совсем не было зверей, за исключением кроликов и морских свинок. В пятницу посвятил ему целый день, нанял машину, которая забрала его из Хайгейта и вечером отвезла обратно. Чего я только не делал, чтобы доставить ему удовольствие: и поднимался с ним под купол собора Святого Павла, и накупил ему игрушек и треугольных почтовых марок, и показал Лондон с последнего этажа отеля, и поил чаем в обществе Мейми, подарившей ему соверен и коробку разноцветных спичек. И тем не менее по возвращении на вопрос моей матери: «Ну как, хорошо провел время?» он ответил: «Не ахти», после чего я посчитал себя свободным от родительских обязательств и в понедельник отправил его из Хайгейта в Пикстон, препоручив заботам Габриэлы. Сам же зажил привычной жизнью: отель «Гайд-Парк» – клуб «Уайт» – книжный магазин Нэнси – закусочная «Бифштекс», где меня ожидало очередное бедствие в лице лорда-канцлера (графа Джофитта. – *А. Л.*). Ходил ужинать со своим кузеном-коммунистом Клодом, и тот всячески отговаривал меня от чтения троцкистской литературы. Пренебрег его советом и с несказанным удовольствием прочел «Ферму животных» Оруэлла.

Прочел также, проникшись огромным уважением к автору, «Путешествие в Индию» [393] . Помимо основных тем почему-то

запомнились яйца на пикнике и крики «Эсме, Эсмер!» на судебном процессе». Чудно́. <…>

Суббота, 8 сентября 1945 года Последние дни в Лондоне. Служащий гостиницы в Куин-Энн-Меншнз упаковывает мои книги – они едут в Стинчком. Лора – надо надеяться, столь же тщательно – укладывает в это самое время вещи в Пикстоне. Все бумаги, связанные с моей службой в морской пехоте, по всей вероятности, затерялись, и с отставкой заминка. Но я не ропщу. В понедельник переезжаю в гостиницу на Беркли-Роуд, а в среду сплю уже в Пирс-Корте. Нэнси отбыла в Париж, и теперь по утрам мне нечем себя занять. Алек уехал в Нью-Йорк, и мать осталась одна. Еду к ней завтра. Побывал на чудесном спектакле «Веер леди Уиндермир» [394] . <…> В прошлый вторник вечером сильно набрался, и домой из «Уайта» меня отвез Рэндолф – дурной знак. <…>

Воскресенье, 9 сентября 1945 года Ездил в Хайгейт проститься с матерью, там же пошел к мессе. Разбушевавшийся ирландский пассионист [395] грозил адским пламенем всякому, кто покинет церковь до последнего евангельского чтения. Ушел до последнего евангельского чтения, обедал с матерью. Алек только что отплыл в Америку, и ей немного одиноко. Впрочем, делает она все настолько медленно, что время пролетает незаметно. От переизбытка снотворного болят глаза. <…>

Стинчком,

понедельник, 10 сентября 1945 года

В гостиницу «Принц Уэльский» на Беркли-Роуд. Пассажиры на Паддингтонском вокзале сбились в кучу, точно стадо овец, и если б не расторопность носильщика, места в вагоне мне бы не досталось. Прибыл: серый, засиженный мухами, тягостный вечер; волнение от возвращения домой борется с похмельем. Когда шел с Лорой в Пирс-Корт, начался дождь. Первое впечатление: сад зарос, тропинки исчезли, одни деревья высохли, другие, наоборот, разрослись. В доме сыро, но вроде бы всё на своих местах. Дурно спал.

Пирс-Корт,

вторник, 11 сентября 1945 года

Монашки частично съехали, мы частично въехали. Лора уверяет, что все в идеальном порядке, мне же всюду видятся потери и повреждения. Шпага Ромео опять сломана; объяснения монашек путаны и невнятны.

Среда, 12 сентября 1945 года Монашки выехали в 10.30. Последние семь втиснулись в одну машину вместе с вещами и клеткой с двумя птицами. Лихорадочная активность: двигаем мебель, распаковываем книги и серебро, проводим

инвентаризацию винного погреба: четыре дюжины «Доу 22», шесть дюжин бордо разных сортов. Простудился. Миссис Мюллер воцарилась – пока всего на пару недель. Воды нет.

Четверг, пятница и суббота . Очень много работаем, очень сильно мерзнем. <…> В середине дня сообщение из Виндзора: во вторник буду демобилизован. Дел по горло. В субботу вечером библиотека разобрана, баки наполнены почти доверху – можно принять горячую ванну. Трогательно находить прелестную обыденность довоенной жизни: писчую бумагу, старые журналы. В чулане мои отсыревшие, подбитые мехом охотничьи сапоги, а также «Дух радуги» Россетти. Миссис Мюллер старается кормить нас вегетарианской пищей.

Пирс-Корт,

вторник, 18 сентября 1945 года

На такси в Виндзор. Получил демобилизационное удостоверение, прошел поверхностный медосмотр, вернулся в казармы на Олбани-стрит, где Демобилизационный центр с исключительной сноровкой делает никому не нужное дело, за что получает неизменно высокую оценку. Дали мне напечатанные на машинке рекомендации относительно получения пособия по безработице и медицинской помощи, а также прочие совершенно бессмысленные советы. Сбежал от них в полдень и решил, что сдачей обмундирования утруждать себя не стану – сегодня, во всяком случае.

Вторник, 25 сентября 1945 года Порядок в доме постепенно восстанавливается. Миссис Харпер и миссис Мюллер героически борются с запустением. <…> Вчера перечитал свои школьные дневники и испытал жгучий стыд.

Вторник, 2 октября 1945 года

Новости из внешнего мира с каждым днем становятся все ужаснее: в двух третях Европы и во всей Азии царят хаос, тирания, голод и чудовищные злодеяния. Моя жизнь меж тем безмятежна и счастлива, как никогда раньше. Начал роман из школьной жизни 1919 года – менее актуальной темы не придумаешь. <…> Лора незаметно, но уверенно справляется с домашними заботами: целыми днями либо варит картошку для своих цыплят, либо делает творог, который мы не едим. В субботу вечером ужинали в гостинице на Беркли-Роуд. В прошлое воскресенье исполнилось ровно шесть лет с тех пор, как в 1939 году мы отсюда уехали. Сегодня занимался тем же, чем и в день отъезда: копал тропинку за тисом в северо-восточном углу нашего участка; предполагалось, что тропинка будет вести в сад.

Мясо едим всего два раза в неделю; питаемся яйцами, макаронами, домашним сыром (Лориного приготовления),

хлебом и вином, иногда довольно гнусной рыбой. Некоторый запас вина у нас пока имеется. Когда оно кончится, участь наша будет незавидной.

Воскресенье, 7 октября 1945 года

<…> В четверг приходил к чаю отец Муртаг; благочестив, сдержан. «Пишу статью о любви к Богу. Хорошая тема, вам не кажется?» И начал – на редкость наивно и поучительно – делиться с нами своими размышлениями. Неожиданно: «Вас устраивает, что служба идет на латыни? Разве церковная служба не есть великий акт любви?» Думаю, ему надо бы постричься в монахи. Все время повторяет, что не одинок, словно старается убедить в этом самого себя. Когда говоришь с ним один на один – очень невосприимчив.

Вести из внешнего мира все так же ужасны.

Среда, 26 декабря 1945 года <…>Хотя и делаю вид, что отрешен от мира, день, когда нет ни почты, ни газет, кажется мне каким-то пустым, и я с нетерпением жду завтрашнего утра: проснусь, а у моего изголовья сложены свежие газеты.

1 января 1946 года Холодный новогодний день. Мои дети утомляют меня. Воспринимаю их недоразвитыми взрослыми; нерадивы, агрессивны, легкомысленны, чувственны, лишены чувства юмора. Начал новый год с того, что возобновил работу над «Еленой», и это при том, что никаких предварительных решений на сей счет не принимал.

Суббота, 2 февраля 1946 года Письмо из Америки – из тех, какие там принято посылать авторам. Журнал «Лайф» беспечно предлагает мне издать фотоальбом с фотографиями прототипов моих героев. В ответном письме пригрозил авторам письма тюремным заключением. Приходил к чаю отец Муртаг, и я дал ему «Дневник сельского священника» [396] – любопытно, как он его воспримет. В Меллзе сумел попасть на исповедь и к причастию. Хочется надеяться, что Лора сегодня вернется, боюсь только, что приедет не одна, а с Маргарет.

Воскресенье, 24 февраля 1946 года Американский журнал «Лайф», с которым я уже не первую неделю состою в язвительной переписке, прислал ко мне мало вменяемого юнца по имени Осборн. Теперь, после первоначального абсурдного предложения, хотят, чтобы я написал статью о своих «персонажах» и вдобавок помог художнику их нарисовать. Лег рано, но заснуть не смог – в четверть второго принял снотворное.

Среда, 6 марта 1946 года Оскорбительное письмо от какой-то американской католички. Вернул его ее мужу с запиской: «Буду Вам признателен, если Вы примете дисциплинарные меры в соответствии с обычаями Вашей страны, дабы Ваша супруга

остереглась впредь писать хамские письма незнакомым мужчинам».

Понедельник, 18 марта 1946 года

<…> Получил на прошлой неделе приглашение в Нюрнберг [397] . А также – предложение написать «брошюру» для винного магазина; гонорар – вином.

Теперь, когда статья о моих «персонажах» написана, американцы раздумали ее печатать. <…> Сочинил неплохое крохотное предисловие к «Непереносимому Бассингтону» Саки [398] .

Нюрнберг,

воскресенье, 31 марта 1946 года

Встал на рассвете. В 5.30 под окном уже нетерпеливо гудела машина с двумя худосочными юристами на заднем сиденье. Неудобный транспортный самолет. В Нюрнберг прибыли в 12.00 по нашему времени и в 13.00 – по европейскому. В аэропорту продержали целый час. Пообедать удалось, только когда добрались до «Гранд-отеля». После этого невеселого начала все пошло гладко. Сегодняшний Нюрнберг – это всего два дома: большой, роскошный отель, реквизированный американской армией, и большое, роскошное здание суда. Город же представляет собой груду развалин, которые отдают трупным запахом и среди которых бродят, словно тени, немолодые немцы среднего сословия в гамбургских шляпах. Нас отвезли на машине во Дворец спорта, который сохранился в целости и сохранности, но, возможно, будет снесен. Это вполне типичное, современное помпезное сооружение, в свое время оно предназначалось для парадов, а теперь немецкие евреи в американской форме фотографируют здесь друг друга на гитлеровской трибуне, выбрасывая руку в нацистском приветствии. По-моему, не меньше восьмидесяти процентов американцев в Нюрнберге – евреи, ведь по-немецки говорят только они. Прогулка с «бедекером» в руках по Старому городу в попытке идентифицировать руины. Затем, ровно в 6.30, началась светская жизнь. За мной зашел Мервин и повел на прием с коктейлями в угловом зале отеля; вместе с многочисленными официальными лицами, присутствовавшими на процессе, главным образом англичанами, пили свежее молодое немецкое шампанское. Потом поехали на машине ужинать на виллу, где Мервин живет с еще тремя коллегами. Меня поразило их рвение и esprit de corps [399] . В Англии мы расцениваем этот судебный процесс, как неуместную пародию, эти же люди убеждены, что делают дело большой важности и сложности, требующее немало сил. Знакомство с документами, которые здесь изучаются, вызывает такую ненависть к немцам, которой не было за все пять лет войны. Заговорили о П.Г.Вудхаусе. Они бы и его с

удовольствием посадили на скамью подсудимых. Неожиданно для себя обнаружил, что нахожусь в числе «випов». Странно слышать, когда к вам обращаются с вопросом: «Вы вип?»; ничуть не менее странно без тени смущения отвечать на этот вопрос утвердительно. Впрочем, «титул» этот дает право на некоторые существенные преимущества, как то: отдельную ванную и спецстоловую в здании суда.

Понедельник, 1 апреля – вторник, 2 апреля 1946 года

В суд. Громадное здание, по обеим сторонам коридора бессчетное число кабинетов. Зал судебных заседаний обставлен в стиле Вильгельма II; и мебель, и освещение функциональны. Удобно рассевшись в первом ряду галереи, наблюдали, как вводят заключенных и как собираются судьи. Вид отпетого преступника только у Кальтенбруннера. Когда заседание суда открылось, все надели наушники и, вращая диск на подлокотнике, слушали говорившееся в зале на любом из четырех языков – английском, французском, немецком или русском. Из стеклянной будки, где сидят переводчики, до нас донесся их приглушенный щебет. Перевод шел почти одновременно с речью, и возникало странное ощущение, будто два человека переругиваются и слышат в визгливой интонации юной американской переводчицы собственные голоса. Интерес к тому, что говорилось в зале, в большой степени зависел от мастерства и личности переводчика.

Вначале защита, невзирая на протесты русской стороны, привела доказательства того, что пакт Риббентропа – Молотова содержал секретный протокол о разделе Польши, указанном на карте. Затем сэр Дэвид Максуэлл-Файф приступил к перекрестному допросу Риббентропа. Риббентроп похож на жалкого школьного учителя, из тех, над которым постоянно измываются ученики. Он знает, что не подготовился к уроку, знает, что ученикам это известно; знает, что допустил ошибку, когда решал на доске арифметическую задачу; знает, что в этой школе ему рассчитывать не на что, – и все же надеется продержаться до конца семестра, чтобы получить «характеристику» и устроиться на другую работу. Лжет машинально, без существенной выгоды для себя. Максуэлл-Файф выстроил допрос с большим искусством. Перерыв на обед; «випов» и простых смертных разводят по разным столовым. Вечернее заседание открылось в пять. Пошел в комнату, где какой-то французский еврей хранит абажуры из человеческой кожи, расплющенные головы, мыло, якобы изготовленное из трупов, и т.д. Вечером прием в отеле. <…>

На следующий день смотрел картину дамы Лоры Найт. На переднем плане заключенные на скамье подсудимых. На заднем –

трупы и горящие дома. Бумаги у нее на столе по чистой случайности лежали в форме креста, и она не знала, оставить ли их в таком виде или нет. «Вам не кажется, что это *иллюстративно* ?» – несколько раз спрашивала она меня. Я попытался объяснить ей, что люблю «иллюстративность», но на ее вкусы явно оказал дурное влияние Роджер Фрай [400] . <…>

На следующий день, в среду, 3 апреля, – на американском транспортном самолете в Париж. В аэропорту никто даже не взглянул на наш багаж и паспорта. Из посольства за нами прислали машину; ехал по чудесному весеннему городу. Никогда раньше не бывал в посольстве – здание ослепительной красоты. <…>

Поменять деньги – задача не из простых. «Я никогда не получаю меньше 820 франков за фунт», – похвастался Али Форбс. Оберон: «Я получаю 1000». Поймали его на слове, и он назвал нам имя какого-то поляка и его адрес – неверный. Отправились с Джоном Джулиусом на его поиски. В сомнительной гостинице вежливый, говорящий по-английски тип отвел нас погруженным во мрак коридором в номер, где на кровати валялся, мучаясь с похмелья, поляк в военной форме.

– Деньгами занимается мой брат, – сообщил нам поляк. – Он у зубного. Вернется в половине четвертого.

– Сейчас четыре.

– Значит, вот-вот будет.

Прождали двадцать минут. Несколько раз предлагался кофе. Пришлось выпить. Никто не приходил. <…> Поляк пообещал, что брат позвонит. Позвонил в половине седьмого, назначил встречу, но не у Оперы, а в Кремейер.

Когда он пришел, я сказал:

– Вы с вашим братом – одно лицо.

– Чистая правда. Пришлось встречаться с одним евреем. И сколько вы рассчитываете получить?

– Оберон сказал, 1000 франков.

– Тысячу? У него богатое воображение. У меня есть 720.

– Очень хорошо.

– Вы разочарованы?

– Нет, я знаю Оберона.

Сделка состоялась.

– Где мы будем ужинать? – спросил второй поляк.

– Я должен ужинать в посольстве.

– Вот как? Тут уж вы точно будете разочарованы.

Пирс-Корт,

суббота, 25 мая 1946 года

Вернулся домой на такси. Приглашен в следующем месяце в

Саламанку. Приглашение принято.

Вальядолид,

воскресенье, 16 июня 1946 года

<…> Кое-как в пять доехали до Вальядолида; очень устали и проголодались. После обеда – на официальный прием в университет. <…> Оттуда на vin d'honneur [401] в ратушу. И здесь, и не только здесь, alcades [402] – молодые прохвосты, недостойные городов, в которых они заправляют. После ужина, в полночь, алькальды повели нас в театр и посадили в ложу послушать цыган. Так устал, что до конца не досидел.

Саламанка,

четверг, 20 июня 1946 года

Долго ехали в Саламанку; остановились в Бургосе на праздник Тела Христова, но на процессию опоздали. В Саламанку приехали поздно ночью, но до студентов Pax Romana [403] добрались только в четыре утра. Присутствовали на процессии со Святыми Дарами сопровождавшейся фейерверком.

21 июня . Священники и студенты на каждом шагу. В городе пробыли пять дней. Довольно скоро перестали ходить на съезды и конференции – скучно и бессмысленно, особенно те, что происходят в университете. Гуляли по городу. Ездили на целый день в Сьюдад – Родриго – на редкость красивый город; на ферме наблюдали за играми быков, сами отбирали телок для случки, играли с ними. <…>

Пирс-Корт,

четверг, 8 августа 1946 года

Вернулся в Стинчком; подвез меня по доброте душевной Протеро. Последние три недели в Лондоне, как и последние три месяца, нахожусь в апатии. С первого августа «Уайт» закрыт – почти ни с кем не виделся. Вечерами, правда, в «Гайд-Парке» было с кем выпить шампанского. <…>

В конце июля в Лондон приехала Диана Купер; прежде чем отбыть на выходные, со мной пообедала; пребывает в великой тоске; договорились во вторник вместе поужинать. Но в начале недели все переменилось: в Лондон собралась Луиза де Вильморен графиня Пальфи [404] . Череда писем и телефонных звонков: прилетает самолетом, приплывает пароходом, приезжает утром, приезжает ночью. В восемь вечера поехал ужинать в «Дорчестер», встретил там Диану, Джун Кейпел, Реймунда. Шампанское в избытке. Не доев суп, Диана и Реймунд отправились в Нортхолт встречать поэтессу. Напрасно взывал к их разуму: мол, даже поэтессе при всем желании не удастся заблудиться в аэропорту; унеслись, оставив меня на два часа с мисс Кейпел. Изо всех сил старалась поддержать разговор, но в мыслях у нее была одна

Вильморен. Сидели за столиком, как сидят во время затянувшегося первого акта в ожидании Великой Актрисы. Наконец явилась: хромая, сморщенная, глаза горят: Тулуз-Лотрек, Лоренсен [405] , дух Франции. Помешана на себе, Диана и Джун ей подыгрывают. Несмотря на то что была замужем за американцем и долгое время прожила в Соединенных Штатах, делает вид, что по-английски не говорит. Всякий раз, когда разговор становился общим, принималась взволнованно, страдальчески кудахтать, переводила его на себя и убегала в номер, где вела приватные беседы. Исчадие ада. <…>

Вторник, 13 августа 1946 года

Ездили с Лорой смотреть дом в Калмхеде; хочет в него переехать. Викторианский особняк первой половины прошлого века, стоит в лесу, кругом болота. Чтобы его обжить, понадобятся акры ковров, тонны мебели красного дерева, толпы слуг – но после собрания нашего прихода, когда стало ясно, что все присутствующие хотят, чтобы Стинчком превратился в пригород Дерсли, я тоже за переезд. Нынешний владелец Калмхеда – биржевой делец, поместье продает по частям. Цена – 8500 фунтов за 160 акров; недорого.

Вскоре после нашего посещения дом был изъят из числа выставленных на продажу.

Пятница, 30 августа 1946 года С Лорой – в Глостер; купила корову, выложив за нее больше ста фунтов. Пошел в антикварную лавку, где купил деревянного льва с отличной резьбой за 25 фунтов, а также книжный шкаф за 35 фунтов, картину («Крещение еврейки») – 15 фунтов, прелестную китайскую картину – 10 фунтов, мольберт эпохи регентства – 7 фунтов. Хорошие вещи за умеренную цену. А потом лишился рассудка: среди сваленных в углу старых полотен обнаружил очень славный «Дарэмский собор» (акварель и гуашь). Справился о цене. «150 фунтов», – ответил, не дрогнув, престарелый владелец лавки. Купил.

Суббота, 31 августа 1946 года Написал письмо в «Чепмен-энд-Холл», объявил, что выхожу из правления.

Понедельник, 28 октября 1946 года

Мой сорок третий день рождения. Впредь обязуюсь быть обходительным и прилежным и хотя бы один год вести дневник регулярно. Если бы я сочинял роман и хотел описать статус моего героя, то письма, пришедшие с утренней почтой, пригодились бы как нельзя лучше. Вот они. 1. Ответ дублинского риэлтера на мой запрос в связи с Гормастонским замком: готическая постройка 1806 года, пятнадцать комнат, часовня, соблазнительная бальная зала («недостроена»), парк (124 акра). 2. Третья программа Би-би-

си предлагает совершить трехнедельный тур по европейским столицам в качестве приманки для их рождественских передач. 3. «La France Libre» [406] – контрафактный перевод отрывка из моей еще не вышедшей книги путевых очерков. 4. Монашка благодарит за экземпляры «Брайдсхеда» и «Кэмпиона» для французской библиотеки. 5. «Бифштекс» напоминает, чтобы я нашел поручителей, готовых дать Морису Боура и Рэну Антриму рекомендации для вступления в клуб. Иллюстрированная книга Оуэна Джонса [407] , присланная бирмингемским издателем. 7. «Нью-Йоркер».

День выдался холодный и солнечный, листья еще только начинают опадать. Лора сделала все возможное, чтобы день прошел спокойно. Перед ужином выпили бутылку шампанского, на завтрак ели треску, на обед – плов, приготовленный из пакета риса, который дал нам Питер, а на ужин – жареного цыпленка. Писал письма, читал Генри Джеймса, стриг газон, гулял.

Понедельник, 4 ноября 1946 года В «Уайте»: после выходных стало повеселее. В двенадцать явился сотрудник Би-би-си мистер Хеппенстолл обсудить условия моего тура по европейским столицам. Я оценил себя высоко, в 300 фунтов в иностранной валюте, поскольку, если честно, ехать не хотелось. Хеппенстолл выпил два коктейля с шампанским и расположился поговорить о своих собственных литературных замыслах. У меня обедала мать; вел себя пристойно.

Суббота, 9 ноября 1946 года На протяжении всего дня переношусь мыслями в Ирландию. И не столько из-за того, что́ я там обрету, сколько из-за того, от чего избавлюсь. Какое удовольствие быть чужестранцем, запустить дела и устроиться в библиотеке наверху, чтобы собрать в житницы урожай, собранный за сорок три года. С уверенностью, что Англия – великая держава, покончено раз и навсегда. Теперь я верю в другое: потеря владений, притязания английского пролетариата на то, чтобы считаться привилегированной расой, праздность и зависть – все это ведет нас к нищете. Верю, что на этот раз порча начнет распространяться с головы, и в результате выживут только пролетариат и чиновничество. Будь я холостяком, я мог бы смотреть на все это сквозь пальцы, но Англия – не та страна, в которой можно растить детей. Впрочем, и в любой другой стране Свобода, Многоликость, Приватность долго не протянут.

Воскресенье, 10 ноября 1946 года Возвращаясь к своим вчерашним избитым мыслям, задаюсь вопросом: что же я хотел всем этим сказать? Почему обдумываю столь ответственный шаг, каким являются расставание с родиной, перемены в судьбе моих детей. Что мне может угрожать здесь, в Стинчкоме? У меня

красивый дом, обставленный в точном соответствии с моим вкусом, у меня есть прислуга, в подвале хранится вино. Жители деревни относятся ко мне по-дружески, с уважением, соседи необременительны. Мои дети учатся в школах, которые вполне меня устраивают. За исключением налогообложения и карточной системы, вмешательство правительства в мою жизнь минимально. Строительство домов и дорог в округе, которым нас пугают, еще не началось. Так почему же у меня неспокойно на душе? Почему, куда бы я ни пошел, мне ударяет в нос запах лагеря для перемещенных лиц?

Понедельник, 11 ноября —
вторник, 12 ноября 1946 года

По часу-по два в день пишу «Современную Европу Скотт-Кинга» – работа над повестью еще недавно шла по нарастающей, а теперь бессильно клонится к своему завершению. Заболел Ирландией. Лора думает о том, что будет с Обероном, а я – о ближайших пятнадцати годах спокойной и деятельной жизни.

Четверг, 14 ноября 1946 года Сегодня утром длинная телеграмма от Питерса из Америки. Предлагают месячное пребывание в Голливуде вместе с Лорой, все расходы берут на себя, хотят обсудить со мной экранизацию «Брайдсхеда». Если мы не соглашаемся, они теряют вложенные деньги, если соглашаемся – платят на 140 000 долларов меньше того, что уже потратили. Условия вполне приемлемы, тем более что я уже заключил контракт с этой же компанией, по которому уступаю им права на все написанные мною романы за 20 000 долларов, и они заплатили мне 3000 фунтов, необлагаемые налогом, за то, чтобы иметь возможность этот контракт расторгнуть. Смешно.

Воскресенье, 17 ноября 1946 года <…> Патрик (Кинросс. – *А. Л.*) уехал в субботу днем. Какое же огромное, ни с чем не сравнимое наслаждение воздержаться от чтения Генри Джеймса до седых волос и впервые прочесть, не успеет закрыться дверь за уходящим гостем, «Женский портрет»! [408]

Четверг, 21 ноября 1946 года Воспользовался своей уклончивой тактикой, разработанной в случае приглашения прочесть лекцию, и написал в бристольскую среднюю школу, что лекцию прочесть готов – но только у себя дома. Директор, старый педераст Гарретт, поймал меня на слове и привез с собой на автобусе целый класс, человек двадцать. Решил, что буду учтив и покажу им свою библиотеку. В результате весь вечер брюзжал и жаловался на жизнь. Перестать брюзжать – вот зачем я еду в Ирландию.

Суббота, 23 ноября 1946 года Французы называли немецкие оккупационные войска «серыми вшами». Для меня оккупационные

войска английской социалистической партии – такие же «серые вши».

Понедельник, 2 декабря 1946 года Дует ураганный ветер, пронизывающий холод. Зима – не самое лучшее время для покупки дома. В Ливерпуль ехали в прокуренном, грязном, плохо освещенном вагоне. Сели на пароход: в воздухе разлита слащавая любезность, в ресторане льется шампанское. Обычный контингент пароходов «Ливерпуль – Дублин»: полковничьи жены с грудью, увешанной полковыми значками, священники, пьяненькие коммивояжеры. А на этот раз и несколько евреев – надо полагать, уклоняются от налогов.

Лондон,

вторник, 10 декабря 1946 года

<…> Ходил к исповеди, обедал в Холланд-парке [409] , чтобы посмотреть новую пьесу Т.С.Элиота «Воссоединение семьи» [410] . Временами пьеса напоминает пародию, но зал был настроен серьезно. Если верить программке, то это история Агамемнона. Мне же, за вычетом древнегреческого трагизма и хора, ассоциация не представляется очевидной. Основной недостаток пьесы в том, что перипетии сюжета вызывают повышенное интеллектуальное любопытство – автор мог бы обратиться к сюжету более известному.

Суббота, 14 декабря 1946 года Джон Бетджемен говорил обо мне по радио. Одолжили у Дикина приемник и сели слушать. Много – слишком много – цитировал. Прочел длинный отрывок из «Мерзкой плоти» и вдохнул жизнь в высохшие, старые кости.

Понедельник, 16 декабря 1946 года Похоже, критики взялись за меня всерьез. Сегодня утром в «Хорайзоне» большая статья Розы Маколей: советует мне знать свое место и не соваться в мир живых существ.

Понедельник, 23 декабря 1946 года

Присутствие моих детей утомляет и угнетает меня. До обеда я их не вижу: завтракаю в одиночестве в библиотеке, а эту часть дома они обучены обходить стороной. И тем не менее ощущаю их присутствие с той минуты, как просыпаюсь. Обед мучителен. Тереза слова в простоте не скажет, шутит грубо и плоско. Брон неуклюж, неопрятен, себе на уме, интеллектуальные, эстетические и духовные запросы отсутствуют. Маргарет хороша собой, но и у нее век разума еще не наступил. В детской свирепствует коклюш. За чаем я вновь встречаю трех старших детей, и они не уходят из гостиной, пока не наступает время ужина. Раньше я получал удовольствие оттого, что рассказывал им про Бэзила Беннетта, доктора Бедлама и Себаг-Монтефиоре [411] . Но теперь, стоит мне начать свой рассказ, как они хохочут

и кричат: «Нет! Это не правда!» Научил их играть в шашки, но никакой склонности к этой игре они не проявили. <…>
Потеплело, под ногами слякоть, дует порывистый ветер. Перспектива рождественских праздников внушает ужас, жду не дождусь, когда же лягу на операционный стол.

По пути в Нью-Йорк,
суббота, 25 января 1947 года

Поднялся на палубу «Америки»; в крови кокаин, опиум и бренди, в теле слабость, в душе тоска. На операционный стол лег отчасти потому, что не хотелось, чтобы в Америке Лора занималась моим здоровьем. Сразу после операции стало ясно, что никакой необходимости в ней не было. Боль была непереносимой, унижение нескончаемым. А вот больница оказалась вполне сносной, медсестры очаровательны, Божья милость ощущалась во всем. Лежа в больнице, я располагал временем подумать о том, что, в отличие от тех, кто соглашается на операцию лишь после многих лет мучительных болей, я лег под нож хирурга, испытывая не более чем недомогание, да и то далеко не каждый день. Я не прислушивался ни к советам терапевта, ни товарищей по несчастью – просто явился к хирургу и заказал операцию, как заказываю обычно новые рубашки. И повел себя, как выяснилось, предельно безрассудно, за что расплачиваюсь. Во время моего последнего визита к хирургу, в день отплытия, боль была еще сильней, чем раньше. В больнице провалялся три недели. У Лоры, приходившей меня навещать, вид был изможденный – дети постарались. <…> Из больницы поехал на машине «скорой помощи» домой, пролежал дома два дня, а потом отправился в Лондон, где все время проболел и почти все время испытывал сильную боль. Особого удовольствия от нашего пребывания в Лондоне Лора не получила. И вот мы на борту парохода.
Пароход уютный, благоустроенный. Из пассажиров большая часть американцы, а из американцев – евреи. Не успели мы с Лорой занять отдельный столик подальше от оркестра и начать дрессировать нашего стюарда, как нас пересадили за капитанский стол, где разместились адмирал, посол, полковник, леди Джерси и женщина с лицом, похожим на яблочный пирог. Единственные англичане на борту – Пэтси Уорд, Изобел Миллз и некий Кроли – плывут вторым классом: примета времени. Имелась на пароходе и забавная пролетарская колония, состоит из невест американских солдат – брюки, младенцы, изъясняются исключительно на кокни; эти плывут первым классом – еще одна примета времени. Плавание прошло благополучно. В Нью-Йорк прибыли 31 января; тепло и солнечно.

Нью-Йорк, пятница, 31 января 1947 года

Хилый юнец из «Метро Голдвин Майер» должен был встретить нас на пристани, однако встретил, когда мы уже прошли таможню, и битва благополучно завершилась. От репортеров я скрылся простейшим способом: проигнорировал объявление «Представители прессы ждут мистера Во на верхней палубе». В тот день чувствовал себя не ахти. Нас отвезли в «Уолдорф-Асторию», гигантский отель, где нам был снят крошечный номер люкс: спланирован номер так бестолково, что холл занимает половину его площади. В ресторан не пошли – ели в номере. Еда совершенно безвкусна, а французское вино, за исключением шампанского, испорчено из-за плохого хранения.

В первый вечер ходили в театр (билетами озаботилась «МГМ») на комедию, напичканную социалистической пропагандой; высидели два акта из трех. Пошел в аптеку и попросил снотворное «Дайл». Впоследствии узнал, что в штате Нью-Йорк так напуганы самоубийствами, что запретили продажу барбитуратов. Аптекарь сказал, что нужен рецепт.

– Я иностранец. У меня нет американского рецепта.

– У нас есть врач на семнадцатом этаже.

– У меня дела в городе, и ходить к врачу нет времени.

– Мы это уладим.

Звонит врачу:

– Клиент говорит, что не может заснуть. Могу я продать ему «Дайл», док? ОК?

Получил упаковку из двадцати таблеток «по рецепту доктора Харта».

– С вас три доллара, сэр.

Лучшего сервиса я в Америке не видал ни до, ни после.

Понедельник, 3 февраля 1947 года Чтобы было, что пить на Западном побережье, запасся шампанским, бренди и шерри. Странная особенность американского свободного рынка: виноторговец не может послать в Голливуд купленное вами спиртное: он должен уложить бутылки в коробки и занести их в ваше купе. Из винной лавки поехал к мистеру Мейсу, издателю «Гуд Хаускипинг», самого процветающего журнала в Северной Америке. Раньше этот чахлый еврей издавал еженедельную газету с рекламой изделий промышленной химии, теперь же концерн Херста вознес его до небес.

– Когда в «Уолдорф-Астории» мы беремся за металлические предметы, нас бьет током, – пожаловался я ему [412] .

– Это ковры.

Я сказал, что у нас в Англии тоже есть ковры.

– Да, но не такие ворсистые.

После чего мистер Мейс решил продемонстрировать гальванические свойства своего ковра, с каковой целью, шаркая, пересек комнату и попытался приклеить к стене карточку. Попытка не удалась. Потом показал мне очень банальную иллюстрацию, которую собирался дать в следующем номере к моему рассказу. Я назвал рассказ «Тактические занятия»; мистер Мейс печатает его под другим названием – «Желание».

– Почему?

– Иначе читатель решит, что речь идет о войне.

Удивительно, сказал я, что есть читатели, которым не хватает терпения прочесть пару предложений в помещенном в журнале рассказе.

– Это рисунок одного из наших лучших художников, – пояснил он.

– И сколько же вы ему за этот рисунок заплатили?

– Две тысячи пятьсот долларов.

– За такие деньги можно приобрести настоящую картину.

От души рассмеявшись, он сказал:

– К тому же этот рисунок соответствует содержанию рассказа. А такое бывает далеко не всегда.

– Почему?

– Потому что художники столь высокого уровня слишком заняты, и читать то, что иллюстрируют, не успевают. Возможно, у них есть секретарь, который снабжает их кратким содержанием иллюстрируемого произведения. А может, у них возникает какая-то путаница. Мы не вправе контролировать таких знаменитых художников, как… [413]

Помолчав, он заметил:

– Что бы вы сказали, если бы я дал вам четыре тысячи долларов на расходы? Я знаю, у вас, как и у нас, проблемы с налогами.

– Да, но за что?

– В качестве аванса за рассказ…

– С чего вы взяли, что я напишу еще один рассказ и он вам понравится?

– Не страшно, вы нас не разорите. С нами хорошо иметь дело. Кто знает, пройдет несколько лет, и вы нам еще что-нибудь напишете.

Я сказал, что возьму половину этой суммы – но не деньгами, а автомобилем, который нужно будет доставить в Ирландию.

– Вот и отлично. Договорюсь с одним из наших рекламодателей.

«Современную Европу Скотт-Кинга» он брать не захотел:

– Для наших читателей здесь слишком много сатиры. Но я

покажу вашу повесть мисс Казинс, посмотрим, что она скажет. Мы любим вашу королевскую семью. Никогда не забуду, как, будучи в Лондоне, я видел в театре королеву Мэри… Лондон такой чистый, такой устремленный в будущее.

Потом мы с Лорой обедали с Гарри Буллом, издателем «Таун-энд-Кантри». Он знал все обо всех: о завещании Китти Миллер, о репутации в Англии сержанта Престона [414] .

Булл явно завидует, что «Гуд Хаускипинг» сумел меня перекупить. Поднимать тираж и цены ему не разрешается. На мой вопрос, почему, последовал странный ответ:

– Херст хочет, чтобы его журнал был эксклюзивным.

«Гуд Хаускипинг» постоянно перекупает у него авторов. Посвящать его в подробности моей беседы с мистером Мейсом я не стал. <…> Повел меня в книжный магазин и купил мне на деньги Херста полдюжины новых романов.

Продавщица в книжном магазине:

– Вы должны прочесть эту книгу. Она – про инцест.

Я:

– Между братом и сестрой или матерью и сыном?

Продавщица (с сожалением):

– Нет, всего лишь между отцом и сыном.

Тот же самый худосочный юнец, который нас встречал, взялся проводить на поезд. Миссис Б., знавшей, что в юности я много путешествовал, моя просьба отвезти нас на вокзал, показалась странной.

Поезд «Двадцатый век» – гордость железнодорожного транспорта Соединенных Штатов. И гордость вполне заслуженная. Перрон затянут красным ковром, в каждом купе имеются всевозможные приспособления, но стены тонкие, и из соседнего купе доносится раскатистый американский смех. Ужин выше всяких похвал.

Нью-Йорк – Лос-Анджелес,
вторник, 4 февраля 1947 года

В Чикаго приехали в десять и видели только занесенные снегом, тянущиеся вдоль путей строительные площадки. Наш вагон прицепили к «Шефу», составу ниже классом, и в два мы двинулись дальше. Метрдотель – маленький, взъерошенный, смуглый человечек, на вид итальянец или грек. На мою фразу: «Я иностранец», он с удивлением отозвался: «В этой стране мы все иностранцы». <…>

Лос-Анджелес,
четверг, 6 февраля 1947 года

В Пасадену прибыли в девять утра; нас ждала машина из «МГМ». Долго ехали по скоростным магистралям и широким проспектам

мимо нескончаемых пустырей, автозаправочных станций, безликих зданий и пальм, окутанных теплым, тусклым светом. Все вокруг напоминало скорее Египет – пригороды Каира или Александрии, – чем европейский город. Подъехали к отелю «Бель-Эр»: вид более чем египетский, а резиновый запах – как в Аддис-Абебе. Обрюзгший директор гостиницы отдал мой люкс какому-то ревматику – здесь это обычное дело, – и нам достался симпатичный, но не соответствующий нашим запросам номер с ванной. Разобрали вещи, отдали в стирку целый ворох белья, приняли ванну и пообедали. Ресторан небольшой, но уютный, повар вполне приличный. Заказали хорошее местное красное вино – «Массон Пино Нуар». Кроме нас в ресторане не пил никто. За двумя столиками сидели женщины в абсурдных шляпах. Легли отдохнуть. Ровно в шесть к нам в номер явились два продюсера, Гордон и Макгинесс; в дверях пропустили вперед своих робких жен с букетами чудесных цветов. Сидели у нас и выпивали. Разговор не клеился. С аппетитом поужинали в ресторане и рано легли. Спал плохо; проснулся от боли.

Пятница, 7 февраля 1947 года Устал; мучаюсь от боли. Холодно, туман. Гордон зашел за мной в одиннадцать. Поехали в Калвер-сити, в здание «МГМ», сели у него в кабинете. Приходили меня интервьюировать рекламщики. Убедил их, что, пока не решен вопрос о съемке фильма, никто ничего знать не должен. Дал Гордону понять, что никакого согласия пока не даю. Говорили с Гордоном, которого я называю «Леон», о «Брайдсхеде», потом пошли обедать в немыслимых размеров столовую, где продюсеры и звезды, сидя за отдельным столом, поглощали ту же самую дрянную еду, что и остальные, и, как и все, не пили вина. Потом пошли на совещание, здесь его называют «конференцией»; вся конференция свелась к тому, что на десять минут к нам присоединился Макгинесс; сидел и нес вздор. Потом вызвали сценариста, которым оказался Кит Уинтер, – последний раз я видел его в Вильфранш. Одет он был, как все: просторный шерстяной блейзер, полосатый жилет, туфли с пряжками. В Голливуде уже не первый год, и «Брайдсхед» для него – не более чем любовная история. Никто из них не видит в романе религиозный подтекст; впрочем, по словам Макгинесса, «религиозный подход привлекает американского читателя на вашу сторону». Было что-то необязательное в том, как тщательно они разбирали мою книгу, ведь основательно изучать ее должны были совсем другие люди, которым за это платят зарплату. Лора тем временем обедала в «Романове» с миссис Гордон, а после обеда ходила с ней на показ мод. Вернулся усталый и голодный – до понедельника никаких встреч. В студии жаловались: играть в

кино стало теперь невыгодно. Налоги столь велики, что звезд можно заставить сниматься разве что из тщеславия. А это означает, что предстать они должны исключительно в героическом свете.

Четверг, 13 февраля 1947 года

По-прежнему живем в мансарде, и это несмотря на все старания «МГМ» переселить нас в номер попристойнее. Ресторан, впрочем, здесь первоклассный, к тому же мы дали нашим корреспондентам адрес этого отеля, и переехать теперь в другую гостиницу было бы несподручно. Веду войну нервов со здешним менеджером, молодым толстяком, – но безуспешно. Выходные прошли спокойно, ходили в кино, фотографировались. Лора отдала должное местным магазинам, отчего похорошела, помолодела и совершенно счастлива. Кит Уинтер приступать к работе не торопится. На обед явился в индейском костюме, и в ресторан его пустили, только когда я дал ему свою рубашку.

Во вторник монашки зазвали меня в отличную монастырскую школу в горах, где накормили обедом, после чего я стал жертвой собирателей автографов и любителей-фотографов, напоследок же пришлось сыграть в «мозговой трест» в присутствии всей школы. В тот же вечер меня пригласили на ужин в университет Игнатия Лойолы. Приехать попросили в пять, поэтому машину я заказал на девять и просидел в университете лишний час. Иезуиты оказались более гуманными, чем все, с кем мне довелось в Калифорнии встречаться. Гордон дал ужин в нашу честь и пригласил представителей (и представительниц) медицинской профессии, посчитав, что именно врачи составляют элиту «МГМ». Здесь очень рано встают и рано ложатся. Город производит впечатление недостроенного. Повсюду, на большом расстоянии друг от друга, пустые строительные площадки. После войны изобретением искусственного и вредоносного тумана калифорнийцы умудрились испортить даже климат. Женские магазины радуют глаз, в них есть чем поживиться, а вот мужчинам найти сносную одежду невозможно – нет ни воротничков, ни рубашек. Мне не удалось раздобыть даже лосьон для волос. Приходят кое-какие малоинтересные приглашения: со знаменитостями, что похвально, здесь не носятся. Женщины любят собираться большими, шумными компаниями и носят замысловатые шляпы. В такие компании Лору приглашают без меня. Мужчины же обедают в закусочных, где вина не подают. Прислуга в отеле обменивается с постояльцами легкомысленными шуточками, однако к нашей островной отчужденности относятся с пониманием. Официантов мы приучили не подавать ледяной воды, а нашего водителя – не

задавать вопросов. У нас представители высшего сословия задают вопросы представителям низшего, здесь же все ровным счетом наоборот.

В четверг Гордон показал нам свой последний фильм «Юные годы», которым очень гордится. Фильм хуже некуда. По счастью, кресла в здешних кинотеатрах снабжены специальной кнопкой, нажатием которой фильм можно остановить. Что я и сделал, стоило только Гордону уйти. <…>

Пирс-Корт,

Антипасха, 7 апреля 1947 года

В Стинчком вернулся без особого восторга. До войны я возвращался домой после долгого отсутствия с радостным чувством: сейчас увижу, что еще выросло в саду, что еще построено в доме. Теперь же меня не покидает предчувствие, что сад еще больше зарос, а дом еще больше обветшал. На потолке огромные разводы от протечки, снаружи осыпалась штукатурка, и все же общее впечатление отрадное: повсюду яркие краски, кожаные переплеты, отполированное красное дерево, жанровые картины маслом в позолоченных рамах. Все это имеет чрезвычайно привлекательный вид, особенно после серого моря, тусклого, однообразного, функционального пластика, линолеума и стали «Королевы Елизаветы». Америка кажется теперь очень далекой, а дневник, в котором я собирался записывать подробности нашей жизни в надежде, что когда-нибудь воспользуюсь ими в качестве литературного материала, – чистым листом бумаги. <…>

Контуры «МГМ» с каждым днем размываются все больше и больше. Похоже, Гордон потерял интерес к «Брайдсхеду», стоило мне разъяснить ему смысл романа. Когда же у него возникли проблемы с цензурой, он счел их удобным предлогом для отказа от проекта в целом. Вздохнул с облегчением и я. <…>

Возвращаясь к Америке. Спустя месяц мы все же перебрались в огромный люкс в отеле в Беверли-Хиллз, где прожили еще две недели. Попали на закрытый просмотр блестящего нового фильма с Чарли Чаплином «Мсье Верду», а после просмотра поехали на прием к нему домой, где собрались в основном евреи из Центральной Европы. Побывали и на студии Уолта Диснея. В результате удалось отдать должное двум незаурядным художникам Лос-Анджелеса. Удалось также восстановить против себя большую часть здешней английской колонии, необыкновенно чувствительной к критике. Приезжал на пару дней Рэндолф: на людях был неотразим, наедине – пьян в стельку. Побывал на кладбище Форест-Лон, где, наблюдая за деятельностью похоронного бюро, наткнулся на золотую жилу.

Собираюсь в самом скором времени приступить к работе над повестью, где действие будет происходить на кладбище [415] .

Понедельник, 28 апреля 1947 года Сегодня в поисках нового дома еду в Лондон, завтра – в Дублин. Настроение скверное. Никак не пойму, что подталкивает меня к переезду, – чувство долга или азарт. Вчера смотреть наш дом приходили две пары; одной он понравился, но не подошла цена; у другой деньги есть, но в нашей земле не будут расти их рододендроны – нужна, оказывается, особая почва. Подумываю бросить курить. Во-первых, это умерщвление плоти; не только откажу себе в удовольствии, которое доставляет курение, но и подавлю чванство, ведь когда я держу в руке сигару, то становлюсь более хвастливым и развязным. Во-вторых, это экономия денег, которые я мог бы тратить без ущерба для Лоры или детей. В-третьих, это здоровье; курение распускает, способствует развитию лени, бездеятельности, я откладываю дела, пока не докурю сигару. Сколько раз я принимал решение бросить пить, но долго продержаться не удавалось.

Четверг, 15 мая 1947 года Брат Лоры Оберон напросился в гости и остался ночевать. Порывался поговорить с нами о своей карьере журналиста. Перевели разговор на его связь с Элизабет Кавендиш. Купил сыну Оберону белую мышь. В День Вознесения каждый раз вспоминаю, каким мучительным выдался для меня этот день тридцать лет назад в Лансинге.

Воскресенье, 18 мая 1947 года Пили чай с Максом Бирбомом [416] в его небольшом доме близ Страуда. Прелестный старичок, отменно воспитан, по-прежнему живой ум. <…> Есть в нем что-то от Ронни Нокса, Конрада и Гарольда Эктона. «Во взрослой жизни – поправьте меня, если я неправ, – у языка имеется не меньше семи коконов». Многое из им сказанного было бы пошлостью, если б не блестящий стиль изложения. <…>

Среда, 21 мая 1947 года Начал «Незабвенную». Идет со скрипом.

Пятница, 23 мая 1947 года

«Незабвенная» пишется очень медленно, черепашьими темпами. Некоторое время назад ко мне обратился с просьбой дать интервью американец из Кембриджа. Написал ему, что, если он приедет ко мне, готов с ним встретиться. Сегодня явился. Ирландец из Бостона. Чувство юмора на нуле. Темы, которые он затрагивал, вызывали у меня такую скуку, что я только и говорил: «Нет-нет».

– Как вы считаете, в эпоху демократии радио и кино могут стать большим искусством?

– Нет-нет.

– Вы согласны, что злодей эпохи Возрождения олицетворяет собой борьбу личности с обществом?

– Нет-нет.

– Как вам кажется, сегодняшние издатели оказывают не меньшее влияние на современную литературу, чем покровители искусств в восемнадцатом веке?

– Нет-нет.

После интервью накормил его яичницей – обратный путь ему предстоял долгий; уронил желток себе на брюки. Угостил его шерри, подарил экземпляр «Кэмпиона» [417] и отправил обратно в Кембридж.

Понедельник, 2 июня 1947 года

Решил работать по-новому. В начале литературного пути писал «в пустоту», никогда не знал заранее, что приключится с моими героями, у меня не было никакого заранее продуманного плана, я вносил в рукопись очень мало поправок. Теперь же трачу много часов, просматривая и исправляя написанное. В работе над «Незабвенной» намереваюсь сначала писать черновик, потом отдавать его на машинку, после чего, ясно представляя себе, чем кончится дело, еще и еще раз править уже написанное.

День накануне праздника Тела Христова. Решил, что мой новый метод работы должен положительно сказаться на конечном результате. Сегодня же начну переписывать то, что набросал в спешке.

Настроение негодное – поэтому отправился на долгую прогулку. Уик, Нибли, Стэнком, пересек поле для гольфа. Вернулся, принял ванну, переоделся, выпил стакан бургундского, запил вино апельсиновым соком и раскрыл Генри Джеймса. И, вопреки принятому решению бросить курить, закурил сигару. Удовольствие ни с чем не сравнимое.

Понедельник, 23 июня 1947 года Лора пошла у меня на поводу и купила радиоприемник. Сэр Макс Бирбом уговорил, что третья программа мне понравится, особенно когда мы переедем в

Ирландию. Внимательно прослушал все программы и лишний раз убедился, что эмигрировать самое время.

6 июля 1947 года На прошлой неделе закончил первый черновой вариант «Незабвенной» и начал его переписывать; переписываю медленно – задерживает машинистка.

Стокгольм,

понедельник, 18 августа 1947 года

Целый день ходил по Стокгольму, городу ослепительной красоты. Повсюду вода, мосты, деревья; есть очень интересные здания. <…> Девушки хороши собой, не изуродованы косметикой и прическами. Вид обеспеченный, сексуально удовлетворенный.

Вторник, 19 августа 1947 года Опять по городу. Святой Георгий и принцесса: великолепная немецкая резьба по дереву. Ратуша: последнее значительное здание в Европе, созданное для того, чтобы им любовались. Не в моем вкусе, но архитектору в эстетическом чутье не откажешь. Обедал с Виклундом, корреспондентом «Телеграфа» и литературным обозревателем своей газеты: уродлив, отличается обширнейшими знаниями в современной английской литературе. После обеда дал интервью молодой туповатой толстушке. На следующий день раскрыл газету и прочел название интервью: «У обезьяны Хаксли новое хобби – кладбища» [418] . <…>

Пятница, 22 августа 1947 года

Поездка за город с моим издателем, очень скучным человеком. Шведы вообще чудовищно скучны.

– Распродано 35 000 экземпляров книги «Я выбрал свободу» [419] . Отличный результат, – сообщил он мне.

– Очень хорошо.

– Ничего хорошего.

– Почему же? Вы что, не считаете эту книгу правдивой?

– Вовсе нет, там написана чистая правда, но будет ужасно, если она вызовет у шведов ненависть к России.

У шведов крайне невыгодное торговое соглашение с Россией. И им это соглашение не нравится. Для них коммунизм – это попросту русская агрессия. И постичь причину этой агрессии они не в состоянии. Восемнадцать процентов членов городского совета – коммунисты. <…>

Суббота, 23 августа 1947 года На поезде в Упсалу – к канцлеру Энгстрёмеру. <…> Канцлер, нисколько не смущаясь, рассказывал мне, что у большинства студенток внебрачные связи. Город прелестный, многие дома хороши. Собор ужасен. Серебряный колокол королевы Кристины [420] по-прежнему ежедневно звонит «ей на счастье». Поражает полное отсутствие любопытства у шведов всех сословий; на какую бы тему ни зашел

разговор – никакого интереса.

Воскресенье, 24 августа 1947 года Вечером мой издатель пригласил меня ужинать. Познакомился с двумя поэтами; один – моего возраста и очень пьян. Называют себя «Группой 40», превозносят Кафку и Сартра.

Осло, понедельник, 25 августа 1947 года Утром вылетел из Стокгольма в Осло, сели в час дня. Вид город имеет очень жалкий, нечем дышать, пыльно, стоит невиданная жара, жители бредут по улицам в рубашках с засученными рукавами и едят мороженое. «Гранд-отель» перестраивается; с утра до ночи стук молотков. <…> Социалистка крошечного роста назвалась моим агентом и повела меня к моему издателю, который пока ничего еще не издал. Пресс-конференцию назначили на 6.30 вечера. Пришли человек пять-шесть журналистов, из которых половина не знает ни слова по-английски. Вела пресс-конференцию какая-то пьяная девица, говорил в основном пресс-атташе английского посольства. Ужинал со своим литературным агентом и издателем.

В Осло пробыл до пятницы 29-го. Погода тягостная, еда преотвратная, шум трамваев под окном невыносим, город – хуже не бывает. Ратуша, когда ее достроят, будет самым уродливым зданием в Европе. Запомнилась разве что невиданная фаллическая усыпальница Вигеланна [421] , где я провел некоторое время. Ужинал со своим издателем и с миссис Унсет [422] . В разговор вступила только один раз, поинтересовавшись, читал ли я Юли Нойч (имелась в виду Юлиана из Нориджа [423]), зато много пила и вид имела всем недовольной содержательницы меблированных комнат.

Без малейшего сожаления уехал из Осло 29-го и в Копенгаген прибыл в тот же день к вечеру. У датчан, как оказалась, я в фаворе. В аэропорту меня встречали корреспондент «Телеграфа», два издателя, человек десять журналистов и фоторепортеров. В тот же вечер ужинал со своими издателями в саду Тиволи – уникальном развлекательном центре; существует уже лет сто, чего тут только нет: и цирк, и концертный зал, и традиционная итальянская пантомима, и американские горки, и всевозможные питейные заведения от самых заурядных пивных, куда ходит рабочий люд, до роскошных ресторанов. Людей полно, при этом чисто, опрятно, царит полный порядок. Отель «Англетер» приятен и старомоден. Пробыл в Копенгагене до 2 сентября и уехал с сожалением. <…>

Во время своего «турне» принял решение в Ирландию не переезжать. Причины следующие. Первая (благородная): Церковь в Англии нуждается во мне. Вторая (низменная): в случае переезда пострадает моя литературная репутация. Третья

(заурядная): надеяться, что жизнь в Ирландии будет более сносной, чем дома, не приходится. Мои дети должны быть англичанами. Я должен стать анахронизмом. Социалисты срочно принимают репрессивные меры, много мер, и могут счесть, что я спасаю собственную шкуру. Если я хочу стать фигурой национального значения, то жить должен дома. Американцы потеряют к эмигранту интерес, у ирландцев же он даже не возникнет. <…>

Вторник, 28 октября 1947 года Мой сорок четвертый день рождения. Я гораздо, гораздо старше, чем в этот же день в прошлом году, я немощен и слаб. Умственно я достиг той степени непричастности, которая, сочетайся она с истинной религиозностью (не сочетается), могла бы служить назиданием для потомков. Год назад, в этот самый день, я принял несколько решений, но не выполнил ни одного. У меня есть немало оснований благодарить Господа, но я редко отдаю себе отчет, за что именно. За истекший год написал две удачные вещи – «Современную Европу Скотт-Кинга» и «Незабвенную», кроме того, решил остаться в Англии. Моя коллекция обогатилась целым рядом красивых книг и несколькими никому не нужными картинами. Я пожертвовал на Церковь крупные средства и напивался реже, чем раньше. Моя жизнь складывалась вольготнее, чем у большинства англичан.

Понедельник, 1 декабря 1947 года Остался ночевать Стюрат Бойл [424] . Невысокий, коренастый, комок нервов, старше, чем я думал. Превозносит свою жену Веру – поэтессу. Неравнодушен к евреям; быть может, и сам еврей, поменявший фамилию. Родом из Южной Африки. Ест и пьет мало. Потенциальный католик. Трудолюбив, бережлив, отличается высоким мастерством, а вот фантазии и вкуса не хватает. Именно то, что мне надо.

Вторник, 2 декабря 1947 года Утром обсуждали иллюстрации к «Незабвенной»; Бойл за мной записывал. Подробно пересказал ему содержание, и теперь, если книга пройдет незамеченной, виноват буду только я сам.

Воскресенье, 7 декабря 1947 года Воскресенье не принесло той радости, которую от этого дня ждешь. Я не отдыхаю – потому что не работаю. Встаю раньше, чем следовало бы, а для человека средних лет и устоявшихся привычек это вселяет тревогу. На машине в церковь. Уродливая пригородная церквушка, голая и неуютная. Писем нет, а для меня они, как и для моего глухого отца, – связь с миром. Нет и газет; приходят только после полудня и ничего, кроме отвращения и мизантропии, не вызывают. Кусок жареного мяса, которое подается раз в неделю, съедобным бывает редко. По всем этим, а также по ряду других

причин викторианское воскресенье возвратилось Судным днем.

День Рождественских даров, 26 декабря 1947 года

<…> Вся семья собралась вместе. Какие же необаятельные мои дети! Пытаюсь дать Брону несколько дополнительных уроков. Ленив, но не так уж глуп.

Многочисленные вырезки из газет [425] – в основном комплименты. Злюсь, когда люди, которых я никогда в жизни не видел, ругают меня за дурной нрав. Был разочарован рецензией не известного мне юного критика Расселла в «Санди таймс», хотя Десмонд (Маккарти – *А. Л.*) и расхвалил его до небес. Уровень рецензирования падает на глазах.

Последнее время плохо переношу наркотические средства – прекращаю принимать снотворное. <…>

Написано в среду, 7 января 1948 года Насколько же скучнее писать самому, чем пересказывать то, что происходило с другими! <…>

Воскресенье, 11 января 1948 года На двенадцатичасовой мессе в церкви на Фарм-стрит встретил Грэма Грина. Еле волочит ноги, небрит и, как выяснилось, с пустыми карманами. Повел его в «Ритц», угостил коктейлем и дал шесть пенсов «на бедность». Оказалось, он неожиданно проникся любовью к Африке и пожертвовал все, что у него с собой было, на африканских миссионеров. <…>

Вторник, 13 января 1948 года Вернулся домой и обнаружил, что дети, воспользовавшись моим отсутствием, совершенно распоясались. Вечерами играл с Лорой в бильярд.

Четверг, 5 февраля 1948 года

<…> Начался Великий пост. Отказываю себе в вине и табаке. А вот Лора в вине себе не отказывает. В результате в воскресенье напились. <…>

Принятое в пост решение сесть за «Елену» так пока решением и осталось. Вместо этого написал дурацкую статью, несколько посланий в газеты и бессчетное число писем. <…>

Понедельник, 16 августа 1948 года <…> Последние дни стоит адская жара; лето же в целом сырое и холодное. Дети дома. Тереза кричит не своим голосом, Брон ленится, Маргарет глупа, но прелестна, Харриет безумна. Всю прошлую неделю у нас прожила моя мать. Настроение у меня от ее пребывания не улучшилось – постоянно все хвалит. Уж лучше б она, как это свойственно старикам, жаловалась – тогда бы, по крайней мере, избавила меня от необходимости быть с нею вежливой. <…> Ничего не делаю. Цена успеха – праздность.

Воскресенье, 3 октября 1948 года К причастию. Эллвуд объявил, что уходит. Не стану его удерживать. С его уходом наша

жизнь существенно переменится. Другого водителя не возьму: в век Простого человека довольствоваться буду малым.

Четверг, 28 октября 1948 года Мой сорок пятый день рождения. Непродуктивный и нездоровый год. Молю Бога, чтобы следующий был лучше.

Воскресенье, 28 сентября 1952 года

Поехали в гости к Беллоку. Предварительно обменивались многочисленными письмами и телефонными звонками с Джеббсами. Кингслэнд, Шипли. Фермерский кирпичный дом, угловой; рядом покосившаяся от времени ветряная мельница. У входа бидоны с молоком – есть, стало быть, молочная ферма. Выбежали поздороваться два сына Джеббса, один миловидный, в матроске, другой маленький, опрятный херувимчик с парализованной ручкой. Очень радушны. Графин с шерри. Просторный холл, по стенам книги и гравюры сентиментального содержания; фотографии. Чисто и уютно. Младший мальчик пошел позвать «дедушку». Приближающееся шарканье. Входит старик: растрепанная седая борода, черная куртка со следами остатков пищи и табака. Со времени нашей последней встречи похудел; улыбка радушная. Похож на старого крестьянина или рыбака из французского фильма. Поздоровались с ним в дверях. Пахнет лисой. Лоре поцеловал руку, а мне сказал: «Рад с вами познакомиться, сэр». Прошаркал к камину и опустился на стул. Все то время, что мы у него пробыли, безуспешно пытался раскурить пустую трубку.

– Старость – удивительная вещь. Человек превращается в шаркающее животное, но голова остается ясной, как у юноши.

Заметил в углу мою трость и велел внукам ее унести. А заодно – выбросить залетевший в комнату лист. Посмотрел в упор на Лору и сказал:

– Вы очень похожи на вашу матушку, не находите?

– Она выше меня.

– Английские женщины огромны. Равно, как и мужчины, – великаны.

– Я невысок.

– В самом деле? Судить не берусь.

В то, что говорилось ему, он вникнуть был не в состоянии, зато вещал с удовольствием. Говорил значимо, продуманно. И не забывал про вино, что в его весьма преклонном возрасте большая редкость. «Вино? А что вы думаете? За ужином мужчина должен выпивать не меньше бутылки» и т.д. «Писать стихи – дело хорошее. Стихи не забываются. В наше время поэтов наперечет. Я постоянно пишу стихи, великие стихи. Постоянно, но немного. Писать стихи – непростая штука». Перешел на французский и

рассказал неприличную историю, за которую извинился. Заметил, что я не все понял. «Вы предпочли бы говорить на двух языках, сэр, или на одном?» Разговор не клеился. Пожаловался, что Нэнси Астор не пригласила его жену на ужин. Сообщил ему, что лорд Астор умирает; не смог взять это в толк. Принялся рассуждать о заносчивости богатых. Ни слова о религии. «Воскресенье? И что дальше?» «Сколько времени люди одинаково одеваются? (Мы были одеты совершенно по-разному.) С Французской революции?» Все попытки напомнить ему, как одевались во времена Директории, ни к чему не привели. «Что нынче говорят о Наполеоне? Что он злодей?» Но, подобно смеющемуся Пилату, ответа дожидаться не стал. Вино доставляет ему удовольствие, трубка действует на нервы. Истинных радостей мало. С нескрываемым наслаждением продемонстрировал ужасающую гравюру собора в Бове – «самую большую на свете».

Бомбей – Гоа [426] *,*

четверг 19 декабря 1952 года

В девять на такси в Гоа . Церковь «Бом Иисус» – много паломников. Могила Тускана в плотном кольце людей. В примыкающем к церкви монастыре кухарят в аркаде пилигримы. Между церковью и собором лавчонки: продается еда, питье и кое-что из церковной утвари. Толпы людей, 25 000 каждый день. Дети и женщины в индийской одежде, мужчины – в европейской. Некоторые в клобуках монашеских орденов. Очередь «на поцелуи» к месту погребения святого Франциска. На ступенях собора меня приветствовал священник отец Рибено: «Мистер Ву?» Патриарх, разыскивая меня, объехал весь Старый город. С Рибено и мистером Мерезе; на паях с братом владеет местной вечерней газетой размером в одну полосу, ее же издает и в ней же печатается. Рибено показал мне францисканский монастырь: много паломников, идеальная чистота, рядом старый патриарший дворец. Есть несколько красивых комнат, картинная галерея с хорошей живописью. Во францисканской церкви выставка религиозного искусства. Местное население по сей день чтит статуи: даже находясь в музее, целуют их, бросают монетки. (Святую Екатерину в церкви «Бом Иисус» недавно изобразили ступающей на облако, а не на магометанина.) Почитание тела в алтаре собора. Серебряную раку открыли, и показались останки (здесь их называют попросту «мощами»); из-под белого покрывала выглянула чернокожая ступня. Тело в полном облачении. Видны серое плечо и рука и серый, точно вылепленный из глины, череп. Решил воздать почести святому в другой день, при меньшем стечении народа.

Мистер Мерезе сел в машину вместе со мной и уговорил заехать в

редакцию его газеты – располагается редакция на прелестной деревянной веранде. Брат. Женщина покупает конверт с изображением Святого Франциска. Пиво, бутерброды. К нам присоединился доктор Фред Да Са, пожилой человек без галстука и без зубов. Сказал, что безупречно говорит на всех языках и что спас жизнь Ганди, незаконно сделав ему в тюрьме операцию. «Все английские джентльмены любят стрелять. Постреляем с вами в воскресенье. У меня красивый дом с теннисным кортом. Я всегда стреляю мимо цели. А вы любите кабанить?» Я решил, что он имеет в виду «охотиться на кабанов», но оказалось, речь шла об употреблении кабана в пищу. Зазвал меня и братьев-газетчиков к себе на обед в воскресенье. <…> Приходил Да Са; подарил написанную им на португальском биографию Черчилля, показал автограф Черчилля. Следом явился местный журналист, чудовищный зануда, выспрашивал, что я думаю о Герберте Уэллсе как мыслителе. Сказал ему, что крупнейшими английскими мыслителями считаю С. Сайкса и Р. Нокса. Просидел до девяти вечера. После ужина директор местной гостиницы (пьян?) сообщил мне, что хотел бы написать книгу о политической теории на примере Гоа. Условиями жизни на Гоа он вполне доволен. Спал крепко и без снотворных.

Суббота, 20 декабря 1952 года

Правительственная машина пришла в 6.30. В Гоа; утро необычайно холодное. Несмотря на ранний час, людей на соборной площади не меньше, чем накануне; лавчонки еще закрыты. К причастию в соборе. Меня узнал бородатый иезуит – поставил в начало очереди «на поцелуи». Поцеловал. Поехал обратно бриться и завтракать. После бритья пришел Да Са: «Все жители Гоа интересуются, как вы спали». Дьявольский шум. В одиннадцать – в Дом правительства. Короткая беседа по-французски с генерал-губернатором. Познакомился со многими официальными лицами, в том числе и с индийским архивистом Писсурленкаром. Красивый старый дом.

Забыл упомянуть: что все мои посетители проникают ко мне в комнату без стука. Может, правда, они и стучат, но шум такой, что я не слышу, а дверь не запирается.

Обедал во дворце патриарха. Патриарх – симпатичный, чистенький, сметливый старичок. Кроме него за столом коадъютор архиепископа и епископ Мадуры. Прислуживали три священника. Пять блюд. Пять сортов вина, в том числе португальское шампанское. Подарил ему «Святые места». Впечатления не произвело. Мадурский епископ перепил. После обеда сразу в часовню. Непрекращающаяся сиеста. Индийский консул прислал путеводитель. Белые здесь – не меньшая

редкость, чем на реке Иренг [427] .
Узнал, что индийский консул в Гоа – христианин, и оставил ему свою визитную карточку. Зовут Винсент Коэльо.

Воскресенье, 21 декабря 1952 года Месса в 8.30 в церкви Панджим. Мужчины на хорах или на паперти. В самой церкви – женщины и дети. В десять приехали на машине братья Мерезе вместе с отцом иезуитом Иренере Лобо. На пароме через реку. На противоположном берегу ряды ухоженных бунгало. Жители Гоа гордятся своими домами. Принадлежат дома в основном тем, кто служит в Африке или в Бомбее. Скромное жилище мистера Фреда Да Са. Жена и пятеро детей. Присоединился к нам, и, все вместе, поехали в Калангуте, по дороге остановились выпить пива в богатом доме семьи Пинто. Они – двоюродные братья братьев Мерезе и, как выяснилось, и Лобо тоже. Побывали в красивой старой францисканской церкви и в монастыре. Теперь здесь обосновались живущие в миру священники. Вино и комплименты. Сели обедать на невзрачном берегу под охраной полуголых полицейских. Кабан, приготовленный по рецепту Да Са. Отец Лобо совершенно обворожителен. Основал в Баге приют, и не один, там каждую пятницу искупительный крестный ход, причем идущий впереди должен нести тяжелый крест из тикового дерева. У Лобо доброжелательная, располагающая к себе улыбка: «Здесь у нас никакого флирта. Всё по-христиански». Браки устраивают родители: наводят справки о набожности невесты, приданом и сифилисе. Браков между кастами не бывает. Муж, как правило, большую часть жизни за границей, и жена становится хозяйкой дома. Никаких разводов. Даже до Салазара [428] , во времена правления масонов, когда развод был разрешен по закону, разводились очень редко. <…>

Понедельник, 22 декабря 1952 года В девять – в старый Гоа по договоренности с соадъютором архиепископа. Высокий, бородатый, добродушный; родом с Азорских островов. Никакого интереса к старине не испытывает, во многих местах Старого города впервые. Он утомил меня, а я – его: побывали во многих церквях и монастырях, одни разрушены, другие реставрируются. Где бы мы с ним ни оказывались, люди, точно косяки обжорливых рыб, устремлялись к нему поцеловать его кольцо. Со всей Индии, группами в несколько десятков или несколько сотен человек, шли сюда возглавляемые своими священниками верующие. Одна такая группа: похожи на обезьян, окрещены прямо в джунглях. Их священник: «До сего дня они пребывали в уверенности, что христиане – это только отцы Церкви. Они очень удивлены». Удивлен и я. Рыбаки – потомки обращенных самим святым Франциском. <…> Собирают воду из источника, где, как

принято считать, купался сам святой Франциск Ксаверий; касаются руками и целуют каждый камень, каждую ветку. Снимают обувь, чтобы почтить крест покаяния в Санта-Монике. Немецкий крест, помечен 1689 годом. Женский монастырь в Санта-Монике огромен и удивителен. Беллок с его «Европой и верой» [429] посрамлен. Хотел было перебраться на противоположный берег рассмотреть красивую церковь и разрушенный индуистский храм, но не сложилось. <…>

Понедельник, 29 декабря 1952 года

Гостиница заполнена индийцами до отказа. Ездил в старый Гоа на выставку церковного искусства. Закрыта по-прежнему.

Гоанийцы настаивают, чтобы их называли гоанцами. Когда двадцать два года назад я впервые узнал об их существовании, они настаивали, что являются по-преимуществу португальцами. Теперь же утверждают, что они – чистые индийцы. Не имеют никакого представления об ужасах гитлеровского или сталинского режимов и мягкое португальское правление, где царит закон, называют «зверским».

В здешнем книжном магазине (владелец – индус) три четверти книг на английском языке и ни одной книги писателя-католика. В основном – популярная сексология и старые мыслители.

У меня обедал профессор из Бомбея: плевался и размахивал ножом. После обеда ездил с Мерезе на машине на остров Дивар и ел сладости вместе с его тещей.

Вот что сказал священник о системе очередей, введенной в этом году: «Когда люди стоят в очереди за продуктовыми пайками, они становятся более цивилизованными».

Мисор,

понедельник, 5 января 1953 года

Проснувшись, задумался, не сбрить ли усы. После завтрака мне предложил свои услуги престарелый цирюльник, и я не стал противиться судьбе. Брил меня с таким усердием, что чуть не обрил всю голову, тыча пальцами в спину и сжимая череп, как тисками. Зато унылый студент-экскурсовод повел себя со мной не столь добросовестно. Поехал с ним в Сомнатхпур, заброшенный храм тринадцатого века, на обратном пути видел Чамунди-Хилл, где в семнадцатом веке был установлен великолепный, огромный бык. <…> Завтра беру такси и еду в Белур. Директор турбюро (он же – издатель местной газеты) хочет, чтобы я взял с собой его сына.

С такси же получилась целая история: заказываю автофургон и еду в государственное туристическое бюро (мистер Свами), чтобы выяснить, как добраться в Белур и Халебид. Потом договариваюсь

с водителем фургона, чтобы тот меня отвез. После обеда появляется Свами и спрашивает, сколько я плачу водителю фургона. Отвечаю, что не знаю, но, наверно, – цену, установленную в гостинице. Свами говорит, что фургон дороже, чем такси. Уходит и возвращается с сыном и с такси и говорит, что фургон от гостиницы стоит двенадцать аннов за одну милю, а его такси всего восемь. За его сына платить не придется. Я должен взять такси. Я соглашаюсь, о чем сообщаю водителю фургона. Тот говорит, что у него есть превосходная, совершенно новая машина, на которой он отвезет меня за восемь аннов. Едем к нему в гараж, а оттуда в Серингапатам на красивой, совершенно новой и до крайности неудобной машине. У меня портится настроение, когда я думаю, что на этом автомобиле мне предстоит ездить целый день, но договор есть договор. После ужина является Свами и под большим секретом, с волнением в голосе сообщает, что, по сведениям полиции, у водителя фургона на красивую, совершенно новую машину нет права вождения. Если я на ней поеду, предупреждает он, то у меня могут быть неприятности с полицией. Отсылаю его прочь.

Вторник, 6 января 1953 года

В шесть утра отправляюсь на мессу. Такси Свами едет следом. Не успеваем отъехать от гостиницы и ста ярдов, как дорожная полиция останавливает нашу машину и арестовывает водителя. Иду на мессу пешком, Свами едет за мной и предлагает свои услуги. В конце мессы появляется за рулем фургона мой водитель. Готов отвезти меня за восемь аннов. Во время завтрака появляется сын Свами. Отсылаю его. Мой водитель должен явиться в суд, поэтому везет меня другой водитель. Таким образом, я в выигрыше: удобная машина за цену неудобной, плюс водитель, который не претендует на знание английского.

Двенадцатичасовой день – с 7.30 до 19.30. Сначала – в Сраванабелагола: два холма, точно огромные гладкие серые валуны, лежащие на серо-зелено-шоколадной тарелке. На вершине каждого – храмы. В деревне гигантская цистерна с водой и общежития для паломников. На более высоком холме колоссальная статуя Гоматешвары [430] – глыба из цельного камня, пятьдесят футов высотой. На гладкой поверхности холма выбито шестьсот ступенек с двумя арками. Снимаю обувь. Поднимаюсь наверх, сидя на плетеном стуле, на плечах у носильщиков. Очень неудобно. Статуя ремонтируется и стоит в лесах, на которые из-за отсутствия обуви взобрался с трудом.

Потом через Хасан, где проходит ярмарка, – в Белур; приехали в полдень, все отдыхают, все заперто, люди говорят, что мусульман и христиан не обслуживают. Тут только я сообразил,

ведь владелец моей машины мусульманин. Вот почему индусы так недоброжелательны. Обошел храм вокруг. Резьба ничуть не хуже шахматных фигур из слоновой кости. Божки, танцующие девушки, на фризах, как обычно, – амазонки, слоны. Оттуда – в близлежащий Халебид. Почти то же самое. Хойсалешвара [431] , тринадцатый век. Храм открыт, внутри несколько паломников. Посреди всей этой нескончаемой резьбы две гробницы: каждая представляет собой камень цилиндрической формы на алтаре. Есть в них что-то фаллическое? Потом – обратно в Мисор через Хасан, куда уже стекается народ.

В памяти остались дорожная пыль, огромные деревья с пепельно-серыми стволами, обезьяны, фламинго, запряженная волами телега, женщины с корзинами.

Мадура,

четверг, 8 января 1953 года

Ранним самолетом в Мадуру; прилетели в 12.30; пасмурно, дождь. Гостиница отсутствует. Сидел на вокзале в «Зале ожидания для джентльменов»; «для джентльменов» замазано краской, поверх написано: «для высших классов». Нанял рикшу и поехал к епископу; епископ – в Мадрасе, но иезуиты доброжелательны, а один из них, некий Висувасам, вызвался быть моим гидом. Вечером при электрическом свете обошел огромный храм. Скульптура десятого века намного уступает мисорской скульптуре века тринадцатого, но впечатляют размеры, а также жизнерадостность нищих, студентов, гадалок, лавочников, и т.д.

Пирс-Корт,

пятница, 16 января 1953 года

В Лондоне тепло. Видел Питерса. Главный редактор «Гуд Хаускипинг» напомнил про выплаченный мне аванс. Моя статья о Гоа не опубликована. В Америке мой рассказ не распродан. Ходил на выставку жалкой современной «скульптуры»; тема – неизвестный политзаключенный. Домой под дождем. Встречен Лорой и Маргарет. За ужином веселились.

Пепельная Среда 1953 года Пепел. Гранки. Решил к посту перестать принимать снотворное.

Стинчком,

понедельник, 16 марта 1953 года

Снотворное принимать не бросаю, зато бросаю пить вино (со вчерашнего дня).

Пост начался хорошо. Написал первые страницы романа [432] , и тоже очень хорошо. «Уайт» после воздушных налетов на ремонте. Опустился туман, задымил мой камин, и я сел писать рецензию на книгу Тито, читал корректуру и рассматривал коллажи к «Любви среди развалин», книги, которая постепенно

становится только моей.
Покончил с неотложными делами и поехал в Мелдз. Туман, холодно. Лора отвезла меня в Таунсайд, где, напоив водой и несъедобной рыбой, меня призвали выступить перед зевающими учениками, собравшимися в лекционном зале, с рассказом о Тито, который, признаться, мне сильно надоел. Из зала – в холл, где воздухонагреватель не выполнял свои обязанности и воздуха не нагревал. Пил виски, которое я терпеть не могу, и беседовал с учениками, курившими сигареты и пившими шерри. Такси опоздало на три четверти часа, и монахи уж не чаяли, как бы поскорей меня спровадить. <…>

Понедельник, 9 марта 1953 года

Выздоравливал медленно, почти всю неделю, а Лора тем временем заболевала. Приехав в Лондон, написал Маггериджу [433] , не хочет ли он напечатать статью, в которой доказывается, что Тито – женщина. Прислал телеграмму, что хочет. Я написал – получилось не ахти. Он струсил: сказал, что напечатает статью только после отъезда Тито. Статью забрал.

В четверг дал интервью очень приличному репортеру из «Санди кроникл» – и опять про Тито. По словам репортера службы, безопасности в ужасе: югославы настаивают на пуленепробиваемом автомобиле, засекреченной резиденции, засекреченном списке встреч. Герцога Норфолкского уговорили выступить с протестом. Если даже мне до смерти надоела эта история, то представляю, как она надоела политикам. Приезжает Тито морем, и его приезд уже обошелся нам тремя военными самолетами, которые будут сопровождать его из Гибралтара.
Вчера кончил «декорации» к «Развалинам» («Любовь среди развалин». – *А. Л.*) и сейчас собираюсь переключиться на роман, который хочу закончить до отъезда в Аргентину в сентябре.

Лондон,

четверг, 16 апреля 1953 года

В Лондон с Лаурой на премьеру пьесы Грэма (Грина. – *А. Л.*) «Гостиная». Начали с шампанского в «Клариджес». Компания подобралась странная: Корда, Эдди Саквилл-Уэст, Мэтью Смит, Барбара Ротшильд. Пошел на пьесу в хорошем настроении, но сохранить его до конца спекался не удалось. В антракте выпил еще шампанского, вследствие чего финальную сцену, в которой, по всей видимости, содержался смысл всей этой грустной истории, смотрел невнимательно. Пришел к выводу, что тон пьесы фальшив. Набожность старух католичек – не набожность. В трагической любви героини нет ничего трагического; ее самоубийство ходульно. Но коль скоро последние десять минут я отвлекся, судить не берусь. <…>

Париж, понедельник, 20 апреля 1953 года Шантийи. Гнусное место.

Пирс-Корт, пятница, 5 июня 1953 года

Грэм приехал 12 июня. Полон всевозможными театральными идеями, но в состоянии пребывает неважном. Извиняясь за то, что не приехал на конференцию во Флоренции, сказал итальянскому послу, что «практикующим католиком» больше не является. Перед мессой попросил печенья, чтобы (подобно его герою в «Сути дела») был предлог не идти к причастию. Вместе с тем в понедельник, перед отъездом постился. Пересказал мне сюжет своей новой пьесы: священник «жертвует верой», чтобы вернуть к жизни мальчика. При этом держался очень мило и скромно. Людей судит по доброте. <…>

Отдельные рецензии на «Любовь среди развалин» положительные, но большинство – откровенно бранные. Не работается – написал всего одну рецензию. Все с живым интересом наблюдают за тем, как творческие силы покидают меня.

Пятница, 1 января 1954 года Месса в Дерсли в восемь утра. Приехали в конце апостольского послания. Пасмурное утро, белый мороз. В Англии в праздничные дни ничего праздничного. Никто не надевает все самое лучшее. Холодно, промозгло, рано встаешь, злишься на детей, что опаздывают. Весь день сидишь в четырех стенах. Пишешь письма, читаешь газеты и еженедельные обозрения, дремлешь, пьешь, чтобы поднять настроение, джин. Читал вслух Макса Бирбома.

Воскресенье, 3 января 1954 года Опять в церковь. Молюсь теперь только об одном: «Это я опять. Укажи мне, что делать, помоги это сделать». <…>

Пирс-Корт,

четверг, 7 января 1954 года [434]

Жуткий холод. Сидел, точно барсук во время зимней спячки. <…>

Пирс-Корт,

суббота, 25 июня 1955 года

Приехали Драйберг и фоторепортеры; провели здесь почти целый день. Сказал Лоре: «Очень скоро – быть может, когда я напишу свою следующую книгу, – ко мне потеряют всякий интерес, и эти годы изобилия будут вспоминаться с благодарностью».

Четверг, 30 июня 1955 года Телевизионщики явились в десять и ушли в 6.30. Мучительный день. Им нужен был монолог, а не диалог. Пятиминутный монолог, который увидят за завтраком нью-йоркские телезрители. Сняли все вплоть до курятника. Режиссер то и дело лез в карман за бумажками: «Мистер Во, тут говорится, что вы очень вспыльчивы и консервативны. Скажите,

будьте добры, что-нибудь оскорбительное». Я сказал: «Человек, который принес в мой дом этот аппарат, ждет от меня какое-нибудь оскорбительное замечание. Не дождется». – «О нет, мистер Во, так дело не пойдет. Скажите что-то другое». И спустя какое-то время я сказал – правда, не в камеру: «Вы слишком многого хотите за сто долларов». – «Что вы, мы за ценой не постоим».

Понедельник, 4 июля 1955 года Письма благодарности за мою книгу, а также рецензии – ни одной толковой. Сирил [435] отмечает мою «добродушную апатичность» и обрекает на роль Мориса Бэринга [436] . <…>

Четверг, 7 июля 1955 года Душный день. Ходил в кино, еще раз смотрел фильм Грэма «Конец одной любовной связи» [437] – правда, не до конца. Смотреть детектив во второй раз выше моих сил. Вернулся домой и перечитал книгу. Ничего общего с фильмом. Обычные просчеты экранизации: социальное положение героев завышено, неподражаемое однообразие Клэпема [438] утеряно. Вдобавок в фильме не нашлось места самому в романе главному: событиям после смерти Сары, которые и являются, собственно, «концом одной любовной связи». Трогательна только героиня. После фильма – в церковь.

Пятница, 8 июля 1955 года <…> Сейчас принято считать, что слабые люди драчливы из-за своей слабости. Гораздо разумнее предположить, что Бог создал драчливых людей слабыми, чтобы предотвратить тот вред, который бы они нанесли, будь они всесильными.

Понедельник, 11 июля 1955 года В Англии рецензии на «Офицеров и джентльменов» плохие, в Нью-Йорке хорошие. <… > Что до меня, то я вполне удовлетворен качеством своей книги. Если что меня и тревожит, так это то, как роман будет продаваться в Америке. Очередной успех за океаном мне бы не повредил.

Вторник, 12 июля 1955 года Жара продолжается. Пока не кончится, в Лондон не поеду. В жару в доме приятно. Наконец-то жимолость, которую я посадил под окном спальни, в ночное время распространяет в комнате аромат. Без снотворного не сплю. Чего я только не перепробовал: и прогулки, и холодную ванну, и пост, и пресыщение, и уединение, и общество. Все равно без паральдегида и амитала не обхожусь. Для ведения дневника моя жизнь недостаточно насыщенна. Утренняя почта, газета, кроссворд, джин.

Среда, 13 июля 1955 года Духота; скука невыносимая.

Суббота, 16 июля 1955 года <…> Вечером поехали с Лорой на «Убийство в соборе» [439] . При свете дня костюмы и декорации вид имеют довольно жалкий, но, когда в соборе

стемнело, стало живописнее. Сидели в первом ряду. Актеры-любители играли лучше профессионала, исполнявшего роль Бекета. <…> Процессия при свечах в финале очень эффектна.

Воскресенье, 17 июля 1955 года К причастию. Жара. Покой.

Понедельник, 18 июля 1955 года

Радости и горести неприхотливой жизни.

Радости. Оказалось, что псевдошератонский столик из Хайгейта отлично встает под окно в столовой, надо только подпилить четыре деревянных выступа. Немного похолодало. Наконец-то приехал механик из «Акто» вставить новые лезвия в газонокосилку. Отлично покосил две лужайки перед домом. Позвонила Диана: хочет приехать в пятницу вечером. Очередной роман Агаты Кристи: начало удачное.

Горести. Газонокосилка, проработав час, сломалась. Купленный сегодня хлеб черств. На треть роман миссис Кристи хорош, на две же трети – пустая болтовня.

Лондон,

четверг, 21 июля 1955 года

<…> Шел по Виго-стрит и, совершенно машинально свернув в Олбани, зашел к Грэму Грину. Сидит в полном одиночестве, désoeuvré [440] . Говорит, что дописывает роман и пьесу; собирается отправить дочь в Канаду в поисках ранчо и мужа. Сообщил мне, что у него цирроз печени на начальной стадии, и поэтому сидит на строжайшей диете. И что он порвал с Корда, который обезглавил его фильм перед самым началом съемок [441] . И что Эдит Ситуэлл только что узнала о связях Роберта с… Она в ужасе и со дня на день ждет полицейской облавы. И что миссис Т.С.Элиот сошла с ума из-за того, что ее соблазнил и бросил Джордж Расселл. <…>

Понедельник, 25 июля 1955 года Брон выехал ранним автобусом в Лондон: переночует у школьного приятеля и пойдет на танцы в Даунсайде. В два часа мы с Лорой отвезли детей в кино в Дерсли. В кинотеатре к нам подошел распорядитель и попросил позвонить в полицейское отделение Страуда. Звоним; выясняется, что задержан мертвецки пьяный подросток с чемоданом Брона. Из описания внешности подростка с очевидностью следует, что задержан некто иной, как Брон. Едем в Страуд и видим сына: бледный, грязный, ест булку. У него нашли недопитую бутылку джина, того, который покупаю я. Впоследствии Брон признался, что в Глостере опоздал на автобус, на все имевшиеся деньги купил в «Уайт-Корте» бутылку джина, выпил почти всю бутылку на вокзале в Глостере и решил, что поедет в Лондон без билета с двумя пенсами в кармане. Во время допроса в полиции назвался чужим именем, дал чужой адрес и

был опознан по письмам, найденным у него в чемодане. На запрос полиции в «Уайт-Корте» сообщили, что в этот день ни одной бутылки джина продано не было. Терезе и Маргарет мы все рассказали, остальных же членов семьи и домочадцев решили оставить в неведении. Вечер безысходно мрачен.

Четверг, 28 июля 1955 года В Бат – встречать Джеймса (девятилетнего сына И. Во. – *А. Л.*) и Грэма Грина. В Стинчкоме нас уже ждал иезуит – заменяет уехавшего в отпуск отца Коллинза; приехал обедать. Расположился провести с нами всю вторую половину дня, Лору дважды назвал «мамочкой». В первый раз я решил, что ослышался, во второй – убедился, что слух меня не подвел. Грэм был доброжелателен и уравновешен; с увлечением читает раскритикованную книгу итальянского теолога, который убежден, что человечество было создано, дабы искупить грехи дьявола.

Понедельник, 1 августа 1955 года <…>Несъедобный ужин, зато много шампанского. Прочел последний опус Олдоса Хаксли [442] . Сей научный вымысел нахожу очень плоским и скверным. <…>

Четверг, 4 августа 1955 года

Восхитительный день. В девять сел в поезд; в чистеньком купе двое: первый похож на адвоката и читал письма Цицерона; второй, рыжеусый великан, похож на фермера и читал «Файненшл таймс». Пепел с моей сигары прожег дырку в пиджаке великана. С вокзала Черинг-Кросс – в «Уайт», по дороге купил гвоздику, выпил джина, кружку портерта и имбирного пива. В 11.45–на Фарм-стрит. С отцом д'Арси – в церковь, в часовню Святого Игнатия, куда должна приехать Эдит (Ситуэлл. – *А. Л.*) с отцом Кэрменом. Лысый застенчивый человек назвался Алеком Гиннессом. Наконец явилась Эдит – во всем черном, точно инфанта шестнадцатого века. Среди преклонивших колени не было, слава Богу, ни журналистов, ни фоторепортеров. Эдит громким, звенящим от волнения, хорошо поставленным голосом перечислила допущенные в жизни ошибки и была посвящена в таинство, после чего отведена в исповедальню, мы же, вшестером, собрались в ризнице. Мы с Гиннессом, отец д'Арси, хромая глухая старуха с крашеными рыжими волосами, ее имени я так и не запомнил, маленький, смуглый человечек, похож на еврея, но утверждает, что португалец, и молодой блондин, похож на американца, но утверждает, что англичанин. В большом, специально заказанном лимузине доехали до находившегося на соседней улице «Сезама», клуба Эдит, пользующегося, по моим сведениям, сомнительной репутацией. Впрочем, заказанное Эдит угощение оказалось выше всяких похвал: холодное консоме,

лобстер Ньюберг, стейк, пирог с земляникой и реки вина. Крашеная старуха проявила неподдельный интерес к виски:

– Мне послышалось или кто-то произнес слово «виски»?

– Хотите виски? – переспросил я.

– Не то слово.

– Сейчас принесу.

Но тут португалец ткнул меня локтем в бок и прошипел:

– Не вздумайте. Беды не оберемся. <…>

Суббота, 7 августа 1955 года На последней мессе пожилой священник разъяснял пожилым и молодым прихожанам, какие опасности подстерегают отдыхающих на морских курортах: «Грязные сношения дозволены лишь состоящим в браке». Полагаю, в эту церковь ходить не стоит.

Четверг, 11 августа 1955 года Обязуюсь с завтрака до шести вечера не пить ничего, кроме одной чашки черного кофе.

Среда, 17 августа 1955 года Утренние газеты сообщают, что чета Оливье [443] играет в Стратфорде. В письме от Джека Макдугалла говорится, что «Офицеры и джентльмены» нарасхват. На прошлой неделе – восемьсот экземпляров. Ясно, что рецензии на продаже не сказываются. <…> Даже «Вооруженные люди» [444] несколько воспряли: уходит сотня в неделю.

Воскресенье, 28 августа 1955 года <…> В последнем номере «Тэблет» объявление о продаже дома возле Уинчкома; продается вместе с католической часовней времен Реформации. Поехал туда после обеда с Лорой и Терезой. Портлип-холл, квадратный, просторный якобинский дом, стоит особняком, в долине, на холме. Длинная липовая аллея, большие конюшни, прекрасный, окруженный стеной сад, много комнат, низкие потолки, стены обшиты дубовыми панелями. За поросшими лесом холмами – горы. Вот где приватность! Часовня заперта; занимает отдельное здание. Ключи, сказали нам, в Уинчкоме, у местного священника. Экономка дала нам ключи, но к часовне они не подошли. Сказала, что часовня принадлежит епархии, в ней служат две мессы в год. В таком доме наша мебель и картины смотреться будут плохо. Стоит он, скорее всего, недорого. Я загорелся.

Вторник, 30 августа 1955 года <…> Вчера вечером Лора сказала, что была бы рада, если бы кто-то из ее детей (или – все) стал священником или монашкой. Несколько лет назад от подобной мысли она пришла бы в ужас. Перемену взглядов объясняет не столько жаждой попасть на небеса, сколько отсутствием жажды жизни.

Воскресенье, 2 октября 1955 года

К причастию. Забыли переставить часы. Накануне помнили, что можно будет позже спать, но обедать сели «по старому

времени».
Надо будет спросить специалистов: в преклонные годы молятся с не меньшей страстью? Или ревностнее всего люди молятся в расцвете сил, а в старости только дежурно бьют поклоны? Это важно для трактовки образа мистера Краучбека в последнем томе (или томах) романа, который я сейчас пишу [445] .

Среда, 5 октября 1955 года Написал короткое воспоминание о первой встрече с Максом Бирбомом.

Воскресенье, 9 октября 1955 года Сирил (Коннолли. – *А. Л.*) напечатал статью в «Санди таймс» – чистое безумие.

Вторник, 15 ноября 1955 года <…> За мной заехала Диана, и мы отправились в «Тейт» на выставку Стэнли Спенсера [446] . Я бы с удовольствием остался подольше, но она торопилась и, второпях, сочла Спенсера загадочным и причудливым, тогда как для меня он реалист и пролетарий, унаследовавший что-то от нонконформизма девятнадцатого столетия; нонконформизма, прославленного Бетджеменом. Зима наступила неожиданно; сойдя с поезда в Кембле, я дрожал от холода.

Четверг, 17 ноября 1955 года

Решил: к человечеству буду относиться с благожелательностью и отрешенностью, так, как отнесся бы пожилой хозяин дома к многочисленным гостям, которых пригласила его молодая, светская жена и которых он видит впервые.
Сегодня – печальная история. Проснулся в восьмом часу утра (одна таблетка амитала и ни одной паральдегида) с радостной мыслью: «Сегодня мы с Лорой идем на фильм Диснея по роману Жюля Верна “Двадцать тысяч лье под водой”. Несусветная дрянь.

Суббота, 19 ноября 1955 года «Лайф» предлагает 5000 долларов за статью о святом Франциске Ассизском [447] . Грустно, что американцев интересуют только затасканные темы. Ведь о Святом Франциске уже все сказано, и больше и лучше не скажешь. Но половина этой суммы покроет дорожные расходы, и отказываться глупо.

Понедельник, 28 ноября 1955 года <…> Рецензирую новый роман Грэма Грина («Про игравший получает всё». – *А. Л.*). Мастеровито, но низкопробно.

Вторник, 10 января 1956 года <…> Такое ощущение, будто приверженцев веры с каждой неделей становится все меньше. Раньше я рассматривал церковь, как прибежище людей, связанных обязательством перед человеком и Богом. Сейчас же церковь видится мне порой скопищем невыразительных людей, приходящих и уходящих по собственной прихоти, когда придется.

Пятница, 20 января 1956 года Все дети вернулись в школу

после каникул; не у дел теперь одна Тереза. Сыро, ветрено, пасмурно, не очень холодно. Настроение гадкое; бездельничаю.

Пятница, 10 февраля 1956 года <…> Письмо от Брона. Точно такое же я в его возрасте отправил отцу – тоже просил разрешения бросить школу.

Понедельник, 13 февраля 1956 года Чтобы лучше понять письмо Брона, перечитал дневник, который вел в его возрасте. От пошлости и самодовольства пришел в ужас.

Пепельная Среда 1956 года Принял решение в дни Великого поста причащаться ежедневно и отказаться от джина и паральдегида.

Суббота, 25 февраля 1956 года <…> Держу данное самому себе слово не пить джин и ежедневно ходить в церковь. Обратно, бывает, возвращаюсь пешком. Вчера вечером ездили в Бристоль на «Короля Лира» с Мойрой Ширер [448] . Никуда не годится: плоха и она, и остальные актеры, и декорации. По «Лиру» стоило бы снять фильм.

Среда, 29 февраля 1956 года Диана Олдридж отвезла Лору в Юли к ведьме, которая исцеляет коров. Каких только болезней и животных, и людей эта ведьма не лечит! Средство, которым она пользуется, зовется «Коробка» – аппарат, похожий на радиоприемник; заряжен электрическим током и снабжен наборными дисками. В один из дисков она опускает волоски или наливает кровь, в другой погружает всевозможные медикаменты и следит за положением стрелки. Таких «коробок», надо полагать, несколько сотен, в основном на юге и западе Англии. Лора свято верит в эффективность подобных методов. Что ж, Уэсли [449] втирал в пятки чеснок – и излечился от плеврита.

Лондон,

пятница, 15 июня 1956 года

<…> Повел Лору в театр. Проспал весь спектакль.

Среда, 20 июня 1956 года День рождения Лоры. Целый день колесили по Девону и Корнуоллу в поисках дома. Один показался нам более или менее сносным. Все остальные никуда не годятся.

Пикстон-парк,

понедельник, 9 июля 1956 года

Съездил с Лорой и Терезой посмотреть дом в Ком-Флори: уютен, стоит особняком; много плюсов. Переночевали в Пикстоне.

Понедельник, 1 октября 1956 года Деловая корреспонденция в связи с продажей дома – хоть бы одно письмо внушало оптимизм. Работал, не покладая рук. За день ни одной сигары.

Среда, 10 октября 1956 года Работается легко и много; редко пишу меньше тысячи слов в день. Книга получается слишком личной, чтобы судить о ней самому. Вдобавок веду переписку с

юристами и т.д. Этот дом продан, Ком-Флори куплен, но переговоров с каждым днем становится все больше. А ведь еще предстоит перевозить мебель. Лора чувствует себя не лучшим образом.

Воскресенье, 28 октября 1956 года Мне 53 года. Брон преподнес прелестный подарок – мраморные яйца; все остальные никак мой день рождения не отметили. Дом стоит полупустой – часть мебели вывезена. В среду ночуем здесь в последний раз. Мой «роман» продвигается неплохо, но точка еще не поставлена. Лора с тоской оглядывает голые стены. А я ликую. Нанесли несколько прескверных прощальных визитов. Сняли книжные полки – стены под ними в плачевном состоянии. Миссис Гадсден предприняла последнюю, но решительную попытку снизить цену дома на 500 фунтов. Чудно́!

Декабрь 1960 года [450]

Слабеющая память и старческий зуд писать письма в «Таймс» на любую тему подтолкнули меня к решению время от времени записывать то, что приходит на ум.

Не одну, наверно, сотню раз сдавал я шляпу гардеробщику в лондонском «Ритце». На днях, когда после обеда я спустился в гардероб, его на месте не оказалось, и я забрал свои вещи сам. В шляпе я обнаружил карточку всего с двумя словами: «Нездоровый румянец».

Биография Бетджемена [451] . Джон свидетельствует, насколько труднее писать белым стихом, чем сочинять рифмованные вирши, и задается вопросом: *почему* он не пошел работать в мастерскую своего отца? Было бы куда почетнее и полезнее изготовлять дорогие пепельницы, чем выступать по телевидению, и ничуть не менее выгодно.

28 декабря 1960 года Ездили с Лорой на обед к Сайксам в Донхэд-Сент-Мэри; были у них впервые. <…> Заговорили с Кристофером о нашем визите к Клоделю. Визит этот помню смутно: en voyage [452] в Париж мы крепко выпили. Старик был глух и нем. За столом собралась вся его семья – жена, сыновья и невестки. Вместо приветствия вложил мне в руку только что вышедшее édition de luxe [453] своих стихов. Подарок? Стал его благодарить, но он отобрал книгу и положил на стол. Я решил, что достанется она мне лишь в том случае, если весь вечер буду себя хорошо вести. Оживленная беседа – в основном по-английски. Время от времени губы старика начинали двигаться, и тогда раздавался крик: «Тише! Папа говорит!», после чего наступала тишина, прерываемая невнятными, животными звуками. Некоторые из этих звуков адресовались мне. Мне послышалось, что он сказал: «Как будет по-английски potage de

midi?», и я ответил: «Суп к обеду». Потом выяснилось, что он автор сочинения «Partage de midi» [454] . В его черепашьих глазах вспыхнула злоба. После обеда дамы затеяли спор, дать ли папе коньяку. Взяв рюмку, он немного оживился, велел принести альбом с фотографиями, посадил меня рядом и стал своими артритными пальцами переворачивать страницы; в альбом вклеивалось все, на что у него падал взгляд. Некоторые фотографии были смешные, некоторые – нет. На одной была запечатлена семья Геббельса. «Забавно», – сказал я, чувствуя, что эта реплика ничем мне не грозит. «А, по-моему, очень печально», – прошамкал он. Квартира в Пасси была завалена уродливыми японскими безделушками. Перед нашим уходом он вернулся в гостиную, положил руку на édition de luxe и, окинув меня взглядом, полным змеиной ненависти, оставил книгу лежать на столе. А на следующий день сообщил одной из своих невесток, что мы с Кристофером très [455] джентльмены.

31 декабря 1960 года – 1 января 1961 года Из «Дейли мейл» пришел сигнальный экземпляр романа Грэма Грина «Ценой потери»; хотят, чтобы я написал рецензию, заплатили бы, надо полагать, фунтов сто. Вынужден был отказаться: что бы ни написал, было бы потом стыдно. Тема, если говорить начистоту, касается непосредственно его самого. Это досада художника католика, которого, вопреки его желанию, превозносят как «католического художника» и который, совершая прелюбодеяние, лишает себя божественной благодати. Герой «Ценой потери» – усталый, изверившийся сластолюбец, который скрывает свое отчаяние вдали от цивилизации, в лепрозории в Конго, – вновь обретает человеческие черты, но не «веру» и с жизнью расстается самым абсурдным, мелодраматическим образом. Знающий свое дело врач – атеист. Правоверные миссионеры отказались от попыток устанавливать нравственный закон и ничем, кроме строительства и финансов, не интересуются. Пренелепый католик-мирянин внушает своей юной жене мистические идеи. Удались автору превосходная проповедь отца настоятеля и затхлая атмосфера, царящая в лепрозории. Попадающий в лепрозорий журналист – грубая подделка («Цитирую – Вордсворт»). Первый раз – дай Бог, чтобы это было мимолетное настроение, – Грэм предстает начисто лишенным веры, и безверие это проникло в него глубоко, устоялось. К этому надо прибавить (нет, убавить): мастерство Грина тускнеет. Сложное положение, в котором оказался герой, описывается трижды, один раз – в виде волшебной сказки, которая, по идее, должна продолжаться всю ночь, но рассказывается всего десять минут. Эпизод с бегством и поимкой Део Грация не получился. Грэм всегда и всем недоволен.

В своих ранних книгах он ропщет на бедность и безвестность, сегодня – на успех. Винюсь: я был одним из тех, кто причислил его к ненавистной категории «католических художников». Раньше он сетовал на неумеренность своих сексуальных потребностей, теперь – на их нехватку. Такую книгу я рецензировать не могу.

4 января 1961 года Написал Грэму, что, судя по его последнему роману, репутация «католического писателя» выводит его из себя. Что в этом, несомненно, есть и моя вина, о чем искренне сожалею. Двенадцать лет назад многие католики ставили его веру под сомнение, я же ездил по Англии и Америке и изо всех сил старался их переубедить. <…> Для старых, испытанных скаковых лошадей, для Элизабет Боуэн, Джона Бетджемена, Лесли Хартли [456] прошлый год получился хуже некуда, они с треском проиграли все скачки до одной. Нэнси Митфорд и Тони Пауэлл еще держатся в седле. А вот автор «Ценой потери» в седле не удержался.

5 февраля 1961 года Ужинал с Тони и Вайолет Пауэлл. Отправились на панихиду по сэру Эдварду Лонгфорду. При приближении к юдоли печали скорбные чувства сменились малопристойными шуточками. <…> Когда Пэнси сказали, что за обедом сэр Эдвард замертво свалился под стол, она заметила: «Прямо как Чарльз Диккенс». Когда ее пригласили на похороны, она заявила: «На наши похороны он не приходил ни разу». <…>

12 февраля 1961 года Ни с чем не сравнимое удовольствие рассчитывать прислугу: можно наконец выбросить все подарки, которые они преподносили.

4 мая 1961 года Во многих книгах вплоть до самого последнего времени героя облыжно обвиняют во всех смертных грехах, и у него появляется возможность наконец-то выяснить, кто его настоящие друзья, а кто нет, ведь настоящий друг, что бы ни случилось, убежден в его невиновности. Интересно, а кого из своих друзей счел незапятнанным ни в одном дурном деле я? Если бы, к примеру, до меня дошли слухи, что Эндрю Девоншир арестован за гомосексуализм, Энн Флеминг – за то, что отравила мужа, а Боб Лейкок – за кражу со взломом, что бы я подумал? – «Надо же, кто бы мог подумать?»

21 июня 1961 года Помню, как мы с Грэмом в обществе знаменитостей отправились в Реймс на завод шампанских вин. Перед вылетом нам вручили список членов делегации. Среди них был и Алан Прайс-Джонс. «Я остаюсь, – заявил Грэм. – С этим Джонсом не поеду!» – «Что вы против него имеете?» – «Он мне глубоко отвратителен». – «Его не будет, вот увидите. Он всегда принимает все приглашения и в последний момент останавливается на самом заманчивом. Его наверняка

перехватили». И Грэм сел в автобус. В аэропорту нас ожидал Алан – он приехал на машине. Деваться Грэму было некуда. С собой у него была бутылка виски, и он тут же, чтобы поднять себе настроение, к ней приложился. Прикладывался он к бутылке и во время vin d'honneur, и на банкете. После ужина, в одиннадцать вечера, Грэм решил отправиться в бордель и очень удивился, узнав, что в это время бордели уже закрыты. Спать я пошел рано – на следующий день мы должны были чуть свет выехать в Эперней. Утром в холле гостиницы я обнаружил Алана Прайс-Джонса: свеж, элегантен, выглядит восемнадцатилетним. Но вот из лифта вывалился Грэм: глаза красные, как у кролика, лицо белое, руки дрожат. «До четырех утра пил виски», – выпалил он. «С кем?» – «С Аланом Прайс-Джонсом».

15 июля 1961 года Узнав о самоубийстве Хемингуэя, перечитал «Фиесту». Когда книга только вышла, она стала для меня откровением, и в первую очередь из-за описания рыбной ловли и боя быков, а не пьяных разговоров. Язык и сейчас, когда я перечитал книгу, производит сильное впечатление, а вот сюжет оставляет желать. Вначале Роберт Кон описан очень подробно, чего нельзя сказать о других персонажах. Вся книга задумана как трагедия Кона, однако сам он к финалу отступает в тень.

18 июля 1961 года Несколько дней разбирал свой архив с идеей начать писать автобиографию. (Что-то напишет Алек в *своей* ?) Обнаружил записи с наблюдениями и случаями из жизни за последние пятнадцать лет. Привожу их здесь в произвольном порядке, без дат.

Глубоко аморальный принцип: «Через сто лет все будет точно так же». Вся мораль целиком зависит от случайности. Всякий акт свободного волеизъявления, хорош он или плох, сводит последствия на нет.

После смерти Рональда Нокса Дуглас Вудрафф приехал в Мелдз и попросил Кэтрин отдать ему на память какую-нибудь вещицу покойного. «Разумеется. Вы имеете в виду что-то конкретное?» – «Больше всего мне бы хотелось, – признался Дуглас, – забрать пишущую машинку, на которой Рональд печатал свой перевод Вульгаты». – «К сожалению, – говорит К., – машинка сломалась, и я ее выбросила. Перед самой смертью он купил новую, но поработать на ней не успел». – «Сойдет и эта», – сказал Дуглас и забрал новую пишущую машинку.

Читать газеты, особенно рецензии, все равно что сидеть в поезде и слышать, как сосед по купе указывает своему спутнику на происходящее за окном, пускается в рассуждения и при этом все безбожно перевирает. «Вот белая лошадь, – говорит он в Уэстбери, – о ней писал Честертон» [457] . В первый момент

хочется вмешаться, поправить, но разум противится: «Какого черта?»

Душу язычника принято сравнивать с птицей, пролетающей через освещенный холл и исчезающей в темноте. Лучше было бы сравнить ее с птицей, мечущейся в темной комнате и бьющейся в окна, тогда как за открытыми дверями воздух и солнце.

Политик – не тот, кто стремится к власти, чтобы проводить политику, которую считает необходимой, а тот, кто проводит политику, чтобы добиться власти.

В отрочестве мы все американцы, а умираем французами.

Двойники не узнают друг друга.

Требовать истину от низших классов – неслыханная наглость.

«Моя дорогая, многие, очень многие будут просить вашей руки». – «В самом деле? Откуда вы знаете?» – «У преступниц никогда не бывает отбоя от женихов».

Раньше король был жертвенным животным, потом – жертвой предательства и убийства. В наши дни корону водрузил себе на голову народ. И теперь не снести ему головы.

Кем ты сегодня обедаешь?

Политики торгуют, припрятав ценники.

Нации не доживают до старости. Они заболевают и умирают в день своего совершеннолетия.

Из-за своих соседей язычников христиане довели современное общество до такого состояния, когда многие прегрешения утратили свою привлекательность, а многие завиральные идеи – свое правдоподобие. Во времена наших дедов жадность вознаграждалась всеобщим почитанием и властью; роскошь воспринималась как свидетельство хорошего тона; людям жилось так хорошо, что предупреждения пророков представлялись несвоевременными и вздорными; гедонисты были счастливы, а атеисты подавали пример добродетели; казалось, что преисподней не заслуживает никто. Для того чтобы уйти от мира, отказаться от зова плоти и испытывать страх перед дьяволом, понадобилась героическая вера. Теперь же для этого нужен всего-навсего здравый смысл. Однако здравым смыслом в наши дни похвастаться могут немногие.

10 августа 1961 года В рассуждениях об искусстве и архитектуре вместо словосочетания «современное искусство» следовало бы пользоваться словосочетанием «искусство последних времен».

21 ноября 1961 года Вайолет Клифтон. Да упокоится душа ее с миром. Общались с ней всего один раз. Она сделала замечание мальчику-телеграфисту, когда тот шел по аллее и что-то насвистывал себе под нос.

14 марта 1962 года Если бы дьявол попутал меня поверить в переселение душ, я утешался бы мыслью, что такие, как Кеннелл, бездушны. Население земли растет, и души не успевают переселяться одна в другую.

24 марта 1962 года Клуб «Уайт», семь вечера. Сижу в одиночестве в холле. Член клуба – я знаю его в лицо, но не знаю, как его зовут, он старше меня, одного со мной роста, но лучше одет: «Почему вы сидите один?» – «Потому что никто не хочет со мной разговаривать». – «Хотите знать почему? Потому что у вас вид надутого борова».

26 марта 1962 года Пунктуальность – достоинство уставшего от жизни.

Когда мы молимся, нас предупреждают, чтобы мы не ждали от Бога ответа, не испытывали чувство близости к Богу. «Утешения» ниспосылаются крайне редко, на них не следует рассчитывать, не следует придавать им значение. «Не можешь молиться? Есть что просить у Бога? Ты пытался? Жалеешь, что не получилось? Значит, *действительно* молился». Для скептика в этом и заключается обман.

Есть девушки, которые относятся к своей непорочности, как к частной собственности, которую следует защищать от воров. Они охотно демонстрируют ее ценность. В порыве великодушия могут даже ею пожертвовать. Это не непорочность.

9 мая 1962 года Отречение от мира . Совершить *внутренний* акт самоотречения и стать чужим этому миру; наблюдать за своими соотечественниками так, как наблюдаешь за иностранцами, удивляясь их обычаям, с терпением относясь к их глупостям и с равнодушием – к их враждебности. Не в этом ли секрет счастья в наш век посредственности?

Мэри (мать Лоры. – *А. Л.*) дает в Пикстоне бал в честь моей дочери. Если делаешь добро, то – полной мерой и без чьего бы то ни было посредства. Никогда не досаждай своей добротой другим.

Вчера посмотрел фильм «Ночь нежна». О Фицджеральде я услышал впервые лишь после его смерти, после войны, когда один продюсер заметил, что он оказал на меня огромное влияние.

(a) Американские самоубийцы Фицджеральд, Хемингуэй были отошедшими от веры католиками.

(b) Litera scripta manet [458] . Впечатление глаза и уха мимолетно. Перечитывая после фильма книгу, не вызвавшую у меня особого восторга, я поймал себя на том, что говорю: «Так вот как, оказывается, было дело! Так вот она на самом деле какая!» Все, кроме Эйба и киноактрисы, играли хорошо. Вывести сестру на передний план было, может, и неверно, зато

оригинально. Чтобы Дайвер казался американским героем нового типа, в фильме он пускает в ход кулаки. Над темой надругательства над сельским уединением, темой, для романа очень важной, режиссер надругался с первых же кадров. Эпизод с неграми, да и с полицией тоже, провален. Бесконечные поцелуи, длящиеся несколько минут – чтобы не сказать часов, – совершенно лишние. Режиссер не понял главного: Дайвер не тот человек, который смог бы вылечить Николь. Будь фильм чуть примитивнее – и получилась бы вполне пристойная экранизация довольно посредственной книги. В результате же несуразно дорогой механизм киноиндустрии пасует перед сидящим за пишущей машинкой захмелевшим янки. Впрочем, мы, писатели, должны помнить: наши «характеры» и наши «драмы» – не более чем тени в сравнении с реальными людьми и их драмами.

Помазанием Церковь из последних сил защищает уши от вторжения звука. Но Природа провидением Господним сделала это намного раньше. Человек уже слышал все, что было миру сказать ему, и больше ничего слышать не хочет.

26 июня 1962 года «Панч», ноябрь 1872 года: «Пойди посмотри, что ребенок делает, и скажи ему, чтобы перестал».

5 октября 1962 года Писать, думать и молиться можно исключительно о других; мечтать же – только о самом себе.

Чем старше становишься, тем больше узнаешь, что́ тебе не дается.

25 декабря 1962 года Моя дочь Маргарет, выходя после службы из церкви на Фарм-стрит и разглядывая свое обручальное кольцо: «Для церкви оно в самый раз. Сверкает».

Слова забываются точно так же, как имена. Наш словарь нуждается в постоянном оплодотворении – иначе он умрет.

3 июня 1963 года Друзей мы любим не за их умение забавлять нас, а за наше умение забавлять их. В моем окружении таких людей становится все меньше.

3 сентября 1963 года Перечитываю Роберта Байрона. Тридцать пять лет назад, чтобы познакомиться с людьми, чьи представления о жизни и манера выражаться нам чужды, приходилось ехать очень далеко и испытывать в пути немалые неудобства. Теперь же для этого достаточно переступить порог собственного дома.

Всякая судьба «хуже смерти» [459] .

Март 1964 года Рэндолфа Черчилля положили в больницу. <…> Ему должны были удалить легкое. Оказалось, что опухоль не злокачественная. Перед отъездом в Рим я встретился в «Уайте» с Эдом Стэнли и сказал ему, что прогресс современной науки очевиден, раз у Рэндолфа удалось найти хоть что-то «не

злокачественное». Эд повторил мои слова Рэндолфу, с которым я по возвращении из Рима увиделся, и тоже в «Уайте». Он был так бледен и слаб, так задыхался, что мы после двенадцатилетнего охлаждения сошлись вновь.

Пасха 1964 года Сравнить церковную службу с охотой. Основная задача охотника (священника) – выследить лису и подстрелить ее. Если охота удастся, ему заплатят. Одни, если они держатся в седле и знают местность, не отстают от собак и подбирают добычу; другие либо отсиживаются в кофейне, либо легкой рысцой ездят по дорожкам.

Когда я впервые попал в церковь, меня поразила не торжественность церемониала, а то, как умело справляется со своим делом священник. Перед ним стояла очень важная задача, которую, кроме него, выполнить было некому. Он и служка взгромоздились на алтарь со всеми своими принадлежностями и взялись за дело, совершенно не интересуясь тем, что происходит у них за спиной и – уж тем более – вовсе не собираясь произвести на прихожан впечатление.

«Сопричастность» (литературный жаргон) читателя – вовсе не обязательно спор с автором, как полагают немцы. Произведению искусства «сопричастен» тот, кто изучает его с уважением и пониманием.

Примечания

1

В начальной школе Хит-Маунт в Хэмпстеде, где директором был школьный друг отца, масон Гренфелл, Во проучился шесть лет. (Здесь и далее примеч. перев.)

2

Отец писателя – Артур Во (1866–1943), выпускник Оксфорда, литератор, автор биографий и многочисленных рецензий; издатель, с 1902 г. – директор-распорядитель в лондонском издательстве «Чепмен-энд-Холл».

3

Алек Во (1898–1981) – старший брат Ивлина. По окончании школы был призван в армию, воевал во Франции, попал в плен; в дальнейшем стал плодовитым и популярным романистом, путевым очеркистом и биографом. Свой первый – скандальный – роман из жизни лондонских гомосексуалистов «Мираж юности» («The Loom of Youth», 1917) опубликовал в девятнадцатилетнем возрасте.

4

В Лансинг-колледже, частной школе в окрестностях городка Лансинг, в графстве Суссекс, И.Во учился после окончания Хит-Маунт с мая 1917 по 1921 г., однако дневник начал вести только

с осени 1919 г. Первоначально родители предполагали определить Ивлина в более престижный Шерборн-колледж. Однако после исключения в 1915 г. из Шерборна старшего сына Алека, связанного с его откровениями о гомоскесуальных склонностях некоторых учащихся этой закрытой школы, окончательный выбор пал на Лансинг.

5

У.Шекспир. «Король Иоанн», акт III, сц. 4. Перевод Н.Рыковой.

6

Имеется в виду незаконченная Кристофером Марло (1564–1593) эротическая поэма «Геро и Леандр» (1598), завершенная Джорджем Чепменом (?1559–1634).

7

Обычно приуроченные к церковным праздникам дни, когда ученикам позволяют навестить близких.

8

В оригинале футбольная команда младшей группы называется «Under Sixteen» – «До шестнадцати».

9

Уильям Темпл – впоследствии епископ Кентерберийский.

10

Многие соученики И.Во стали известными людьми: Роджер Фул форд – политиком, писателем, автором ряда исторических книг; Дадли Кэрью и Том Драйберг – журналистами, Хью Молсон – политиком, Макс Мэллоувен – археологом.

11

То есть к Дику Харрису, преподавателю Лансинг-колледжа и воспитателю «директорского дома», где жил Во. В Лансинге ученики группировались «по домам»; четыре «дома» составляли прямоугольник т.н. «нижнего двора».

12

Брент-Смит (кличка – Брентер – «Каланча») был органистом и хормейстером колледжа.

13

Сэр Эдвин Генри Лэндсир (1802–1873) – английский живописец.

14

Преподаватель литературы, проректор колледжа.

15

11 ноября 1918 г. капитуляцией Германии и подписанием перемирия завершилась Первая мировая война.

16

«На небе и земле – извечное мученье, / И спорит с сердцем мысль и отступает прочь…» (перевод Е. Лебедева) – цитата из

поэтического сборника «Шропширский парень» (1896) английского поэта и филолога-античника Альфреда Эдварда Хаусмена (1859–1936).

17

«Самым явным свойством отцовской натуры было актерство… Такова была его натура, всякую мысль и чувство он немедленно должен был сыграть», – напишет Во в своей неоконченной автобиографии «Недоучка» («A Little Learning»). И.Во. Недоучка. – М.: Вагриус, 2005, стр. 92–94. Перевод В.Г.Минушина.

18

Имеется в виду автобиография Артура Во «Путь человеческий» («One Man's Road»).

19

Джордж Шеррингем (1884–1937) – английский художник и сценограф.

20

Имеется в виду церковь Святого Иуды в лондонском пригороде Хэмпстед-гарден. Под влиянием настоятеля церкви Бэзила Баургера Во одно время собирался стать священником.

21

«Торжественная месса» (*фр.*).

22

Вечерний чай с танцами (*фр.*).

23

Имеется в виду лондонский «Сент-Джеймсиз тиэтр» на Кинг-стрит; открыт в 1835 г.

24

Генри Хинчлифф Эйнли (1879–1945) – английский актер и режиссер; особенно удавались Эйнли роли шекспировских персонажей, и прежде всего – в постановках Джорджа Александера (1858–1918).

25

«Юлий Цезарь», акт II, сц. 4.

26

У эстета и мистика Фрэнсиса Криза И.Во брал в Лансинге уроки каллиграфии и живописи. Криз в колледже не работал; И.Во ездил к нему на мотоцикле (или шел пешком) на ферму в Личпоул, находившуюся в четырех милях от школы. Про Криза в дневниковой записи от 28 января Во заметил: «… очень женственный, культурный, манерный и славный; декадент… Я не в восторге от его стиля, но он, безусловно, научить меня может многому».

27

Дж.Ф.Роксберг – преподаватель и старший воспитатель в

Лансинге; учитель латыни и греческого; пользовался в школе авторитетом.

28

Барбара Джейкобс, дочь новеллиста Уильяма Джейкобса (1863– 1943), социалистка, феминистка, вышла замуж за Алека Во в июле 1919 г. Барбара посещала лекции по искусству в женском колледже в Риджентс-парке, и Ивлин проводил с ней все выходные. Одно время он был влюблен в ее младшую сестру.

29

Имеются в виду три английских поэта, два брата и сестра Ситуэлл: Осберт (1892–1969), Сэгеверелл (1897–1988) и Эдит Луиза (1887–1964).

30

Будем веселиться, пока мы молоды (*лат* .).

31

Одна из трех сестер Артура Во; Конни, Трисси и Элси безвыездно жили под Лондоном, в Мидсомер-Нортон, при приходской церкви.

32

Бестактностей (*фр.*).

33

«Жан Кристоф» (1904–1912) – роман-эпопея Ромена Роллана (1866–1944).

34

Во цитирует стихотворение Хаусмена из «Шропширского парня»: «Не думай боле: только мысль – дорога в ад прямая».

35

«Новый Макиавелли» (1911) – роман Герберта Уэллса (1866–1946) о политике, оказавшемся в центре сексуального скандала.

36

Тонбридж – мужская привилегированная частная школа в графстве Кент; основана в 1553 г.

37

Во цитирует хрестоматийную «песнь Пиппы» из пьесы Роберта Браунинга (1812–1889) «Пиппа проходит мимо» (1841).

38

«Брассо» – фирменное название средства для полировки металлических изделий производства британской компании «Рекитт и Коулмен».

39

Шинфейнеры – члены радикальной ирландской политической организации («Шин Фейн» – *букв* . «Мы сами»), возглавившей национально-освободительную борьбу против британского колониального господства.

40

Генри Джон Темпл Пальмерстон (1784–1865) – премьер-министр Великобритании (1855–1858); лидер вигов. Бенджамин Дизраэли (1804–1881) – премьер-министр Великобритании в 1868 и в 1874–1880 гг.; лидер тори.

41

См. 3 Цар 11: 3, и 3 Цар 11: 43.

42

Имеется в виду война между Польшей и Советской Россией в 1920 г.

43

Сэвил-Роу – улица в Лондоне, где находятся ателье дорогих мужских портных; название стало нарицательным для обозначения элегантной мужской одежды английского покроя.

44

«Мошенничество» (1920) – пьеса Джона Голсуорси (1867–1933), в центре пьесы конфликт между выскочкой-предпринимателем и потомственным аристократом. Репертуар небольшого лондонского театра «Сент-Мартин тиэтр», который находится на Уэст-стрит и открылся в ноябре 1916 г., состоял в основном из пьес современных драматургов.

45

В рукописи зачеркнуто.

46

Премьера мистерии Б.Шоу «Кандида» (1894–1895) состоялась в лондонском театре «Ройял Корт» 25 апреля 1904 г.

47

«Большинство юношеских дневников наивны, банальны и претенциозны» («Недоучка», с. 150).

48

«Король Лир», акт I, сц. 5. Перевод Б.Пастернака.

49

И.Во был разносторонне спортивен: входил в команду «дома» по футболу, боксу, плаванию и бегу.

50

Эдмон Дюлак (1882–1953) – французский художник-иллюстратор.

51

Конфирмация И.Во состоялась в церкви Святого Иуды.

52

В это время Во был помощником воспитателя «дома» по библиотеке: составлял списки читателей-должников.

53

«Столл-тиэтр» – лондонский театр на Кингсвей. Открыт в

ноябре 1911 г. как оперный театр; в дальнейшем в нем ставились главным образом ревю и пантомимы. В 1916 г. «Столл» был перекуплен театральным менеджером Освальдом Столлом (1866–1942), который превратил театр в кинотеатр.

54

Речь идет об общенациональной забастовке шахтеров, продолжавшейся с апреля по июль 1921 г.

55

Спектакль по триллеру Германа Сирила Макнила (1887–1937), создавшего под псевдонимом «Сапёр» образ бывшего армейского офицера, бестолкового силача Бульдога Драммонда, сражающегося с международным терроризмом.

56

Речь идет о пьесе Во «Обращение» – «трагедии юности в трех бурлесках». Бурлеск I: «Школа, какой ее видят тетушки – старые девы». Бурлеск II – «Школа, какой ее видят современные писатели». Бурлеск III – «Школа, как она есть».

57

Здесь: суровостью, строгостью (*лат* .).

58

Нас всех ожидает вечная ночь (*лат* .). Из стихотворения Гая Валерия Катулла (*Carmina,* V).

59

Во и несколько его друзей получили в колледже за несговорчивость и агрессивность кличку «большевики».

60

В соответствии с иерархией колледжа, в «скамью» входило восемь ответственных за каждый «дом».

61

Один из лондонских железнодорожных вокзалов.

62

В лондонском театре «Куинз» на Шафтсбери-авеню, открывшемся в октябре 1907 г., поначалу ставились в основном музыкальные пьесы, однако в дальнейшем репертуар театра стал классическим: Шекспир, Шеридан, Шоу.

63

Артур Шницлер (1862–1931) – австрийский драматург.

64

«Смуглая леди сонетов» – одноактная пьеса Б.Шоу, написанная в 1910 г. по просьбе Шекспировского общества. Впервые сыграна лондонским театром «Хеймаркет» 24 ноября 1910 г. Одноактная пьеса «Разоблачение Бланко Поснета», жанр которой Шоу определил как «проповедь в форме жестокой мелодрамы», написана в 1909 г. и впервые поставлена в

дублинском Театре Аббатства.

65

На оксфордскую стипендию Во планировал сдавать историю.

66

«Овал» – крикетный стадион в графстве Суррей, где крикетные матчи, в том числе и международные, проводятся с 1846 г.

67

«Лордз тавернерз» – крикетный клуб на базе лондонского крикетного стадиона «Лордз».

68

Эдвард Морган Комптон Маккензи (1883–1972) – английский писатель и журналист, автор многочисленных, в свое время популярных романов (например, «Зловещая улица», 1913–1914), а также биографий, эссе, стихотворений.

69

«Лицеум» – один из наиболее известных лондонских театров, чья слава связана главным образом с Генри Ирвингом (1838–1905) и Эллен Терри (1847–1928).

70

Перси Бейтс – казначей Лансинга.

71

Артур Уильям Саймонс (1865–1945) – английский писатель-символист, поэт и литературный критик. Биографию художника-иллюстратора и писателя Обри Бердслея (1872–1898) Саймонс опубликовал в 1891 г. на страницах издававшегося им декадентского журнала «Савой».

72

Руперт Чонер Брук (1887–1915) – английский поэт, драматург, известен как «национальный военный поэт».

73

Уильям Питт-младший (1759–1806) – премьер-министр Великобритании (1783–1801), лидер т.н. «новых тори».

74

Viva voce (*лат* .). – устный экзамен.

75

И.Во и его родители долгое время колебались, на стипендию какого оксфордского колледжа подавать – в престижный Нью-колледж или в Хартфорд.

76

Проректором и преподавателем истории Хартфордского колледжа был С.Р. Кратвелл (1887–1941), ставший в 1930 г. ректором. Отношения между Кратвеллом и И. Во не сложились. «Кратвеллом» в своих ранних романах Во называет самых

нелепых и смехотворных персонажей.

77

«Стулья с музыкой» – детская игра: дети бросаются занимать стулья, которых на один меньше, чем играющих.

78

И.Во поступил в Хартфорд-колледж в январе 1922 г. и проучился там до лета 1924-го, однако оксфордский дневник писателя не сохранился. Дневник 20-х годов охватывает время с 1924 по 1928 г., когда Во после Оксфорда (Во прекратил учебу, став после экзаменов бакалавром гуманитарных наук третьей степени) вращается в кругу лондонской золотой молодежи, одно время посещает художественную школу Хитерли (сентябрь – декабрь 1924 г.), подумывает о том, чтобы стать профессиональным печатником, преподает в различных школах (1925–1927), в том числе и в школе в Северном Уэльсе (1925), описанной в его первом романе «Упадок и разрушение» (1928), недолго работает репортером в «Дейли экспресс» (апрель – май 1927 г.), поступает на курсы мебельного дизайна и рисунка в Саутгемптон-Роу, первый раз женится, начинает писать.

79

Имеется в виду Бейллиол-колледж, один из старейших в Оксфорде; основан в 1263 г.

80

Приятель И.Во по Оксфорду Джон Сатро (1903–1985) основал «Оксфордский железнодорожный клуб» – поезда с фешенебельными вагонами-ресторанами. С «подачи» Сатро Во писал киносценарии для кинорежиссера и продюсера Александра Корда (1893–1956).

81

Брайен Ховард – знакомый И.Во по Оксфорду; член Буллингтонского клуба; пьяница, гомосексуалист.

82

Аластер Грэм – ближайший оксфордский друг И.Во; в доме .Грэма в Барфорде писался роман «Упадок и разрушение».

83

Рэдли-колледж – мужская привилегированная частная школа в графстве Оксфордшир; основана в 1847 г.

84

Аллюзия на часто повторяющуюся фразу из дневников чиновника Морского ведомства Сэмюэля Пипса (1630–1703), в которых живо и ярко описаны нравы Реставрации (см. С. Пипс. Домой, ужинать и в постель. Из дневника. М.: Текст, 2001; 2010).

85

Имеется в виду Бартлеттская школа архитектуры, где в это

время учился Аластер Грэм.

86

Так И.Во называл отца, работавшего в этом издательстве.

87

В лондонском районе Уэмбли, где теперь находится олимпийский стадион, в 20-е годы располагалась Выставка достижений доминионов и колоний Великобритании.

88

Уильям Моррис (1834–1896) – английский художник-прерафаэлит, писатель, теоретик искусства.

89

Имеется в виду Кристофер Холлис (1902–1977) – оксфордский приятель Во, главный редактор оксфордского студенческого журнала «Черуэлл»; впоследствии – известный политик, педагог, автор книг об Итоне, Оксфорде, творчестве Честертона, Оруэлла, Томаса Мора, мемуаров и др.

90

«Святая Иоанна» – пьеса Б.Шоу о Жанне д'Арк; впервые поставлена в декабре 1923 г. нью-йоркским театром «Гилд» в помещении лондонского театра «Гаррик».

91

Рональд А.Нокс (1888–1957) – писатель, богослов и церковный деятель, переводчик на английский язык Вульгаты (латинской Библии), один из основателей (вместе с Гилбертом К.Честертоном и Агатой Кристи) «Детективного клуба», друг И.Во, посвятившего ему книгу «Жизнь преподобного Рональда Нокса» (1959).

92

Реннелл Родд – поэт и дипломат, одно время – приятель О. Уайльда.

93

Джеймс Эбботт Уистлер (1834–1903) – англо-американский художник, близкий импрессионистам и символистам.

94

То есть, в театр «Ройял Корт».

95

Ричард Артур Хьюз (1900–1976) – английский прозаик, поэт, драматург, благодаря своим работам на BBC стал «отцом» европейского радиоспектакля. У нас получил известность в 80-е гг., своими романами «Лисица на чердаке» и «Деревянная пастушка».

96

Киноактриса Элза Ланчестер в 20-е г. содержала ночной клуб «Пещера гармонии» на Шарлотт-стрит в Лондоне, описанный в

романе Олдоса Хаксли (1894–1963) «Шутовской хоровод» (1924).

97

Алек Во жил в Кенсингтоне, на Эрлз-тэррес 22.

98

Фредерик Беркенхед (1907–1975) – выпускник Оксфорда; политик, общественный деятель, литератор; автор биографических книг и мемуаров; во время Второй мировой войны был военным советником в Югославии, где служил вместе с Во и сыном У.Черчилля Рэндолфом.

99

Леонард Альфред Джордж Стронг (1896–1958) – англо-ирландский прозаик, поэт, критик и драматург.

100

Билли – кличка лорда Клонмора (1902–1978) – священника, издателя, литератора, с 1937 по 1940 г. издававшего «Дублинское обозрение».

101

В дневниковой записи от 21 июля 1924 г. говорится: «Вчера вечером начал «Храм под соломенной крышей» и написал десяток страниц первой главы». Герой так и не законченного романа – студент Оксфорда, «заболевший» XVIII веком.

102

Обеты бедности (нестяжания), целомудрия и послушания приносят монахи.

103

Слейд-скул – художественное училище при Лондонском университете; названа в честь филантропа и коллекционера Феликса Слейда; основана в 1871 г.

104

Братья Хьюго (Хью) и Элмли Лайгоны были друзьями Во по Оксфорду и, прежде всего, – по студенческому «Клубу святош». Хьюго Лайгон – прототип лорда Себастьяна Флайта из «Возвращения в Брайдсхед». Уильям Лайгон (лорд Элмли, 1903) был президентом упомянутого клуба.

105

В Барфорде жила мать Аластера Грэма.

106

В 20–30-е г. Во близко сошелся с семьей Планкет-Гринов, живших в Лондоне, в Холланд-парке. Во долгое время был влюблен в восемнадцатилетнюю Оливию Планкет-Грин, много общался с ее матерью Викторией и старшим братом Ричардом, учившемся в то время в Королевском колледже музыки. Ричард был мотогонщиком, джазистом, литератором, школьным учителем. Дружил Во и с Элизабет, сначала невестой, а потом –

женой Ричарда.

107

«Клуб новой реформы» – элитарный оксфордский клуб, членами которого были И.Во, Джон Сатро, Кристофер Холлис, редактор журнала «Изис», где печатался Во, президент Оксфордского театрального общества Джералд Гардинер, а также толстосум, повеса и пьяница, а впоследствии автор исторических романов Альфред Дагген.

108

«Ираис» – анонимный сборник лесбийских стихов; был напечатан частным образом и небольшим тиражом.

109

Накануне, 4 января, Оливия и И.Во встретились сначала в «Кафе Ройяль», потом в ночном баре «Элзи», где Во признавался подруге в любви.

110

В записи от 20 января говорится: «Я был очень зол: Оливия целовалась в ложе с Тони и напилась бренди».

111

Хорас Уолпол (1717–1797) – английский писатель; автор готических романов, самый известный – «Замок Отранто» (1764).

112

«Золотая ветвь» (1890–1915) – фундаментальный антропологический труд Джеймса Джорджа Фрейзера (1854–1941).

113

Сент-Эдмундс-Холл – колледж Оксфордского университета; основан в 1278 г.

114

Джеймс Флекер (1884–1915) – английский поэт, близкий эстетскому движению 80-х г. XIX в.; романист, драматург.

115

Частная школа в графстве Бекингемшир.

116

То есть про эпоху Вильгельма III (1650–1702) Оранского, английского короля (1689–1702), и его жены королевы Марии Стюарт, равноправной соправительницы мужа. Когда речь идет об эпохе «Вильгельма и Марии», обычно имеется в виду архитектура и мебель этого времени.

117

Генрих VII (1457–1509) – английский король с 1485 г., первый из династии Тюдоров. Его сын Генрих VIII (1491–1547) – король с 1509 г., в 1534 г. провозглашен главой англиканской церкви.

118

Яков II (1633–1701) – английский король (1685–1688) из династии Стюартов.

119

Силен – в греческой мифологии воспитатель и спутник Адониса; веселый, добродушный, вечно пьяный старик.

120

Майское дерево – украшенный цветами столб, вокруг которого в Англии по традиции танцуют 1 мая.

121

Артур Понсонби – сын личного секретаря королевы Виктории; в дальнейшем член парламента (1922–1930); в 1924 г. – заместитель министра иностранных дел.

122

Популярный в 20-е годы мюзик-холл на Лестер-сквер в лондонском Ист-Энде.

123

С 13 –по 18 апреля И.Во, вместе с Оливией Планкет-Грин, ее матерью леди Планкет, братом Ричардом, его невестой Элизабет и небольшой компанией общих друзей, живет на острове Ланди неподалеку от Барнстепла, в Бристольском заливе, где Грины сняли заброшенный маяк.

124

До тошноты (*лат* .).

125

«Блэкуэллс» – сеть книжных магазинов.

126

Об этом времени в автобиографии «Недоучка» И.Во пишет: «Однажды ночью, вскоре после новостей из Пизы, я в одиночестве спустился к морю, неотступно думая о смерти. Разделся и поплыл от берега. Я действительно хотел утопиться? Безусловно, такая мысль меня преследовала».

127

Имеется в виду Веллингтон-колледж – закрытая школа в Кроуторне, графство Беркшир; основана в 1856 г. для обучения сыновей погибших в бою британских офицеров; названа в честь герцога Веллингтона.

128

Легенда гласит, что в 1306 г., скрываясь от английского короля Эдуарда I на острове Ратлин, шотландский король Роберт Брюс заметил, как паук шесть раз подряд неудачно пытался сплести на потолке свою паутину. «Я, как и этот паук, потерпел поражение шесть раз», – подумал Брюс. Седьмая попытка паука оказалась удачной, и Брюс, воодушевившись, с 300-ми своих верных соратников покинул остров, высадился в Каррике и ночью

атаковал английский гарнизон в Тернберри-Касл, а в 1314 г. нанес англичанам решающее поражение под Беннокберном.

129

Ричард Планкет-Грин в это время преподавал в школе в Астон-Клинтон, куда будет принят и Во.

130

«Кингсвей тиэтр» – лондонский театр в Холборне на Грейт-Куин-стрит; при открытии в декабре 1882 г. назывался «Новелти тиэтр»; в 1889 г. на сцене театра состоялась английская премьера «Кукольного дома» Г. Ибсена. Барри Винсент Джексон (1879–1961) – английский режиссер; в его экспериментальных постановках Шекспира персонажи одеты в современные костюмы.

131

Литтон Джайлз Стрэчи (1880–1932) – английский биограф и эссеист; видный участник группы блумсберийцев.

132

Английские художники, члены Прерафаэлитского братства: Холмен Хант (1827–1910), Джон Эверетт Милле (1829–1916), Данте Габриэл Россетти (1828–1882). Россетти страдал болезненным пристрастием к *хлоралгидрату* , слабому наркотическому и снотворному средству.

133

Филип Бурк Марстон (1850–1887) – английский поэт; автор нескольких сборников сонетов.

134

«Императорский отель» (*фр.*).

135

Омар по-американски (*фр.*).

136

Подымайтесь, господа, маленькие мальчики (*фр.*).

137

Шарль Лебрен (1619–1690), Эсташ Лесюэр (1616–1655), Никола Пуссен (1594–1665), Филипп де Шампень (1602–1674) – французские художники-классицисты.

138

«Победоносная мудрость» (*фр.*). Полное название картины итальянского художника и гравера эпохи Раннего Возрождения Андреа Мантенья (1431–1506) «Победоносная мудрость, изгоняющая пороки».

139

Утка под гнетом (*фр.*).

140

Томас Стернз Элиот (1888–1965) – англо-американский поэт и эссеист.

141

Имеются в виду архитекторы братья Адам, наиболее известным из которых был Роберт Адам (1728–1792), чьим именем назван английский неоклассический архитектурный стиль, отличающийся изящным декором.

142

Сэр Генри Ребёрн (1756–1823) – шотландский художник-портретист.

143

Лаэрд – шотландский мелкопоместный дворянин.

144

Речь идет о традиционном шотландском спортивном соревновании «метание кейбера» – бревна из ствола молодого дерева.

145

Крепкий алкогольный напиток, получаемый путем перегонки фруктовой браги; род бренди (*фр.*).

146

Замок (*фр.*).

147

Айвор Армстронг Ричардс (1893–1979) – английский критик, поэт, автор монументального труда «Принципы литературной критики» (1924).

148

Домашний пирог (*фр.*).

149

«Великий монарх» (*фр.*).

150

Сеть магазинов и компания по производству дизайнерской одежды; основана в 1895 г.

151

Двадцатипятистраничное эссе о Прерафаэлитском братстве И.Во посвятил жене Ричарда Элизабет Планкет-Грин; Аластер Грэм отпечатал его в своей типографии «Шекспир-Хэд-Пресс».

152

Алан Кобхэм – английский предприниматель и авиатор, основавший в 1934 г. авиационную компанию «Флайт рефьюеллинг компани» с рейсами через океан.

153

Анри Руссо (прозвище – Таможенник; 1844–1910) – французский художник-примитивист.

154

Форд М. Форд (урожд. Форд Мэдокс Хюффер) (1873–1939) английский романист, поэт и критик. Ряд книг написал в

соавторстве с Джозефом Конрадом.

155

Речь идет о рассказе Во «Равновесие. Небылица о старом добром времени широких штанин и джемперов с высоким горлом».

156

Ежегодно 5 ноября в Англии фейерверками и стрельбой отмечается раскрытие т.н. «Порохового заговора» 1605 г. Заговор был подстроен католиками с целью убийства короля Якова I (1566–1625), симпатизировавшего протестантам. Один из инсургентов, Гай Фокс, должен был, пожертвовав собой, взорвать мину, которая уничтожила бы здание парламента вместе с монархом и депутатами. Заговор, однако, был раскрыт, его участники истреблены (В современной массовой культуре эти события известны по серии комиксов и фильму «V for Vendetta»).

157

Эдгар Уоллес (1875–1932) – английский прозаик; автор весьма в свое время популярных триллеров. Герберт Эдвард Рид (1893–1968) – английский поэт-имажинист, критик, эссеист, автор биографической и автобиографической прозы.

158

«Многообразие религиозного опыта» (1902) – исследование о психологии религиозного обращения американского философа и психолога Уильяма Джеймса (1842–1910).

159

«Великобритания» (*фр.*).

160

Леонард Боуэр – атташе английского посольства в Греции. В феврале 1928 г. в этой должности его сменил Аластер Грэм.

161

Произведений искусства (*фр.*).

162

Пирриха – древнегреческий военный танец.

163

«Железнодорожная гостиница» (*фр.*).

164

Отель «Россия» (*фр.*).

165

«Новый Рим» (*ит.*).

166

Римские кафедральные соборы.

167

В книге «Оксфорд в двадцатые годы» (1976) Кристофер Эллис пишет, что матери Во сказал, что уволен за пьянство, тогда как на

самом деле «его, по его собственным словам, уволили за попытку соблазнить сестру-хозяйку».

168

Гарольд Эктон (1904–1994) – выпускник Оксфорда, одна из наиболее колоритных фигур в среде оксфордцев 30-х гг; участник Второй мировой войны; литератор, автор стихов (сборник «Аквариум»), двухтомной автобиографии («Мемуары эстета»), художественной и исторической прозы. Близкий друг И.Во, Эктон сыграл немалую роль в становлении идеологических и литературных взглядов писателя. В образе Энтони Бланша Эктон выведен в «Возвращении в Брайдсхед».

169

В Холланд-парке, на Шу-Лейн, в Ноттинг-Хилл, находилась школа, где в марте – апреле 1927 г. работал И.Во.

170

Одно время Во собирался написать биографию Данте Габриеля Россетти.

171

Издатель; многие «нехудожественные» произведения И.Во (путевые очерки, автобиография) вышли в его издательстве.

172

Ивлин Гарднер (1903–1966) – первая супруга И.Во, на которой он тайно женился 27 июня 1928 г., с которой порвал в 1929 г. и развелся в 1930-м.

173

Питер Кеннелл (1905–1993) – писатель, критик, биограф, автор книг о Байроне, Джоне Рескине и др.; оксфордский друг И.Во. Роберт Байрон (1905–1941) – литератор, искусствовед, автор книг о византийском искусстве, исламской архитектуре и т.д. Оксфордский друг И.Во, в бытность свою студентом – острослов и балагур, любитель эпатажа и клоунады; погиб на Второй мировой войне.

174

Беатрис Инесс Холден (1903–1974) – английская писательница, журналистка, сценаристка, близкий друг Дж. Оруэлла и Г. Уэллса. В конце 20-х Инес славилась своей красотой, отличаясь, по выражению Энтони Пауэлла, своеобразным «чахоточным очарованием».

175

В 1928 г. в Англии отмечалось столетие со дня рождения Д. Г. Россетти.

176

Келмскотт Мэнор-Хаус в графстве Оксфордшир – дом Уильяма Морриса, купленный им в 1871 г.

177

Мэй Моррис (1862–1938) – дочь Уильяма Морриса.

178

Деталь средневекового алтаря, украшенная надставка в задней части престола.

179

Имеется в виду отделение по изготовлению мебели красного дерева в Центральной школе искусств и ремесел, основанной в 1896 г.

180

Леди Пэнси Пэкенхем – подруга Ивлин Гарднер; снимала вместе с ней квартиру сначала в пансионе на Эбьюри-стрит, потом на Слоун-сквер.

181

То есть с писателем Энтони Пауэллом (1905–2000), оксфордским другом И.Во, автором многотомного романа «Танец под музыку времени» (1951–1975).

182

Имеется в виду пьеса «Все в море» – совместное творчество Сэчервелла, Осберта и сестры Эдит Ситуэлл.

183

Художник; был помолвлен с Пэнси Пэкенхем; приятель И.Во.

184

Когда Ивлин Во сделал Ивлин Гарднер (чтобы отличить жену от мужа, ее называли «Ивлин-она») предложение, он сказал: «Давай поженимся и посмотрим, как пойдет».

185

На этой записи дневник прерывается на полгода, до конца июня 1928 г. В начале 1928 г. Ивлин Гарднер и Пэнси Пэкенхем уезжают из Лондона в Уимборн, графство Дорсет. И. Во снимает комнату в Барли-Моу, в двух милях от Уимборна, где начинает писать «Упадок и разрушение».

186

Алетея Фрай – старшая сестра Ивлин Гарднер; жена политика сэра Джеффри Фрая.

187

Дакуорт, который издал эссе Во о Россетти, счел «Упадок и разрушение» романом непристойным и печатать его отказался. В результате И.Во опубликовал книгу в издательстве «Чепмен-энд-Холл», где работал его отец. В дальнейшем путевые очерки Во печатались у Дакуорта, романы же – в «Чепмен-энд-Холл».

188

Объединенное нью-йоркское издательство Фрэнка Нельсона Даблдея (1862–1934) и Джорджа Генри Дорана (1869–1956).

189

Американский агент И.Во.

190

Имеется в виду роман О.Хаксли «Контрапункт» (1928).

191

Герои первого романа О.Хаксли «Желтый Кром» (1921).

192

Отец и сын Во были членами престижного столичного литературного клуба «Сэвил».

193

Регги Тернер – прозаик; друг Оскара Уайльда. Реймонд Мортимер – критик.

194

Лорд Альфред Дуглас (Бози) – сожитель О.Уайльда; второстепенный поэт.

195

Чарльз Риккеттс (1866–1931) – художник, дизайнер; автор декораций и костюмов к «Саломее» О.Уайльда.

196

Леди Бергклир – мать Ивлин Гарднер, теща И.Во.

197

Следующая запись в дневнике датируется лишь 19 мая 1930 г. В феврале 1929-го Во с женой отправляются в круиз по Средиземному морю, впоследствии описанный в книге путевых очерков «Наклейки на чемодане», однако в пути «Ивлин-она» серьезно заболевает. По возвращении из круиза Во оставляет жену в Лондоне, сам же уезжает из города и начинает писать свой второй роман «Мерзкая плоть», который выходит в начале 1930 г. и сразу же завоевывает всеобщее признание. В июле 1929-го Ивлин Гарднер уходит от Во к редактору отдела новостей Би-би-си Джону Хейгейту. Разводятся супруги спустя полгода, в январе 1930-го.

198

А.Д.Питерс – литературный агент Во.

199

Джонатан Кейп (1879–1960) – издатель; вместе с Джорджем Реном Ховардом основал издательство, носящее его имя и специализирующееся главным образом на художественной литературе.

200

Сирил Коннолли (1903–1974) – писатель, критик, журналист; в 1939 г. вместе с поэтом Стивеном Спендером основал литературный журнал «Горизонт», где печатались Джордж Оруэлл, И.Во, У.Х.Оден. Коннолли – автор сборника эссе

«Противники обещаний» (1938) и сборника афоризмов и изречений «Беспокойная могила» (1944).

201

Леди Элеанор Смит (1902–1945) – журналистка; в 20–30-е гг. вела светскую колонку в лондонских периодических изданиях. Как и Во, приняла католичество. Автор нескольких книг: «Красная повозка», «Фламенко», «Балерина» и др.

202

Поль Робсон (1898–1976) – американский певец, актер, общественный деятель. Выступал в различных театральных ролях (Отелло), снимался в кино.

203

Варда – разведенная жена искусствоведа Джералда Рейтлингера.

204

Нэнси Митфорд (1904–1973) – одна из шести дочерей второго барона Ридсдейла, выведенного ею во многих книгах в образе чудака «дядюшки Мэттью». Близкая приятельница и постоянная корреспондентка И.Во и его первой жены Ивлин Гарднер. Во время войны работала в книжном магазине (в дневниках Во фигурирует «книжный магазин Нэнси»), после войны переселилась в Париж. Н. Митфорд – автор многих романов и биографий; наиболее известные: «В поисках любви» (1945), «Любовь в холодном климате» (1949), «Не говорите Альфреду» (1960).

205

Хэмиш Сент-Клэр-Эрскин (1909–1973) – как и Во, выпускник Оксфорда; одно время был помолвлен с Нэнси Митфорд. Типичный представитель «золотой молодежи», описанной в романах Во; участник Второй мировой войны.

206

Огастес Джон (1878–1961) – английский художник-портретист.

207

Бертрам Клаф Уильямс Эллис (1883–1978) – архитектор, художественный критик, выдающийся дизайнер ландшафтов.

208

Ноэл Кауард (1899–1973) – актер, драматург, сценарист, композитор. Известен такими «хорошо сделанными» пьесами, как «Вихрь» (1924), «Падшие ангелы» (1925), «Сенная лихорадка» (1925), «Частные жизни» (1933) и др. Кауард – автор стихов, рассказов, романа и двухтомной автобиографии.

209

Мартин д’Арси (1888–1977) – выпускник Оксфорда,

священник-иезуит; автор ряда богословских трудов («Месса и искупление», «Католичество», «Христос как искупитель»). В 1930 г. д'Арси обратил Во в католичество, а в 1937-м совершил обряд бракосочетания Во с его второй женой; двумя годами ранее писатель получил официальное разрешение из Ватикана на развод с Ивлин Гарднер.

210

Одри Лукас – близкая приятельница И.Во в начале 30-х гг.

211

Дэвид Сесил (1902–1986) – критик, биограф; профессор Оксфордского университета.

212

Генри Винсент Йорк (1905–1974) – выпускник Оксфорда; автор многочисленных романов, которые публиковались под псевдонимом «Генри Грин» и получили высокую оценку в интеллектуальных кругах. У.Х.Оден считал Генри Грина «лучшим из ныне живущих английских романистов».

213

Морис Боура (1898–1971) – выдающийся филолог-классик, выпускник Оксфорда, автор и издатель многих книг по античной литературе и истории; прототип мистера Самграсса в «Возвращении в Брайдсхед».

214

Драматург Дэннис Брэдли написал пьесу по роману «Мерзкая плоть».

215

Алан Ботт – секретарь Книжного общества.

216

Кристофер Вуд (1901–1930) – художник.

217

В конце августа (последняя запись от 23.08) дневник прерывается почти на два месяца. 29 сентября Во принимает католичество. Возобновляется дневник 10 октября во время путешествия Во в Эфиопию. (тогдашнюю Абиссинию) на коронацию Рас Тафари, провозглашенного императором Эфиопии Хайле Селассие I (1892–1975). Это путешествие послужило материалом и вдохновением для двух книг Во – путевых очерков «Далекий народ» (1931) и романа «Черная напасть» (1932).

218

Кушетка (*фр.*).

219

Филипп Петен (1856–1951) – французский политик, маршал Франции. Герой Первой мировой войны, коллаборационист – во Второй.

220

Хмурый рассвет (*фр.*).

221

Яичница-глазунья (*фр.*).

222

Унтер-офицер (*фр.*).

223

То есть Рас Тафари (рас – высший княжеский титул в Эфиопии).

224

То есть Сидни Бартона, посла Великобритании в Аддис-Абебе.

225

Во имеет в виду знакомства, которые он завел в Египте в 1929 г. во время своего средиземноморского круиза с Ивлин Гарднер.

226

Мизер (*фр.*).

227

Праздненств…скачки…взаимные пари (*фр.*).

228

«Легионеры» (*фр.*).

229

«Мой джаз» (*фр.*).

230

Железная дорога «Джибути – Аддис-Абеба» проходила по территории французского Сомали.

231

Отель «Аркады» (*фр.*).

232

Ливрейный лакей в гостиницах (*фр.*).

233

Отель «Франция» (*фр.*).

234

Иностранное бюро (*фр.*).

235

Профессор Томас Уиттмор – американский ученый, реставратор; реставрировал мозаику в Святой Софии в Стамбуле.

236

Отец баронессы Айрин Рейвенсдейл – министр иностранных дел Великобритании (1919–1924) лорд Джордж Натаниэл Керзон (1859– 1925).

237

Речь в данном случае идет о соборе Святого Георгия – главной церкви эфиопской столицы.

238

Ночной горшок (*фр.*).

239

Дебра-Лебанос – самый почитаемый в Эфиопии монастырь, центр религиозной жизни христианской части страны.

240

Имеется в виду императрица Заудита – дочь Менелика II.

241

Рас Касса – двоюродный брат императора, в то время – губернатор провинции, в которой находится Дебра-Лебанос.

242

«Я решил, мы останавливаемся здесь»… «Это не имеет значения» (*фр.*).

243

Интрижка (*фр.*).

244

Ричард Бёртон (1821–1890) – английский этнограф, путешественник и дипломат.

245

«Золотая лихорадка» (1925) – фильм Чарли Чаплина (1889–1977).

246

«Герцог Брабантский» (*фр.*).

247

На этой, последней, записи путешествия по Африке дневник И.Во опять прерывается – на этот раз почти на два года. Следующая запись – от 4 декабря 1932 г., на пути писателя в Гвиану и Бразилию, откуда Во вернулся в мае 1933-го.

248

Леди Диана Купер (1892–1986) – актриса; сыграла заглавную роль в известном спектакле Макса Рейнхардта «Чудо»; жена известного политика, министра информации во время Второй мировой войны Альфреда Даффа Купера. Близкая приятельница И.Во, прототип миссис Стич в «Сенсации» и в трилогии «Меч почета».

249

Тереза (Крошка) Джангмен – светская львица, в начале 30-х гг. близкая подруга И.Во; Беатрис Гиннес – ее мать.

250

В римско-католической церкви св. Христофор – покровитель путешествующих.

251

С.С.Ван-Дайн – псевдоним американского писателя, автора детективов Уилларда Хантингтона Райта (1888–1939).

252

По всей видимости, речь идет о четвертом романе Во «Пригоршня праха» (1934), навеянном путешествием по Южной Америке.

253

Жак Маритен (1882–1973) – французский религиозный философ-неотомист.

254

«Далекий народ» (1931) – путевой очерк И.Во, навеянный путешествием писателя по Африке в октябре 1930-го – феврале 1931-го гг.

255

Джон Бетджемен (1906–1984) – поэт, эссеист, журналист, искусствовед; поэт-лауреат (1972), автор многих поэтических сборников, а также книг по архитектуре. В молодости – оксфордский эстет и сноб; приятель И.Во.

256

«Тит Андроник» (1594) – трагедия, приписываемая Шекспиру.

257

«Оувалтин» – порошок для приготовления шоколадно-молочного напитка компании «Уондер лимитед».

258

Кристи – прототип мистера Тодда из романа «Пригоршня праха».

259

VOL от английского Volonteer – доброволец.

260

Мистер Хайд – отталкивающий персонаж из повести Р.Л.Стивенсона «Странная история доктора Джекилла и мистера Хайда» (1886).

261

Катберт Кэрри Элвиз (1867–1945) – английский священник-иезуит, основатель миссии в Рупунини (Южная Гвинея).

262

Накануне, в понедельник 23 января, И.Во прибыл в дом миссионера отца Мейтера в Бон-Саксесс, где гостил неделю, пока не отбыл в конечный пункт своего путешествия – бразильский город Боа-Виста.

263

Роберт Бонтайн Каннингем-Грэм (1852–1936) – шотландский писатель, политик и путешественник; долгое время жил в Южной Америке.

264

Пастух (*исп.*).

265

Мятный ликер… какао со сливками (*фр.*).

266

Джон Бойнтон Пристли (1894–1984) – английский писатель, драматург, эссеист и критик.

267

Жак Бенинь Боссюэ (1627–1704) – французский писатель, епископ. Автор многочисленных проповедей, богословских и исторических трудов.

268

«Райский сад», «В тени моих богов»… «Под знаком Тайны», «Смерть, от которой нет спасения», «Богоматерь одиночества» (*фр.*).

269

«Человек, который любил Диккенса». Впоследствии этот рассказ стал главой «Du Côté de Chez Todd» («В сторону Тодда») в романе «Пригоршня праха».

270

На обратном пути в Джорджтаун И.Во вновь остановился в миссии св. Игнатия, где прожил с 27 февраля по 5 марта.

271

Нет в наличии (*порт* .).

272

То есть роман Чарлза Диккенса «Жизнь и приключения Мартина Чезлвита» (1843–1844).

273

Принятая у католиков молитва по четкам (а также и сами эти четки). Разбивается на несколько частей, т. н. «тайны радостные», «тай ны скорбные» (как в данном случае), «светлые» и «славные».

274

На обратном пути в Джорджтаун Во повредил ногу и передвигался с трудом.

275

Здесь дневник прерывается на год с лишним: следующая запись – 5 июля 1934 г. Во возвращается из Южной Америки в Англию в мае 1933 г., в сентябре знакомится в Италии со своей будущей женой Лорой Херберт, дочерью политика, члена парламента Обри Херберта (1880–1923), на которой женится в апреле 1937 г.

276

Во, вместе с Хью Лайгоном и Сэнди Гленом, впоследствии председателем правления Шотландского туристического совета, решили в целях подготовки к арктической экспедиции Оксфордского университета отправиться на Шпицберген.

277

В книге «Роковой дар» (1974) Алек Во называет «43» «наполовину питейным заведением, наполовину борделем».

278

Закуска (*фр.*).

279

Разрешение (*фр.*).

280

Олаф II Святой (ок. 995–1030) – король Норвегии (1015–1028), при котором произошло ее крещение; причисленный после смерти к лику святых, Олаф почитается небесным покровителем страны.

281

Гюстав Доре (1832–1883) – французский график и гравер; автор иллюстраций к Библии, «Божественной комедии» и «Дон Кихоту».

282

Саки – псевдоним английского писателя-юмориста и журналиста Гектора Хью Манро (1870–1916).

283

На этой записи шпицбергенский дневник И.Во обрывается. Писатель возвращается в Англию в конце августа, однако следующая запись появляется только спустя два года, в июле 1936-го, когда Во получает долгожданную телеграмму от архиепископа Годфри, где сообщается, что первый брак писателя Ватиканом аннулирован, и теперь он может сочетаться церковным браком с Лорой Херберт, католичкой, как и Во. В 1934 г. выходит «Пригоршня праха», писатель начинает работу над биографией иезуита-мученика Эдмунда Кэмпиона. В 1935 г. Во вновь посещает Абиссинию – на этот раз в качестве военного корреспондента «Дейли мейл», освещающей итало-абиссинскую войну, а летом 1936 г. едет туда в третий раз для завершения работы над книгой путевых очерков «Во в Абиссинии».

284

Роман Олдоса Хаксли (1936).

285

То есть в доме Лоры Херберт – с ее матерью Мэри и старшей сестрой Габриэл.

286

Хилер Беллок (1870–1953) – поэт, прозаик, критик, журналист; автор многочисленных романов, биографий, исторических сочинений и путевых очерков.

287

Во рецензирует очередную книгу путешествий журналиста и

прозаика Питера Флеминга (1907–1971) «Новости из страны “Тартарары” (1936).

288

Глава эфиопской православной церкви Абуна Петр был приговорен итальянскими оккупационными властями к смерти по обвинению в государственной измене. Расстрелян 29 июля 1936 г.

289

Бандиты (*ит.*)

290

«Юность» (*ит.*) – песня фашистской молодежи.

291

Родольфо Грациани (1882–1955) – маршал; главнокомандующий итальянским экспедиционным корпусом в Эфиопии.

292

Поверенный в делах (*фр.*).

293

Немецком пансионе (*ит.*).

294

Элизабет Фрай (1780–1845) – английская квакерша, благотворительница; способствовала реформам в пенитенциарной системе и в здравоохранении.

295

В итало-абиссинской войне 1896 г. Менелик II одержал победу над итальянцами и над аскари – местными племенами, примкнувшими к итальянцам.

296

Лора Херберт в это время ходила на занятия в Королевскую академию драматического искусства.

297

В 1936–1937 гг. Во часто бывает в Мэллзе, в 15 милях от Бата, где живут его друзья: приятельница Хилера Беллока Кэтрин Хорнер, Рональд Нокс, оксфордский друг Во Кристофер Холлис.

298

Когда леди Виктория (Вера) Херберт, тетка не только Лоры, но и первой жены Во Ивлин Гарднер, узнала, что Во хочет на Лоре жениться, она заметила: «А я уж думала, что этого молодого человека мы видим в последний раз».

299

Пятый роман Во «Сенсация» начинается с визита Джона Бута к миссис Стич.

300

Дуглас Вудраф – издатель журнала «Тэблет».

301

«Прославленный» (*фр.*).

302

7 октября 1571 г. испано-венецианский флот наголову разгромил турецкий в битве при Лепанто (Нафпактос, Греция).

303

Ноябрь 1936-го – время самых ожесточенных боев за Мадрид. Город, однако, не пал, республиканцы удерживали его вплоть до конца войны в марте 1939-го.

304

Речь идет о скандале, разразившемся в декабре 1936 г., когда Эдуард VIII (1894–1972) отрекся от престола в пользу своего брата Георга VI из-за связи с американской журналисткой Уоллис Симпсон.

305

В этом отеле И.Во часто останавливался и работал; в 1944 г. он писал здесь «Возвращение в Брайдсхед».

306

Филип Инмен (1892–1979) – исполнительный директор «Чепмен-энд-Холл»; был приглашен акционерами, чтобы вывести издательство из кризиса.

307

Сорт макарон (*ит.*).

308

Летом 1937 г. И.Во с женой переселяются в купленный писателем дом Пирс-Корт в Стинчкоме, графство Глостершир. 12 ноября после полугодового перерыва Во вновь начинает вести дневник (последняя запись – 4 июня).

309

Следующая запись в дневнике появляется только в июне 1939 г., за три месяца до начала Второй мировой войны. В 1938 г., прервав оседлую семейную жизнь, Во едет сначала в Венгрию, а потом, вместе с женой, – в Мексику, чему посвящена его книга путевых очерков «Грабеж по закону: мексиканский наглядный урок» (1939). В послевоенный сборник своих путевых очерков Во «Грабеж по закону» не включил, поскольку «в этой книге больше политики, чем путешествий».

310

В начале 1938 г. в испанском городе Теруэль шли кровопролитные бои между республиканцами и франкистами.

311

Хербертам, Мэри и ее мужу, принадлежал дом Пикстон-парк в графстве Сомерсет.

312

Имеется в виду роман «Работа прервана» (1942).

313

То есть от переговоров СССР с нацистской Германией.

314

С 1938 по 1941 г. – главный дипломатический советник при министре иностранных дел.

315

Брюс Локкарт (1887–1970) – английский дипломат и разведчик.

316

Стэнли Болдуин (1867–1947) – премьер-министр Великобритании в 1923–1924, 1924–1929, 1935–1937 гг.

317

Премьер-министром Великобритании в это время был Невилл Чемберлен (1869–1940); в 1940 г. его сменил Уинстон Черчилль (1874– 1965).

318

В 1939 г. лорд Перт занимал место советника по иностранным делам в Министерстве информации.

319

То есть брата Питера Флеминга Яна Ланкастера Флеминга (1908– 1964) – прозаика и журналиста, автора серии романов о Джеймсе Бонде.

320

Вот вехи военного пути И.Во:

1939 год. Декабрь – вступает в ряды Королевской морской пехоты в чине младшего лейтенанта; участвует в учениях в Чатэме, Кингсдауне (графство Кент), Бизли.

1940 год. Июль – в чине капитана, командира роты переведен в Хейверфордвест (графство Пемброкшир); задача его батальона – предотвращение возможного вторжения немцев в Ирландию. *Август* – на военно-транспортном корабле «Эттрик» отплывает на военно-морскую базу Великобритании на островах Скапа-Флоу в Шотландии; назначается офицером разведки батальона . *Осень* – участвует в неудачной морской экспедиции во Французскую Западную Африку с целью захвата Дакара.

1941 год. Февраль – отплывает на Ближний Восток . *19–20 апреля* высаживается на побережье Ливии. *Конец мая* – в качестве офицера разведки участвует в обороне Крита.

1942 год – проходит курс ротных командиров в Эдинбурге; в Шерборне (графство Дорсет) служит офицером разведки при штабе бригады.

1943 год. Июль – выведен из спецвойск бригады. *Декабрь* – учится на курсах парашютистов.

1944 год. Январь – июль – работает над «Возвращением в

Брайдсхед». *Июль* – вылетает в Югославию в составе британской военной миссии . *16 июля* – самолет, в котором летит И.Во, терпит аварию. *Сентябрь – декабрь* – проходит курс лечения на Корсике, после чего находится в составе британской миссии в Хорватии; в качестве офицера связи переведен в Дубровник, где осуществляет связь между английскими войсками и югославскими партизанами.

1945 год. Февраль – март – возвращается через Италию в Лондон. *Сентябрь* – демобилизован; вместе с семьей возвращается в Пирс-Корт.

321

Айзек Лесли Хор-Белиша (1893–1957) – английский политик; с 1937 по 1940 г. – министр обороны.

322

Книга сказок Редьярда Киплинга (1902).

323

Четвертой ротой командовал И.Во.

324

Пэлем Гренвилл Вудхаус в 30-е годы жил во Франции, вскоре после победы немцев был сначала интернирован в лагерь для гражданских лиц, а потом депортирован в Германию, где выступал по берлинскому радио, за что после войны был обвинен в пособничестве нацистам. И.Во был одним из тех, кто всячески поддерживал Вудхауса и выступил по радио в его защиту с речью «П.Г.Вудхаусу: поздравление и покаяние».

325

1 июня 1794 г. английский флот под командованием адмирала Хау одержал победу над французами у берегов острова Уэссан, близ северо-западного побережья Франции.

326

То есть вооруженные силы основанного генералом де Голлем (1890–1970) в Лондоне патриотического движения «Свободная Франция» (с 1942 г. – «Сражающаяся Франция»), примкнувшего к антигитлеровской коалиции.

327

Роберт Лонгден (1903–1940) – выпускник Оксфорда, приятель И.Во; с 1937 г. профессор Веллингтонского колледжа.

328

Робин Кэмпбелл, приятель Во, сын английского посла в Португалии.

329

Дневник прерывается на год, следующая запись появится лишь в ноябре 1941 г. Службе в десантных войсках в 1940–1941 гг. Во посвятил «Отчет о боевых действиях с июля 1940 по июль

1941 г.», куда вошел и Критский дневник (тринадцатый раздел отчета), который мы приводим с незначительными сокращениями.

330

В октябре 1940 ., сразу после нападения итальянцев на Грецию, англичане захватили Крит, который Черчилль считал «бесценным плацдармом» для обороны Средиземного моря и в первую очередь – Египта. В марте 1941 г. Германия вторглась в Югославию и Грецию. 20 мая 1941 г. на Крит были сброшены немецкие воздушно-десантные части; через два дня они захватили военный аэродром в Малеме, а еще спустя десять дней Крит пал. 26 мая десантники Боба Лейкока, в числе которых офицером разведки служил И.Во, перебрасываются морем из Египта на Крит в помощь гарнизону генерала Фрайберга.

331

Английский крейсер назван именем серафима Абдиела, который отказывается участвовать в бунте Сатаны против Бога (Джон Мильтон. «Потерянный рай»).

332

Сивилла – прорицательница; в Риме, со времен Тарквиния Гордого, хранились т.н. «Сивиллины книги» («libri sibyllini»), к которым в критические для государства времена обращались за советом.

333

«Мозговой трест» – популярная радиопрограмма на Би-би-си: видные политики, писатели, общественные деятели отвечают на вопросы слушателей.

334

Уолтер Сэведж Лэндор (1775–1864) – английский поэт, драматург, критик.

335

Речь, по-видимому, идет о рецензии на роман Грина «Сила и слава» (1940).

336

Роман «Не жалейте флагов». Во посвятил его Рэндолфу Черчиллю (1911–1968).

337

«Человек, который был Четвергом. Кошмар» (1908) – роман Гилберта Кийта Честертона (1874–1936).

338

Имеется в виду Шерборнский замок (графство Дорсет), где находился штаб десантных войск.

339

Одно из подразделений британской военной разведки.

340

Имеется в виду победа союзников в Тунисе и соответственно капитуляция германо-итальянских войск 12 мая 1943 г.

341

Речь идет о романе второстепенного литератора Роберта Хенрикса «Капитан Смит и компания».

342

Чарльз Отто Десмонд Маккарти (1877–1952) – журналист, издатель, в основном известен как театральный критик; член группы «Блумсбери».

343

Американские эстрадные певицы, исполнительницы еврейских песен.

344

Американский искусствовед, сержант армии США; выведен в трилогии «Меч почета».

345

У И.Во и Лоры было шесть детей, три мальчика и три девочки: Тереза (родилась в марте 1938 г.), Оберон (домашнее имя Брон, ноябрь 1939 г.), Маргарет (июнь 1942 г.), Харриет (май 1944 г.), Джеймс (июнь 1946 г.), Септимус (июль 1950 г.).

346

Один из пяти наиболее известных полков гвардейской пехотной дивизии.

347

В письме И.Во полковнику Фергюсону от 24 января 1944 г. с просьбой отпустить его в отпуск для написания романа («Возвращение в Брайдсхед»), в частности, говорится: «Особенность литературной профессии заключается в том, что, если у автора зародилась и сформировалась идея, она должна быть реализована – в противном случае идея окажется неосуществимой. Если книгу не написать сразу, ее не написать никогда».

348

Роберт Бонтайн Каннингем-Грэм (1852–1936) – писатель, политик, общественный деятель, историк; автор книг об истории и обычаях Южной Америки, где он прожил много лет.

349

Холидей Сазерленд (1882–1960) – шотландский врач и писатель; автор многочисленных путевых очерков.

350

«Чтобы не» (союзное слово).

351

Генри Уотсон Фаулер (1858–1933) – английский лексикограф,

автор основополагающего труда «Словарь словоупотребления современного английского языка» («Dictionary of Modern English Usage»).

352

Т.е. немецких крылатых ракет «Фау-1»

353

Бригадный генерал Фицрой Маклин, оказывавший поддержку югославским партизанам во главе с Иосипом Броз Тито, в июле 1944 года отправляет Рэндолфа Черчилля во главе военной миссии в Хорватию. Черчилль и Во вылетают в Бари, а оттуда на остров Вис (Лисса) на Адриатическом море, где в это время находился Тито и где должны были начаться переговоры между ним и главнокомандующим средиземноморскими операциями британским генералом Мейтлендом Уилсоном.

354

В действительности Тито был в специально сшитом для банкета мундире маршала Югославии.

355

Томас Эдвард Лоуренс («Аравийский»; 1888–1933) – английский писатель, путешественник, резидент британской разведки на Ближнем Востоке; автор нескольких книг, в том числе – об арабском восстании («Семь столпов мудрости», 1926); пользовался репутацией аскета и романтика.

356

Молодые люди (*сербск* .).

357

Сэр Алдо Кастеллани – во время войны врач, лечивший Муссолини; до войны возглавлял Лондонский медицинский институт Росса.

358

Первая встреча И.Б. Тито и У. Черчилля состоялась 12 августа 1944 г. на вилле генерала Уилсона в Неаполитанском заливе.

359

Во время войны будущий премьер-министр Гарольд Макмиллан (1894–1986) был министром-резидентом при штабе Объединенных сил союзников в правительстве У.Черчилля.

360

В конце мая 1944 г. штаб Тито в Дваре, в Боснии, подвергся мощной атаке немецкого парашютного десанта; атаке предшествовала бомбардировка. Штаб Тито был эвакуирован сначала в Бари, а оттуда на остров Вис.

361

Имеется в виду роман «В поисках Корво: опыт биографии» (1934) английского писателя и библиографа Альфонса Джеймса

Альберта Саймонса (1900–1941). Герой романа – чудаковатый писатель и художник Фредерик Ролф, присвоивший себе титул «барон Корво».

362

«Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня». Евангелие от Матфея: 5, 3–11.

363

Архангел Рафаил (от древнеевр. «Бог излечивает») – персонаж «второканонической» библейской книги Товита. Приняв человеческий облик, он сопровождает героя книги и выступает в разное время как помощник, мудрый советчик, исцелитель и защитник от злых духов.

364

Лео Матеш – хорватский коммунист из Загреба, офицер связи при британской миссии в Югославии. После войны посол Югославии в США, в дальнейшем – заместитель министра иностранных дел.

365

Быт. 44, 29.

366

Во по-прежнему находился в составе военной миссии бригадного генерала Маклина; в Дубровник он был отправлен с поручением уговорить югославских партизан продолжать боевые действия против немцев. Спустя два месяца, в феврале 1945 года, Во, по просьбе местных властей, был отозван из Дубровника из-за тесных связей с хорватскими католиками.

367

Берт Ланкастер (1913–1994) – американский актер; играл сильных, волевых героев.

368

Город в графстве Гемпшир, который издавна ассоциируется с армией, армейскими обычаями и языком.

369

«Да здравствует Тито! Да здравствует Сталин!» (*сербохорватск.*)

370

В оригинале «youth leaders» – *букв.* : молодежными вождями.

371

«Да здравствует Британия!» (*сербохорватск* .).

372

Генри Джон Темпл Пальмерстон (1784–1865) – премьер-министр Великобритании в 1855–1858 гг; лидер вигов; во внешней политике был сторонником «равновесия сил».

373

Провокаторов (*фр.*).

374

«Уединение» (*ит.*).

375

«Мне нравится ваш принц Павел. Изваяйте меня в духе Рубийяка». – «Но, мой капитан, у вас отсутствует парик» (искаж. *фр.*). Принц Павел – регент Югославии при короле Петре с 1934 по 1941 г. Луи-Франсуа Рубийяк (1702–1762) – французский скульптор.

376

Мэтью Арнолд (1822–1888) – английский поэт, критик, педагог.

377

«Скажите, мсье, чего хочет добиться Великобритания в Болгарии?» (*фр.*)

378

Карагеоргиевичи – сербская королевская династия.

379

«Но, монсиньор, англичане – гуманный и практичный народ. У нас нет никаких далеко идущих планов» (*фр.*).

380

«Это не свобода» (*фр.*).

381

«Продолжайте» (*фр.*).

382

В отчете Во под названием «Церковь и государство в освобожденной Югославии», переданном Фицрою Маклину и Министерству иностранных дел в марте 1945 г., автор приходит к выводу, что режим Тито «угрожает католической вере в регионе, где число католиков достигает пяти миллионов», но что под нажимом союзников Тито мог бы изменить свою политику в отношении Церкви.

383

Последние двадцать лет И.Во продолжает вести дневник крайне нерегулярно: дневниковые записи отсутствуют с октября 1948 по конец сентября 1952 г., с января 1954 по июнь 1955 г., с октября 1956 по декабрь 1960 г., а с 1961 по 1965 г. носит и вовсе спорадический характер. Последний год жизни, с Пасхи 1965 по апрель 1966 (Во умер 10 апреля), писатель дневник не вел вообще – или же он не сохранился. За пределами дневника, таким образом, остались жизнь писателя в Ком-Флорис, близ Тонтона, работа над повестью «Испытание Гилберта Пинфолда» и биографией Рональда Нокса, два путешествия в Африку, одно в начале 1958 г. (Южная Родезия), второе в 1959 г., а также

создание третьей части трилогии «Меч почета» – романом «Безоговорочная капитуляция».

384

Макс Эркен Бивербрук (1879–1964) – во время войны министр авиационной промышленности в консервативном правительстве У.Черчилля.

385

Имеется в виду Александр I Карагеоргиевич (1888–1934); в 1918 г. объявил себя королем сербов, хорватов и словенцев; король Сербии с 1922 по 1929 г., Югославии с 1929 по 1934 г.

386

«Кто от этого выиграет?» (*лат* .) Из речи Цицерона в защиту Росция Америйского.

387

Лондонский мюзик-холл; открыт в 1840 г. на Виктория-стрит.

388

Имеется в виду роман Генри Грина «Ловушка» (1943).

389

Эдмунд Уилсон (1895–1972) – американский писатель и критик; автор статей и книг по русской истории и литературе; в 40–50-е гг. друг В.Набокова.

390

Английский писатель и журналист; католик.

391

Героиня одноименного романа Во («Елена», 1950) – мать императора Константина, которая, согласно легенде, нашла крест, на котором был распят Христос.

392

На июльских выборах 1945 г. консервативная партия, вопреки всем ожиданиям, потерпела поражение, и У.Черчилля на посту премьера сменил Клемент Эттли (1883–1957), бывший премьер-министром Великобритании до 1951 г.

393

«Путешествие в Индию» (1922–1924) самый известный роман анг лийского прозаика и критика Эдварда Моргана Форстера (1879–1970).

394

Пьеса (1892) Оскара Уайльда.

395

Монах, член одноименной конгрегации, основная задача которой – проповедь в народе. Пассионисты отличаются сугубым аскетизмом и экзальтированным почитанием Страстей Христовых.

396

«Дневник сельского священника» (1936) – роман французского католического писателя Жоржа Бернаноса (1888–1948).

397

И.Во присутствовал на Нюрнбергском процессе в качестве почетного гостя с 31 марта по 3 апреля 1946 г., что нашло отражение в его дневнике.

398

Роман «Непереносимый Бассингтон» написан Г.Х. Манро (Саки) в 1912 г.

399

Честь мундира, кастовый дух (*фр.*).

400

Роджер Элиот Фрай (1866–1934) – художественный критик, художник, эссеист; организатор двух имевших большой резонанс выставок постимпрессионистов в Лондоне в 1910 и в 1912 гг.; популяризатор французской живописи, что нашло свое отражение в двух сборниках его эссе «Видение и дизайн» (1920) и «Превращения» (1926).

401

Бокал вина (*фр.*)

402

Алькальды, мэры городов (*исп* .).

403

Pax Romana (*лат.)*. – Здесь: католики; *букв* .: мир, подвластный Риму.

404

Луиза Левек Вильморен (1902–1969) – французская писательница и поэтесса; автор манерных, душещипательных стихов, романов и сценариев.

405

Мари Лоренсен (1883–1956) – французская художница; автор женских портретов, написанных в кубистической манере.

406

Речь в данном случае идет, по всей вероятности, о периодическом издании.

407

Оуэн Джонс (1809–1874) – английский дизайнер, архитектор, книжный иллюстратор и писатель. Автор классического труда по дизайну «Грамматика орнамента» (1856).

408

«Женский портрет» (1881) – роман Генри Джеймса (1843–1916).

409

Холланд-парк – парк в лондонском Уэст-Энде, где находится дворец XVII в. лорда Холланда, в котором после войны располагался летний концертный зал.

410

Пьесу «Воссоединение семьи» Элиот написал еще до войны, в 1939 г.

411

Бэзил Беннетт (1894–1938) – американский спортсмен, олимпийский чемпион по метанию молота. Доктор Бедлам – ученый-инопланетянин, герой комических книжных серий. Себаг-Монтефиоре – династия крупных англо-еврейских коммерсантов.

412

В 1910 г. журнал «Гуд Хаускипинг» создал собственную лабораторию для проверки качества товаров, которые в журнале рекламировались.

413

В рукописи дневника пропуск.

414

Китти Миллер – светская львица. Сержант Престон – канадский полицейский, совершающий подвиги на фронтире, – герой радиосериала Фрэна Страйкера и Джорджа Трендла.

415

Имеется в виду повесть И.Во «Незабвенная» (1948).

416

Генри Макс Бирбом (1872–1956) – английский критик, эссеист и карикатурист; известен неповторимым авторским стилем и едкой иронией.

417

И.Во – автор жизнеописания св. Томаса Кэмпиона (1540–1581; канонизирован в 1970 г.).

418

Журналистка приписывает Во, работавшему в это время над повестью «Незабвенная», роман О.Хаксли «Обезьяна и сущность» (1948) – антиутопию о последствиях ядерной войны.

419

«Я выбрал свободу» (1946) – книга высокопоставленного работника советского аппарата, в прошлом убежденного коммуниста Виктора Кравченко, который, выехав в 1943 г. в США для закупок вооружений, в 1944 г. попросил политического убежища.

420

Августа Кристина (1626–1689) – королева Швеции (1632–1654); отреклась от престола, приняла католичество и переехала в Рим, где занималась меценатством.

421

Густав Вигеланн (1869–1943) – норвежский скульптор; его работы сочетают в себе элементы натурализма, символики и эротики.

422

Сигрид Унсет (1882–1949) – норвежская писательница; лауреат Нобелевской премии по литературе (1928).

423

Юлиана из Нориджа (ок. 1342–после 1416) – затворница в церкви Святого Юлиана Нориджского; автор «Шестнадцати откровений божественной любви».

424

Книжный график, иллюстрировавший «Незабвенную».

425

Имеются в виду рецензии на «Незабвенную».

426

Во ездил в Гоа, португальскую колонию в Индии, на четырехсотлетнюю годовщину смерти миссионера-иезуита св. Франциска Ксаверия (1506–1552), «апостола Индии», чьи останки погребены в Гоа, в католической базилике «Бом Иисус».

427

Река Иренг находится на границе Бразилии и Британской Гиваны, куда И.Во ездил в 1930 г.

428

Антониу ди Оливейра Салазар (1889–1970) – глава правительства Португалии с 1932 по 1968 г.

429

Имеется в виду книга Х.Беллока «Европа и вера» (1920) и, видимо, его тезис: «Вера в Бога – это Европа, и жить по-европейски – значит верить в Бога».

430

Гоматешвара (или Бахубали) – второй из ста сыновей царя Поданпура; статуя возведена в X в.; сегодня считается Седьмым чудом Индии.

431

Хойсалешвара – храм индуистскому богу Шиве; возведен в Халебиде в XII в. царем Вишнувардханом.

432

Имеются в виду «Офицеры и джентльмены» – второй роман трилогии «Меч почета».

433

Томас Малькольм Маггеридж (1903–1990) – английский журналист, писатель-сатирик; во время войны служил в разведке; в 1932 г. был корреспондентом «Манчестер гардиан» в Москве.

434

В январе 1954 г. И.Во отправился в путешествие на Цейлон; как всегда, писатель вел путевой дневник, однако по возвращении его уничтожил. Дневник прерывается до лета 1955 г.

435

Сирил Коннолли рецензировал «Офицеров и джентльменов».

436

Морис Бэринг (1874–1945) – поэт и лингвист, переводчик русской литературы и дипломат, журналист и военный летчик; плодовитый романист; в историю английской литературы вошел как юморист, автор пародий («Неверотяные истории», 1934).

437

Имеется в виду фильм по одноименному роману Грэма Грина.

438

Район в Южном Лондоне; отличается невзрачностью и однообразием архитектурного пейзажа.

439

«Убийство в соборе» (1935) – пьеса Т. С. Элиота. Главный герой пьесы – святой Томас Бекет (1118? – 1170), канцлер Англии, друг и соратник Генриха II; убит по приказу короля.

440

Без всякого дела (*фр.*).

441

Александр Корда отказался дать Алеку Гиннессу роль в фильме по роману Грина «Проигравший получает всё» (1955). Сэр Алек Гиннесс (1914–2000) – английский актер, исполнял многие роли шекспировского репертуара; играл также в пьесах Элиота, Сартра, Ионеско.

442

Имеется в виду роман О.Хаксли «Гений и богиня» (1955).

443

То есть английский актер и режиссер сэр Лоренс Керр Оливье (1907–1989) и его вторая жена актриса Вивьен Ли (настоящее имя Вивьен Мэри Хартли, 1913–1967).

444

«Вооруженные люди» (1952) – первый роман трилогии «Меч почета».

445

Речь идет об одном из центральных персонажей третьего романа трилогии «Меч почета» «Безоговорочная капитуляция» (1961).

446

Сэр Стэнли Спенсер (1891–1959) – английский художник.

447

Франциск Ассизский (настоящее имя Джованни Бернардоне, 1181 или 1182–1226) – итальянский проповедник, основатель ордена францисканцев, автор религиозных поэтических произведений.

448

Мойра Ширер (1926–2006) – шотландская балерина и актриса.

449

Джон Уэсли (1703–1791) – лидер секты Благочестивых христиан в Оксфорде; открыл методистскую часовню в Бристоле; автор нескольких сборников церковных гимнов, религиозных трактатов и пособий.

450

После октября 1956 г. дневник прерывается на четыре года. Начиная с 1960 г., дневник И.Во видоизменяется: писатель больше не фиксирует события своей жизни день за днем, как это было раньше, а записывает, причем крайне нерегулярно, от случая к случаю, забавные истории из жизни, делится с читателем разрозненными мыслями, воспоминаниями, наблюдениями.

451

Имеется в виду автобиография Джона Бетджемена «Созванные колоколами» (1960) – поэма, написанная белым стихом, о жизни поэта с детских лет до изгнания из Оксфорда.

452

По дороге (*фр.*).

453

Подарочное издание (*фр.*).

454

Имеется в виду книга французского писателя-католика Поля Клоделя (1868–1955) «Полуденный раздел» (1906).

455

Очень даже (*фр.*).

456

Элизабет Боуэн (настоящее имя Доротеа Коул, 1899–1973) – англоирландская романистка и новеллистка. Лесли Поулс Хартли (1895–1972) – английский романист, новеллист, критик; известен главным образом трилогией «Юстас и Хильда» (1947) и романом «Посредник» (1953).

457

Аллюзия на «Балладу о Белой лошади» (1911) Честертона.

458

Букв .: Написанная буква остается. Ср. по-русски: что

написано пером, не вырубишь топором.

459

Во обыгрывает расхожее английское выражение «worse than death».